

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ
«ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

КАКВАЕВА САБРИНА БАСТАМИНОВНА

**СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ГЛАГОЛА
И ГЛАГОЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ**

10.02.02 – языки народов Российской Федерации
(кавказские языки)

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Научный консультант:
доктор филологических наук,
профессор **Гаджихмедов Н.Э.**

Махачкала, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1. СЕМАНТИЧЕСКИЕ, МОРФОЛОГО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНАЛИТИЧЕСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ	15
1.1. Глагол и проблемы разграничения слова и смежных единиц	15
1.1.1. Общие проблемы теории слова: слово, словоформа и словосочетание	15
1.1.2. Глагол как часть речи.....	24
1.1.2.1. Семантика бытийного глагола <i>бик1ан</i> ‘быть’	25
1.1.2.2. Семантика событийного глагола <i>хьун</i> ‘случиться, стать’	32
1.1.2.3. Семантика глагола действия <i>бан</i> ‘сделать’	38
1.2. Грамматические категории глагола	41
1.2.1. Категория лица и личные формы глагола	50
1.2. Аналитические конструкции в морфологии и словообразовании ..	59
1.2.1. Аналитизм в формообразовании глагола.....	59
1.2.2. Видовременные аналитические формы.....	60
1.2.3. Аналитические формы категории эвиденциальности.....	64
1.2.4. Аналитические формы категории фазовости.....	69
1.2.5. К вопросу о категории залога в лакском языке	80
1.3. Глагольная лексика: типы глагольных номинаций	87
1.3.1. Непроизводные глаголы: структура и семантика	90
1.3.2. К вопросу об аффиксально-производных глаголах	95
1.4. Аналитические глаголы.....	97
1.4.1. Семантика и синтаксис глагольных номинаций с компонентами <i>учин</i> ‘сказать’/ <i>т1ун</i> ‘говорить’	101
1.4.2. Семантика и синтаксис глагольных номинаций с компонентом <i>бик1ан</i> ‘быть’	109

1.4.3. Семантика и синтаксис глагольных номинаций с компонентами <i>хьун</i> ‘стать’ и <i>бан</i> ‘сделать’	110
Выводы по 1-й главе	122
ГЛАВА 2. СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОС- ТИ ГЛАГОЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ	128
2.1. Лексико-семантические разряды глагола и структурные типы предложений	128
2.1.1. Лексико-семантические разряды лакских глаголов.....	128
2.1.2. Системные отношения производных глаголов	130
2.1.2.1. Глаголы <i>нан</i> ‘идти’ – <i>занан</i> ‘ходить’	130
2.1.2.2. Глаголы <i>нан</i> ‘идти’ – <i>гьан (лаган)</i> ‘уйти’ – <i>бучлан</i> ‘прийти’ ...	131
2.1.2.3. Противопоставление производных глаголов по признаку непереходность/ переходность.....	132
2.1.2.4. Диффузные глаголы	134
2.1.2.5. Полисемия и омонимия в составе производных глаголов ...	136
2.2. Лексико-семантические разряды производных глаголов.....	140
2.2.1. Семантика глаголов с одним ядерным актантом	142
2.2.2. Семантика глаголов с двумя актантами	144
2.2.3. Семантико-синтаксические особенности переходных глаголов с тремя актантами	148
2.3. Семантика и синтаксис глаголов движения	158
2.3.1. Категория грамматического класса в глаголах движения.....	159
2.3.2. Категория вида в глаголах движения	161
2.3.3. Лексико-семантическая категория переходности-непереходности в группе глаголов движения	163
2.4. Семантические разновидности глаголов движения	168
2.5 Семантическая деривация производных глаголов движения	170
2.5.1. НАН ‘идти’ <кто/что: номинатив>	170
2.5.2. Глаголы <i>бучлан</i> ‘прийти’ и <i>гьан/лаган</i> ‘уйти’	173
2.5.3. Глагол <i>буцин</i> ‘привести’ <кто: эргатив, кого/что: номинатив>...	176

2.5.4. Глагол <i>биян</i> ‘дойти’	177
2.5.5. Глагол <i>букъан</i> ‘отойти’	180
2.5.6. Глаголы <i>буххан</i> ‘войти’ – <i>буккан</i> ‘выйти’	181
2.5.7. Глаголы <i>лахъан</i> ‘подняться’ – <i>бучІан</i> ‘спуститься’	188
2.5.8. Глагол <i>багъан</i> ‘упасть’	190
2.5.9. Глаголы <i>бутан</i> ‘сбросить’ – <i>бичин</i> (мн.ч.)	192
2.5.10. Глагол <i>бизан</i> ‘подняться, встать’	194
2.5.11. Глаголы <i>бачин</i> ‘пойти’ – <i>бацІан</i> ‘остановиться’	196
Выводы по 2-й главе	199
ГЛАВА III. КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА И КОДИРОВАНИЕ	
ГЛАГОЛЬНЫХ АКТАНТОВ	202
3.1. Категория падежа и падежная система в лакском языке: общая характеристика	202
3.2. Номинатив и номинативная конструкция	217
3.3. Эргатив и эргативная конструкция	229
3.4. Семантика датива и дативная конструкция	232
3.5. Семантика генитива	240
3.5.1. Приимённый генитив и его семантика	241
3.5.2. Приглагольный генитив	245
3.5.3. Генитивные конструкции предложения	248
3.5.3. Генитив в словообразовании	251
3.5.4. Генитив в послеложно-глагольных конструкциях	235
3.6. Грамматические значения сериальных падежей	272
3.6.1. Значения падежей посессивной серии	273
3.6.2. Грамматические значения местных падежей	275
Выводы по 3-й главе	280
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	282
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	285

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы грамматических особенностей кавказских языков, в том числе и лакского языка, являются предметом внимания исследователей на протяжении длительного времени, однако их интенсивное изучение началось в 50-60-е гг. XX века.

Теоретическое осмысление грамматических особенностей дагестанских языков, их описание было осуществлено в трудах Л.И. Жиркова [1924, 1930, 1935, 1941, 1955], А.А. Бокарева [1949, 1961], С.Н. Абдуллаева [1954], Г.В. Топурия [1959], У.А. Мейлановой [1960], М.М. Гаджиева [1963], Б.Г.-К. Ханмагомедова [1970], Г.А.Климова [1961, 1986], С.М. Гасанова [1961], А.Е. Кибрика [1970, 1977, 1981], Г.Б. Муркелинского [1971], И.Х. Абдуллаева [1974], С.М. Хайдакова [1975, 1980], А.Е. Кибрика, С.В. Коздасова [1988], М.Е.Алексеева [1980, 1985, 1988], М.А. Кумахова [1984], Г.И. Мадиева [1981], З.Г. Муркелинской [1980], Р.И. Гайдарова [1982], В.И. Кикилашвили [1986] и других лингвистов.

Степень научной разработанности проблемы. Первая описательная грамматика лакского языка была составлена П.К. Усларом в 1869 году. В ней ключевое место занимают морфологические аспекты. Что касается синтаксиса, ученым затронуты только субъектно-объектные отношения. П.К. Услар при описании чеченского языка, некоторых дагестанских языков отмечает, что в них «нет глаголов действительных, а одни лишь страдательные: предмет действующий ставится в падеже творительном (*instructive, aktiv*), а предмет, на который обращено действие, – в *именительном*. В лакском языке не только нет падежа винительного, но даже и нет особой формы для означения падежа творительного (*instructive, aktiv*). Если действуют 1-е или 2-е лицо, то предмет действующий отличается от предмета, на который обращено действие, только тем, что располагается впереди: оба ставятся в *именительном падеже*» [Услар 1890: 141]. Первая грамматика на лакском языке была создана известным просветителем А. Каяевым в 30-х годах XX века (издана в 2009).

В разные периоды вклад в изучение и описание лакского языка внесли Л.И. Жирков [1955], З.Г. Абдуллаев [1974], И.Х. Абдуллаев [1974, 2003], Г.Т. Бурчуладзе [1979, 1986, 1987, 1993], Ф.А. Гайдарова [1973, 1977], Л.И. Жирков [1955], А.Е. Кибрик [1979], А.А. Магометов [1987], Г.Б. Муркелинский [1971], З.И. Сулейманова [1973], П.А. Сулейманова [1989], В.Т. Топурия [1964, 1977, 1988], С.М. Хайдаков [1964, 1975], И.И. Церцвадзе [1968], Р.Г. Эльдарова [1993, 1995, 1997, 1998, 2000] и другие ученые. Ими разработаны различные аспекты грамматики лакского языка. Отдельные вопросы лакского языка исследуются и современными учеными. Однако описательной грамматики лакского языка, соответствующей современному уровню развития лингвистической науки, ещё нет. Особого внимания требует изучение синтаксиса, в котором тесно переплетается и с которым взаимодействует семантика. Этим вопросам определённое внимание уделяется в последние десятилетия. В частности глагольные словосочетания в лакском языке рассмотрены П.А. Сулеймановой [1992], структурно-семантические типы простого предложения в лакском языке подробно описаны в монографии Ж.Д. Башировой [2011], словосочетания лакского языка – в работе К.И. Казенина [2013].

Необходимой предпосылкой при изучении глагола являются прежде всего исследования по семантике, так как изменение значения глагола отражается на его актантной структуре, модели управления. В этом ракурсе интерес представляет работа П.А. Магомедовой «Семантика и синтаксис аварского глагола» [2006]. В ней глагольная лексика описана в рамках авторской методики, основанной с точки зрения семантического подхода, итогом которой стал валентностный словарь [Магомедова 2006]. Актуальность создания такого лексикографического труда обусловлена отсутствием толкового словаря аварского языка, а также тем, что глаголу в дагестанских языках присуща развитая семантическая деривация и омонимия.

Глагольное значение является ключевым и для лакского языка. Поскольку именно глагол (шире – предикат) признается конструктивным центром пропозиции. В лакском языке семантика в сфере глагольной лексики

играет существенную роль – отдельные семантические зоны грамматикализируются: категория эвиденциальности, фазовости, залоговости, взаимодействующие с падежом и получающие морфосинтаксический способ выражения.

Исследования по семантике затрудняются и отсутствием чётких правил лексикографии в практике составления национально-русских словарей. Первый опыт составления лакско-русского словаря принадлежит П.К. Услару. В работе «Лакский язык» [1890] дан «Сборник лакских слов», в котором содержится около 970 заглавных слов. Значительным явлением в лакской лексикографии стал толково-энциклопедический словарь, составленный в 20-30-х годах XX века А. Каяевым и изданный в 2006 году. Большое значение и для развития лакского языка, лакской лексикографии и национальной культуры имел вышедший в 1962 году «Лакско-русский словарь», в котором 13000 слов [Хайдаков 1962]. С учётом опыта П.К. Услара автором разработаны основные правила лексикографирования словарных единиц лакского языка, в том числе и глагольной лексики. Более полный словарь, включающий около 30 тысяч единиц, составлен И.Х. Абдуллаевым [2018]. Однако актуальными остаются проблемы разграничения, с одной стороны, полисемии и омонимии, а с другой – сложного слова и словосочетания, поскольку аналитизм является одной из характерных черт лакского языка, как в формообразовании, так и в словообразовании. В связи с развитой системой трансформаций простого предложения при порождении сложных конструкций требует исследовательского внимания и проблема разграничения словосочетания и предложения.

В контексте темы настоящей диссертации следует отметить, что, безусловно, на исследование глагола лакского языка оказали влияние следующие работы: «Глагол в кавказских языках. Эргативная конструкция предложения» А. Дирра [1950], «Глагол» И.И. Мещанинова [1948], «Лакский язык. Фонетика и морфология» Л.И. Жиркова [1955] и др. Значительное внимание семантике глагола и падежному управлению (падежному кодированию актантов предиката) уделил и Е.А. Кибрик, именно он определил дагестанские языки как «семантически эргативные» [Кибрик 1992: 203].

Что касается глагола лакского языка, история становления личного спряжения глагола рассмотрена в работах Г.Т. Бурчуладзе [1979, 1987], грамматические категории и формы лакского глагола описаны Р.Г. Эльдаровой [1995], вопросы глагольного словообразования – И.Х. Абдуллаевым [1980], А.А. Акуевой [2006], З.Г. Курбановой [2007], С.Э. Шамсудиновой [2008], Э.К. Магомедовой [2009], Л.Т. Каллаевой [2015], семантика и синтаксические связи глагола – Ж.Д. Башировой [2011], К.И. Казениным [2013], глагольные словосочетания – П.А. Сулеймановой [1992], в частности среди глагольных словосочетаний выделена группа предикативных словосочетаний, к которым отнесены сочетания глаголов с именами в субъектном значении: а) сочетания переходных глаголов с именами в форме эргатива, датива и аблатива; б) непереходные глаголы с именами в форме номинатива. Это те падежи, которые традиционно в школьной грамматике считаются падежами подлежащего. Заслугой П.А. Сулеймановой можно считать стремление систематизировать семантику падежей в глагольно-именных словосочетаниях. Но в некоторых случаях в разряд объектных попадают и субъектные значения, например, в предложении *Танан уссий язухъ хъанай бия* ‘Ему жалко было брата’ [Сулейманова 1989: 42].

Однако, на наш взгляд, некоторые аспекты глагола лакского языка остаются вне поля зрения лингвистов, в частности нет монографических исследований семантики глагола в его связях как с морфологией, так и с синтаксисом, а также семантики падежей и их роли в семантической деривации глагольной лексики. Кроме того, недостаточно разработаны вопросы разграничения аналитических форм, аналитических морфологических категорий, лексикализованных глагольных сочетаний и влияния таких конструкций на оформление синтаксических отношений внутри элементарного предложения, что обуславливает **актуальность темы настоящего диссертационного исследования.**

Объектом диссертационного исследования являются лексико-семантическая структура, функционально-синтаксические особенности глаголов лакского языка, а также синтаксические типы предложений с учётом семантики глаголов и их лексико-словообразовательных возможностей, **предметом** – семантические типы (классы) глагольных лексем, дифференцированно

представляющие концептосферу лакского языка как единое пространство, в структурировании которого участвуют лексика, словообразование (в том числе и аналитическое), морфологические категории и падежная семантика.

Цель работы заключается в выявлении, описании семантической модели и функционального механизма глагольных лексем лакского языка в контексте взаимообуславливающих друг друга семантических и синтаксических явлений.

Поставленная цель определила необходимость решения следующих **конкретных задач исследования**:

1) разграничить аналитические глагольные конструкции в морфологии, словообразовании и синтаксисе лакского языка;

2) выявить и проанализировать средства обозначения общей семантики глагола – процесс, действие, состояние, взаимосвязь семантики и синтаксиса аналитических глаголов на примере номинаций с компонентами *учин/т1ун* «сказать/говорить» и глагольных номинаций с глаголами общим значением существования (*бик1ан* «быть»), возникновения (*хьун* «стать») и действия (*бан* «сделать»);

3) описать семантико-синтаксические особенности лакских глаголов на основе морфологических признаков «переходность/непереходность», а также падежную систему, значения падежей и их роль в семантике и синтаксисе глагольных конструкций на основе моделей их управления;

4) установить ключевые языковые механизмы семантической деривации в системе лакского глагола, пути развития и становления производных значений, дифференциации лексико-семантических вариантов на примере анализа группы глаголов движения и их функционирования в семантике, морфологии и синтаксисе;

5) систематизировать типы глагольных конструкций лакского языка как языка эргативного строя и его индивидуальные особенности.

Эмпирическим материалом для исследования в основном послужили словарные статьи, значительное количество образцов разговорной речи носителей лакского литературного языка, выбор которых обусловлен целью и задачами работы.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые

- 1) исследована роль глаголов с обобщёнными значениями существования, возникновения и действия в формообразовании и словообразовании;
- 2) актуализирована связь морфологической категории вида непосредственно с семантикой и синтаксисом (например, дуративный вид, обозначающий процесс, переводит эргативную конструкцию в биноминативную);
- 3) выявлены механизмы пассивизации активных конструкций;
- 4) выдвинуто и аргументировано положение о том, что эргатив и генитив в лакском языке представляют собой два самостоятельных падежа, в которых падежный формант /л/ имеет разное происхождение;
- 5) обоснован факт наличия в лакском языке локативной серии ИНТЕР с формантом /в/ эссиве – исторически классным показателем 1 класса;
- 6) обращено внимание на то, что послелоги выполняют одновременно и функции глагольных «предлогов», образуя семантически слитные конструкции (*кьюкьлул хьириг лаян* «догнать отряд»);
- 7) проведен анализ базовых глагольных лексем (семантические приметы), отдельных значимых в системе языка глаголов (например, глаголов звучания) и семантических групп глаголов, занимающих важное место в глагольном словообразовании и синтаксисе.

На защиту выносятся следующие основные положения диссертации:

1. Ограниченность количественного состава непроеизводных глаголов (меньше 300 единиц) и аффиксального типа словообразования в лакском языке вызывает масштабную семантическую деривацию и появление аналитических лексем разного типа, что отражается на синтаксических свойствах предикаций, формируемых глаголом.
2. Деление глаголов на переходные и непереходные на основе их синтаксических связей, обуславливает противоречие между семантикой и синтаксисом в ситуациях, когда непереходные глаголы образуют эргативные конструкции «неканонического» типа, и причиной таких противоречий оказывается способ номинации глагольной лексемы.

3. На поверхностном синтаксисе отражается также наличие диффузных глаголов и развитой полисемии, иногда переходящая в омонимию, непроизводных глаголов.

4. Аналитизм, свойственный глаголу, как на морфологическом, так и на лексико-семантическом уровне, требует разграничения аналитических форм слова, аналитизма в образовании морфосинтаксических (грамматизированных) категорий, таких, как категории фазовости, эвиденциальности и залога, и аналитического словообразования (сложных и составных глаголов).

5. Семантический принцип, лежащий в основе дифференциации глагольной лексики в тесном взаимодействии с падежным синтаксисом, позволяет различать сферы существования (в том числе локализации в пространстве и в личном владении), событийности, физических действий и экспериенциальности.

6. От семантики зависит падежная кодификация ядерных актантов синтаксических конструкций лакского языка, в связи с чем могут быть выделены следующие типы конструкций: номинативная (сфера локализованного существования и событийная сфера), генитивная (сфера принадлежности и болевых ощущений личности), эргативная (сфера деятельности человека), дативная (сфера внутренних состояний человека), POSSIBILITY (модальность возможности).

7. Как ядерные, так и периферийные падежи, в том числе и падежи локативных серий, функционируют и в таких ролях, как датив, генитив, падежи серии посессива, падежи серий супер-эссива, пост-эссива, конт-эссива.

Методы исследования. В работе использованы описательный метод, метод лингвистического наблюдения, метод компонентного анализа, метод дистрибутивного анализа, метод трансформационного анализа языковых единиц, метод индуктивного анализа.

Теоретическая значимость диссертационной работы заключается в комплексном описании глагольной системы лакского языка. Полученные в нем результаты могут послужить базой для написания описательной грамматики лакского языка, при проведении сравнительно-сопоставительных и типологических исследований по кавказским языкам, в частности по дагестанским языкам.

Собранный и проанализированный материал может быть использован также при исследовании валентностных свойств лакского глагола, глагольных фразеологизмов лакского языка, а также в работах по общей теории языка.

Практическая ценность диссертационного исследования заключается в возможности использования его материалов, полученных результатов и выводов в разработке лекционных курсов по общему и нахско-дагестанскому языкознанию, лексикологии, теоретической грамматике, спецкурсов по лингвистической семантике, когнитивистике, а также в курсах по типологии и общей теории языка.

Апробация работы. Основные положения работы обсуждены на заседаниях кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Дагестанского государственного университета, изложены автором в докладах на международных и общероссийских конгрессах, научных, научно-практических и научно-методических конференциях, в частности, на II международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований» (Пенза, 2012), международной научно-практической конференции «Иностранный язык в системе высшего и профессионального образования» (Прага, 2013), международной научно-практической конференции «Новая наука: история становления, современное состояние, перспективы развития» (Таганрог, 2019), международной научно-практической конференции «Развитие современного общества» (Уфа, 2019), международной научно-практической конференции «Научно-технический прогресс как механизм развития современного общества» (Уфа, 2019), международной научно-практической конференции «Внедрение результатов инновационных разработок: проблемы и перспективы» (Стерлитамак, 2019), международной научно-практической конференции «Проблемы эффективного использования научного потенциала общества» (Стерлитамак, 2019), III международной научно-практической конференции «Инновационная траектория развития современной науки: становление, развитие, прогнозы» (Петрозаводск, 2020), XXX Международной научно-практической кон-

ференции «Advances in Science and Technology» (Москва, 2020), XXVII International scientific conference (Анапа, 2020), XXXI международной научно-практической конференции ««EurasiaScience»» (Москва, 2020), XXI международной научно-практической конференции «Наука, Образование, Инновации» (2020, Анапа), международной научной конференции «Инновационный потенциал развития науки в современном мире» (Уфа, 2019, 2020).

По теме диссертации опубликовано более пятидесяти научных работ, в том числе монография «Глагольные словосочетания и смежные конструкции в лакском языке» [Махачкала, 2020], а также 18 статей в ведущих рецензируемых научных журналах.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

Во **введении** сформулированы цель, задачи, положения, вынесенные на защиту, определены объект, предмет, обоснованы актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, обозначены основные методы анализа, представлены сведения об апробации и структуре диссертации.

Первая глава «Семантические, морфолого-словообразовательные особенности аналитических глагольных конструкций в лакском языке» состоит из трех параграфов, в которых проведен анализ основных существующих теоретических подходов к описанию общих проблем теории слова: семантики грамматических категорий глагола, изложена авторская концепция семантики бытийного глагола *бикIан* 'быть', событийного глагола *хьун* 'случиться, стать' и глагола действия *бан* 'сделать', прослеживаются особенности аналитических конструкций лакского глагола на морфологическом уровне, в частности видовременные аналитические формы, аналитические формы категории эвиденциальности и фазовости, рассмотрены категория залога в лакском языке, аналитические конструкции на словообразовательном уровне, описаны типы глагольных номинаций, структура и семантика непроеизводных глаголов, семантика и синтаксис глагольных номинаций с компонентами.

Во второй главе «Семантические и синтаксические особенности глагольных конструкций в лакском языке» описаны лексико-семантические разряды глагола и структурные типы предложений, системные отношения производных глаголов, а также лексико-семантические разряды производных глаголов с одним, двумя и тремя актантами, категория грамматического класса вида в глаголах движения, лексико-семантическая категория переходности-непереходности в группе глаголов движения, семантические разновидности глаголов движения и семантическая деривация производных глаголов движения.

В третьей главе «Категория падежа и кодирование глагольных актантов» проанализирован и обобщен опыт изучения категории падежа и падежной системы в лакском языке, особенности номинатива и номинативной конструкции, эргатива и эргативной конструкции, изучена семантика датива и дативной конструкции, семантическая сущность генитива и генитивных конструкций, грамматические значения сериальных и местных падежей в исследуемом языке.

В заключении подведены итоги проведенного исследования, в обобщенном формате изложены выводы, которые представляют научный интерес при дальнейшем изучении проблемы семантики и синтаксиса глагола не только лакского языка, но и других языков нахско-дагестанской группы.

ГЛАВА 1. СЕМАНТИЧЕСКИЕ, МОРФОЛОГО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНАЛИТИЧЕСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ

1.1. Глагол и проблемы разграничения слова и смежных единиц

1.1.1. Общие проблемы теории слова: слово, словоформа и словосочетание

Главной структурно-семантической единицей языка, как известно, является слово. Как известно, номинативная функция слова представляет собой его основную функцию, при этом отмечается специфичность для каждого языка совокупности семантических, фонетических и грамматических показателей слова. Как характеристика автономного слова языка признаются цельность семантики, выделяемость и свободная воспроизводимость.

По сложившейся традиции, каждое слово входит в состав той или иной части речи, совокупности слов, объединённых общностью семантических и грамматических признаков. В словаре слово выступает как лексема, в грамматике, особенно в синтаксисе, слово выступает в роли словоформы и является носителем не только лексического значения, но и predetermined system of the language grammatical meanings. Так, к грамматическим значениям глагола в лакском языке относятся значения вида, времени, наклонения, эвиденциальности, фазовости, полярности, лица, числа, класса, поскольку они выражаются определёнными языковыми средствами. Например, видовые значения выражаются суффиксами **-ла-**, **-ава-**: *ласун* ‘взять’ – *лас-ла-н* ‘брать’, *лас-ава-н* ‘взять + многократность’; значения класса выражаются аффиксами в префиксальной или инфиксальной позиции: *учлан* / **б-учлан** / **д-учлан** ‘прийти’; *ла-в-сун* / **ла-р-сун** деепричастие от глагола *ласун* ‘взять’ в формах разных классов; значения лица и числа выражаются системой окончаний в формах разных времён и наклонений: *на увкл-ра* ‘я пришёл’ – *жу бувкл-ру* ‘мы пришли’, *ина увклун-на* ‘ты пришёл’ – *зу бувклун-ну*, *та увклун-ни* ‘он пришёл’ – *тай бувклун-ни* ‘они пришли’ и т.д.

В лакском языке к одной из сложных проблем относится проблема делимости слова, которая включает два аспекта: а) проблему *автономности слова*, определение границы слова, т.е. разграничения слова и морфемы, с одной стороны, слова и сочетания слов – с другой; б) проблему *тождества слова*, его идентификацию, т.е. вопрос о принадлежности разных грамматических форм одному слову и, в связи с этим, определение критериев разграничения словоизменения и словообразования.

Эти вопросы с позиций русского и европейских языков рассматривались в работах А.М. Пешковского, В.В. Виноградова, А.И. Смирницкого, В.М. Жирмунского, В.Г. Гака и др. В тюркологии они привлекали внимание А.Н. Кононова, Т.А. Бертагаева и др., в кавказоведении к ним обращались А.С. Чикобава, М.А. Кумахов, А.Г. Гюльмагомедов и др.. Данной проблематике обращались также в работах по исследованию общей типологии языков (В.С. Храковский [1974, 1981, 1998], В.П. Недялков [2017] и др.).

Определение границ слова, его количественных параметров в речевой цепи относится к проблеме автономности слова как единицы языка. В этом аспекте возникает вопрос о том, представляют ли слова *гъаз бан* ‘поднять’, *ялтту гъан* ‘перелиться’, *най ур* ‘идёт’, *увклун усса ур* ‘(говорят) он приехал’ одно, два или три слова.

В лингвистике при разработке вопроса о границах слов предлагались различные критерии, рассматривающие данную проблему в графическом, структурном, морфологическом, синтаксическом и семантическом аспектах.

В аспекте *грамматики* предлагается рассматривать слово как определенную последовательность знаков конкретного языка, которая ограничена пробелом. Этот критерий для дагестанских языков не может быть применен в силу неунифицированности, диффузности и несовершенства в них орфографических правил, допускающих написание идентичных по составу единиц в одних случаях слитно, в других раздельно. Например, в лакском языке глагольная лексема *говорить* пишется как *гъалгъа тлун*, т.е. как два слова, *сочетание* *гъалгъа + тлун* (*речь+говорить*). В даргинском языке абсолютно

идентичное по смыслу и способу образования лексема *гъайбиклес* ‘говорить’ пишется раздельно. Следует отметить также отсутствия единого подхода к написанию сложных по составу слов даже в рамках одного языка.

В научной литературе в *фонетическом аспекте* предлагается набор признаков как маркеров единства и обособленности слова. Среди них следует отметить наличие единого ударения, присутствие паузы перед словом и после него, единство слоговой структура слова, гармония гласных, позиционно обусловленные трансформации звуков и тона и отдельные пограничные сигналы. Однако особенности их проявления в лакском языке и статус каждого из названных признаков до настоящего времени не нашли научного анализа. Например, на стыке компонентов сложных слов типа *бусан-учин* ‘сказать’ (*бусан-учин кIулсса*, ‘умеющий убедительно говорить’) пауза отсутствует, а в сочинительной конструкции (*бусан, учин – гъалгъалул глаголлур* ‘рассказать, молвить – это глаголы речи’) пауза присутствует. Но если посмотреть на сложные слова со вторым компонентом, начинающимся с гласного звука, то на стыке слов между согласным первого компонента и началом второго сохраняется пауза, при этом между ними не образуется слог (ср.: *мукъттуришва* ‘четыре тысячи’ – *мукъ/азарва* ‘четыре тысячи’, не: *мукъа/зарва*). В силу того, что лакский язык не обладает чётко выраженным силовым ударением, данный признак как критерий разграничения слова и словосочетания не работает.

В лакском языке наблюдается регрессивная фарингализация гласных в слове, что отсутствует в словосочетаниях; ср.: *пIякъ-шякъ* ‘треск’ – *пIякъ учин* ‘лопнуть’, не [*пIякъ/оьчин*], однако следует отметить его функциональную ограниченность, вызванную тем фактом, что отдельные согласные не допускают даже в пределах одного слова распространение фарингализации на последующие слоги: например, в слове *къяпа* ‘шапка’ гласный второго слога после /п/ не подвергается фарингализации.

Изложенное позволяет нам утверждать, что в лакском языке также отсутствуют надёжные фонетические критерии для разграничения слова от словосочетания.

В структурном отношении слово, признаваемая как некая последовательность звуков, не допускающая включения в нее элементов иной последовательности того же уровня, предполагает невозможность, или недопустимость расчленения его элементов, их перестановки или усечения без нарушения его семантической и грамматической целостности. В глагольной лексике лакского языка принцип непроницаемости не всегда «работает»: проницаемыми являются не только сложные глаголы и аналитические формы, но и производные глаголы типа *байбишин* ‘начать’, *занабикІан* ‘вернуться’ (*цукун байбишива/ бай цукун бишива?* ‘как мне начать?’; *та занабикІанна/ зана табикІанна?* ‘когда ты вернешься?’). Для отрицательной клитики проницаемы даже непроеизводные глаголы: *кѣаувкІунни –укѣавкІунни* ‘не пришёл’, *маучІара – умачІара* ‘не приходи’. Этот принцип неприменим и к случаям неморфологического выражения грамматических значений слова – к аналитическим словоформам: аналитическая форма не только проницаема, но её части могут быть переставлены, а также спрягаемый компонент может быть употреблён в значении всей единицы: Ср. *На шавай най ура* ‘Я иду домой’ – *На урашавай най* ; *Ина шавай най урав?* ‘Ты домой идёшь?’ – *Ура* ‘Да, иду’ (См. в рус.: Будешь играть? – Буду).

При морфологическом критерии исходят из положения о том, что морфологический маркер оформляет не часть слова или словосочетание, а само слово в целом (теория цельнооформленности слова по Смирницкому), хотя и данный критерий не представляется универсальным. Специфика лакского языка в данном аспекте заключается в том, что цельнооформленность одним морфологическим маркером характерна не только слову, но и словосочетанию, даже в предложении имеет место групповое оформление одним морфологическим показателем словосочетания или зависимой клаузы. В качестве примера можно привести атрибутивные сочетания, где по падежам изменяется только главный компонент: *кІяламур аьнакІи* (номинатив) ‘белая курица’, *кІяламур аьнакІул* (генитив). Но при опущении вершины и зависимый компонент, включающий в себе семантику имени и атрибута, подвержен изме-

нению по падежам: *к1яламунил* (эргатив) *ккунук бувну бур* ‘белая (курица) снесла яйцо’. В качестве группового оформления зависимой конструкции посредством замены финитного глагола его нефинитным коррелятом (причастие, деепричастие, конверб, герундий и др.) можно рассматривать трансформации предикаций в нефинитные «обороты» при образовании сложных предложений подчинённого: (1) *Ппу увк1унни* (3 л., наст. перф.) ‘Отец приехал’ – (2) [[*Ттун к1улли*] *ппу увк1ииву* (герундий)] ‘Я знаю, что отец приехал’; (3) [[*На ххарира*][*ппууч1аврия*]] ‘Я рад приезду отца’ (масдар) и т.д. Следует отметить, что в такой ситуации зависимая предикация теряет самостоятельную предикативность (утвердительность, наклонение и время), выраженную кумулятивно в предикативных аффиксах (см. в (1) аффикс–**ни**, в (3) **-ра**). Предикативность всего сложного предложения представляет предикат главной клаузы (см. –**лив** (2): *к1улли* (<*к1улди*< **к1улри*) ‘знаю’, *ххарира* ‘рад’ в (3)). Таким образом, наличие аналитических форм в большом количестве языков противоречит принципу «цельнооформленности».

В рамках *синтаксического критерия* речь идет о возможности отдельно взятого слова потенциально выступать в качестве минимума предложения [Щерба 1974], или минимальным синтаксическим образованием, т.е. членом предложения (Э.Сепир, Р.О.Якобсон), которая в лакском языке представляет собой один из основных принципов выделяемости слова, включая и аналитические конструкции. Выделение так называемых служебных частей речи, которые чаще всего представляют собой клитики (типа «союза» **-гу**, «частиц» типа **-хха**, **-рив** и др.), не всегда представляется достаточно обоснованным. Данный критерий ориентирован на разграничение простых (выраженные отдельными, автономными словами) и составных членов предложения. Проиллюстрируем данное положение на примере фразы: (3) *Мазран к1ул чув – чай, чалзаллу – ахътта* ‘Умелый на язык человек – на коне, а хозяин коня – пешком’ члены предложения выражены словосочетаниями, в составе которых все компоненты являются автономными словами, но главные слова в словосочетаниях имеют общее, размытое значение (*чув* ‘человек, мужчина’, *заллу*

‘хозяин’), которое конкретизируется зависимыми компонентами, а всё сочетание выступает в роли одного члена предложения. Этот критерий требует учёта и при определении роли зависимого компонента в глагольных сочетаниях с зависимым инфинитивом. Такие сочетания могут быть аналитическими формами морфологических категорий (см.: *чичлан ивкIунни* ‘начал писать’ в парадигме категории фазовости), или составными сказуемыми, конкурирующими с наклонениями (см. (4) *Ттуца зуннийн учIан хьунссия* ‘Я бы смог-зайти к вам’–(5) *На зуннийн учIавияв* ‘Я бы зашёл к вам’). В исследованиях Московской школы типологов (А.Е. Кибрик, К.И. Казенин) решение о статусе таких конструкций кажется не всегда обоснованным: зависимый инфинитив во всех случаях недифференцированно рассматривается как сентенциальный актант зависимой клаузы. На наш взгляд, инфинитив в отмеченных конструкциях является или компонентом аналитической формы в парадигме категории фазовости (*чичлан ивкIунни* ‘начал писать’), или составным сказуемым, конкурирующим в своём модальном значении с наклонениями глагола, как в (4–5).

Семантический критерий постулирует, что словом является всё, что выражает одно понятие. Однако этот критерий не позволяет отличить слово от фразеологизма и терминологического словосочетания, других составных единиц типа *оказать помощь*, которые исследователями называются коллокациями или дискрипциями. Эта группа составляет самую большую часть глагольных номинаций лакского языка, являясь не параллельным (стилистическим) способом выражения соответствующей семантики (см. в рус. *оказать помощь – помочь*), а единственным способом именованя глагольных понятий. В этом случае появляется проблема разграничения свободного словосочетания и фразеологической единицы, например, *кумаг бан* ‘помочь, оказать помощь’ (составной глагол) и *дакI дан* ‘оказать моральную поддержку, утешить’ (идиома).

Проблема тождества слова затрагивает два аспекта: а) вопрос о принадлежности разных грамматических форм одному слову и связанная с этим проблема разграничения словообразования и словоизменения; б) вопрос о принад-

лежности разных употреблений одного и того же звукового комплекса одному и тому же слову и связанная с этим проблема полисемии и омонимии.

Первая проблема связана с определением начальной (словарной) формы слова и всей парадигмы глагольных форм и способов формообразования.

При изучении глагольного синтаксиса следует учитывать наличие у лакского глагола многочисленных финитных и нефинитных форм. Традиция считать начальной (словарной) формой глагола инфинитив исходит ещё от П.К. Услара. Однако субъект действия вне предложения обычно от инфинитива не зависит и, в силу этого, не составляет с ним словосочетания, впрочем, как и в русском языке: *Буттал* (эргатив) *къатри* (номинатив) *дан* ‘*отец построить дом’ неграмматично в русском языке и сомнительно в лакском. Но с масдаром, герундием, конвербами при глаголе сохраняются все его ядерные актанты: *буттал къатри даву* ‘постройка дома отцом’ (масдар), *буттал къатри дуришиву* ‘что отец построил дом’ (герундий), *буттал къатри дурувкун* ‘когда отец построил дом’ (конверб) и т.д. Может быть, и поэтому собственно глагольные словосочетания не описаны в работе К.И. Казенина [2013], а в работе П.А. Сулеймановой [1992] в качестве «предикативных словосочетаний» даны и предложения. По арабоязычной традиции или интуитивно А. Каяев, автор первой грамматики на лакском языке (работа написана в 30-е годы прошлого века, издана в 2009 г.), в качестве начальной формы глагола указал масдар – глагольное имя, в которой семантически значимые глагольные категории и способность управлять актантами, заполняющими валентность глагола, сохраняются. Именно масдарные конструкции в лакском языке представляют собой «пропозиции» в чистом виде, т.е. наименования событий, состояний и фактов, выключенные из рамки модальности и не содержащие утверждения/отрицания (см. о пропозиции в [Арутюнова 1976: 70-80]).

Вопрос омонимии и полисемии также не нашёл ещё достаточно обоснованного решения в лакской лексикологии. Эта проблема связана с этимологией слова и историей развития языка и специально в нашей работе не рас-

смаатривается. Об омонимии можно говорить, если в звучании совпали исконные и заимствованные слова, или заимствованные из разных источников слова. Чаше это встречается в составе именной лексики. Для установления омонимии в глагольной лексики требуется глубокий этимологический анализ. Возможно, корневой согласный [хъ] в *хъун* ‘стать’ и *хъун* ‘мочь’ являются рефлексамии разных фонем, поскольку в семантике этих глаголов наблюдаются кардинальные различия. Точно так же разными по происхождению могут быть аффиксы эргатива и генитива, совпавшие в морфеме -л. Что касается полисемии глаголов, то данное явление, на наш взгляд, связано с семантикой сочетающегося с ним имени и его падежной формы: семантически доминирует при этом зависимый компонент и его падеж, ср.: *зунттуйн* (суперлатив) *лахъан* ‘подняться на гору’ – *зунтту* (номинатив) *лахъан* ‘перейти гору’, *бурж* (номинатив) *лахъан* ‘расплатиться с долгом’ и т.д.

Исследователи обращали внимание на трудность определения единых критериев выделения для всех видов слов и всех языков. Данный вопрос дискутируется представителями разных лингвистических школ

В контексте нашей задачи – описания глагольных словосочетаний в лакском языке – в фокусе нашего внимания находится проблема автономности слова. Она связана с наличием на разных уровнях языка аналитических конструкций: а) аналитических форм на уровне морфологии; б) аналитических лексем на лексико-словообразовательном уровне; в) аналитических членов предложения на синтаксическом уровне – в составе элементарного предложения.

Изучению аналитических структур разного типа в русском и европейских языках уделялось внимание в трудах таких известных отечественных исследователей, как А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, М.М. Гухман, В.Н. Ярцева, А.М. Смирницкий, П.С. Кузнецов, В.М. Жирмунский, В.Г. Гак и др.

Особенностью аналитических конструкций является то, что по своей структуре они напоминают словосочетания, а по значению уподобляются словам или словоформам. Словоформы входят в парадигму словоизменения,

являясь формами слова, например, *най ур* 'идёт', будучи сочетанием деепричастия и спрягаемой связки, является формой настоящего времени глагола *нан* 'идти'. Другие аналитические конструкции связаны с аналитическим словообразованием, например, *кIяла лаган* 'побледнеть', будучи сочетанием краткого прилагательного *кIяла* 'белый' с глаголом *лаган* 'пойти' является составным глаголом. При этом возникает проблема разграничения свободного словосочетания и аналитических слов с разной степенью слитности компонентов, стремящихся, с одной стороны, к сложным словам, с другой – к *морфологическим категориям* с разной степенью грамматикализации (вида, фазовости, эвиденциальности и др.).

Как отмечает В.Г. Гак, «грамматизация словосочетания, приводящая к формированию аналитических структур, неразрывно связана с десемантизацией одного из компонентов словосочетания, с ослаблением его собственного значения и его превращением в полуслужебный или служебный элемент. Грамматизация и десемантизация предстают как две стороны одного и того же процесса» [Гак 1965: 129]. Этот процесс связан с морфологией, словообразованием и синтаксисом. В морфологии при этом образуются аналитические формы слова, в лексике – сложные слова и составные наименования, в синтаксисе – составные члены предложения (в частности – составные сказуемые).

Теории грамматикализации посвящены работы Т.А. Майсака, в том числе и «Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции» [Майсак 2005]. Автор отмечает, что глаголы движения и позиции принадлежат к числу наиболее распространённых диахронических источников грамматических показателей. «Грамматикализация конструкций с этими глаголами характерна для огромного количества языков мира, в том числе генетически и ареально далёких друг от друга; ...большая часть результатов этого развития связана с глагольными категориями (вид, время модальность, залог и актантная деривация, пространственная деривация), хотя далеко не ограничена ими» [Майсак 2005: 17]. Как показывает материал лакского языка, грамматика-

лизация наблюдается не только в морфологии (образование аналитических форм слова), но и в словообразовании – вспомогательный глагол приобретает значение деривативного суффикса (*марцI хьун* ‘очиститься’, *марцI бан* ‘очистить’, *эц бикIан* ‘нахмуриться’, *лахъи буккан* ‘удлиниться, вытянуться’, *лахъи лаган* ‘задержаться (по времени пребывания)’ и под.

1.1.2. Глагол как часть речи

Как часть речи глагол выделяется по совокупности лексических (семантических), морфологических и синтаксических признаков, общих для всех слов, входящих в данную категорию. Наиболее важными в этом ряду являются именно синтаксические свойства глагола, выполняющего одну из самых важных функций языка – коммуникативную функцию, функцию сказуемого-предиката в простом (элементарном) предложении. В ряду значимых признаков частей речи отмечается и словообразовательный признак, который влияет на морфологические и синтаксические свойства части речи.

Все эти признаки взаимосвязаны и взаимообусловлены. При этом семантика глагола занимает ведущее место в синтаксисе словосочетания и предложения.

Как известно, глагол обозначает процесс, действие и состояние. Эти признаки являются наиболее общими для глагола как части речи. И во всех языках присутствуют глаголы с общим значением, обозначающим эти признаки – семантические примитивы. В лакском языке к глаголам с такими обобщёнными значениям относятся глаголы *бур* /*бикIан* ‘быть’, *хьун* ‘стать’ и *бан* ‘сделать’.

У.Л. Чейф, рассматривая понятийный мир человеческого языка, состоящий из двух сфер, глагольную систему, включающую состояние (положения, качества) и события, относит к центральной сфере, а имена существительные, номинирующие «предметы» (как физические объекты, так и овеществлённые абстракции), к периферии языка [Чейф 1975: 114]. У.Л.Чейф полагал, что анализ семантики предложения и функциональный статус в нем глагольной лексики обязательно предполагают дифференциацию понятий «состояния», «про-

цессы» и «действия», подчеркивая, что *процессы* и *действия* относятся к несостояниям [Там же: 117]. Глагол как вербализатор процесса при этом указывает на изменение состояния предмета, обозначенного существительным, которое остаётся *пациентом* глагола (*Блюдо разбилось*). Глаголы *действия* выражают деятельность, а существительное при нём уже не может быть характеризовано как пациент, оно является агентом глагола (*Майкл бежал*). Существенным и интересным представляется его замечание заключающейся в возможности одновременного выражения действия и процесса процесс (*Гарриет разбила блюдо*): «В качестве процесса он вызывает изменение состояния существительного, своего пациента. В качестве действия он выражает, что делает некто, его агент» [Чейф 1975: 119]. В результате своих рассуждений он приходит к выводу о том, что глагол обладает четырьмя семантическими характеристиками, представляющие как состояние, процесс, действие, процесс-действие. Эти положения находят выражение не только в лексике, но и в грамматике. Например, процесс грамматикализован в категории вида (дуративный вид обозначает процесс в его протекании: *чичлай ур* ‘пишет’, *най ур* ‘идёт’); состояние грамматикализовано в формах пассива – в сочетании перфектного причастия и спрягаемой связки: *ахъулсса дирну дур* ‘плоды поспели’.

В качестве прототипических глаголов с общим значением состояния, события и действия в лакском языке функционируют *бик1ан* ‘быть’, *хъун* ‘случиться, стать’ и *бан* ‘сделать’.

Перейдем к анализу функционально-семантического статуса данных глаголов в современном лакском языке.

1.1.2.1. Семантика бытийного глагола *бик1ан* ‘быть’

Словарной формой глаголов в лакском языке являются формы инфинитива перфектного вида (за исключением ограниченного количества одновидовых дуративов), от которого образуются два других вида, как, например, *чичин* ‘написать’ – *чичлан* ‘писать’ – *чичаван* (итератив). В парадигме глагола существования *бик1ан* в лакском языке входят формы с корнем **-ик1-** (*бик1ан*

‘быть’, *бивк1ссар* ‘были’, *бик1у* ‘будь’ и др.) и формы с корнем *-у-/-и-* (*бур* ‘есть’, *бия* ‘была’, *бусса* ‘сущий’, *буну* ‘будучи’ и др.). При этом функции этих двух глаголов распределены: формы со стандартным корнем ГС («гласный + согласный») имеют полную парадигму во всех наклонениях и видовременных формах, а формы с корнем Г («гласный») не имеют видовых форм, а в императиве замещаются формами глагола *ик1ан*: *паракъатну ур* ‘(он) спокоен’ – *паракъатну ик1у* ‘будь спокоен’.

В качестве бытийного предиката глагол *бик1ан* в значении ‘существовать, быть’ употребляется в форме *ур* (1кл.), *бур* (3 кл.), *дур* (2, 4 кл.) ‘есть’. В составе данной формы выделяется префиксальный классный показатель (КП), корень *-у-* и личное окончание. В личных формах 1–2 лица настоящего времени аффиксы кумулятивно выражают и число: **-ра** (ед.ч.), **-ру** (мн. ч.). В аффиксе 3 л. наст. вр. **-р /-ри** и в личных аффиксах прошедшего времени число не выражено. См. спряжение в основных формах (1) настоящего и (2) времени:

(1) *на ура* ‘я есть’ *ина ура* ‘ты есть’

жу буру ‘мы есть’ / *зу буру* ‘вы есть’

та ур ‘он есть’ / *тай бур* ‘они есть’

(2) *на ияв* ‘я был’ *ина ияв* ‘ты был’

жу бияв ‘мы’ *зу бияв* ‘вы были’

та ия ‘он был’ *тай бия* ‘они были’.

В некоторых формах, как видно из примеров, на мн.ч. указывает КП **б-**: *арс ур* ‘сын есть’ – *арсру бур* ‘сыновья есть’ (1 кл.); *щарсса дур* ‘женщина есть’ – *хъами бур* ‘женщины есть’.

Таким образом, обозначение числа не имеет единого показателя в глагольных формах, выражаясь то кумулятивно в аффиксах лица, то в КП, то будучи нейтральными как, например, в формах 3 и 4 классов (*душ бур* ‘девочка есть’ – *душру бур* ‘девочки есть’; *нех дур* ‘река есть’ – *нехру дур* ‘реки есть’).

Следует также отметить иные функциональные возможности личных маркеров глагола-связки. Так, например, в качестве клитиков **-ра, -ру, -ри /-р** с разными фонетическими вариациями варианты (в частности, **-да, -ду, -ди; -ла, -лу, ли; -на, -ну, -ни**) могут оформлять рематические маркеры, фокусно выделяя составляющие предложения. Ср.: *Ина аьйкьлакьиссара* 'Ты ошибаешься' – *Инара аьйкьлакьисса* 'Это ты (не другой кто-л.) ошибаешься'. В приведенном предложении предикат, выраженный глаголом, получает форму причастия с аффиксом **-сса**: *Оьл ппалав бур* 'Корова находится в хлеву' – *Оьл ппалаври бусса* 'Корова находится в хлеву (а не где-нибудь в другом месте)'.

Кроме того, в варианте **-да, -ду, -ди** аффиксы в определенных контекстах функционируют в качестве утвердительной частицы: 1) *Да, на Патиматра* 'Да, я Патимат'; 2) *Ди, Аслан ттул уссур* 'Да, Аслан мой брат'; 3) *Ду, жу студетъталлу* 'Да, мы студенты').

Бур/ур/дур не имеет формы будущего времени, т.к. основой для выражения будущего времени в лакском языке выступает инфинитив : ср.: *На шава ура* 'Я нахожусь дома' – *На шава ик1анна* 'Я буду находиться дома'.

Логически подобную форму функционирования бытийного глагола в лакском языке можно объяснить тем фактом, что бытие связано с реальностью, настоящее и прошедшее времена выражают реальную модальность, а будущее время относится к ирреальной модальности.

Следует отметить, что лакский глагол *бур /бия* обнаруживает также ряд изменяемых по лицам и временам формы, производные от причастий – *буссар, буссия бусса бур* и др., которые активно участвуют в оформлении аналитических видовременных и эвиденциальных форм в сочетании с деепричастиями и причастиями: *чичлай ур* 'пишет', *чивчуну бур* 'написано', *шава усса ур* 'оказывается, (он) дома' и т.д.

Следует отметить, что глагол *бик1ан* выполняет и свои специфичные функции как, например, образование составных и сложных глаголов (*щя-*

бикІан ‘сесть’, *эц бикІан* ‘нахмуриться’), а также образование форм категории фазовости – инхоатива и инцептива (*чичІан ивкІунни* ‘начал писать’, *хъян ивкІунни* ‘засмеялся’).

Изложенное позволяет утверждать, что на основе имеющихся дифференциальных признаков глаголы *бур* и *бикІан* можно квалифицировать как самостоятельные лексемы, что и отражено в «Лакско-русском словаре [2018].

Заметим, что утвердительные формы глагола *бур/бия* идентичны отрицательным формам *бакъар/бакъая*, которые функционально показывают наличия чего-либо как нормы, а его отсутствие как недостатка.

Выступая в предложении в качестве сказуемого, глагол бытия *бур/бия*, функционирует в трех значениях.

Основное значение ориентировано на выражение значения **БЫТЬ, СУЩЕСТВОВАТЬ** в модели <кто/что: номинатив>, которая потенциально может дополняться именем в одном из местных падежей покоя или наречием места.

Особенность лакского языка заключается в отсутствии необходимости языкового оформления способа существования предмета как его состояние. Способ его существования присутствует в самом объекте, составляя фоновые знания носителей языка. Сложные, сложносоставные глаголы *яхъанан*, *ялапар хъанан* ‘жить’ с книжным оттенком передают бытие людей в языке. Показателен в этом смысле вопрос, звучащий при встрече: *Цукун буру?* ‘Как (вы) есть?’ (в значении ‘Как живёте?’).

Значение существования является первичным значением глагола бытия. Существование объекта является результатом возникновения. Концепт «возникнуть, начать существовать» в лакском языке выражается глаголами *хъун* ‘появиться, стать’ и *ляхъан* ‘возникнуть’. При этом *хъун* выражает естественный процесс или событие, *ляхъан* выражает процесс или действие, которое не находит объяснения, первопричины, «нечто» появляется как будто ни из чего. Ср.:

Ва мурхырай чIявусса гывч хьунни ‘На этом дереве выросло много яблок’ –
Инсантал ляхъуния шийнмай... ‘С момента появления людей...’

Следует отметить, что именно в значении ‘быть, существовать’ глагол бытия выступает в роли «семантического примитива» и употребляется в качестве предикативной связки (*бур/бия*), или в качестве вспомогательного глагола в словообразовании и грамматикализованных лексико-морфологических категориях (*бикIан*).

В роли предикативной связки глагол *бур/бия* выступает в следующих типах предложений:

а) в предложениях идентификации при предикатах, выраженных именами существительными. При этом субъект выражается или указательными местоимениями (*Та ия ПатIиматлул арс* ‘Это был сын Патимат’), или личными именами (*Муса ттул уссур* – в данном случае связка сведена к предикативному аффиксу -р);

б) в предложениях, выражающих родо-видовые отношения (*БарцI вахIишсса жанаварди* ‘Волк – это дикий зверь’);

в) в предложениях характеристики, при предикатах, выраженных характеризующими именами существительными (*Муса авлия ур* ‘Муса глупец’), или прилагательными (*Муса авлиясса ур* ‘Муса глупый’);

г) при предикатах, обозначающих состояние, при этом неизменяемое состояние выражается сочетанием связки с качественными наречиями (*Хьхьури паракъатну бур* ‘Море спокойно’), а производное или результативное состояние выражается сочетанием перфектного деепричастия со связкой (*Къатри леркъун дур* ‘Дом разрушен’);

в) при предикатах, обозначающих процесс, связка является компонентом аналитической формы глагола, состоящей из дуративного деепричастия и связки (*ДикI шахьлай дур* ‘Мясо варится’).

Глагол обладает и другими значениями.

В значении «**иметься, обладать**» глагол выступает в трёх оттенках, различающихся и падежными рамками:

а) <**кто: генитив; что: номинатив**>, в которой отражается ситуация обладания: (5) *Танал* (ген.) *чIявусса ятту* (ном.) *бур* 'У него много овец'.

б) <**кто: посессив; что: номинатив**> – в данной модели реализуется ситуация, при которой объект находится в распоряжении субъекта:

(6) *Арцу* (ном.) *буттахь* (посэссив) *дуссар* 'Деньги находятся у отца'.

в) <**кто: адессив; что: номинатив**> – в данной модели отражена ситуация, в которой объект находится в пределах доступности, влияния субъекта: (7) *ТтучIа* (адессив) *ца ашрапи* (ном.) *буссар* 'У меня есть один червонец'.

Субъект обладания (5) в специальных исследованиях пол синтаксису находит двоякую интерпретацию. С одной стороны, он представлен в качестве подлежащего в рамках поссесивных конструкций, в частности, в работах Мещанинова, с другой стороны, объект обладания признается подлежащим только в форме именительного падежа, следуя принципам формально-грамматического подхода при определении главных членов предложения, как это традиционно принято в языках номинативного типа. Такой подход наблюдается в исследованиях Ж.Д. Башировой [Баширова 2011: 50-51] и К.И. Казенина [Казенин 2013: 65], посвященных проблемам синтаксиса лакского языка.

Состояние обладания в этих примерах (5, 6) является, на наш взгляд, результатом действия ДАТЬ < кто: эргатив; что: номинатив; кому: датив > в (5) или ПЕРЕДАТЬ < кто: эргатив; что: номинатив; кому: посс-латив > в (6). В модели управления, представленной в примере (7), не выражен способ получения объекта (купить, отнять, получить в подарок или на хранение и т.д.).

Семантически различается значение **БЫТЬ НЕОБХОДИМЫМ**. Структурная модель глагола *бур* в этом значении оформляется инфинитивом или инфинитивным оборотом: <**кто: датив; что: (инфинитив)**>. Субъект состояния деонтической модальности *ограничен 1-м лицом*:

(8) *Ттун* (датель) *Гъумукун гъан* (инф.) **бур**. ‘Мне необходимо поехать в Кумух’. Глагол **бур** обнаруживает при этом специфические формы в синтаксическом согласовании в формах класса, т.е. при интранзитивном глаголе форма инфинитива ведёт себя как имя 3 гр. класса (КП б-.) При транзитивном глаголе в инфинитивном обороте контролёром согласования является прямой объект в номинативе:

(9) *Жун* (датель) *къатри* (4 кл., номинатив) *ласун* (инф. оборот) **дур** (4 кл.). ‘Нам необходимо (предстоит) купить дом’.

В дательной конструкции с модальным глаголом **бур** целесообразно рассматривать сказуемое как составное глагольное (инфинитив + модальный глагол в личной форме). Субъект в дательном падеже при этом выполняет функцию подлежащего, т.к. референт имени в дательном падеже выступает в качестве личного субъекта, занимающего в иерархии вторую позицию после местоимений 1–2 лица (локуторов).

Следует также отметить, что номинативные конструкции потенциально могут выразить семантику необходимости и целесообразности действия: <кто (мест 1 л.): ном; что: (инфинитив)>:

(10) *На* (ном.) *ца иширай шагърулийн гъан* (инф.) **ура** (1л.) ‘Мне по одному делу надо съездить в Махачкалу’. В этом случае в большей степени выражена заинтересованность субъекта.

Глагольные конструкции с **бур** в модальном значении могут выражать значение предупреждения, угрозы. При этом субъект опускается, предложение получает неопределённо-личное значение, переходный глагол согласуется с объектом в номинативе:

(11) *Ина* (ном, 2 л.) *тти аттан ура* (2л.) ‘Тебя теперь следует побить’ –
(11¹) *Та* (ном., 3 л.) *аттан ур* (3 л.) ‘Его следует побить’.

Затронутые в данном пункте вопросы в лакском языке ещё плохо исследованы и нуждаются в дальнейшем изучении.

Таким образом, изложенное выше позволяет утверждать, что полисемантический и многофункциональный глагол бытия в лакском языке в обобщённом значении семантического примитива функционирует в аналитических конструкциях и в составе именных и наречных сказуемых.

1.1.2.2. Семантика событийного глагола хьун ‘случиться, стать’

Глагол *хьун* относится к лексемам общей семантики с событийным значением. В формах дуративного вида глагол обозначает процесс. Глагол является непереходным и имеет все три видовые формы: *хьун* (перфектив) – *хъанан* (дуратив) – *шаван* (итератив). Перфектный и итеративный виды обозначают однократное или неоднократное события соответственно. Ср.:

(1) *Чани хьунни* ‘Рассвело’ (букв. ‘Свет стал’) – событие, переход в состояние освещённости.

(2) *Чани хъанай дур* ‘Рассветает’ (букв. ‘Свет становится’) – процесс в его протекании.

1.1.2.2. Семантика событийного глагола хьун ‘случиться, стать’

Глагол *хьун* относится к лексемам общей семантики с событийным значением. В формах дуративного вида глагол обозначает процесс. Глагол является непереходным и имеет все три видовые формы: *хьун* (перфектив) – *хъанан* (дуратив) – *шаван* (итератив). Перфектный и итеративный виды обозначают однократное или неоднократное события соответственно. Ср.:

(1) *Чани хьунни* ‘Рассвело’ (букв. ‘Свет стал’) – событие, переход в состояние освещённости.

(2) *Чани хъанай дур* ‘Рассветает’ (букв. ‘Свет становится’) – процесс в его протекании.

(3) *Гъинттул чани ччяни шай* ‘Летом рано светает’ (букв. ‘Свет настаёт’) – повторяющееся событие, каждый акт которого является завершённым.

Отрицательная форма образуется при помощи префикса **къа-**: *къавхьунни* (1, 3 кл.) – *къархьунни* (2, 4 кл.).

В роли полнозначного глагола лексема **хьун**, по данным словаря [Абдулаев 2018], имеет 11 значений, но некоторые из них представляют собой разного типа фразеологические единицы. В качестве самостоятельной лексемы данный глагол выступает в двух группах значений: а) с общей семой «появление», «возникновение» и б) в модальном значении «мочь».

В первой группе значений глагол обозначает неагентивное действие (событие), в результате которого возникает ситуация существования предмета, состояния, отношения. К ним могут быть отнесены следующие значения:

1. ПОЯВИТЬСЯ, УРОДИТЬСЯ (обычно о растениях, плодах) <что: номинатив>:

(4) *Гъашину ахъулсса* (ном.) *ххуйну хьунни* ‘В этом году фрукты хорошо уродились’.

2. ПОЯВИТЬСЯ, ОБРЕСТИ (обычно об имуществе, потомстве): <у кого: генитив/адессив/посессив>:

(5¹) *Танал* (ген.) *къатта, оърчIру* (ном.) *хьунни* ‘Он обрёл дом, детей’;
(5²) *ТаначIа* (адессив) *арцу* (ном.) *хьунни* ‘У него появились деньги’; (5³) *Танахь* (посессив) *ххуйсса къуллугъ* (ном.) *хьунни* ‘У него появилась хорошая должность’. Данное значение выражает наличие у субъекта определённого положения, определённых средств без указания на их источник.

3. СТАТЬ, СДЕЛАТЬСЯ, ПРЕВРАТИТЬСЯ <кто: суперэлатив; кто: ном.>:

(6) *ОърчIая* (суперэлатив) *чув* (номинатив) *хьунни* ‘Мальчик стал мужчиной’ (букв.: ‘с мальчика случился мужчина’). Данное значение коррелирует со значением глагола существования *бур/бия* в предложениях характеристики, ср. (6¹): *Ва тти оърчI акъар, ва ур чув* ‘Теперь это не мальчик, он – мужчина’.

4. СЛУЧИТЬСЯ, ПРОИЗОЙТИ <с кем: датив; что: номинатив>:

(7) *Танан* (дат.) *бала* (ном.) *хьунни* ‘С ним произошла беда’.

В данной модели управления имя в номинативе обозначает абстрактное понятие со значением вреда или пользы для субъекта – *бала* ‘беда’, *зарал* ‘вред’, *хайр* ‘польза’ и под.

Особо следует отметить вопросительные формы предложений в данной модели, где используется форма *хьур* (*хьури*):

(8) *Вин цIунцIия хьури*? ‘Ты получил травму?’ (общий вопрос) (не: *хьунни*);

(9) *Вин цивхьур*? ‘Что с тобой случилось?’ (частный вопрос). В данном случае вопросительное местоимение инкорпорировано с глаголом.

Эта конструкция близка семантически к дативной (аффективной) конструкции, но разнится обозначением состояния субъекта, в котором он оказался не по собственной воле. Полагаем, что дативную конструкцию, выражающую тему высказывания, следует рассматривать функционально в качестве подлежащего, что требует дальнейшего исследования особенностей синтаксических отношений в рамках данного типа конструкций в лакском языке.

По модели управления близко к 4-му значению и следующее значение:

5. СЛУЧИТЬСЯ, ОБРЕСТИ <от кого: суперэлатив; кому: датив; что: номинатив>:

(10) *Чаххурая* (суперэлатив) *ттун* (дат.) *кумаг* (ном.) *хьунни* ‘От соседей я получил помощь (мне помощь сделалась)’.

Однако наличие локатива (супер-элатива) в данной модели придаёт дативу субъекта другое значение: в данном случае субъект не является претерпевающим, а приобретает значение бенефактива, то есть получателя выгоды.

Следующие значения представляются весьма близкими, что подтверждает и модель управления:

6. НАСТУПИТЬ (о времени) <что: ном.>:

(11) *МаркIацIан чIун* (ном.) *хьунни* ‘Вечернее время настало’ и

7. СЛУЧИТЬСЯ (о событии: *аьлагъужа* ‘шум’, *къалмакъал* ‘ссора’, *хъатIи* ‘свадьба’ и т.д.) < что: номинатив >:

(12) *Шяраву бивкIу* (ном.) *хьунни* ‘В селе случилась смерть’.

Глагол в этих значениях служит в основном для вербализации события, выраженного абстрактным именем.

Значение **8. ИСПОЛНИТЬСЯ** (о времени, сроке, возрасте) <у кого: генитив, что: номинатив> близко к поссесивному значению глагола *бур*, ср.:

(13) *Ва даврий зий ттул ххюра шин* (ном.) *хьунни* ‘На этой работе (работая) у меня исполнилось пять лет’ – (13¹) *Ва даврий зий ттул ххюра шинни* ‘На этой работе (работая) у меня исполнилось пять лет букв. (5 лет есть)’.

Следующее значение глагола (под номером 9) является синтаксически связанным, зависимым от падежной формы, в данном случае – от формы контэлатива.

Специфическим является значение **9. ЛИШИТЬСЯ** <кто: номинатив; чего: контэлатив>:

(14) *На* (номинатив) *ччяни буттац1а* (контэлатив) *хьуссара* ‘Я рано лишился отца’.

В лакском языке отсутствует глагол типа русского «лишиться», сочетание контэлатива с глаголом *хьун* (букв. от чего-л. стать) приобрело значение «остаться без».

Представляет интерес и другое значение, не зафиксированное в словаре, но отмеченное в работах по синтаксису [Эльдарава 1993; 2001, Баширова 2011]. Оно встречается в сочетании со словами типа *аьй* ‘недостаток’, *тахсир* ‘вина’ и по своей семантике близко к значениям 6-8. Отметим это значение, как:

10. СЛУЧИТЬСЯ (о вине, ошибке и под.) <кто: суперэссив; что: номинатив>:

(15) *Оьрч1ай* (суперэссив) *аьй* (номинатив) *кьархьуссар* ‘Мальчик не виноват’ (букв. На мальчике не случилась вина).

При этом с такими понятиями, как *хат1а* ‘нечаянный проступок’, *гьалат1* ‘ошибка’, глагол сочетается с аблативом вместо суперэссива:

(16) *Ттуц1а* (аблатив) *хат1а* (номинатив) *хьунни* ‘Я совершил непреднамеренный проступок’.

Вариативность падежей при близости семантики связана с тем, что в (16) сема «непреднамеренность» содержится в самой именной лексеме. Стандартным способом выражения непреднамеренности действия субъекта является аблатив с аффиксом **-ща** (пос-аблатив).

Как одно из значений глагола **хьун** в словаре представлено и значение «мочь». В значении *модального глагола* «мочь, быть в состоянии что-то сделать» **хьун** употребляется наряду с синонимичным глаголом *бюхъан*. В этом значении **хьун** является компонентом составного глагольного сказуемого. Чаще глагол встречается в отрицательной форме. Падежная рамка глагола в этом значении выглядит так:

11. МОЧЬ <кто: аблатив; инфинитив>:

(17) *Ттуца* (аблатив) *учІан* (инфинитив) *къавхьунни* ‘Я не смог прийти’.

Конструкции с модальными глаголами *бюхъан*, **хьун** в исследованиях московских типологов научной школы Е.А.Кибрика рассматриваются как сложные предложения с придаточными изъяснительными [Казенин 2013: 178–179]. Мы такую точку зрения не разделяем и рассматриваем сочетания инфинитива со спрягаемым модальным глаголом как составное глагольное сказуемое, поскольку у смыслового и модального глагола кореферентный субъект.

Следует отметить, что в «Сравнительно-сопоставительном словаре дагестанских языков» С.М. Хайдакова [1973] и в «Словаре кавказских языков» Г.А. Климова и М.Ш. Халилова [2003] глагол **хьун** ‘мочь’ не представлен. Нет его и в тезаурусе Е.А. Кибрика [1988], модальное значение «мочь» представлено только глаголом *бюхъан*, хотя гораздо чаще в этом значении употребляется **хьун**. Значения «стать» и «мочь» достаточно далеки друг от друга. Возможно, они являются лишь омонимами, поскольку фонема /хь/ в лакском языке является рефлексом двух разных фонем — латерального /лх/ и долгих заднеязычных /кк/ и /к1к1/, как отмечено Е.А. Бокарёвым: «вилы» — ав. *-лъен*, лак. — *хьула*, с одной стороны, и «мякина» — ав. *накку*, лак. — *нахь*, с другой [Бокарёв 1961: 67, 76].

Модальный оттенок содержится ещё в одном синтаксически связанном значении глагола **хьун**, отмеченном в таких сочетаниях, как *шанух хьун* ‘хотеть спать’ (о ребёнке), *кьут/лих хьун* ‘нарываться на наказание’ и др. В сочетании с постэссивом имени глагол приобретает значение «жаждать чего-л., нарываться на что-л.». Считаем, что его можно отметить или как 12-е значение полисемного глагола **хьун** ‘стать’ или второе значение омонима **хьун**². Отметим его как **12. сильно ЖЕЛАТЬ** чего-л. <кто: номинатив; что: постэссив>:

(18) *ОьрчI*(номин.) *шанух* (постэссив) *хьуну ур* ‘Ребёнок хочет спать’.

Вопрос о структуре предложений с глаголом **хьун** и о синтаксических отношениях именных групп в таких предложениях является сложным. Сочетания глагола с абстрактными, нереперентными именами могут быть интерпретированы как составные глаголы: ср. *чани хьун* – *Чани хьунни* ‘Рассвело’ (рус. языке – безличное предложение, по У. Чейфу – амбиентный процесс). В сочетаниях типа *аьй хьун* ‘оказаться виновным’ позиция носителя состояния оказывается занятой (в номинативе стоит само название состояния), поэтому пациент – носитель состояния – получает форму местного падежа в (15) (букв. ‘На мальчике вина не случилась’).

Из приведённых значений глагола **хьун** наиболее общим является событийное значение «стать, случиться, произойти». Десемантизируясь, он выполняет и другие функции, чаще всего выступает в качестве вспомогательного глагола, образуя вербальные сочетания: сложные и составные глаголы, включающие в роли компонентов разные основы: *атил хьун* ‘намокнуть’ (*атилсса* ‘мокрый’), *куч хьун* ‘перекочевать’ (*куч* – аморфная заимствованная основа), *нач хьун* ‘застесняться’ (*нач* ‘стыд’), *кIамI хьун* ‘выпасть, рассыпаться’ (*кьамI* аморфная звуко-символическая основа) и др.

Аналитических лексем с компонентом **хьун** в обратном словаре И.Х. Абдуллаева больше 350 единиц [Абдуллаев 2014: 104–109]. В других языках (аварском, даргинском) вспомогательные глаголы рассматриваются как суффиксы и пишутся слитно. В лакском языке такие единицы сохраняют при-

знаки словосочетания: являются проницаемыми, их компоненты могут переставляться, глагольная часть может употребляться самостоятельно при ответах на вопросы. Например: *чIал хьун* ‘опоздать’: *Ина чIал циван хьура?* ‘Ты почему опоздал?»; *ЧIал кьахьуннав?* ‘Не опоздаешь?’ – *Кьахьунна* ‘Нет’.

Кроме составных глаголов, компонент *хьун* встречается и в фразеологическом словообразовании: *дакI хьун* ‘воодушевиться’, *янил хьун* ‘сглазить’, *лякълуву хьун* ‘забеременеть’ и др.

1.1.2.3. Семантика глагола действия *бан* ‘сделать’

К общим глаголам, обозначающим активное действие, относится и глагол *бан* (← *бுவан*), который изменяется по классам (*ан, бан, дан*), имеет все три видовые формы (*бан – буллан – баван*) и полную парадигму видовременных форм всех наклонений. Модель управления представлена двумя ядерными актан-тами – Агенсом и Пациенсом. Эти роли так характеризуются Т. Гивоном:

АГЕНС: «Прототипическое переходное предложение содержит наделённый волей, контролирующий событие, активно инициирующий событие Агенс, который несёт ответственность за событие и, таким образом является выделенной причиной»

ПАЦИЕНС: «Прототипическое переходное предложение содержит не наделённый волей, неактивный, не контролирующий событие Пациенс, который регистрирует произведённые событием изменения и является, таким образом, его выделенным эффектом» [цитируется по Кибрик 2003: 142–143].

Роль Агенса в лакском языке кодируется эргативом, в отдельных случаях – и номинативом. Роль Пациенса кодируется только номинативом. Эти роли представлены в прототипической эргативной конструкции. В лакском языке данная конструкция выступает также в биноминативных вариантах: 1) если субъект-агенс выражен местоимениями 1 и 2 лица (*Ина кьатри дурунни* ‘Ты дом построил’); 2) при глаголах дуративного вида, если субъект -агенс обозначает лицо или живое существо (*Ппу кьатри дуллаи ур* ‘Отец строит дом’).

В прототипической эргативной конструкции глагол **бан** ‘сделать’ выступает в модели управления <кто: эргатив; что: номинатив>.

У глагола **бан** в словаре [Абдуллаев 2018] отмечено 7 значений **бан**, в том числе и в составе аналитических конструкций. Центральной семой глагола **бан** ‘сделать’ является созидания (активного действия), по которой он противопоставлен глаголу **хьун** ‘стать’. По результату оба глагола соотносительны с глаголом **бикIан** ‘быть’, обозначающим существование предмета (в результате «возникновения» или «сотворения»).

Следует отметить, что сема созидания, каузации существования является главной во всех значениях глагола при его самостоятельном употреблении. В лакском языке очень мало переходных глаголов, в которых конкретизируется способ созидания, изготовления. К таким можно отнести, например, *буруххан* ‘сшить’ (*гьухъа буруххан* ‘сшить платье’), *щащан* ‘соткать’ (*чухъа щащан* ‘соткать сукно’) и под.

К значениям глагола **бан / дан** относятся следующие значения:

1. СДЕЛАТЬ (сотворить, соорудить, построить, произвести, изготовить что-л.): *чIира бан* ‘построить стену’, *усру дан* ‘изготовить обувь’, *дукра дан* ‘приготовить еду’. Оттенками этого значения могут быть названы: а) заготовить, собрать что-л.: *ххулув бан* ‘заготовить сено’, *кьюнукъи бан* ‘собрать землянику’; б) завести, развести что-л.: *кулпат бан* ‘завести семью’, *ятту-гъаттара бан* ‘завести скот’ и т.д.

2. РОДИТЬ: *оьрчI бан* ‘родить ребёнка’, *бярч бан* ‘родить телёнка (ср. *отелиться* в рус.)’, *ккунук бан* ‘снести яйцо’ и под. Отличие данного значения в том, что самостоятельность роли Агенса и его контроля над ситуацией вызывает сомнение. В значении «родить» кодирование субъекта вариативно: вместо эргатива возможен датив: *Жул оьлин* (датив) *бярч бувссар* ‘У нашей коровы родился телёнок’.

3. ОРГАНИЗОВАТЬ: *хъатIи бан* ‘сыграть свадьбу’, *кьулгьу бан* ‘организовать поминки’, *къалмакъал дан* ‘спровоцировать ссору’ и т.д. В данном

значении глагол близок к вспомогательному, поскольку зависимое имя в номинативе обозначает само событие.

4. ЛИШИТЬ, оставить без *чего-л.* – данное значение является синтаксически связанным и выступает в сочетании с контэлативом (**-ц1а**): *къатлуц1а бан* ‘лишить дома’ (ср. соотносительное значение с *хьун*: *къатлуц1а хьун* ‘лишиться дома’).

Остальные значения, представленные в словаре, являются несамостоятельными: глагол выступает: а) в лексикализованных сочетаниях (*кумаг бан* ‘помочь’, *аякьа дан* ‘позаботиться’); б) в роли вспомогательного компонента в составных глаголах (*атил бан* ‘намочить’ и под.); в) в роли каузативного вспомогательного глагола при образовании переходных и каузативных глаголов (*лихъан бан* ‘прогнать (букв. убежать сделать)’ *чичин бан* ‘заставить написать’ и под. В названных конструкциях глагол не выполняет самостоятельную функцию и организует эргативные конструкции с другими моделями управления объектом. Эти вопросы рассматриваются в работе в соответствующих разделах.

Как и глагол *хьун*, глагол *бан* в сочетании с разными основами образует составные глаголы. Часто такие сочетания составляют оппозиции по переходности-непереходности: *аьдат хьун* ‘привыкнуть’ – *аьдат бан* ‘приучить’, *арх хьун* ‘удалиться’ – *арх бан* ‘удалить’, *ц1акь хьун* ‘укрепиться’ – *ц1акь бан* ‘укрепить’, *хьхьич1унмай хьун* ‘придвинуться’ – *хьхьич1унмай бан* ‘придвинуть’, *ссур хьун* ‘помчаться’ – *ссур бан* ‘помчать’ и т.д.

Следует подчеркнуть, основное богатство глагольной лексики лакского языка при сравнительно бедном составе производных глаголов (меньше 300 единиц), представляют аналитические глаголы, в том числе больше 700 единиц с компонентами *хьун* и *бан*.

Таким образом, глаголы **бур** / **бик1ан** ‘быть’, *хьун* ‘случиться, стать’ и **бан** ‘сделать’ являются индикаторами семантики состояния, процесса и действия-процесса в лакском языке. Кроме того, они участвуют в формообразовании и словообразовании глагола.

1.2. Грамматические категории глагола

Систематизированное изложение морфологии глагола с учётом работы предшествовавших исследователей (П.К. Услар, Л.И. Жирков, Г.Б. Муркелинский, С.М. Хайдаков, И.Х. Абдуллаев, Г.Р. Бурчуладзе и др.) представлено в работах Р.Г. Эльдаровой [Эльдарова 1993. 1993, 2000, 2018 и др.]. Обобщая все эти работы, отметим грамматические категории лакского глагола.

В лакском языке процессуальный признак (процесс, действие, состояние) глагол выражает в морфологических категориях, к которым относятся словоизменительные категории аспектualityности (вида, фазовости, эвиденциальности), полярности, наклонения, времени, класса, лица и числа. Значение залоговости (производного состояния) выражается аналитически – сочетанием перфектного деепричастия и глагола-связки с сокращением позиции имени в эргативе (*Душил чагъар чивчунни* ‘Девочка письмо написала’ – *Чагъар чивчуну бур* ‘Письмо написано’).

Лакский глагол имеет *спрягаемые* и *неспрягаемые* формы. К спрягаемым относятся формы, представляющие изменение глагола по наклонениям, лицам, временам, у части глаголов и глагольных форм – по классам и числам. К неспрягаемым формам относятся вербоиды: инфинитив, причастие, деепричастие, конвербы, масдар, герундий. Морфологическими словоизменительными категориями вида и класса обладают, как спрягаемые, так и неспрягаемые формы. Категория вида в неспрягаемых формах большинством исследователей интерпретируется и как время. С категорией лица сочетаются формы времени в разных наклонениях.

Одни из глагольных категорий являются синтаксическими, согласовательными категориями, указывающими на связь глагола-предиката с субъектом или прямым объектом действия. К ним относятся категории класса, лица и числа. Другие категории непосредственно участвуют в отражении глаголом внеязыковой действительности. Это категории вида, наклонения, времени, полярности.

В парадигму глагольного словоизменения входят как *синтетические*, так и *аналитические* формы. В качестве производящих основ синтетических форм выступают:

- а) корень глагола: *из-у* ‘встань’, *лас-и* ‘возьми’; *лас-ав* ‘я взял’;
- б) видовые основы инфинитива: *иза-рча* ‘если встанет’ – *изла-рча* – *изава-рча* ‘если будет вставать’, *ласу-рча* ‘если возьмёт’ – *ласла-рча* – *ласава-рча* ‘если будет брать’, *чичи-рча* ‘если напишет’ – *чичла-рча* – *чичава-рча* ‘если будет писать’;
- в) целиком инфинитив: *изан-на* ‘встану’, *ласун-на* ‘возьму’;
- г) базовое («краткое») причастие: *ивз-ра* ‘я встал’, *ларс-рив?* ‘взял ли?’, *чивчу-рив?*;
- д) перфектное деепричастие: *ивзун-ни* ‘встал’, *ларсун-ни* ‘взял’, *чивчун-ни* ‘написал’;
- е) основное причастие с суффиксом –**сса**: *ивзсса-р* ‘встал’, *ларссса-р* ‘взял’, *чивчусса-р* ‘написал’ (категорический перфект).

Аналитические формы образуются сочетанием деепричастий и (реже) причастий со спрягаемыми формами бытийного глагола *биклан* ‘быть’, *бур* ‘есть’: *най ур* ‘идёт’ (очевидн.), *най ия* ‘шёл’, *най уссар* ‘идёт (категоричн.)’, *най усса ур* ‘идёт, говорят’, *учлайсса ур* ‘приходит, говорят’, *чичлай ивклунни* ‘писал (некоторое время)’ и т.д.

Морфологические категории глагола различаются по составу охватываемых ими форм. Категория вида свойственна всем формам глагола, включая и неспрягаемые, то есть каждый глагол относится к одному из трёх грамматических видов – перфектного, итеративного или дуративного. Категория класса охватывает все формы классных глаголов и формы всех глаголов перфектного вида, кроме масдара. Категорией наклонения обладают все спрягаемые формы, но неспрягаемым формам она не свойственна. Категория времени присуща индикативу, гипотетиву, интеррогативу, но её нет у импе-

ратива, прохибитива, оптатива, потенциалиса и ирреалиса. Категория фазовости свойственна формам индикатива и соотносительным с ними формам интеррогатива. Категория эвиденциальности охватывает формы индикатива. Категорией лица обладают формы всех наклонений, кроме оптатива.

Одни из грамматических глагольных категорий выражаются морфологически, то есть при помощи служебных морфем – аффиксов, другие – аналитически, сочетанием словоформ. Морфологически выражаются категории класса, лица, числа (часто кумулятивно – вместе с категорией класса и лица), категория полярности (стандартными аффиксами **къя-** и **ма-**). Такие категории, как вид, время и наклонение взаимосвязаны и используют как морфологические, так и неморфологические способы формообразования.

Из морфологических категорий собственно синтаксическими, выражающими синтаксические связи и отношения, являются категории класса и лица. Синтаксис лакского языка характеризуется наличием классно-числового и лично-числового согласования. Лично-числовое согласование свойственно только предложению как самостоятельной предикативной единице, а классно-числовое согласование встречается как в предложении, так и в некоторых видах словосочетаний именного и глагольного типа.

Категория грамматического класса является одной из подробно изученных категорий лакской грамматики. С одной стороны, класс является словоклассифицирующей категорией существительного, с другой, синтаксической согласовательной категорией для глагола и некоторых других членов предложения, входящих в глагольную группу. Эти вопросы подробно излагаются в опубликованных нами статьях [Какваева 2019], поэтому здесь коснёмся только отдельных моментов функционирования данной категории в составе предложения.

Словоизменительной категорией класса обладают разные части речи и словоформы: глаголы и отглагольные дериваты, числительные, некоторые прилагательные, отдельные разряды местоимений и наречий, некоторые формы местных

падежей, послелогии с пространственными значениями, клитики. Зависимость классно-числовой формы этих слов от контролирующего имени в составе предложения определить, как *согласование*, можно только условно, поскольку классно-числовая форма таких слов зависит не от существительного как части речи, а от его синтаксической функции, а именно от ядерного актанта в номинативе, то есть субъекта непереходного глагола или прямого дополнения переходного глагола. Поэтому некоторые исследователи определяют такую связь как *координацию* (при согласовании глагола со своими ядерными актантами) и как *ориентацию* (зависимость класса неядерных компонентов предложения от ядерных компонентов) [Эльдарова 2008: 19–29]. Собственно, согласованием может быть названа связь компонентов в именном словосочетании атрибутивного типа, когда зависимая словоформа согласуется в классе не с формой главного слова, а со словом во всех его формах: *бухсса гьухъа* (3 кл., ном.) ‘старое платье’, *бухсса гьухъул* (ген.); *духсса лачак* (4 кл., ном.) ‘старый платок’, *духсса лачакрал* (ген.) и т.д.

Хотя класс как словоизменительная категория функционирует во многих частях речи, но глобальной, охватывающей все формы ни для одной части речи она не является.

Среди производных глаголов различаются *классные* и *неклассные* глаголы, при этом неклассных глаголов значительно больше (около 130), чем классных (77) [Хайдаков, 1966, 195–200]. Классные показатели выступают в основном префиксально (*учлан*, *бучлан*, *дучлан* ‘прийти’), в отдельных словах инфиксально (*цлавцлан*, *цларцлан* ‘исцарапать’) и конфиксально (*ивчлан*, *бивчлан*, *дирчлан* ‘умереть’). Для глагола класс является не только синтаксической, но и морфологической, видообразующей категорией, охватывающей неклассные глаголы и глагольные дериваты перфектного вида, которые в этом случае становятся инфиксально-классными: *чичин* ‘написать’ (некл.) – *чивчуну* (‘написав’ I, III), *чирчуну* (II, IV). Здесь следует пояснить, что показатель III к. **б-** после гласных переходит в **[-в-]** и совпадает с показателем

I класса **в-**, который в абсолютном начале слова выпадает (нулевой показатель). Показатель II и IV классов в префиксальной позиции имеют варианты **д-** и **р-** (*дутан/ рутан* ‘накинуть’), а в инфиксальной позиции встречается в варианте **-р-** (*дуртун/ руртун*). Таким образом, глагол оказывается наиболее насыщенной классными показателями частью речи. Будучи центром структурной схемы предложения (пропозиции), глагол «притягивает» имя в абсолютиве в роли: а) единственного участника ситуации при непереходном глаголе, как в (1); б) в роли прямого объекта, как в (2), или, в) в роли восполняющего компонента (аналога объекта) при переходном неполнозначном глаголе, как в (3), и свою связь с «выбранными» членами маркирует классными показателями в собственной структуре:

(1) *Ппу увкIунни* ‘Отец пришёл’ – *Нину дуркIунни* ‘Мать пришла’;

(2) *Буттал арс увцунни* ‘Отец забрал сына’ – *Буттал нину дурцунни* ‘Отец забрал мать’;

(3) *Буттал арсан кумаг бувунни* ‘Отец сыну помог (букв. помощь сделал)’ – *Буттал арнай аьй дурунни* ‘Отец упрекнул (букв. упрёк сделал) сына’.

Согласование классных форм глагола (и его дериватов) с именем в номинативе/абсолютиве в составе предложения и словосочетания может быть названо координативной связью. Глагол не подчиняется имени, поскольку допускает в свою сферу только форму номинатива, одновременно маркируя свой выбор показателем класса выбранного имени. Такой выбор отражается и на семантике самого глагола, порождая полисемию (ср. *мяр бищун* ‘забить гвоздь’ – *дачIу рищун* ‘бить в барабан’).

Ориентированы на ядерный компонент предложения в абсолютиве и аффиксы **направительных падежей** (директивов) у существительных, наречий и послелогов с пространственными значениями. Аффиксы с классными показателями – *ай* (←*-*вай*) для I, *-май* (←*бай*) для III и *-най* (←*дай*) для IV классов присоединяются к терминативам всех серий местных падежей

(показатель **-н**). Например, в серии адессива: *члирачла* ‘у стены’ (эссив) → *члирачлан* ‘к стене’ (терминатив) → *члирачланмай* ‘в направлении к стене’ (директив). Фразовые примеры:

(4) *Арс* (1 кл.) *буттачлан-ай* ивзунни ‘Сын к отцу переехал’ – *Душ* (3 кл.) *буттачлан-май* бивзунни. ‘Дочь к отцу переехала’ – *Нину* (2 кл.) *арс-начлан-най* дирзунни ‘Мать переехала к сыну’.

По этой же модели изменяются по классам и некоторые наречия на **-н** с временным значением типа *ахттайн* ‘полуденное время’, *кIюрххицIун* ‘предутреннее время’ и под.. Напр.: *ахттайнай* (1 кл.) – *ахттайнмай* (3 кл.) – *ахттайннай* (2, 4 кл.).

В адвербиально-именной серии интер-эссива на **-в**, восходящим этимологически к классному показателю 1 кл., тот же аффикс директива представлен вариантами **-вай** (←*в-вай), **-ппай** (←*б-бай), **-рдай** (← р-дай ←*р-рай). Фразовые примеры:

(5) *ХIухчу* (1 кл.) *аривай* авчунни ‘Чабан направился на равнину’. – *Ятту* (3 кл.) *арипнай* бавчунни ‘Баранта на равнину направилась’. – *Арирдай гъараллу* (4 кл.) дусса дур ‘Говорят, на равнине (в тех краях) дожди’.

По этой схеме образуются и формы **дейктических наречий** места, типа *шикку* ‘здесь’, *тикку* ‘там’ и под., напр.: *шиккун* ‘сюда’ – *шиккунай* /*шиккунмай* /*шиккуннай* ‘сюда ближе’. См.: *Шиккун(м/н)ай хьу* ‘придвинься’ (букв. сюда стань); *Тийн(м/н)ай хьу* ‘отодвинься’ (букв. туда стань).

По классам изменяется и **клитика** *куна* /*кунма*/ *кунна* в эквативных конструкциях, класс которого зависит не от формы имени, а от функции контролирующего имени. Сравнительные конструкции данного типа ещё недостаточно изучены, хотя в работе К.И. Казенина сделана попытка их описания [Казенин 2013: 282–287].

Изменяемые по классам формы имеют и **аффиксы -ва /-ра**, и их фонетические варианты, выполняющие разные функции в составе словоформ разных частей речи.

В составе аналитических форм категории фазовости они выражают длительность процесса или состояния и функционируют в вариантах **-а** (1 кл.), **-ма** (3 кл.), **-на** (2, 4 кл.):

(6) *Оьрч1* (1 кл.) *чичлайна* ур ‘Мальчик всё ещё пишет’ – *Душ* (3 кл.) *чичлайнма* бур ‘Девочка всё ещё пишет’ – *Нину* (2 кл.) *чичлайнна* дур ‘Мать всё ещё пишет’.

При редупликации начала глагола в сочетании с аффиксами **-ва / -ра** образуются экспрессивные формы с значением окончательности:

(7) *Чира* (3 кл.) *лева-левкьунни* ‘Стена всё же обвалилась’ – *Къатри* (4 кл.) *лера-леркьунни* ‘Дом так и обрушился’.

Те же аффиксы, осложнённый союзной клитикой **-гу**, приобретают значение частиц *хоть, хоть бы, даже*. При этом энклитика **-вагу /-рагу** может сочетаться не только с глаголом, но и с другими членами предложения, фокусно выделяя их:

(8) *Вай* *гъарал* *къарагу* *дагъайссания!* ‘Этот дождь хоть бы перестал!’ – *Гъараллагу* *къадагъайссания!* ‘Хоть бы дождь перестал!’

(9) *Муса* *жуннийн* *увагу* *къауч1ай* ‘Муса даже не заходит к нам’ – *Муса* *жуннийн* *вагу* *къауч1ай* ‘Муса даже к нам не заходит’ [Эльдарова 2003: 93].

Как особый разряд возвратных местоимений выделяются личные местоимения с аффиксами **-ва/-ра** и их позиционными фонетическими вариантами: *нава /нара* ‘я сам’ – *жува /жура* ‘мы сами’; *инава /инара* ‘ты сам’ – *зува /зура* ‘вы сами’; *цува /цуппа /цурда* ‘он сам’ – *цив /цивппа/ цирда* ‘они сами’. Эти местоимения примечательны тем, что классное согласование у них связано с именем в абсолютиве в составе предложения, как показано в

(10), в биноминативных конструкциях местоимение согласуется по смыслу – с субъектом или с прямым объектом, как в (11):

(10) *Муса* (1 кл.) *цыва* (1 кл.) *лавгунни къутаннайн* ‘Муса сам поехал на кутан’ – *Мусал цанна къатри* (4 кл.) *ларсунни* ‘Муса себе дом купил’ – *Мусахъ цахъра дур ариу* (4 кл.) ‘У Мусы у самого есть деньги’ – *Мусал душ цачланма бувцунни* ‘Муса забрал дочку к себе’ (подчёркнуты формы, с которыми в классе согласуется местоимение).

(11) *Муса цыва къатри дуллай ур* ‘*Муса* сам строит дом’ – *Муса цанна къатри дуллай ур* ‘Муса себе строит дом’.

Во всех случаях, рассмотренных в данном разделе, классные показатели выполняют и предикативную функцию, указывая на ядерный компонент предложения, наиболее вовлечённый в действие, в процесс или являющийся носителем состояния, то есть участвуют в образовании пропозиции (названия ситуации). Они так или иначе сохраняются во всех трансформациях элементарных предложений – в зависимых клаузах сложного предложения и в простых глагольных словосочетаниях, например:

(12) *Ппу* (1 кл.) *шавай увклунни* ‘Отец вернулся домой’ – *ппу шавай учлаву* (масдарная номинализация); *ппу шавай увклшиву* (герундийная трансформация); *ппу шавай учлан (аьркинссар)* ‘Отец (должен) вернуться домой’ (инфинитивная трансформация); *шавай увклсса ппу* ‘домой вернувшийся отец’ (причастный оборот); *ппу шавай увклукун* ‘когда отец вернётся домой’ (конвербная трансформация) и т.д.

Таким образом, в составе предложения категория класса через глагол и глагольные группы (примыкающие к глаголу и вместе с ним ориентированные на ядерный актанта в номинативе члены предложения с пространственными значениями) организует предложение как целостную единицу.

Классное согласование вне предложения, в **словосочетании**, в лакском языке ограничено.

Изменение по классам является морфологическим признаком почти всех разрядов **числительных**. Однако назвать эту связь согласованием в обычном смысле данного термина невозможно, так как числительное сочетается с существительными только в единственном числе: такие сочетания являются как бы слитными по смыслу, при этом роль показателя числа, а именно количества предметов, переходит к числительному, оно же обозначает и класс существительного. В роли классных показателей выступают: **-(й)а** для 1 класса, **-ва** для 3 класса и **-ра** для 2 и 4 классов: *клия арс* ‘два сына’, *клива души* ‘две девочки’, *клира ссят* ‘два часа’. Исконный показатель 1 класса **-ва** сохранился в южных диалектах (*клива арс* кул.), после согласных [в] выпал (*шама* ‘три’, *мукъа* ‘четыре’), после гласных появился интервокальный [й] (*клия* ‘два’, *ххюя* ‘пять’). Исконный показатель 3 класса **-ба** сохранился в диалектах, а в литературном языке интервокальный [б] переходит в [в]: *мукъва души* ‘четыре девочки’. После [м] этот звук ассимилировался и перешёл в [м]: *шамба* → *шамма* (орфогр. *шанма*). Исконный показатель 2 и 4 классов **-ра** в большинстве случаев сохранился, в диалектах после [л] и [н] он сохранился в варианте [д], а в литературном языке ассимилировался с предшествующим согласным: **арулра* → *арулда* (диал.) → *арулла* (лит.) ‘семь’, **шамра* → *шанда* (диал.) → *шанна* (лит.).

Среди исконных **прилагательных** только отдельные слова изменяются по классам. В одних случаях аффикс класса занимает префиксальную позицию (*бухсса* ‘старый’, *бучсса* ‘упитанный, полный, жирный’), в отдельных слова – суффиксальную позицию (*хъунасса* / *хъунмасса* / *хъуннасса* ‘большой’). Классные показатели сохраняются и в отглагольных прилагательных (*дяркъусса* ‘холодный’ ← *дякъин* ‘остыть’).

Прилагательные с выделительными суффиксами **-ма, -мур, -ми** всегда согласуются в классе с определяемыми именами и противопоставляют число (**-ми** мн. ч.), а в ед. ч. – класс мужчин всем остальным именам.

Учитывая, что суффиксы **-сса** и **-ма /-мур/-ми** являются средством атрибутивной трансформации других частей речи – падежных форм существительных и наречий, определять синтаксическую связь однозначно оказывается затруднительным. Например, связь определения и определяемого в сочетании *неххайхсса ламу* ‘мост через речку’ может быть определена как слабое управление, *неххайхмур ламу* ‘тот мост, который через речку’ включает и классно-числовое согласование. Такие и подобные случаи требуют специального изучения.

Таким образом, словоизменительная категория класса, кумулятивно выражающая и число, создаёт сложную и неоднозначную картину синтаксических связей в лакском языке. С одной стороны, данная категория проявляет себя в именных словосочетаниях: изменяемые по классам зависимые согласуются со своими вершинами в классе и числе. Все остальные случаи классно-числового согласования, в том числе и классно-числовых форм глагола, относятся к сфере предложения, а не словосочетания, поскольку классные аффиксы ориентированы на ядерные члены предикации – субъект переходных и прямой объект переходных глаголов, которые кодируются номинативом имени. Этим объясняется и расширение понятия «глагольное словосочетание» (П.А.Сулейманова) и отсутствие раздела о глагольных словосочетаниях (К.И.Казенин) в описаниях синтаксиса лакского языка.

1.2.1. Категория лица и личные формы глагола

Вопросы становления личного спряжения в лакском языке исследуются в работах Г.Т. Бурчуладзе [Бурчуладзе, 1987], категория лица описана и в работах Р.Г. Эльдаровой [Эльдарова, 2000, 2018]. Наличие наряду с классным спряжением и личного спряжения является одной из отличительных черт лакского языка.

Категория лица связана с ситуацией речи и противопоставляет участников ситуации речи (локуторов) и не-участников. 1 и 2 лицо являются участниками речи (субъект речи и адресат), а 3 лицо не является участником ре-

чевой ситуации. В формах 1–2 лица различается и число, 3 лицо не различает числа. Каждое из лиц находит формальное выражение в специальных аффиксах – личных окончаниях предиката /глагола или имени/.

Набор аффиксов личного спряжения варьирует, во-первых, в зависимости от фонетической позиции (предшествующего звука) и, во-вторых, от наклонения глагола.

Базой для личного спряжения лакского глагола являются личные окончания глагола-связки *бур* (*ур*, *дур*) ‘есть’ в основных формах настоящего и прошедшего времен. Эти аффиксы формируют личное спряжение глаголов в основных наклонениях, выражающих реальную модальность – *индикативе* и *интеррогативе*.

Личное спряжение и личные окончания представлены в разделе 1.2.1. Данная категория подробно анализируется также в наших публикациях [см. Какваева 2020].

Здесь отметим некоторые семантико-синтаксические особенности категории лица.

Прежде всего, в лице, как и в классе, глагол согласуется с именем в номинативе. При непереходных глаголах – это субъект, при переходных (в том числе и при глаголах восприятия) – это объект.

В личных формах прошедшего времени итеративного вида аффикс функционирует в вариантах **-вав** (← **-бав**), **-ва** (← **-ба**): *ина учлайвав* ‘ты приходил’, *арс учлайва* ‘сын приходил’ (3 л. субъекта), *арснал чагъар чичайва* ‘сын (многокр.) письмо писал’ (3 л. объекта).

Активные переходные глаголы (глаголы действия) имеют свои особенности личного спряжения. В 1 - ом лице настоящего времени перфектного вида такие глаголы имеют двоякие окончания – субъектные и объектные. Объектные окончания не отличаются от стандартных, а при активном субъекте глагол имеет личные окончания **-а** /**-яв** в ед.ч. и **-арду**/**-ярду** во мн.ч.:

а) *тана* **на** /*ина* *авттун-на* ‘он избил меня/тебя’;

б) *на та/ина атт-ав* ‘я его/тебя избил’; *жу та атт-арду* ‘мы его избili’; *на къама гъа-яв* ‘я смолот зерно’; *жу къама гъа-ярду* ‘мы зерно смолотили’.

Но активность 2-го лица не находит отражения в личном окончании, которое остаётся объектным:

в) *ина та авттун-ни* ‘ты его избил’, *зу та авттун-ни* ‘вы его избили’, *зу тай бавттун-ни* ‘вы их избили’.

В биноминативной конструкции, таким образом, 1 лицо получает особое окончание, которого нет у 2-го лица.

Однако в формах общего вопроса вопросительного наклонения статус 2-го лица поднимается, а 1-е лицо переходит к объектному типу спряжения, то есть согласуется с объектом:

ина та атт-ав? ‘ты его избил’; *зу та атт-арду-в?* ‘вы его избили?’
(субъектное спряж.)

на та авт-ри-в? ‘я его избил?’, *жу та авт-ри-в?* ‘мы его избили?’
(объектное спряжение).

В зависимости от вида, от семантики глагола имеются и другие особенности в личном спряжении лакского глагола. Можно отметить некоторую иерархию лиц: 1) локуторы (1–2 лицо) противопоставлены нелокутору – 3-ему лицу; 2) активное 1-е лицо противопоставлено и 2-му и 3-му лицам. При этом в вопросительных формах статус 2 лица повышается.

Таким образом, весь спектр личных окончаний лакского глагола представлен в формах *настоящего и прошедшего времён индикатива*.

Формы *будущего времени* по своей модальности близки к наклонениям гипотетической модальности и образуются от инфинитива, при этом личные окончания совпадают с окончаниями настоящего времени. Непосредственно от инфинитива образованы формы 1 л.: *на учлан-на* ‘я приду’, *жу бучлан-ну* ‘мы при-

дём'. Формы будущего вероятного осложнены суффиксом **-сса-**: *Дуниял дашлай дур, гъарал лачIун-сса-р* 'Становится пасмурно, вероятно, дождь пойдёт'.

Формы будущего категорического образуются от инфинитива при помощи сложного форманта **-тIисса-р /-ра/-ру** (см. ниже).

В наклонениях *гипотетической и ирреальной модальности* личные аффиксы присутствуют в виде более сложных морфем, образованных слиянием тех или иных основ вспомогательного глагола с личными аффиксами настоящего или прошедшего времени.

Личные формы гипотетического наклонения образуются при помощи сложных формантов, включающих в себя личные окончания настоящего и прошедшего времени. Таких формантов несколько:

1) **-кка-р** (наст. вр.), **-кки-ва** (прош. вр.) соответствуют значению «кажется»:

1-2 л. ед.ч. *на /ина аьйкьуну-кка-ра* 'кажется, я/ты ошибся'; *аьйкьуну-кки-вав* 'кажется, я/ты ошибался';

1-2 л. мн.ч. *жу/зу бьайкьуну-кка-ру*; *бьайкьуну-кки-вав*);

3 л. ед. ч. *та аьйкьуну-кка-р*; мн.ч. *тай бьайкьуну-кка-р*; *та аьйкьуну-кки-ва*, *тай бьайкьуну-кки-ва*.

Формообразующей основой является деепричастие перфектного вида.

В современном лакском языке нет глагола ***ккан**, формами которого, вероятно, является данный формант гипотетива. Тот же корень в редуцированном виде присутствует в глаголе **ккаккан** 'увидеть'.

2) **-хьунсса-р** (наст. вр.), **-хьунсси-я** (прош. вр.) соответствуют значению «возможно, наверное». Личные формы образуются стандартно: *ина аьвкьу-хьунсса-ра* 'ты, наверно, простудился (наст. перф.)', *та аьвкьу-хьунсса-р*; *ина аьвкьу-хьунсси-яв* 'ты, наверно, простужался (прош. перф.)', *та аьвкьу-хьунсси-я* 'он, наверно, простужался'.

Формообразующие основы – краткие причастия соответствующего вида.

3) **-хьу-ви** (наст. вр., 3 л.) соответствуют значению «надеюсь»:

ина ниттичІан лавг-хьу-ва ‘надеюсь, ты ходил к матери’,

арс ниттичІан лавг-хьу-ви ‘надеюсь, сын ходил к матери’ (3 л. субъекта),

ина чагъар чивчу-хьу-ви ‘надеюсь, ты написал письмо’ (3 л. объекта).

Осложнение форманта показателем **-яв/-я (-хьуви-яв, хьуви-я)** придаёт форме разные модальные оттенки (упрёка, оправдания и под.).

Особое место занимает форманты **-тІисса-р (-ра, -ру)** и **-тІисси-я (-яв)**. Они образованы от причастия глагола речи **тІун** ‘говорить’ и сочетаются с инфинитивами всех трёх видов, при этом личные показатели **-ра, -ру, -р** образуют формы будущего категорического:

на /ина учІан-тІисса-ра ‘я приду/ ты придёшь’

жу/зу бучІан-тІисса-ру ‘мы придём / вы придёте’

та учІан-тІисса-р ‘он придёт’, *тай бучІан-тІисса-р* ‘они придут’.

Личные показатели прошедшего времени **-яв, -я** переводят формы будущего времени (и будущего вероятного, и будущего категоричного) в кондициалис. Формы, соотносительные с будущим вероятным, образуют условное наклонение, то есть обозначает действие, возможное при определённых условиях, ср.:

(1) *Зунсса кІанттурду барча, халкъ шяравун зана хьунссап* ‘Если создадут места для работы, люди вернутся в село’ (буд. вероятное) – *Зунсса кІанттурду бивкІссания, халкъ шяравун зана хьунссиа* ‘Если бы были места для работы, люди вернулись бы в село’.

Формы, соотносительные с будущим категоричным, образуют сослагательное наклонение, то есть ирреальными является и условие, и действие. Ср.: (2) *Зунсса кІанттурду барча, халкъ шяравун зана хьунтІиссап* ‘Если создадут места для работы, люди вернутся в село’ (буд. категоричное) – *Зунсса кІанттурду бувссания, халкъ шяравун зана хьунтІиссиа* ‘Если бы создали места для работы (а их не создали), люди вернулись бы в село’.

В наших примерах кондициалис *зана хьунссия* (действие ещё возможно при реальном условии) противопоставлено ирреалису *зана хьунтлуссия* (действие невозможно, потому что условие отсутствует, возможность упущена).

Таким образом, будущее время и ирреальные наклонения (кондициалис и ирреалис) оказываются взаимосвязанными, отличаясь личными аффиксами настоящего и прошедшего времени соответственно (ср., что и в русском языке сослагательное наклонение соотносится с формами прошедшего времени с частицей **бы**).

Категория лица, как видно из анализа, оказывается чисто морфологической категорией в отличие от других грамматических категорий, в которых при образовании грамматических форм аффиксация сочетается с аналитизмом.

Категория лица и лично-числовые аффиксы являются показателями самостоятельности предикации и главной клаузы в составе сложного предложения.

Основную функцию – указание отношения между участниками ситуации и локуторами – личные показатели совмещают и с другими синтаксическими функциями.

Одной из таких функций является, как указывалось выше, и **обозначение ремы** в предложении. В роли рематизаторов показатели **-ра/-ру/-ри** и **-яв/-я** могут перемещаться от сказуемого к другим членам предложения. В работах исследователей кавказских языков различные типы коммуникативного выделения наиболее значимой информации объединяются под термином «**фокус**». В цахурском языке это явление описано К.И. Казениным (см. [Элементы цахурского языка..., 1999: 582–590]). Впервые грамматические средства выделения новой, значимой для коммуникантов информации в дагестанских языках, в том числе и в лакском языке, было отмечено С.М. Хайдаковым, который назвал это явление «логическим ударением» [Хайдаков 1986: 88–90]. В описании синтаксиса лакского языка «логический акцент» отмечен К.И. Казениным в разделе о синтаксических средствах: «Предложение с логическим акцентом – это предложения, в которых один из членов вы-

делен как содержащий новую информацию. В них показатель личного согласования перемещается от глагола к члену предложения, на котором стоит логический акцент» [Казенин 2013: 273]. Отмечается, что глагол при этом принимает форму причастие с суффиксом **-сса**. Используя понятия темы и ремы, грамматическое средство для обозначения ремы может быть названо рематизатором. Именно в этой функции выступают личные окончания. Приведём примеры функционирования этого явления (выделены показатели ремы):

(3) *Буттал машина лавсунни* ‘Отец машину купил’ – (3¹) *Бутталли машина лавсьсса* ‘Это отец купил машину’ – (3²) *Буттал машинари лавсьсса* ‘Отец именно машину купил (а не что-либо другое)’.

(4) *На дуклу Лаккуйн лавгссияв* ‘Я в прошлом году ездил в Лакию’ – (4¹) *Наяв дуклу Лаккуйн лавгсса* ‘Это я в прошлом году ездил в Лакию’ – (4²) *На дуклуяв Лаккуйн лавгсса* ‘Это в прошлом году я ездил в Лакию’ – (4³) *На дуклу Лаккуйнъяв лавгсса* ‘Это в Лакию я ездил в прошлом году’.

Как видно из примеров, личное согласование остаётся неизменным – в (3) и его коммуникативных (фокусно маркированных) вариантах показатель 3 лица **-ри** и его фонетические варианты указывают на объект переходного глагола (‘машина’), в (4) и его коммуникативных вариантах – показатель 1 л. прош. вр. **-яв** указывает на субъект непереходного глагола.

В частно-вопросительных предложениях рематизатор часто перемещается к вопросительному слову:

(5) *Ва гъаравух нпу чун лавгри?* ‘В такой дождь куда отец отправился?’ – (5¹) *Ва гъаравух нпу чунни лавгсса?* ‘В такой дождь куда же это отец направился?’

Личный формант **-рив** (реже **-яв**) используется как *средство связи* зависимой конструкции с изъяснительным значением при глаголах речи, мысли, при этом в составе зависимой конструкции присутствуют вопросительные слова, которыми обозначена рема (зависимые конструкции подчёркнуты):

(6) *Ттун къаклулли, вай къатри та дурссарив.* ‘Я не знаю, когда был построен этот дом’.

При отсутствии вопросительных слов в зависимой части они преобразуются в герундийные обороты (6¹) или причастия с суффиксом **-сса** в значении герундия (6²):

(6¹) *Ттун кIулли вай къатри 100 шинал хьхьичI дуршиву* ‘Я знаю, что это дом построен 100 лет тому назад’.

(6²) *Нузайн щиллив къутI увкусса ттун къабавуна*. ‘Что кто-то постучал в дверь, я не слышал’.

Вопросительная форма показателя 3-л. **-рив** перешёл в разряд союзных *клитик* с сопоставительно-противительным значением «а», сохраняя при этом и рематическую функцию:

(7) *Танил шама арс дяъвилийн лавгссар, махьунайрив цаягу занакъаивкIссар* ‘Три её сына ушли на войну, а назад ни один не вернулся’.

Наконец, личные показатели в вариантах **ди/ да/ ду** употребляются в роли утвердительной частицы «да». В роли отрицательной частицы «нет» выступает отрицательная связка **бакъар / бакъара/ бакъару**. При этом в вопросительной реплике рема обозначена клитикой **-рив /-рав/-рув** и их фонетическими вариантами:

(8) *Буттащаллив оърчI нанисса?* ‘Мальчик с отцом отправляется?’ – *Ди, буттащалли* ‘Да, с отцом’.

(8¹) *БуттачIаннав ина нанисса?* ‘К отцу ты едешь?’ – *Да, буттачIанна* ‘Да, к отцу’

(8²) *БуттачIаннув зу бувкIсса?* ‘К отцу вы приехали?’ – *Ду, буттачIанну* ‘Да, к отцу’

(9) *Инарив чагъар чивчусса?* ‘Ты написал письмо?’ – *Ди, нари*. ‘Да, я’.

(9¹) *Инарав Асланнул автсса?* ‘Тебя Аслан побил’ – *Да, нара* ‘Да, меня’

Личное согласование клитики подчиняется общим правилам – в ней отражается лицо субъекта при непереходном глаголе (см.8) и лицо объекта при переходном глаголе (см. 9).

Категории класса и лица, кумулятивно выражающие и значение числа, формируют основные синтаксические категории – пропозицию и предикацию.

Под пропозицией понимается «семантический инвариант, общий для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предложений и производных от предложения конструкций (номинализаций)» [Арутюнова 1990: 401]. В лакском языке производных от предложения конструкциями являются не только номинализации (масдарные и герундийные конструкции), но и атрибутивные (причастные) и адвербиальные (деепричастные и конвербные) конструкции. В формировании пропозиции участвуют категории падежа и класса. Падежом кодируются именные члены (актанты) пропозиции, классно-числовые показатели указывают на ядерные актанты – субъект состояния, события, процесса (непереходные глаголы) и прямой объект действия при переходных глаголах. Категория лица участвует в формировании предикации. Ю.С. Степанов определяет предикацию как акт создания пропозиции. Он делит предикацию на два этапа: 1-й этап (предикация в узком смысле) – создание пропозиции, соединение смыслов более элементарных языковых выражений – *незавершённая* предикация; 2-й этап предикация в широком смысле) – утверждение или отрицание (истинности или ложности) пропозиции относительно действительности – *завершённая* предикация. «В глагольном предложении, – считает Ю.С.Степанов, – к предикации как вневременной связи, присоединяются показатели и смыслы двух других функций языковых выражений – номинации (показатель способа бытия – сама лексема глагола) и локации (показатели времени, места, лица, наклонения и т.д.), которые группируются вокруг глагола, образуя «глагольный комплекс» предложения» [Степанов 1990: 393]. В лакском языке категория лица, в которой одновременно выражается и утверждение, может быть признана, наряду с модальностью, одной из основных категорий, обозначающих предикативность. Зависимые конструкции (номинализации и другие трансформы) не обладают самостоятельной предикативностью в силу того, что глагольные трансформы по лицам не изменяются и самостоятельной финитностью не обладают: финитность может быть выражена только вместе с морфемой лица.

1.2. Аналитические конструкции в морфологии и словообразовании

1.2.1. Аналитизм в формообразовании глагола

Наличие аналитических форм в словоизменении глагола было отмечено ещё в работе первого исследователя лакского языка П.К.Услара: «Лакский язык изобилует сложными формами, которые ещё чаще употребляются в разговоре, чем формы простые. Вообще составляются они из соединения форм изъявительного наклонения, условного и деепричастий – с причастиями, неокончательным наклонением и деепричастиями» [Услар 1890: 102–112]. «Простые формы» систематизируются в таблице, подробно описываются «сложные формы», в состав которых входят формы глагола *биклан* ‘быть’, то есть формы «корня *у* и корня *ик1*». В их составе отмечены формы с разными значениями: эвиденциальные (*шава усса ури, ури тлар, усса уя, иклайсса ури, иклайсса уя, иклайсса ивклун ура* и др.), модальные (*шава иклан ура, шава иклантлуй ура* и др.), фазовые (*шава иклабай ура, ивклна ура*), выражающие состояние (*шава икланну ура*) и др. Значения форм объясняются в фразовых примерах.

Л.И. Жирков в таблицу спряжения глагола включает только синтетические формы, исключение составляет только форма «настоящего текущего времени»: «Форму настоящего текущего времени (имеющуюся только в длительном виде) мы сочли необходимым ввести в эти таблицы, хотя эта форма образуется не морфологически, а описательно (*х1ач1лай ур* ‘пьёт’). Мы поступили так потому, что эта форма встречается в речи на каждом шагу, и для языкового сознания лака она-то и является именно тем «настоящим» временем, которое ему известно из системы русского языка» [Жирков 1955: 94]. Другие формы, названные описательными, не систематизированы и не включены в таблицы спряжения.

Г.Б. Муркелинский [1971] значительное место уделяет описанию лакского глагола. Однако не всегда дифференцируются такие понятия, как «форма», «конструкция», «сложная форма», «описательная форма», «сложные

глаголы». Так, например, в разделе «Сложные глаголы» представлены как сложные формы типа *най ур* ‘идёт’, так и формы «сложных» и «сложносо-
ставных» глаголов, при этом последние термины не дифференцированы [Муркелинский 1971: 236-242]. Наряду с этими терминами употребляется и термин «сложный оборот», который также не дифференцирован.

Аналитические и синтетические формы лакского глагола системно представлены в работах Р.Г. Эльдаровой [2000, 2014], в том числе выделены категории эвиденциальности и фазовости.

Аналитические формы – это формы одной глагольной лексемы, входящие в систему форм – парадигму глагола. При этом отдельные морфологические категории имеют свою частную парадигму, например, категориям эвиденциальности или фазовости свойственна своя система форм. Частные парадигмы, в которые входят как синтетические, так и аналитические видовременные формы отмечены у всех наклонений лакского глагола.

1.2.2. Видовременные аналитические формы

Лакскому глаголу свойственна категория вида, включающая три вида: перфектив, итератив и дуратив (по терминологии Л.И. Жиркова – недлительный, повторный и длительный виды). **Перфектив** представляет целостное действие, мгновенное (*агъан* ‘упасть’) или результативное (*чичин* написать). Перфектив образуется от корня: в инфинитиве за корнем следует тематический гласный, в корень, как правило, инфигируется классный показатель: *учлан* ‘прийти’ – *ппу* (1 кл.) *увклунни* ‘пришёл’, *ласун* ‘взять’ – *буттал дикл* (4 кл.) *ларсунни* ‘отец мясо купил’, *чичин* – *буттал чагъар* (3 кл.) *чивчунни* ‘отец письмо написал’. Итератив обозначает неоднократное действие, каждый акт которого является завершённым. В инфинитиве он характеризуется наличием суффикса **-ава-**, в причастии и личных формах за корнем следует долгий **-а-**: *учлаван* ‘приходить’ – *учла-ра* (1 и 2 л.ед.ч.); соотв. *ласаван* ‘брать’ – *ласа-ра*, *чичаван* ‘писать (неоднокр.)’ – *чича-ра*. Дуратив обозначает

процесс и образуется при помощи суффикса **-ла-**, который сохраняется во всех производных формах: *ук1лан, ласлан, чичлан*. В дискурсе формы дуратива могут обозначать регулярно повторяющиеся действия, конкурируя с итеративом, который обозначает действия, повторяющиеся время от времени. Ср.: *Гъинттул шяравун шагърурда халкъ буч1ай* (итератив) – *Гъинттул ца-ла шяравун шагърурда инсантал бук1лай бур* (дуратив) ‘Летом в свои села из городов приезжают люди’. В русском переводе эта разница не передаётся: в первом случае это будет примерно «бывает, приезжают».

В современном лакском языке дуратив имеет только аналитические формы, которые образуются от дуративного деепричастия и вспомогательно-го глагола бытия в варианте *ур/бур/дур* в утвердительных формах и *акъ-ар/бакъар/дакъар* в отрицательных формах. Пример утвердительных форм: *ук1лан* ‘приходить’ – *ук1лай ур* ‘приходит’, *ласлан* ‘брать’ – *ласлай ур* ‘берёт’, *чичлан* ‘писать’ – *чичлай ур* ‘пишет’. Вспомогательный глагол употребляется только в формах настоящего и прошедшего времени. В настоящем времени в этом глаголе 1 и 2 лицо имеют одинаковые формы (*на ура* ‘я есть’, *ина ура* ‘ты есть’), которые противопоставлены 3 лицу (*та ур* ‘он есть’). Другой особенностью этих аффиксов является то, что в формах 1 и 2 лица кумулятивно выражается и число: **-ра** (ед.ч.) – **-ру** (мн.ч.). Здесь как бы присутствует последний звук личных местоимений: *на* ‘я’, *ина* ‘ты’ – *жу* ‘мы’, *зу* ‘вы’. В 3-ем лице аффикс не дифференцирует число: *та ур* ‘он есть’, *тай бур* ‘они есть’. Но классный показатель **б-** в данном случае указывает на мн.ч. имён лиц 1 и 2 классов (*арс ур* ‘сын есть’ – *арсру бур* ‘сыновья есть’; *щарсса дур* ‘женщина есть’ – *хъами бур* ‘женщины есть’). Однако классный показатель не различает число лиц 3 кл. (*душ бур* ‘девушка есть’ – *душру бур* мн.ч.).

Предикативные аффиксы **-ра, -ру, -р(и)** ведут себя как клитики, они могут перемещаться к фокусу эмпатии, и в таком случае могут иметь варианты **-на / -ну / ни** (после **н**), **-ла, -лу, -ли** (после **л**), **-да, -ду, -ди** (после гласных, после **р** и в роли утвердительной частицы ‘да’). Основной глагол при этом принимает

форму причастия с суффиксом **-сса**. Примеры: (1) *На буттачлан най ура* ‘Я к отцу иду’ – *На буттачланна нанисса* ‘Я к отцу именно иду’; (2) *Ппу къатри дуллай ур* ‘Отец строит дом’ – *Бутталли къатри дулладисса / Ппури къатри дулладисса / Ппури къатри дуллима* ‘Это отец строит дом’ (Здесь возможны варианты, о которых в данном случае мы не будем говорить).

Перенос на фокус часто встречается в вопросительных предложениях: (3) *Бутталлив къатри дулладисса?* ‘Это отец строит дом?’ – *Ди, бутталли* ‘Да, отец’; (4) *Буттачланнав ина нанисса* ‘Это к отцу ты идёшь?’ – *Да, буттачланна* ‘Да, к отцу’. (5) *Буттачланнув зу нанисса?* ‘К отцу вы идёте?’ – *Ду, буттачланну* ‘Да, к отцу’.

Во всех случаях фокусного переноса предикативного аффикса аналитическая форма теряет вспомогательную часть. Такие конструкции представляют трудность для определения главного члена предложения – сказуемого, особенно в практике преподавания лакского языка. Однако эта проблема ни с научных, ни с практических сторон не нашла обсуждения и решения в работах по лакскому языку.

Формы прошедшего времени дуративного вида образуются сочетанием форм деепричастия того же вида с вспомогательным глаголом группы **бур**. В этом случае данный глагол имеет формы *уссияв / ияв* (1 л.), *уссияв / ияв* (2 л.), *уссия / ия* (3 л.). Одни из этих форм образованы непосредственно от корня (в лит. яз. корневое *у* перед *й* перешло в *и*: *уя* → *ия*). Они употребляются в нарративе, когда говорящий отстранённо рассказывает о событиях. Чаще всего в таких текстах встречаются формы 3. лица: (6) *(На школалия увклсса члумал) нину дукра дуллай дия* ‘(Когда я пришёл из школы) мать еду готовила’. Но возможно и употребление форм 1–2 лица. Форма 1 лица возможна, когда говорящий рассказывает о себе отстранённо: события происходили или давно, или во сне: (7) *Та шинал на ияв школалий дуклай* ‘В тот год я (ещё) учился в школе’. Форма 2 лица возможна в контексте напоминания со-

беседнику: (8) *Ина та иинал дахъа 1-мур классравун занай ияв* ‘Ты в тот год ещё только в 1 класс ходил (я помню)’.

Формы вспомогательного глагола, образованные от причастия (*уссияв ← уссяяв, уссия←уссяя*) обозначают неактуальное для момента разговора прошедшее время (то, что было, но теперь «отменено»). Для 1 лица, говорящего, эта форма является наиболее употребительной: (9) *На лахъхъу ниттин кумаг буллай уссияв* ‘Я вчера матери помогал’. Формы других лиц выражают событие, являющееся или неактуальным в настоящее время, или его наличие является неясным для говорящего. Например: (10) *Аслан университетраву дуклай уссия, амма дуккаву къариртуна*. ‘Аслан учился в университете, но учёбу не завершил’; (11) *Ина лу чичлай уссияв, цлана ссайн ивну ура?* ‘Ты (насколько мне известно) писал книгу, как сейчас обстоят дела?’.

Будущее время в лакском языке конкурирует с модальными наклонениями. В парадигме форм будущего противопоставлены синтетические формы, образованные:

(а) от инфинитива, ограниченные только 1 лицом: *на чичинна* ‘я напишу’, *жу чичиннну* ‘мы напишем’;

б): от инфинитивного причастия, выражающие предположение (со значением ‘я полагаю’): *на учланссара* ‘я приеду’, *ина учланссара, та учланссар* и во мн. ч. по образцу;

(в) от инфинитивного причастия в сочетании с энклитикой спрягаемой по лицам и числам **-т1иссар**, которая представляет собой десемантизированное причастие от глагола *т1ун* ‘говорить’. Эти формы и воспринимаются как формы будущего времени. Наиболее употребительны формы 3 лица, сообщающие о событиях, которые обязательно произойдут. Например: (12) *Инттухунмай х1алт1ухъантал шаппай занабик1ант1иссар*. ‘Весной отходники вернутся домой’.

Таким образом, в парадигме видовременных форм аналитическими являются формы дуративного вида настоящего и прошедшего времён.

Формы будущего времени выражают ответственность говорящего за высказывание о будущем: 1) намерения говорящего выражены только в формах 1 лица; 2) производные от инфинитивного причастия формы выражают предполагаемое будущее, основанное на опыте говорящего; 3) формант - **т1иссар** сообщает о событиях, которые, по убеждению говорящего, обязательно произойдут. При этом в первом лице они могут выражать предупреждение (*На гьунттий зуннийн уч1ант1иссара, ариу х1адур дува* 'Я завтра к вам приду, (смотри) приготовь деньги'). Форма 2-го лица может содержать повеление, запрет, угрозу (*Ина ххишала жуннийн кьауххант1иссара* 'Ты больше не войдёшь в наш дом').

В образовании аналитических форм настоящего и прошедшего времени в качестве вспомогательного компонента выступают личные формы связки «быть» – *ур/бур/дур*. В формах настоящего и прошедшего времени аналитические формы стали господствующими, вытеснив синтетические формы типа *хъанахъра* 'становлюсь', *хъанахъибав* (вместо современных *хъанай ура*, *хъанай ияв*), отмеченные П.К. Усларом [Услар 1890: 137].

1.2.3. Аналитические формы категории эвиденциальности

В исследованиях по дагестанским языкам отмечены особые глагольные формы, которые обозначались разными терминами: «утвердительные», «категоричные», «очевидные», «заглазные» (П.К. Услар, Г.Б. Муркелинский, Г.Т. Бурчуладзе). Как отмечает В.А. Плунгян, до недавнего времени эвиденциальность казалась «экзотической» категорией, свойственной лишь ограниченному кругу языков. Однако исследования конца XX в. значительно расширили этот круг и позволяют рассматривать эвиденциальные значения как полноправный элемент универсального грамматического набора [Плунгян 2010: 321]. Ещё в 30-х годах XX в. Э.Сепир констатировал наличие в языках категории, которая «выражает источник и характер того знания, что лежит в основе сообщения говорящего (есть ли это знание из личного опыта, или с

чужих слов, или это есть умозаключение)» [Сепир 1934: 85]. Эти сведения не во всех языках грамматикализуются. Однако выявлено наличие достаточного количества языков, в которых подобная информация встроена в систему грамматических форм глагола. К ним относятся и дагестанские языки. Но данная категория не выделялась в них в качестве грамматической категории. В лакском языке она была выделена в работах Р.Г. Эльдаровой сначала как «категория достоверности» [Эльдарова 1995], потом как «категория эвиденциальности» [Эльдарова 2000].

Максимальная система эвиденциальных значений, как отмечает В.А. Плунгян, предполагает, прежде всего, различие источников информации о ситуации по двум признакам:

1) имел ли говорящий прямой доступ к ситуации («прямая» vs «косвенная» информация);

2) имел ли говорящий личный доступ к источнику информации о ситуации – не важно прямому или косвенному (этот признак различает «непосредственную» и «опосредованную» информацию) [Плунгян 2010: 322].

Оба этих типа в разной степени могут быть грамматикализированы в языках. Отмечается, что показатели косвенной эвиденциальности обычно имеют два блока значений: а) *инферентивное* – ‘говорящий наблюдал не саму ситуацию, а её результат’ и б) *цитативное* – ‘говорящий знает о ситуации от третьих лиц’.

В лакском языке можно отметить большее количество граммем эвиденциальности.

Маркированные формы категории эвиденциальности свойственны в основном индикативу, возможны они и в интеррогативе.

Базовые, немаркированные формы обозначают прямую информацию – это так называемые *очевидные* формы, выражающие наличие у говорящего личного доступа к ситуации: *чичлай ур* ‘пишет, и я это вижу’, *чичлай ия* ‘писал, и я это видел’, *чивчуна* ‘написал, и я это видел’ и т.д.

По степени достоверности информации к очевидным близки *категоричные* формы, выражающие высокую степень достоверности информации с точки зрения говорящего. Они отражают объективные знания о мире, о фактах, событиях, свойствах, отношениях, принятых всеми, в том числе и говорящим, как истинные. Такие формы свойственны научному стилю языка, встречаются также в пословицах. Например: (1) *Лакку мазрай цалчин грамматика чивчуссар Аьли Къаяевлул* ‘На лакском языке впервые грамматику написал Али Каяев’; (2) *Ттуккул дайссар, чал дукайссар* ‘Осёл делает (работает), а конь поедает’. Категоричные формы образуются от причастий с суффиксом **-сса** при помощи предикативных аффиксов **-ра, -ру, -р(-ри)**. Данные аффиксы в категорических формах, на наш взгляд, имеют вневременное значение.

Аналитические формы дуративного вида состоят из деепричастия того же вида и категоричных спрягаемых форм вспомогательного глагола *бур*: (3) *Патиматлул душ Московлив дуклай буссар* ‘Дочка Патимат учится в Москве’.

Категоричность наиболее ярко выражена в аналитических формах, в состав которых входит вспомогательный глагол *биклан* в личных формах *бивк1ссар* (*бивк1ссара, бивк1ссару*), образованных от перфектного причастия *бивк1сса* ‘бывший’. Сочетание дуративного деепричастия и вспомогательного глагола обозначает факт в прошлом, сохраняющий свою актуальность (достоверность) и в настоящем: (4) *Дж. Коркмасов Сорбонна университетраву дуклай ивк1ссар* ‘Дж. Коркмасов учился в университете Сорбонна’.

Формы 1-го, особенно – 2 лица встречаются реже: (5) *На шяраву школалий дарсру дихълай бивк1ссара* ‘Я в сельской школе преподавала уроки’. В формах 2 лица выражается больше предположение говорящего, чем утверждение: (6) *Ина дарс къалахълай ивк1ссара, муниятура махъун агъсса*. ‘Ты (скорее всего) не учил уроки, поэтому и отстал’.

Косвенная опосредованная информация в ситуации, когда говорящий не имел личного доступа к информации’, передаётся маркированными аналитическими формами глагола. Таких форм несколько.

Аудитив обозначает информацию, известную говорящему из заслуживающих доверия источников (значение «насколько мне известно»):

(6) *Пат1имат аспирантуралуву дуклай бусса бур* ‘Патимат (насколько мне известно) учится в аспирантуре’;

(7) *Арс нитти-буттач1ан шяравун уч1айсса ур* ‘Сын (насколько я знаю) приезжает к родителям в село’;

(8) *Бензиндалул багъри лавхъун бусса бур* ‘Цены на бензин (насколько мне известно) поднялись’.

Все формы аудитива являются аналитическими.

В зависимости от вида глагола, в их образовании участвует дуративное деепричастие (6), итеративное причастие (7) и перфектное деепричастие (8). Вспомогательный глагол **бур** сам употреблён в аналитической форме причастие + личная форма (см. 6 и 8), образуя трёхкомпонентную аналитическую форму.

В аудитивных формах спрягаемый глагол может иметь форму прошедшего времени **бия**. В этом случае формы имеют значения ‘как я узнал’, т.е. говорящий приложил определённые усилия к выяснению информации:

(6¹) *Пат1имат аспирантуралуву дуклай бусса бия* ‘Патимат (как я выяснил) учится в аспирантуре’;

(7¹) *Арс нитти-буттач1ан шяравун уч1айсса ия* ‘Сын (как я узнал) приезжает к родителям в село’;

(8¹) *Бензиндалул багъри лавхъун бусса бия* ‘Цены на бензин (как мне стало известно) поднялись’.

Пересказательная форма (предлагаем термин *эпические* формы), используемая при пересказе прочитанного или услышанного. Типичным компонентом таких форм является комплекс **бивк1ун бур**, представляющий сочетание перфектного причастия глагола **бик1ан** и спрягаемой формы глагола **бур** (букв. ‘бывши был’). Обычно употребляется в форме 3 л. В перфектных формах обычно первый компонент вспомогательной части сокращается:

(9) *Къужа вацIлувун лавгун ивкIун ур* → *Къужа вацIлувун лавгун ур*.
‘Старик пошёл в лес’.

В формах других видов оба элемента вспомогательной части сохраняются, а смысловая часть выражается дуративным деепричастием (10) или итеративным причастием (11):

(10) *Къужа хъхьиричIан най ивкIун ур* ‘Старик шёл к морю’;

(11) *Къужлуд чавахъру бугъайсса бивкIун бур* ‘Старик ловил рыбу’.

Поскольку эти формы часто употребляются в сказках, легендах, их можно назвать эпическими. Эпические формы дискурсивно являются формами прошедшего времени, хотя употреблены формы ряда *бур* (наст. вр.).

Следует обратить внимание на два типа нарративного текста: *авторский нарратив* и *эпический нарратив*. В авторском нарративе события представлены в прошедшем времени, но эвиденциально – в виде прямой (авторской) информации. В эпическом нарративе информация является косвенной – говорящий не наблюдал ситуацию. Эти особенности при переводе нивелируются, ср.:

(12) *Къужа хъхьиричIан лавгуна* (авторский рассказ, автор – наблюдатель)

(12¹) *Къужа хъхьиричIан лавгун ур* (пересказ) ‘Старик пошёл к морю’.

Эпические формы могут иметь и другое значение – инферентивное – ‘говорящий наблюдал не саму ситуацию, а её результат’:

(13) *Хъхьурай гъарал лачIлай диркIун дур: аьрици хъартуну дур* ‘Ночью (оказывается) шёл дождь: земля мокрая’.

Цитативное значение эвиденциальных форм В.А.Плунгян определяет так: ‘говорящий знает о ситуации от третьих лиц’ [Плунгян 2010: 290]. Однако все значения, которые мы отнесли к аудитивным, отвечают этому определению. Собственно *цитативное* значение в лакском языке образуется при помощи клитики *тIар* ‘говорят’, которая переводит любую форму в разряд аудитивных:

(14) *Къунну Ибрагьин хIалтIилуха увкIссар тIар* ‘Вчера, говорят, Ибрагим вернулся с заработков’;

(15) *Мик1ирай цулч1а къавт1ун бивзуна т1ар*. ‘Говорят, лиса станцевала на льду’.

Клитика здесь не является вводным словом, как это обстоит в русском языке, и обособление его является ошибочным – вносит смысловой диссонанс, переводя текст из одного эвиденциального регистра в другой.

Таким образом, категория эвиденциальности в лакском языке представлена значительно богаче, чем это отмечено в научной литературе. По степени достоверности они составляют иерархию:

очевидные (прямая информация) > **категорические** (заглазная и категорическая) > **аудитивные** > **эпические** (с инферентивом) > **цитативные**.

Если учесть и подзначения, то таких форм оказывается около семи. Большинство форм являются аналитическими, причём формальная часть может состоять из двух компонентов.

Таким образом, в образовании аналитических форм категории эвиденциальности участвуют в качестве вспомогательного глагола спрягаемые формы глагола *бик1ан* ‘быть’: *бур* (наст. вр.), *бия* (прош. вр.) и *бик1ант1иссар* (буд. вр.). Глагол речи *т1ун* ‘говорить’ в роли клитики *т1ар* ‘говорят’ образуют формы цитатива.

1.2.4. Аналитические формы категории фазовости

В современных типологических исследованиях в аспектуально-таксисной семантической зоне глагола выделяется и категория фазовости. В самой категории аспектуальности В.А. Плунгян, следуя за С. Диком и И.А. Мельчуком, выделяет **количественные** и **линейные** группы значений [Плунгян 2010: 294].

Категория вида является одной из центральных грамматических категорий лакского глагола и включает три вида – перфектив, итератив, дуратив. Каждый вид имеет свою частную парадигму видовременных и модальных форм (форм наклонений) [Эльдарова 1995: 81-83]. Каждый из видов характеризуется собственными типовыми значениями.

Так, основным значением *перфектива* является обозначение однократного результативного действия, завершившегося к моменту речи (*чичин* ‘написать’ – *чивчунни* ‘написал’). Данный вид обозначает также целостное (мгновенное) действие (событие), предельное в своём начале (*леххан* ‘полететь, взлететь’ – *левххунни* ‘взлетел’, *ачин* ‘двинуться, пойти’ – *авчунни* ‘пошёл, двинулся’), или в конце (как *учлан* ‘прийти’ – *увклунни* ‘пришёл’, *агъан* ‘упасть’ – *агъунни* ‘упал’). Эти формы наиболее насыщены классными показателями: префиксально-классные глаголы становятся конфиксально-классными (*бучлан* ‘прийти’ – *бувклунни* / *дурклунни* ‘пришли’), а неклассные становятся инфиксально-классными (*ласун* ‘взять’ – *ларсунни* / *лавсунни*), исключение составляет глагол *багъан* ‘упасть’, который в литературном языке не становится конфиксально-классным, но остаётся префиксально-классным (*агъунни*, *багъунни*, *дагъунни*) в отличие от диалектов (см. в хоср.: *авгъунни*, *бавгъунни*).

В глаголах с семантикой процесса-состояния перфектив обозначает завершенность процесса и переход в новое состояние (*къакъан* ‘высохнуть’, *хъатан* ‘отсыреть’ и т. д.) – от таких глаголов естественнее всего образуются формы, обозначающие состояние (*аьрици къаркъун дур* ‘земля подсохла, то есть сухая’, *янна тлартлун дур* ‘одежда изнасилась, пришла в состояние изношенности’). Значение предельности могут приобрести и одновидовые глаголы дуративного вида в сочетании с вспомогательным глаголом *биклан* «быть» в фазовом значении начала действия: *хъян* «смеяться» – *хъян ивклунни* «засмеялся», *зун* ‘работать’ – *зун ивклунни* ‘начал работать, заработал’ (*Ссят зун дирклунни* ‘Часы пошли’). Такие глаголы обычно обозначают процесс-состояние (*занан* ‘ходить’, *канан* ‘есть’, *гъанан* ‘крутиться’ и др.)

Итератив по своей семантике и образованию близок к перфективу, но отличается своей категориальной семантикой. Данный вид собственно итеративным значением обладает в глаголах, обозначающих активное действие, при этом действие является неоднократным и результативным: *лаххаван* ‘на-

девать (не раз)’ – *лаххай* ‘надевает’, *ацIаван* ‘останавливаться (не раз)’ – *ацIай* ‘останавливается (временами)’ и под. Фразовые примеры:

(1) *Буттал, ккурчIав нанийни, бартукъ лaххайва* ‘Отец, когда отправлялся на годкан, надевал овчинную шубу’;

(2) *Ялавай нанисса лак Щурагъ Гьухъаллал патирдануву бацIайва* ‘Отправлявшиеся на равнину лакцы в Шуре останавливались в табахлинской гостинице’.

В глаголах с процессуальной семантикой данный вид приобретает значение хабитуальности: *кьакъаван* ‘высыхать, сохнуть’ – *кьакъай* ‘высыхает, сохнет’:

(3) *Бургъилу янна ччяни кьакъай* ‘На солнце бельё быстро сохнет’.

Значение итеративности и хабитуальности могут приобретать и одновидовые дуративы в сочетании с вспомогательным глаголом *бикIан* в итеративном виде – *бикIаван* ‘бывать’ (инфинитив), *бикIай* (наст. общее), *бикIайва* (прошедшее общее). См. фразовый пример с глаголом *чIалан* ‘видеть, видеться’:

(4) *ВацIиллуйн лавхъукун, Лакку биляят чIалан бикIай* ‘Когда поднимешься на Вацилу, видна бывает (начинает видеться) вся Лакия’. Естественно, в таких аналитических образованиях значение итеративности-хабитуальности сочетается и со значением начала действия (инхоативности).

Дуративный вид обозначает действие и процесс в его протекании. Большинство форм времени образуется аналитически – сочетанием деепричастия дуративного вида с финитными формами глагола существования *бикIан* ‘быть’ – *бур*, *бия* и др.: *чичлай бур* «пишут», *чичлай бия* «писали». Глаголы мгновенного, целостного действия в формах дуративного вида приобретают значение регулярно повторяющегося (*узитативного*) действия, приближаясь в этом значении к итеративу. Например, глагол мгновенного действия *бучIан* ‘прийти’ в формах итератива *букIлан* ‘приходить, приезжать’ приобретает значение регулярной повторяемости:

(5) *Махъсса шиннардий Дагъусттаннайн мадарасса туристътал букIлай бур* ‘В последние годы в Дагестан приезжает немало туристов’.

Как видно из краткого обзора, некоторые из видовых значений относятся к **количественной аспектуальности** (итератив, хабитуалис, узитатив). Значения количественного аспекта характеризуют ситуацию с точки зрения её повторяемости. Исчисление множественности ситуаций представлено в [Храковский (ред.) 1989].

Линейный аспект связан с выделением различных фрагментов внутри ситуации, в её структуре. В литературе отмечается пять таких фрагментов: *начало* (момент перехода от состояния ‘ситуация не имеет места’ к состоянию ‘ситуация имеет место’); *конец* (момент обратного перехода); *середина* (промежуток между началом и концом); *подготовительная стадия* (состояние, что имеются признаки начала ситуации); *результатирующая стадия* (состояние, наступающее после конца ситуации).

Последние две ситуации относятся к *внешним*, остальные – к *внутренним*, характеризующим саму ситуацию [Плунгян 2010: 297].

Подготовительная и результирующая стадии могут отсутствовать у любой ситуации, но в языках могут быть те или иные средства их выражения – лексические или в той или иной степени грамматикализованные.

Подготовительная стадия в литературе названа *проспективом*. В лакском языке она может быть выражена двумя способами. Во-первых, для её обозначения используется глагол *нан* ‘идти’ в сочетании с перфектным инфинитивом основного глагола: *Гъарал лачIун най дур* ‘Дождь собирается идти’ (ср. *Гъарал ларчIунни* ‘Дождь пошёл’). Во-вторых, проспективное значение имеют сочетание глагола *бачин* ‘пойти, тронуться’ с перфектным инфинитивом: *Ина ттуйн иян авчурав?* ‘Ты драться со мной собрался?’. В первом случае значение грамматикализовано, поскольку сочетания с глаголом *нан* ‘идти’ получили в некоторых случаях значение будущего времени и слились

с первым компонентом: *Та жуннийн учланниссар* ‘Он придёт к нам’ (наряду с основным вариантом *учлантлиссар*).

Результативность в лакском языке выражают временные формы перфектного вида: *чивчунни* ‘написал’, *лавгунни* ‘ушёл’, *ттирирхлунни* ‘развязал’. Эти формы выражают завершенность действия или его прекращение. Однако существуют и грамматикализованные формы для обозначения результативного состояния – состояния, являющегося результатом действия. Такое значение результативности грамматикализовано и выражается аналитической формой – сочетанием перфектного деепричастия со спрягаемой формой глагола ‘быть’ (*бур*, *бия* и другие парадигматические формы). Сравним результативное действие и результативное состояние:

(5) *Нуз ларкьунни* ‘Дверь закрылась (сейчас)’ – (5¹) *Нуз ларкьуну дур* ‘Дверь закрыта’;

(6) *Душил хью дархьунни* ‘Девочка подмела двор’ – (6¹) *Хью дархьуну дур* ‘Двор подметён’.

(7) *Студентътал каникуллай шяравун бувклунни* ‘Студенты на каникулы приехали в село’ – (7¹) *Студентътал каникуллай шяравун бувклун бур* ‘Студенты ... приехали (т.е. они находятся в селе)’.

Таким образом, лакский язык позволяет различать результативное действие и результативное состояние, соприкасаясь в этой области с категорией залога.

Не все ситуации могут иметь и *срединную стадию*, Например, мгновенные ситуации, называющие целостное событие, как *учлан* ‘прийти’, *агьан* ‘упасть’, *лякьин* ‘найти’ и подобные не могут быть длительными и потому не имеют срединную стадию: у них момент начала и момент конца совпадают: у них нет дуративного вида, хотя формально принимают суффикс дуратива *-ла-*, однако данный суффикс в мгновенных глаголах имеет другое значение, как об этом было сказано выше (регулярная повторяемость в отличие от не-

регулярной повторяемости итеративного вида: *чагъарду бучлай* ‘письма приходит время от времени’ – *чагъарду бучлай бур* ‘письма приходят’).

Наряду со значениями линейной аспектуальности и в тесной связи с ними «в языках мира встречаются и другие значения, которые обычно называют «фазовыми» (или «фазисными») и определяются как указание на одну из трёх логически возможных фаз ситуации – начало (*инхоатив*), продолжение (*континуатив*) и конец (*терминатив*)» [Плунгян 2010: 303]. Глагольные показатели фазы считаются аффиксальными эквивалентами предикатов ‘начаться’, ‘продолжиться’ и ‘кончиться’. Таким образом, проспектив и результатив к фазовым значениям не отнесены.

Авторы логико-философского направления предполагали наличие и четвёртого элемента со значением «не начаться». «Если считать, что фазовый предикат включает указание на два момента времени, данный момент (t_0) и предшествующий ему момент (t_i), и что в каждый из этих моментов ситуация либо может иметь (+), либо не иметь (–) места, то мы получаем не 3, а 4 возможных комбинации: $t_0 t_i$

- 1) – + («начаться»)
- 2) + – («прекратиться» / «не продолжиться»)
- 3) + + («продолжиться» / «не прекратиться»)
- 4) – – («не начаться») [Там же: 305].

В.А. Плунгян приходит к выводу о наличии в языках мира и этого четвёртого элемента, который он называет *кунктативом*. «В качестве лексического показателя он даже достаточно распространён: например, этот смысл довольно точно передаётся в русском языке с помощью *так и не* (ср. Он так и не ответил на моё письмо), а в английском – с помощью *not yet*. Но и грамматические показатели, выражающие именно это значение, существуют, причём, по крайней мере, в одном лингвистическом ареале они представлены массово: речь идёт о языках банту [Плунгян 2010: 306].

Из четырёх фазовых значений наиболее распространённым значением автор считает морфологический инхоатив. Отмечается, что морфологический континуатив типичен для дагестанских языков (в частности, для лезгинского и арчинского) [Там же: 307]. При этом морфологическими считаются только аффиксально выраженные грамматические значения. Однако во многих языках морфологические формы выражаются и аналитическими конструкциями. К таким языкам относится и лакский язык, в котором многие морфологические категории выражаются аналитически (видовременные, эвиденциальные, фазовые и др.).

Есть ли грамматическая категория фазовости в лакском языке и какова структура её значений?

В лакском языке фазовые значения могут быть выделены в отдельную грамматическую категорию. Первая попытка в изучении этой категории содержится в работе Р.Г. Эльдаровой [Эльдарова 2014: 192–194].

Хотя фазовость как отдельная грамматическая категория в лакском языке не выделялась, П.К.Услар, а вслед за ним и другие языковеды, отмечали наличие деепричастий с разными фазовыми значениями. Однако следует обратить внимание на то, что, во-первых, в образовании форм лакского глагола в большой степени присутствует аналитизм, во-вторых, эти выявленные деепричастия функционируют в составе аналитических видовременных форм, а не сами по себе. Без учёта этого фактора описание морфологии лакского глагола не может быть адекватным. Например, в работах Е.А. Кибрика [Кибрик 2003: 492] и его ученика К.И. Казенина [Казенин 2013: 176] инфинитив в сочетании с глаголом *байбишин* ‘начать’ представлен как сентенциальный актант (изъяснительное придаточное предложение). О сочетаниях вспомогательного глагола *бикIан* ‘быть’ с инфинитвом дуративного вида информации в работах этих авторов нет, между тем эти конструкции представляют собой регулярно образующиеся формы *аналитического инхоатива*. Они обозначают как начало процесса или состояния (*чичлан ивкIунни* ‘начал

писать’, *шанан ивкIунни* ‘заснул’), так и начальную точку целостного непредельного события (*хьян* ‘смеяться’ – *хьян ивкIунни* ‘засмеялся’).

При этом существуют и формы *лексического инхоатива*, которые образуются сочетанием глагола *байбишин* ‘начаться’ с инфинитивом дуративного вида. Но эти формы находятся на периферии языка и, на наш взгляд, вошли в лакский язык в результате контактирования с русским языком. Инфинитив в таких сочетаниях является не сентенциальным актантом, а компонентом составного глагольного сказуемого. В исконных же конструкциях данный глагол сочетается или с существительными, обозначающими события, или с масдарами, но не с инфинитивом. Ср. синонимические конструкции:

(8) *Гьарал лачIлан диркIунни* «Пошёл дождь» (начало процесса)

(9) *Гьарал дайдирхьунни* ‘Начался дождь’ (начало события).

Основным способом выражения категории фазовости является грамматический способ, хотя глаголы *байбишин* «начать», *кьуртал бан* «кончить» в сочетании с некоторыми формами основного глагола (инфинитивом, деепричастиями дуративного и перфектного видов) могут обозначать фазовость лексическим способом. Примечательно, что в лакском языке существует лексическая лакуна – нет отдельной леммы со значением «продолжить»: континуатив образуется сочетанием деепричастия длительности со связочными формами глагола *бикIан* ‘быть’ (*бур, бия*) в предикативных формах (*чичлай-на ур* ‘продолжает писать’). Данный факт также свидетельствует о том, что категория фазовости в лакском языке грамматикализована.

Отметим фазовые значения и способы их выражения.

В составе категории фазовости в лакском языке могут быть выделены следующие фазы:

1) начальная фаза (*инхоатив*): дуративный инфинитив + *бикIан* (*чичлан ивкIунни* ‘начал писать’);

2) фаза протекания действия (*прогрессив*, совмещается с дуративным аспектом): дуративное деепричастие + *бур (ур, дур)* (*чичлай ур* ‘пишет’);

3) фаза продолженности (*континуатив*, осложнённый значением «ещё, всё ещё»): дуративное деепричастие с аффиксом длительности **-на** (**-нма**, **-нна**) + *бур* (*ур*, *дур*) (*чичлайна ур* ‘продолжает писать’);

4) фаза близости к завершению (значение «вот-вот», предлагаем назвать эту фазу *перспективом*): деепричастие на **-авай** + *бур* (*ур*, *дур*) (*чичавай ур* ‘вот-вот напишет’);

5) фаза завершённости (*терминатив*, совпадает с перфектом): личная форма, образованная от перфектного деепричастия (*чивчунни*) с возможностью образовать результатива состояния (*чивчуну бур* ‘написано’);

6) прерванность действия на последней стадии (возможный термин *антитерминатив*): деепричастие на **-авай** + *личлан* ‘остаться’ (*чичавай ливчлунни* ‘чуть не написал’).

В зависимости от семантики глагола фазовые значения могут быть иначе интерпретированы. Четвёртая в нашем перечне фаза у мгновенных глаголов может оказаться внешней по отношению к ситуации, то есть значение перспективности приобретает значение проспективности (ожидания), например, во фразе: *Чира лекъавай бур* «Стена вот-вот обрушится». Такие формы могут употребляться и в качестве угрозы: *На ина аттавай бура* (ребёнку) ‘Смотри, побью!’ (смысловой перевод).

Требует пояснения и *антитерминатив*. Это значение находится скорее вне пределов ситуации, поскольку событие не произошло. Возможно, данное значение близко к кунктативу («так и не...»). Но смыслы «чуть не» (событие нежелательное для говорящего) и «так и не...» (выражающее скорее сожаление) различаются.

В зависимости от семантики основного глагола семантика фазовой формы может видоизменяться. Например, инхоатив от событийных глаголов типа *учлан* ‘прийти’ (однократное) – *уклан* (многократное) ‘приходить’ приобретает значение хабитуальности: *уклан ивчлунни* ‘начал приходить’.

Если представить все фазовые значения, в том числе и внешние, процессуального глагола *чичин* ‘написать’ в один ряд, то получим (формы представлены в 3 лице, 1 кл. субъекта, индикатив, наст. вр., утвердит.):

(1) *чичин най ур* ‘собирается (на)писать’ – (2) *чичлан ивчIунни* ‘начал писать’ – (3) *чичлай ур* ‘пишет’ – (4) *чичлайна ур* ‘продолжает писать’ – (5) *чичавай ур* ‘вот-вот напишет’ – (6) *чивчунни* ‘написал’ – (7) (*аьрза* ‘заявление’) *чивчуну бур* (3 л. объекта – результативное состояние) – (8) *чичавай ливчIунни* ‘чуть не написал’.

Следует обратить внимание на особенности континуатива.

Континуатив имеет в своём составе суффиксальные классные показатели: **-на** (1 кл.), **-нма** (3 кл.), **-нча** (2,4 кл.). В диахроническом плане они представляют собой варианты частиц **-ва, -ба, -ра** (с открытым долгим [а]), которые присоединялись к суффиксу деепричастия **-ну**: **чичлайнува* → *чичлайна*, **чичлайнуба* → *чичлайнба* → *чичлайнма*, **чичлайнтура* → **чичлайнра* → *чичлайнда* → *чичлайнна*.

От деепричастий образуются и причастия с континуативным значением: *лачIлайннасса гьараллу* ‘продолжающиеся (бесконечные) дожди’, *чичлайнмасса чагьарду* ‘продолжающие приходить, бесконечные письма’.

Континуатив состояния образуется от перфектного деепричастия или наречия состояния. При этом деепричастия может иметь значение «давно, уже» или «почти»: *дикI шархьна дур* ‘мясо уже сварено’/ ‘мясо почти сварено’ (в зависимости от контекста). Наречие в роли сказуемого (предикативное наречие) обозначает длящееся состояние: *Накъ кIиринна дур* ‘Суп ещё горячий (ещё не остыл)’. Такие сказуемые адъективируются в причастия или прилагательные со значением длительности признака: *Баргь бивтна бур* ‘Солнце всё светит’ – *бивтнасса баргь* ‘постоянно светящее солнце’; *Чай кIиринна дур* ‘Чай ещё горячий’ – *кIириннасса чай* ‘ещё горячий чай’.

Отрицательная форма континуатива с отрицательной проклитикой **къа-** в сочетании с глаголом *личІан* 'остаться' образует аналитическую форму со значением «так и не» (кунктатив по В.А. Плунгяну): *Шяравун къалавгна ливчІунна* 'Так и не поехал в село'; *Чагъар къачивчунма ливчІунни* 'Письмо так и не написал (не удалось)'.

В зоне фазовости находятся и некоторые другие сочетания, выражающие начальную фазу ситуации. Начало выражается сочетанием дюративного деепричастия или инфинитива с глаголами *байбишин* «начать» и *бачин* «пойти». При этом формы приобретают различные эмоционально-экспрессивные оттенки: *бусли айивхьунни, бусли авчунни* «начал рассказывать» (ожидание долгого и нудного действия); *буслан авчунни, буслан айивхьунни* 'стал (было) рассказывать' (действие может быть прервано в самом начале).

К категории фазовости относятся и сочетания инфинитива с вспомогательным предикативным словом *увар (бувар, дурар)* в настоящем времени и *увая (бувая, дурая)* в прошедшем времени, обозначающие фазу, ещё далёкую до начала действия или до его завершения. Вне контекста фазовости данный предикат не употребляется. У него нет инфинитива, что даёт основание считать его недостаточным глаголом или разновидностью глагола-связки **бур**. Предикатив имеет и личные (лично-числовые), и эвиденциальные (очевидные и категорические) формы:

Таблица основных форм недостаточного глагола **ува-**

Лич.-врем. формы	Наст. вр.	Прош. вр.
1–2 л. ед.ч.	<i>увара, увассара</i>	<i>уваяв, увассияв</i>
1–2 л. мн.ч	<i>бувару, бувассару</i>	<i>буваяв, бувассияв</i>
3 л. ед.ч.	<i>увар, увассар</i>	<i>увая, увассия</i>
3 л/ мн. ч.	<i>бувар, бувассар</i>	<i>бувая, бувассия</i>

Примеры фазовости: (1) *ОьрчI ттигу школалийн занан увар* ‘Мальчику далеко ещё до школы (до начала обучения)’; (2) *XIaltIuxъантал бுவая уттигу бучIан* ‘Ещё далеко было до возвращения отходников’.

В сферу фазовости входят и полнозначные глаголы *бачин* ‘пойти’, *бацIан* ‘остановиться, стать’, которые в тексте участвуют в лексическом обозначении начальной и конечной фаз ситуаций, выраженных глаголами, обозначающими движения или функционирование объектов: *машина бавчунни* ‘машина двинулась’ – *машина най бур* ‘машина идёт’ – *машина бавцIунни* ‘машина остановилась’.

Грамматикализация категории фазовости, в частности континуатива, как упоминалось выше, отмечена и в других дагестанских языках (лезгинском, арчинском). Лакский язык интересен тем, что в нём отмечены по меньшей мере все четыре фазы протекания действия, о которых упоминалось в логической традиции описания фазовых предикатов. В лакском языке обнаруживаются и другие, не указанные названными исследователями, фазы, обозначенные аналитическим способом. Игнорировать аналитический способ образования морфологических форм не представляется возможным, поскольку он является одним из самых продуктивных способов глагольного формообразования в лакском языке.

1.2.5. К вопросу о категории залога в лакском языке

Вопрос о наличии или отсутствии залога в дагестанских языках является недостаточно изученным. Как отмечает Г.А. Климов, «если в первой половине 30-х годов большинство исследователей разделяли концепцию пассивности эргативной конструкции предложения, то с их второй половины почти все авторы переходят на точку зрения её залоговой нейтральности» [Климов 1980: 8]. По мнению А.Е. Кибрика, «отсутствие залогов является имплицативной универсалией ролевых языков: в таких языках основной кодируемой характеристикой приглагольного актанта является его семантическая роль, и

эта кодировка не может быть изменена, если при этом не изменяется словарное значение глагола» [Кибрик 2003: 352–353]. При этом не учитывается, что для пассивной трансформации возможен и другой механизм – удаление агенса с соответствующим изменением формы предиката. Именно такой «безагентивный» пассив считает В.А.Плунгян более распространённым в языках мира, чем агентивный [Плунгян 2010: 199].

Термин *залог* встречается и в работах первого исследователя дагестанских языков П.К. Услара. Так, в лакском языке им отмечены залог *понудительный* и *возвратный*. К понудительному залогу он относит составные глаголы, образованные при помощи вспомогательного глагола *бан* ‘сделать’ (*чичин бан* ‘заставить написать’), а возвратным залогом считает сочетания глагола с возвратными местоимениями типа *ттула нава аттара* ‘сам себя бью’ [Услар 1890: 188–189]. Представляет интерес подход В.А. Плунгяна к проблеме залога, который считает целесообразным выделять в обширной зоне залога по крайней мере два различных класса значений: собственно залоговые значения и значения актантной деривации [Плунгян 2010: 191].

Т.И. Дешериева связывает залоговую дифференциацию в языках эргативной типологии с семантикой типов предложений, организуемых переходными, переходными, аффективными глаголами и особенностями синтаксических отношений внутри предложения [Дешериева 1986: 45–77].

Как известно, в центре внимания лингвистов оказывается залог, понимаемый как преобразование синтаксической структуры предложения: подлежащее и дополнение как бы меняются местами, и этот факт отражается в форме глагола. В русском языке при этом переходный глагол несовершенного вида заменяется возвратным глаголом в страдательном значении (*Рабочие строят дом – Дом строится рабочими*), глагол совершенного вида заменяется краткой формой страдательного причастия (*Рабочие построили дом – Дом построен рабочими*). А в семантически ролевых языках такая замена в принципе невозможна, поскольку роль агенса кодируется только эргативным

падежом, а роль пациенса – только абсолютным (номинативным) падежом, с которым сказуемое согласуется в спрягаемых формах.

Однако, на наш взгляд, в поле залоговости находятся не только переходные глаголы. К залоговым могут быть отнесены более общие, универсальные значения, определяемые как действие / событие, процесс, состояние. Эти значения могут выражаться как на грамматическом уровне (морфологической формой предиката и типом синтаксической конструкции), так и на лексическом. Лексический способ выражения залоговости представлен, на наш взгляд, в случае с лексемами типа *садиться* (процесс) – *сесть* (событие) – *сидеть* (состояние) в русском языке (см. также *ложиться* – *лечь* – *лежать*, *вешать* – *повесить* – *висеть*). По законам экономии языковых средств такие универсальные значения предрасположены к грамматикализации. В русском языке в центре этого процесса оказываются в основном переходные глаголы, поскольку «действительные» и «страдательные» значения отражаются в форме предиката и в синтаксических отношениях, лексические же способы обозначения действия, процесса и состояния находятся на периферии языка. При этом исходными считаются значения действительного залога (субъект в роли подлежащего), а страдательные конструкции считаются производными (прямой объект в роли подлежащего).

Однако в русском языке глагол может принимать показатель пассивного залога и в таких конструкциях, в которых подлежащее исходной структуры (семантический агенс) никак не выражено. Более того, как отмечает В.Г. Плунгян, такого рода «безагентивный» пассив является более распространённым, чем агентивный, то есть предложения типа: (1а) *Разговор был прерван*, (1б) *Занятия проводились на открытом воздухе*, (1в) *В инструкции сообщались правила обращения с пейджерами* – более типичны и в русском языке. Эти конструкции отнесены к пассивным, поскольку сказуемые в них выражены или возвратными глаголами в страдательном значении (1б, 1в), или кратким страдательным причастием (1а). Синонимичные конструкции (1а¹) *Разговор прервался*, (1б¹) *Занятия прошли на открытом воздухе*, (1в¹) *Инструкции сообщали о правилах об-*

ращения с пейджером, вероятно, относятся к действительным, хотя и в них подлежащее выступает в семантической роли пациенса. То есть залог в русском языке жёстко привязан, во-первых, к переходным агентивным глаголам, во-вторых, меняется способ выражения глагола-сказуемого (возвратный глагол или страдательное причастие), в-третьих, синтаксический ранг прямого дополнения повышается до подлежащего. И ещё один существенный момент – пассивные конструкции в русском языке, как и соотносительные с ними активные, указывают в большей степени на результативность действия, а не на состояние (см.: *Дома построены, коммуникации подведены*).

Такой тип «безагентивных» конструкций, соотносительных с переходными глаголами, встречается и в дагестанских языках. Например, в лакском:

2) *Жул шяраву чIярусса цIусса къатри* (4 кл.) *дурну дур* ‘В нашем селе построено много новых домов’;

3) *Жул шяраву чIярусса цIусса къатри* (4 кл.) *дуллай бур* ‘В нашем селе строят (/строится) много новых домов’;

4) *Хьуру ттихIайссар августрай* ‘Поля убирают (жнут) в августе’.

В принципе безагентивные предложения в лакском языке очень близки к страдательным оборотам русского языка, а иногда и совпадают с ними (как в (2)). Сочетание перфектного деепричастия с бытийной связкой полностью соответствует краткому причастию (в нашем примере с нулевой связкой) русского перевода, при этом оба компонента сказуемого в классе согласованы с подлежащим (семантическая роль пациенса).

В (3) сказуемое, выраженное дуративным деепричастием в сочетании с связкой, обозначает процесс, при этом в классе деепричастие согласуется с именем в номинативе, а связка с классным показателем (**б-**) указывает на отсутствующий личный (люди) агенс во мн. ч., что соответствует неопределённо-личному предложению в русском языке. Хотя актант в форме аккузатива в русском эквиваленте интерпретируется как прямое дополнение, но по значению оно близко к подлежащему, а сама конструкция синонимична страда-

тельному обороту. Поскольку в форме сказуемого в лакском языке отражена трансформация конструкции (классное согласование), то нет оснований исключать такие преобразования из поля залоговости.

Не меньший интерес представляет и конструкция (4): сказуемое в личной форме настоящего категорического итератива в хабитуальном значении соответствует обобщённо-личному предложению в русском языке, которое тоже легко трансформируется в страдательный оборот (*Урожай с полей убирают в августе* – *Урожай с полей убирается в августе*). Форма, образованная от итеративного причастия типа *mtixl айссар* также характеризует конструкцию, скорее страдательную. Изменяющиеся по классам глаголы согласуются в классе с именем в номинативе – в анализируемых конструкциях – с пациенсом: *Ххулув* (3 кл.) *ттукрай буххайссар* ‘Сено на ослах возится’.

Таким образом, в безагентивных конструкциях с переходными глаголами, во-первых, повышается синтаксический статус пациенса (прямого дополнения), во-вторых, в пассивизации используется специальный механизм – устранение агенса, в-третьих, сказуемое имеет особые формы, реализуемые в такой трансформации. Всё это позволяет подвергнуть сомнению установившийся тезис о залоговой нейтральности глагола в дагестанских языках.

В лакском языке наблюдаются не только «безагентивные» предложения, обозначающие состояние, но и «беспациентивные» (безобъектные). Ср.:

(5) *На дукра* (4 кл.) *дукав* ‘Я поел (букв.: еду поел)’ – биноминативная конструкция с агентом, выраженным местоимением 1 лица, сказуемое в лице согласуется с агенсом (-ав), а в классе с пациенсом (д-).

(5¹) *На дуркуну ура* ‘Я сыт (букв.: я поемши есть)’ – конструкция, обозначающая состояние лица. Сравним также:

(6) *Мусал хларчлун дур* ‘Муса выпил (букв. Муса выпивши есть)’ – «беспациентивная» эргативная конструкция (обобщённый объект «спиртное» опущен), действительный оборот. Оба компонента сказуемого в классе согласуется с опущенным объектом (*хлан* ‘спиртное’).

(6¹) *Муса* (1 кл.) *хIарчIун* (4 кл.) *ур* (1 кл., 3 л., ед.ч.) ‘Муса пьян’ – биноминативная конструкция с опущенным объектом. Деепричастие аналитического сказуемого в классе согласуется с опущенным объектом, а спрягаемая часть и в классе, и в лице согласуется с субъектом. Ср.: *Ина* (1 кл., 2 л., ед.ч.) *хIарчIун ура* ‘Ты пьян’ – *Зу* (1 кл., 2 л. мн.ч.) *хIарчIун буру* (1 кл., 2 л., мн.ч.) ‘Вы пьяны’.

Конструкции (5¹) и (6¹) не могут быть формально отнесены к страдательным оборотам, поскольку в них синтаксические отношения не меняются: подлежащее не теряет своего ранга, меняется только его семантическая характеристика: субъект действия (агенс) становится субъектом состояния (пациентом).

Такие трансформации возможны и при сохранении объекта:

(7) *Буттал чу* (3 кл.) *бавххунни* ‘Отец продал лошадь’ – (7¹) *Пну чу бавххуну ур* ‘(букв.) Отец продал лошадь есть’ / *На* (1 кл, 1 л.) *чу* (3 кл., 3 л.) *бавххуну ура*. В эргативной конструкции (7) сказуемое согласуется с объектом в номинативе и в классе, и в лице. В биноминативной конструкции (7¹) деепричастие в классе согласуется с объектом, а спрягаемая часть согласуется с субъектом и в классе (нулевой показатель 1 кл.), и в лице (-ра). Связь смысловой части сказуемого с объектом (прямым дополнением) является более тесной, субъект в номинативе является главным претендентом на роль подлежащего по всем признакам: онтологическому (название лица), коммуникативному (тема сообщения) и синтаксическому (контролёр согласования спрягаемой части сказуемого). В современном лакском языке конструкции типа (7¹) не употребительны, однако они встречаются в описании П.К. Услара.

В лакском языке в связи с неразвитостью аффиксального словообразования в сфере глагольной лексики, в роли сказуемых часто выступают фразеологически связанные сочетания с разной степенью слитности компонентов. Когда позиция прямого объекта при переходном глаголе в таких семантически слитных сочетаниях оказывается занятой именным компонентом фраземы, реальный (семантический) прямой объект сложного предиката принимает форму одного из

местных падежей. Такой «непрямой объект» при пассивизации может занять место реального прямого объекта (пациента) и повыситься до статуса подлежащего «безагентивной» пассивной конструкции. Например:

(8) *Буттал* (эргатив) *чай* (суперэссив) *кIили* (номинатив) *дирхьунни* ‘Отец оседлал лошадь (букв.: на лошадь седло положил)’ – *Чу* (3 кл., номинатив) *кIили дирхьуну* (4 кл. д-...-р) *бур* (3 кл. б-) ‘Лошадь оседлана’.

Залоговые преобразования в русском языке связываются в основном с переходными глаголами, а возвратные глаголы, не имеющие страдательного значения, представлены как лексико-грамматические разряды глаголов действительного залога [Русская грамматика 1982: 615-618].

Если в русском языке залог связывается только с переходными глаголами, то в дагестанских языках он может иметь отношение и к непереходным глаголам – и к агентивным, и, особенно, к пациентивным, обозначающим переход из одного состояния в другое. Это можно продемонстрировать на примере агентивного одновалентного глагола действия *щяикIан* ‘сесть’. Такие глаголы выступают в трёх онтологических характеристиках (понятийных категориях), которые, на наш взгляд, также относятся к полю залоговости. Ср.:

(а) *Къужа щяикIлай ур* ‘Старик садится’ (процесс-действие);

(б) *Къужа щяивкIунни* ‘Старик сел’ (переход в состояние);

(в) *Къужа щяивкIун ур* ‘Старик сидит’ (состояние).

При этом состояние может быть результатом действия и переходного глагола *щяитан* ‘посадить’:

б¹) *ОьрчIал къужа бургьилу щяивтунни* ‘Мальчик посадил старика на солнышко (=греться)’ – (в) *Къужа бургьилу щяивкIун ур* ‘Старик сидит на солнышке’ (как результат переходного действия); (в¹) *Къужа бургьилу щяивтун ур* ‘Старика посажен на солнышко’ (букв.) // ‘Старика посадили на солнышко’ (для перевода второй вариант – неопределённо-личное предложение – более адекватен).

«Страдательные обороты», т. е. безагентивные конструкции с перфектными деепричастиями в сочетании со спрягаемым компонентом часто упот-

ребляются при описаниях и обозначают состояния, являющиеся результатом действия, направленного на объект: *Чанкъатлувун хъаттирду дирчуну дия* ‘На пол были постелены ковры’; *Магъулу лампа лархъун дия* ‘Под потолком была повешена (= висела) лампа’.

Пассивный залог глагола, как показывает материал нашего исследования, связан чаще всего с обозначением результативного состояния. Однако состояние предмета может быть и производным, не соотносительным с глаголом. О таких предикатах следует особо сказать, поскольку они в синтаксических описаниях не нашли должного места. Так, в работе К.И. Казенина присутствует небольшой параграф «наречие в составе сказуемого» (Казенин 2013, 123–124), где автор рассматривает наречия как часть именного сказуемого (вероятно, автор ориентируется на русский перевод предложений): *На ца ссалчIавгу къуману акъара* ‘Я совершенно ничем не ущемлён’, или: *Гъава лахъхъунияр гъелину бия* ‘Воздух был теплее, чем вчера’. Выделенные нами слова являются наречиями образа действия (точнее – состояния) и не имеют отношения к именному сказуемому. Такие наречия являются одним из главных способов выражения производного состояния в лакском языке. Этот вопрос требует рассмотрения в связи с проблемой залога.

1.3. Глагольная лексика: типы глагольных номинаций

Изучению глагольной лексики в лакском языке уделялось внимание в грамматических описаниях, в лексикологии, в сравнительных исследованиях по дагестанским языкам. Первым опытом словаря лакского языка является «Сборник лакских слов», представленный как приложение к грамматическому очерку П.К. Услара «Лакский язык» [Услар 1890: 233–396]. В нём зафиксирован почти весь корпус корневых, производных глаголов (около 140 лексем). Отдельными статьями даются сложные глаголы (типа *вайгъан* ‘бродить, шататься’). Внутри словарных статей представлены составные гла-

голы (при основе *вих*, например, даны *вих хьун* ‘поверить’, *вих ан* ‘уверить’). Представлены и номинации фразеологического типа – при существительном *вичли* ‘ухо’ даётся «*вичли дишин* - ухо положить, то есть слушать».

Глагольная лексика в дальнейшем рассматривается в исследованиях по лакскому языку Л.И. Жиркова (1956), Г.Б. Муркелинского (1971), С.М. Хайдакова (1966), Р.Г. Эльдаровой (1995) и др. Впервые полный список «первообразных» глаголов представлен в работе С.М.Хайдакова «Очерки по лакской диалектологии» (1966). В этот список входит 77 лексем с классными показателями и 131 лексема без классных показателей [Хайдаков, 1966, 195–200]. В аспекте словообразования глагольная лексика рассматривается в работах И.Х. Абдуллаева (2003), Р.Г. Эльдаровой (1993). Словообразованию глаголов в лакском языке посвящена квалификационная работа С.Э. Шамсудиновой (2009).

Вопросы развития словарного состава языка рассматриваются не только в дериватологии, но и в теории номинации. Термином «номинация» в современной лингвистике обозначается как сам процесс образования языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, так и результат процесса номинации – языковую единицу. Такие единицы могут быть результатом прямой (первичной) номинации, но чаще словарный запас языка пополняется за счёт заимствований или вторичной номинации. Как отмечает А.А. Уфимцева, акты прямой номинации при помощи слов примечательны тем, что они «одновременно сопряжены с опредмечиванием человеком объективного мира, со всеми этапами его общественного опыта и трудовой деятельности, с выделением и обобщением необходимого и существенного в предмете познания» [Уфимцева 1977: 8]. Но изначальные процессы номинации в современных языках встречаются крайне редко. Результаты первичной номинации осознаются носителями языка как первообразные, производность таких номинаций может быть раскрыта только при этимологическом или историческом анализе.

Вторичная номинация рассматривается как использование в акте номинации фонетического облика уже существующей единицы в качестве имени

для нового обозначаемого. Результаты вторичной номинации воспринимаются как производные по морфологическому составу или по смыслу [Телия 1990: 336]. По типу средств номинации разграничивают: а) словообразование, б) синтаксическую транспозицию, в) семантическую транспозицию.

Словообразование в теории номинации рассматривается только в морфологическом аспекте (аффиксальное словообразование), в том числе и словосложение, хотя оно ближе к аналитическому типу образования лексических единиц. В лакском языке сложение в глаголах не сопровождается суффиксацией, сложный глагол часто представляет собой аналог словосочетания. Семантически цельные сочетания занимают промежуточное положение между сложным словом и словосочетанием, что создаёт определённые теоретические трудности при описании лексического состава глагола. Из названных выше средств номинации для лакского языка неактуально синтаксическая транспозиция (если не считать таким средством аналитическое словообразование – переход словосочетания или его аналога в разряд лексических единиц). В глагольном словообразовании не получила развития аффиксация. Значительное место занимает семантическая транспозиция, при этом возникает проблема разграничения полисемии и омонимии. Значительное место занимает также заимствование: заимствованные основы в сочетании с вспомогательными глаголами создают номинации аналитического типа.

В аспекте теории номинации представляют интерес первичные глаголы и номинации аналитического типа. Между этими двумя категориями можно отметить переходные случаи с разной степенью близости к первому или второму типу.

Обобщая и уточняя взгляды разных авторов, можно отметить, что ядро глагольной лексики лакского языка представляют простые непроеизводные глаголы, обозначенные в списке С.М.Хайдакова (208 лексем), среди которых встречаются и лексемы с осложнёнными корнями. Осложняющий элемент представляет собой сочетание **-ру-**, **-ри-**, **-лу-** перед корневым согласным: *бу-*

руххан ‘опухнуть’, *ттиризин* ‘распороть’, *оьлуккин* ‘замутиться’. На синхронном уровне такие элементы не имеют собственного значения, которое, возможно, имели на диахроническом уровне (ср. в хосрехском диалекте *ккухIин* ‘сжевать’ и *ккурухIин* ‘разжевать’ с добавочной семой интенсивности).

1.3.1. Непроизводные глаголы: структура и семантика

Непроизводные, или в иной терминологии «первообразные», «первичные» глаголы представляют сравнительно замкнутую группу глагольных номинаций, в которую входит немногим более двухсот глаголов. Они, как утверждает Л.И. Жирков, относятся к основному словарному фонду лакского языка, «служат в языке для выражения многообразных переносных значений, а в сочетании с существительными и другими словами образуют многие производные и сложные глаголы, которые позволяют лакам выражать все глагольные понятия со всеми оттенками их значения, какие мы можем выразить по-русски и какие все другие народы могут выразить каждый на своём языке. Таким образом, численно ограниченный запас глаголов основного словарного фонда лакского языка явился в этом языке базой, на которой средствами словообразования и словосочетания создавалась развитая система выражения глагольных понятий» [Жирков 1955: 77]. Автором отмечена роль глаголов широкой семантики в формообразовании и словообразовании лакских глаголов: «Глаголы *хьун*, *хъанан*, *шаван* ... используются широко как вспомогательные глаголы в составе сочетаний глагольного значения. В этом отношении их нужно поставить в параллель с глаголами *бан*, *буллан*, *баван*. В то время как глаголы со значением «делать» образуют глагольные сочетания со значением действительного залога, — глагол *хьун* «сделаться» используется для образования параллельных глагольных сочетаний, но со значением среднего залога» [Там же: 115]. Таким образом, номинации типа *марцI бан* ‘очистить’ — *марцI хьун* ‘очиститься’ определены как сочетания. Говоря о глаголе «быть» Л.И. Жирков пишет: « В лакской речи глагол *бикIан* «быть» употреб-

ляется именно только как вспомогательный глагол, то есть или с формами другого глагола, или с основами, входящими в составе сложных глаголов. Говорят: *ина чичлай ик1ара* «ты пишешь» или *щяик1ан* «сидеть» («быть на земле», основа *щя* «на земле, сидя»), или *зана-ик1ан* «возвратиться» (основа *зана* употребительна только с некоторыми глаголами, в том числе и с глаголом *бик1ан*), или *на шава ик1ара* «я дома» (бываю) – *шава* наречие «дома», но отдельное понятие «быть» выражается формами связки, или глагола *хьун* «сделаться». Основанием для такого ограничения являются соображения эвфемистического характера, так как этот глагол может входить в некоторые сочетания, употреблять которые в речи запрещает приличие (языковое «табу»)» [Жирков 1955: 116]¹. В данном случае автор считает сложными глаголы *щяик1ан* и *зана-ик1ан*, при этом критерии разграничения «глагольного сочетания» и «сложного глагола» не приводятся.

В количественном отношении простые глаголы представляют собой замкнутую группу, включающую примерно 200 лексем, которые входят в основной словарный фонд языка. Словарной формой глагола является инфинитив совершенного однократного вида, в составе которого выделяется корневая морфема, основообразующие гласные, переменный классный показатель (если глагол классный) и категориальный аффикс инфинитива **-н**. Корень глагола легко вычленяется при сопоставлении форм инфинитива и императива: *из-а-н* ‘встать’ – *из-у* ‘встань’, *чич-и-н* ‘написать’ – *чич-а* ‘напиши’, *лас-у-н* ‘взять’ – *лас-и* ‘возьми’. Тематические гласные вычленяются на основе сопоставления инфинитива и форм условного конверба и потенциалиса: *из-а-н* – *из-а-рча*, *из-а-ва*; *чич-и-н* – *чич-и-рча*, *чич-и-ви*; *лас-у-н* – *лас-у-рча*, *лас-у-ви*.

Корневые морфемы глаголов с префиксальными классными показателями маркированы нулевым классным показателем (КП) в формах ед. ч. 1 класса, показателями **б-** и **д-** в других классно-числовых формах. Структура таких корней соответствует модели «гласный +согласный» (ГС):

¹ Сохранена авторская орфография.

б-агь-ан ‘упасть’, *б-угь-ан* ‘поймать’; *б-ам1-ин* ‘собрать’, *б-ум1-ин* ‘налить’; *б-ахх-ан* ‘продать’, *б-ухх-ин* ‘свозить’; *б-иш-ин* ‘положить’, *б-аш-ин* ‘подмести’; *б-яхх-ан* ‘размыться’, *б-юхх-ан* ‘впитаться’; *б-укь-ан* ‘отойти’ – *б-юкь-ан* ‘проглотить’ и др.

В корнях классных глаголов наличествует и инфиксальный КП:

б-а-в-ц1-ан ‘расплавиться’, *б-и-в-ч1-ан* ‘умереть’, *б-у-в-ч1-ин* ‘понять’.

Структура корней неклассных глаголов соответствует модели «согласный+гласный+согласный» (СГС):

а) *лач1-ун* ‘сцепиться’, *лич1-ан* ‘остаться’, *лакь-ин* ‘закрыть’, *лекь-ан* ‘обрушиться’;

б) *мтих1-ин* ‘сжать (зерно)’, *мтиз-ин* ‘сдоить’;

в) *кьакь-ан* ‘высохнуть’ *кьукь-ин* ‘срезать’, *mlam1-ан* ‘износиться’, *mlum1-ин* ‘открыть’, *сис-ин* ‘осмелеть’, *сас-ан* ‘закалиться’, *ссусс-ин* ‘стереться’, *шаш-ан* ‘сварить’, *шюш-ин* ‘вымыть’, *щаш-ан* ‘соткать’, *гьагь-ан* ‘сломать, сломаться’, *ччуучч-ин* ‘сжечь, сгореть’, *ц1уц1-ин* ‘обтесать’, *зиз-ин* ‘рассыпаться’, *ккакк-ан* ‘увидеть’, *ххахх-ан* ‘рассориться’;

г) *х1ач1-ан* ‘выпить’, *кьут1-ин* ‘вонзиться, вонзить’.

Начальные /л/ и /тт/ рассматриваются как окаменелые классные показатели. В составе корня ряда глаголов повторяется один и тот же согласный.

В части корней данной структуры, как видно из примеров, повторяется один и тот же согласный.

Корни, состоящие из одной гласной (структуры Г) или оканчивающиеся на гласный (структура СГ), в перфектном инфинитиве перед тематическим гласным осложняются сонорным /j/, который в других формах, например, в причастиях и отглагольных прилагательных, замещается классным показателем, например:

аб-ян /*абь-ан*/ ‘сгнить’ – *аб-в-сса* (3 кл.), *аб-р-сса* (4 кл.) ‘гнилой, сгнивший’,

б-и-ян /*б-и-й-ан*/ ‘дойти’ – *б-и-в-сса*, *б-и-р-сса* ‘спелый’, ‘достигший’,

гьа-ян ‘смолоть’ – *гьа-в-сса*, *гьа-ру-сса* ‘смолотый’,

к1и-й-ин ‘разгореться’ – *к1и-в-сса*, *к1и-ру-сса* ‘разгоревший’.

Всего насчитывается около 10 глаголов данной структуры. В формах дюративного вида послекорневой /j/ ассимилируется с суффиксальным /л/: *аьян – аьллан, биян – биллан, гьаян – гьаллан, кIйин – кIиллан*.

Корень глагола может быть осложнён и инфигированными сочетаниями –**ру-**, –**ри-**, **лу-**, которые в современном языке не имеют собственного морфемного значения. Таких глаголов отмечено 15 единиц. Например:

б-урус-ин ‘накрошить, нарезать’, *б-урухх-ан* ‘сшить’, *б-уручч-ин* ‘убе-
речь’, *ттирииз-ин*, *б-улуй-ин* ‘увлечься’, *оьлуй-ин* ‘помутиться’, *хIулуй-ин*
‘побелить (стены)’ и др.

Корни структуры ГСС встречаются единично и этимологически могут быть заимствованными или производными: *б-алж-ан* (← **алган*) ‘обеспе-
чить одеждой’, *б-ахч-ин* ‘споткнуться’ (← *звукোপদ্র. + *чин/учин* ‘сказать’).

К *моноконсонантным* относятся корни глаголов перфектного вида *хь-ун* ‘стать’ и *иц-ун* ‘толкнуть’.

Определение корня односложных дюративных глаголов *зун* ‘работать’, *нан* ‘идти’, *тIун* ‘говорить, производить звук’, *ххван* ‘казаться’, *хьян* ‘сме-
яться’, *хIун* ‘жать’, *цIун* ‘ощущать боль’, *ччван* ‘хотеть’, *ччвун* ‘чесаться’,
чIун ‘полоть’, обозначающих действия-процессы и состояния, представляет оп-
ределённую сложность, поскольку гласные в них при формообразовании со-
храняются. Например: причастия – деепричастия: *зуз-исса зи-й* (← *зуй*); *нан-*
исса на-й; *тIуытI-исса/ тIу-сса тIу-й* (*← *тIуй*); *ххв-исса* (?← *ххваххисса*)
ххва-й; *хьяхь-исса хья-й*; *хIухI-исса хIу-й*; *цIуцI-исса цIу-й* (← *цIуй*); *чч-исса*
(?← *ччваччвисса*) *чча-й*; *ччуучч-исса ччу-й*; *чIучI-исса чIу-й*.

При образовании причастий дюративного вида в корне глагола проис-
ходит редупликация согласного. Учитывая это, следует считать, что гласный
в этих словах входит в состав корня, то есть корни этих глаголов встречаются
в двух вариантах – СГ//СГС.

Глагол *бан* ‘сделать’, в литературном языке представляет собой резуль-
тат стяжения гласных первоначальной формы *б-ув-ан*, которая употребляется

во многих диалектах. Уникальность глагола в том, в форме перфектного инфинитива корень нулевой: $b_1 - \theta_2 - a_3 - n_4$, где подстрочными цифрами обозначены: 1 – КП, 2 – корень, 3 – тематический гласный, 4 – суффикс инфинитива. При этом корневой гласный сохраняется в других формах: *бувсса* / *дурсса* (прич.), *бува* / *дува* (императив).

Ряд одновидовых дюративов включают в свою основу сочетания «сонорный (/л/, /н/, /р/) + гласный (/а/, /у/)», напоминающие суффикс дюратива -ла-: *зай-ла-н* ‘проклинать’, *зукь-ла-н* ‘благодарить’, *кка-ла-н* ‘читать’, *та-ла-н* ‘бороться’, *ххи-ла-н* ‘возить’, *ц1а-ла-н* ‘сочиться’, *чча-ла-н* ‘спорить’, *ч1а-ла-н* ‘видеть’, *за-на-н* ‘ходить’, *ка-на-н* ‘есть’, *ша-на-н* ‘спать’, *цу-лу-н* ‘косить’, *ща-ра-н* ‘кипеть’, *кку-ру-н* ‘кататься, переворачиваться’, *щу-ру-н* ‘вертеться’. Некоторые глаголы имеют соотносительные формы перфекта с общим корневым согласным: *ххилан* – *буххин* ‘свезти’, *канан* – *букан* ‘съесть’, *ккалан* – *буккин* ‘сосчитать’, *цулун* – *буцан* ‘скосить’, *ц1ала-н* – *лиц1и-н* ‘просочиться’, ‘отстояться’.

Некоторые из этих глаголов имеют соотносительные существительные, но направление деривации однозначно определить сложно: *зай* ‘проклятие’, *зукьлу* ‘благопожелание’, *ккал* ‘счёт’, *ччал* ‘соперничество’.

Отдельные основы (их варианты) употребляются как нейтральные (аморфные) основы: *ккуру бишин* ‘покатиться, переворачиваясь’ (*бишин* ‘положить’), *ккуру лаган* ‘скатиться’ (*лаган* ‘пойти’); *щара лахъан* ‘вскипятить’ (*лахъан* ‘подняться’).

Таким образом, структура корня большинства непроемных глаголов представлена типами СГС и СГ. Они составляют ядро глагольной лексики, почти каждая лексема при этом является многозначной, семантическая производность может быть немотивированной с точки зрения современного состояния языка, что создаёт в лексикологии и лексикографии проблему разграничения полисемии и омонимии.

На базе этой сравнительно ограниченной группы непроеизводных глаголов строятся и другие типы глагольных номинаций – тяготеющие к словообразованию аналитические глаголы и лексикализованные сочетания фразеологического типа.

1.3.2. К вопросу об аффиксально-производных глаголах

Морфологический способ образования глаголов в лакском языке является непроедуктивным. Однозначно суффиксальным можно назвать глагол *дяъв-а-н* ‘ссориться’ (←*дяъви* ‘война, ссора’).

И.Х. Абдуллаев указывает на ряд глаголов, второй компонент которых как самостоятельные глаголы не встречаются. К таким компонентам он относит **-гъин** (*байгъин* ‘удержать’), **-ххин** (*бяххин* ‘отвлечься’), **-къен** (*бяхъин* ‘заблудиться’), **-ххан** (*кIялаххан* ‘быть белёсым’) [Абдуллаев 1914: 300]. Эти элементы терминологически не определены. Из указанных компонентов только **-ххан** совпадает с самостоятельным, непроеизводным глаголом *ххан* ‘казаться’, однако в составе производных глаголов его значение стёрто, сам компонент выступает в роли деривативного суффикса, который присоединяется к разным основам: *кIялаххан* ‘стать белёсым’ (← *кIяла-сса* ‘белый’), *нигъаххан* ‘испытывать страх’ (← *нигъ* ‘страх’), *буччиххан* ‘с жиру беситься, быть излишне сытым’ (← *буччин* ‘насытиться’), *хъхъемаххан* ‘стать росистым’ (← *хъхъем* ‘роса’) и под. Во всех производных сохраняется сема «наличие признака не в полной мере», присущая глаголу *ххан* ‘казаться’. Эти элементы могли быть названы суффиксоидами: корневые согласные непроеизводных глаголов приобрели значение суффикса. Однако формобразование производных глаголов унаследовано от глагольных компонентов: *кIялаххан* (перфектный инфинитив), *кIялах-ла-н* (дуративный инфинитив), *кIялавхх-у-сса* (причастие), *кIялавхх-у-ну* (перфектное деепр.), *кIялавххун-ни* (Зл., наст. перф.) и т.д.

К подобным деривативным элементам может быть отнесён и компонент **-бусан** в составе глагола *нигъабусан* ‘испугаться’ (← *нигъ* ‘страх’). Само-

стоятельный глагол *бусан* ‘рассказать, сообщить’ не имеет семантических связей с названным компонентом.

К таким образованиям, на наш взгляд, в большей степени подходит термин «сложные глаголы», которые И.Х. Абдуллаев определяет как «цельноформленные лексические единицы, состоящие из двух, слившихся в единое целое элементов и характеризующиеся спаянностью и неразложимостью составляющих их компонентов» [Абдуллаев 2003: 48]. Вторые компоненты таких образований представляют собой корневые глаголы, которые перестали употребляться в качестве самостоятельных лексем. По функции в словообразовании они напоминают суффиксы, но в морфологии от этих «фантомных» глаголов образованы все парадигматические формы глагольной лексики.

Префиксы с чётко определённой семантикой в составе лакских глаголов не отмечены. Дрейф в сторону префикса, близкого по значению к приставке **раз-** /**рас-** в русском языке, можно отметить в глаголах с элементом **ттири-**: *ттири-х1-ин* ‘развязать’ (ср.: *д-ах1-ин* ‘завязать’), *ттири-з-ин* ‘распороть’ (ср.: *д-аз-ин* ‘соединить, сшить’), *ттири-к1-ин* ‘высверлить’, *ттири-хх-ин* ‘распутать’ (ср. *ххарахх-ан* ‘спутаться’), *ттири-хъхъ-ин* ‘извлечь (горох из стручка, зёрна из колоса)’

Некоторые малочастотные предкорневые элементы интерпретируются как превербы (С.М. Хайдаков) или превербоиды (И.Х. Абдуллаев). Таких элементов около десятка, количество производных глаголов с этими элементами тоже ограничивается двумя-тремя единицами.

В препозиции к корню глагола отмечаются элементы:

б-ай: *бай-бишин* ‘начать’ (*бишин* ‘положить’), *бай-щун* ‘отойти’ (*щун* ‘толкнуть’), *бай-кьин* ‘ошибиться’, *бай-лит1ун* ‘кончиться’ (*лит1ун* ‘умереть’);

б-я: *бя-лич1ан* ‘прерваться’ (*лич1ан* ‘остаться’), *бя-буцан* (буцан ‘порваться’), *бя-лахъан* ‘развлечься’ (лахъан ‘зажечься’);

кья-: *кья-бик1ан* ‘замолчать’ (*бик1ан* ‘быть’), *кья-битан* ‘оставить, бросить’ (*битан* ‘оставить’), *кья-багъан* ‘замолчать, перестать звучать’;

ви-: *ви-лаган* ‘сполоснуть’ (*лаган* ‘уйти’), *ви-лахъан* ‘вздуться’ (о животных) (*лахъан* ‘подняться’) и др.;

ла-: *ла-бикІан* ‘спрятаться’, *ла-битан* ‘спрятать’, *ла-лакъин* ‘прибрать’ (*лакъин* ‘закрыть’), *ла-букъан* ‘подрости’ (*букъан* ‘убрать’);

ля-: *ля-буккан* ‘расти, увеличиться’ (*буккан* ‘выйти’).

Перечисленные препозитивные элементы характеризуются И.Х. Абдуллаевым как превербоиды, а сами глаголы считаются сложными. [Абдуллаев 2014: 300]. Отмечается адвербиальный характер некоторых элементов (**ви-**, ср. *вив* ‘внутри’, **бя-/дя-** ‘середина’). Однако эти элементы трудно отнести к префиксам, их собственное значение не всегда чётко определяется (см. **къа-**, **ла-**, **ля**), а глагольный компонент является десемантизированным или утратившим самостоятельность. Такие глаголы, обладая формальной производностью, семантически образуют новые единицы, не мотивированные составляющими их компонентами. Они, во-первых, проницаемы (*Къа циван бивкІссара?* ‘Почему молчишь?’), во-вторых, первый элемент в диалоге может опускаться (*ЛабикІу* ‘спрячься!’ – *КъабикІанна* ‘Не буду прятаться’).

1.4. Аналитические глаголы

Отмечая большую роль аналитизма в глагольном словообразовании лакского языка, И.Х. Абдуллаев называет семантически слитные глагольные конструкции терминами «аналитические глаголы, составные глаголы, сложносоставные глаголы»: «Аналитические (составные, сложносоставные) глаголы являются раздельно оформленными словосочетаниями, состоящими из двух компонентов – смысловой (знаменательной, значимой, именной, мотивирующей) части, которая выступает в роли носителя лексического значения и глагола, выступающего в роли словообразовательного форманта» [Абдуллаев 2003: 49]. Однако такие определения для описания аналитических образований в глагольной лексике лакского языка не всегда подходят.

В аналитических глаголах лакского языка сочетается раздельная оформленность с точки зрения фонетики и графики с семантической цельностью. Например, в глаголе *пІякъ учин* ‘лопнуть’ конечный согласный первого компонента произносится отдельно, не образуя слога с начальным гласным второго компонента, то есть нет цельнооформленности на фонетическом уровне, что отражается и в раздельном написании на графико-орфографическом уровне.

Твёрдые критерии для разграничения сложных глаголов и семантически цельных глагольных словосочетаний в языке не определены, что создаёт трудности и в орфографии. В работах П.К.Услара все глагольные образования с несамостоятельными первыми компонентами, в том числе и с «краткими прилагательными», пишутся слитно: *къюкІхъун* ‘оглохнуть’, *къюкІан* ‘оглушить’ (← *къюкІ-сса* ‘глухой’), *марцІуккан* ‘очиститься, оправдаться’ (← *марцІ-сса* ‘чистый’). Слитно написаны и образования с глаголами речи *учин/тІун* ‘сказать/говорить’, например, *къацІучин* ‘укусить’, *къацІтІун* ‘кусать’ (← *къацІ* ‘рот’). В современной орфографии подобные образования пишутся раздельно, поскольку они проницаемы и отделимы, то есть, обладая цельностью в семантике, не являются цельными в оформлении. Слитные написания предписаны только в тех случаях, когда первый компонент состоит из одного гласного или оканчивается на гласный (например, *аьтІун* ‘плакать’, *оьвтІун* ‘звать’, *ябан* ‘сохранить’, *щябикІан* ‘сесть’, но: *вев тІун* ‘кричать’, *пІякъ учин* ‘лопнуть’, *къус бикІан* ‘наклониться’). Однако и в этом случае единообразия в написании нет, например, *занабикІан* ‘вернуться’, но *кІура баен* ‘повернуться’ [Абдуллаев 2005].

Остаётся спорным и вопрос о том, являются ли аналитические глаголы словосочетаниями. Аналитические глаголы, компонентами которых являются качественные прилагательные, аморфные слова, послелогии-наречия, не могут быть охарактеризованы как словосочетания, поскольку их компоненты не обладают автономностью, свойственной словам.

«Краткие» качественные прилагательные в сочетании с вспомогательными глаголами не являются автономными словами: они автономны только в сочетании с существительными, обозначая постоянный признак предмета, например, *дяркѳу щин* ‘холодная (студёная) вода’. В препозиции к глаголу такие основы образуют аналитические глаголы со значением перехода в состояние и каузации состояния. Например, с основой *паракъат* ‘спокойный’ образуются: *паракъатсса* ‘белый’; *паракъат хьун* ‘успокоиться’, *паракъат бан* ‘успокоить’; *паракъатну* ‘спокойно’; *паракъатшиву* ‘спокойствие’. Образование прилагательных, наречий, существительных связано с суффиксацией, а образование глаголов – с сочетанием несвободной основы с вспомогательным глаголом. В составе аналитического глагола адъективная основа не является самостоятельным членом предложения (*Марч паракъат хьунни* ‘Ветер стих’). При наречной транспозиции образуется обстоятельство образа действия или предикатив («категория состояния»): *Паракъатну щяиклу* ‘Сядь спокойно’. *Хьхьури паракъатну бур* ‘Море спокойно’).

Сочетание аморфных слов с вспомогательными глаголами тоже словосочетания не образуют. К аморфным словам относятся: 1) звукоподражательные и звукосимволические слова; 2) основы с затемнённой семантикой; 3) заимствованные основы.

Звукоподражательные и звукосимволические основы сочетаются с глаголами звучания и речи *учин* ‘сказать’/ *тлу* ‘говорить’: *кьютл учин* ‘сглотнуть’, *парх учин* ‘вспыхнуть’. Звукосимволические и «тёмные» основы сочетаются и с глаголом существования *биклан* ‘быть’: *эц биклан* ‘нахмуриться’, *парх биклан* ‘распушиться’. Заимствованные основы, не вошедшие в разряд имён, сочетаются чаще всего с вспомогательными глаголами *хьун* и *бан*: *кьур хьун* ‘завестись’ – *кьур бан* ‘завести’; *бат хьун* ‘исчезнуть’ – *бат бан* ‘истребить’, *мурахас бан* ‘освободить’ и т.д.

Все перечисленные типы сочетаний тяготеют к сложным глаголам, но такие сочетания являются, во-первых, проницаемыми, во-вторых, в дискурсе

(особенно в диалоге) глагольный компонент может замещать всё сочетание: *Машина кър бав?* ‘Завёл машину?’ – *Бав* ‘(да) завёл’.

Послелог-наречия сочетаются чаще всего с глаголами движения, по отношению к которым выполняют как бы функцию приставок, одновременно они могут сочетаться и с существительными в генитиве, образуя глагольно-именные сочетания: *ялтту уккан* ‘осмотреть (сверху + пройти)’ – *кърнил ялтту уккан* ‘осмотреть поле’; *хъири в лаян* ‘догнать’ (за + коснуться), *хъхъичлун уккан* ‘опередить’ (вперед+ выйти). Такие сочетания близки к *фразеологическим единицам*. Поскольку послелог часто выступает и в значении наречий места, такие сочетания могут считаться аналогами словосочетаний.

Всеми признаками словосочетаний обладают также сочетания существительных с вспомогательными глаголами, хотя семантическая цельность и целостность синтаксической функции позволяют определять их как аналитические глаголы. При этом часть из них образуется по стандартной схеме, например, *кумаг бан* ‘помочь’ (букв. «помощь сделать»), другие фразеологизированы, как, например, *вичли дишин* ‘прислушаться’ (букв. «ухо положить») или *даклнин багъан* ‘вспомнить’ (букв. «на сердце упасть»).

Можно сказать, что лексикализованные аналитические конструкции представляют собой континуум, где нет чёткой границы между: 1) сложными глаголами, 2) аналогами производных слов, и 3) составными глаголами – аналогами словосочетаний.

Наиболее близки к сложным глаголам сочетания, вторым компонентом которых являются глаголы *учин* ‘сказать’ / *млун* ‘говорить’ и *биклан* ‘быть’ / *битан* ‘позволить быть’. Это обусловлено тем, что первыми компонентами таких глаголов являются звукоподражательные и звуко-символические элементы, которые, как правило, не выступают в роли автономных единиц номинации. Мы говорим «как правило», поскольку некоторые из таких элементов могут получить статус имени существительного, например, *мланкл*

‘прыжок’ (см. *mlankl учин* ‘прыгнуть’, букв. «прыг сказать»), *кьацl* ‘рот’ (см. *кьацl учин* ‘укусить»; ср. в русск.: *куснуть*), *балай учин* ‘спеть’ и под.

Роль глаголов *учин* /*mlун* ‘сказать’/‘говорить’, *бикlан* ‘быть’ / *битан* ‘позволить’, *хьун* ‘стать’ / *бан* ‘сделать’ в образовании сложных и составных глаголов близка к роли деривативных морфем по своей регулярности и словообразовательному значению. В некоторых из дагестанских языков подобные компоненты в глагольных номинациях рассматриваются как суффиксы, что отражается и в написании таких глаголов, например: *чlегlерлъизе* (авар.) – *лухlи хьун* (лак.) ‘почернеть’; *цlуббарес* (дарг.) – *цlу бан* (лак.) ‘обновить’; *гьайбикlес* (дарг.) – *гьалгьа mlун* ‘разговаривать’.

Учитывая роль общих и семантически неполнозначных глаголов в аналитическом словообразовании лакского языка, рассмотрим семантику таких номинаций по глагольным компонентам.

1.4.1. Семантика и синтаксис глагольных номинаций с компонентами *учин* ‘сказать’/*mlун* ‘говорить’

Глаголы *учин/mlун*, обозначающие речь и звучание, занимают значительное место в лакском языке. Они участвуют в словообразовании, формообразовании и синтаксисе. Так, в обратном словаре И.Х. Абдуллаева [Абдуллаев 2014] зафиксировано 185 глаголов с компонентом *mlун* и 105 – с компонентом *учин*. В работе С.Э.Шамсудиновой [Шамсудинова 2009] представлено 387 слов с компонентом *mlун*, большинство из которых имеет и соотносительные пары с элементом *учин* /*чин*. При этом количество «первообразных», непроединных глаголов в лакском языке меньше 300 единиц [Хайдаков 1966: 195–200]. В работах по лексике и словообразованию основное внимание уделяется значению аналитических глаголов, их синтаксические особенности оказываются вне поля зрения исследователей. Однако глаголы с компонентами *учин* и *mlун* представляют значительный интерес по их синтаксическим особенностям и отношению к таким понятиям как «переходность-непереходность».

Оба глагола по первичной семантике являются переходными, трёхвалентными и предполагают наличие: 1) субъекта речи, которым является производитель речи/звучания; 2) объекта, называющего содержание речи или звучания, и 3) адресата речи. Однако в функции автономных словоформ данные глаголы выступают только при передаче прямой и косвенной речи, при этом наличие актанта, заполняющего валентность адресата (*щихь учин* ‘кому сказать’), не является обязательным:

(1) *Аьйшатлул, ... дивирнахь чичин бувну, къашавай дура, ина ккаккан ччай бур... т1уй, чагъар гъан бувссия.* ‘Айшат, попросив дибера, послала письмо, говоря, (что) болею, хочу тебя видеть...’ (К. Закуев).

Внутренняя речь тоже вводится формами этих глаголов:

(2) *Пикримур, Ибрагъмлуцал ци пурмалий ккаккаву дан хъиннивав т1уй, къарал дакъа бия.* ‘А мысль беспокойно билась, обдумывая (говоря), как бы организовать встречу с Ибрагимом’ (К. Закуев).

Одной из главных функций глаголов *учин/ т1ун* является словообразовательная функция: в составе аналитических лексем глагольный компонент десемантизируется и выполняет фактически роль вербализирующего суффикса при препозитивном компоненте, представляющем собой, как правило, звукоподражательный или звукоименный элемент, слабо дифференцированный в морфологическом отношении. В части случаев такой компонент получил статус существительных, но в основной массе образований остаётся неавтономным или слабо автономным (по терминологии В.А. Плунгяна в [Плунгян 2009: 32–33]. Например: *балай учин* ‘песню спеть’ – *балай т1ун* ‘песню петь’; *зерт1 учин* ‘скрипнуть’ – *зерт1а т1ун* ‘скрипеть’ (букв. ‘скрип сказать/произвести’).

Глагол *учин* обозначает целостное действие или событие и обладает полной парадигмой, свойственной глаголам перфектного вида. В итеративном виде, обозначающем повторное или хабитуальное действие, к корню присоединяется суффикс *-а-/-ава-*: *учаван* (инф.), *учай(р)* (наст. общ.). Соотносительный глагол дуративного вида *т1ун* образован не по обычной модели

(корень + суф. **-ла-**: *чичин-чичлан* ‘написать - писать’), а супплетивно, от другого корня, и обозначает процесс во всех формах времён и наклонений.

Формальный статус переходности таких глаголов позволяет им порождать как эргативную, так и номинативную конструкции. Ср.:

(3¹) *Душил* (эрг.) *балай* (ном.) *увкунни*. ‘Девушка (песню) спела’ (наст. перф.)

(3²) *Душил* (эрг.) *балай* (ном.) *учай*. ‘Девушка поёт (наст. общ.)’

(3³) *Душ* (ном.) *балай* (ном.) *тлий бур*. ‘Девушка (песню) поёт’ (наст. продолж.).

В нашем примере неглагольный компонент сочетания *балай* получил значение существительного и является автономной словоформой. Но и в тех случаях, когда приглагольный компонент является семантически неавтономной или слабо автономной единицей (таковы все звукоподражательные и звуко-косимволические компоненты таких сочетаний), синтаксические конструкции образуются по этой же модели:

(4¹) *Ккаччил* (эрг.) *хлан* (ном.) *увкунни*. ‘Собака пролаяла’ (наст. перф.)

(4²) *Ккаччил* (эрг.) *хлан учайссар* ‘Собака лает’ (свойство субъекта)

(4³) *Ккаччи* (ном.) *хлан тлий бур* ‘Собака лает’ (наст. продолж.)

Если при одушевлённом субъекте эргативность конструкций с компонентом **учин** семантически объяснима, то формальная эргативность таких конструкций при неодушевлённом субъекте при семантической непереходности самого глагола создаёт серьёзные проблемы для исследователя. Ср.:

(5¹) *Нузал* (эрг.) *зертI* *увкунни*. ‘Дверь скрипнула’

(5²) *Нузал* (эрг.) *зертI учай*. ‘Дверь скрипит (иногда)’

(5³) *Нуз* (ном.) *зертIа тлий дур*. ‘Дверь скрипит’

В примерах (5¹, 5²) допустима и номинативная конструкция при глаголе **учин** (*Нуз* (ном.) *зертI увкунни*).

Степень автономности словоформ, входящих в состав конструкций этой модели не всегда определяется однозначно, отчего зависит и написание

этих единиц. Один из первых исследователей дагестанских языков П.К. Услар в дескриптивном описании лакского языка привёл список из 13 единиц этой модели в слитном написании, напр.: *кьутlучин* – *стукнуть*, *кьутlмlун* или *кьутlамlун* – *стукать* [Услар 1890: 183]. По действующим правилам орфографии слитно пишутся те глаголы, первый компонент которых состоит из одной гласной (*аьтlун* ‘плакать’, *оьвтlун* ‘звать’) или одного открытого слога (*хьячин* ‘треснуть’, *чlачин* ‘обратиться с мольбой’ и под.). Остальные образования пишутся раздельно и определяются как «сложносоставные глаголы». В словаре такие единицы представлены в гнёздах по заглавному слову или в виде самостоятельных статей, например, в гнезде: *кьутl учин* стукнуть; как вокабула: *кьутl учин* постучать, стукнуть [Абдуллаев 2018: 428–429].

Вопрос о принципах разграничения сложных глаголов и глагольных словосочетаний в лакском языке был поставлен Р.Г.Эльдаровой [Эльдарова 1996: 28–29]. К таким принципам относится принцип делимости компонентов (например, в диалоге: *кьутl увкури* ‘постучали’ – *увкунни*, то есть глагольный компонент употреблён в значении ‘да’) и проницаемости конструкции (*нузайн кьутl циван учав?* ‘зачем стукнул в дверь?’). Эти принципы являются общими для свободного словосочетания и сложносоставного глагола, чем обусловлено раздельное написание описываемых нами конструкций.

Однако степень семантической слитности компонентов по отдельным группам глаголов неодинакова и представляет собой как бы континуум. Наибольшей семантической слитностью обладают те единицы, в которых препозитивный компонент представляет собой звукоподражательный или звуко-символический комплекс, не имеющий статуса самостоятельного слова, например, *хьап учин* ‘схватить’, *чантl учин* ‘проснуться’. В таких комплексах семантически стёртыми являются оба компонента, но они обладают признаком делимости и проницаемости. В отдельных случаях, как, например, в словоформах типа *аьтlун* ‘плакать’, *оьвтlун* ‘звать’, *кьавтlун* ‘плясать’ и подобных, неавтономные компоненты являются непроницаемыми и неотде-

лимыми, что отражается и графически в их написании. Есть и такие сочетания, в которых препозитивные компоненты приобрели значение автономных слов. Таково, например, существительное *mlankl* ‘прыжок’ и омонимичный звукоподражательный комплекс в глаголе *mlankl учин* ‘прыгнуть’, *кьацl* ‘рот’ и *кьацl учин* ‘укусить’, *ппай* ‘поцелуй’ и *ппай учин* ‘поцеловать’ и др. Такие имена обрели всю парадигму существительного. В других случаях препозитивные компоненты являются слабо автономными и их употребление ограничено отдельными падежными формами, например: *пlякь учин* ‘лопнуть, взорваться’ – *пlякьлил чlу* ‘звук разрыва’ (в род. п. в сочетании с существительным широкого значения *чlу* ‘звук’).

Глагольные компоненты *учин* – *mlун* в таких сочетаниях тоже представляют собой слабо автономные словоформы, выполняющие фактически функцию суффиксов для образования соответствующей глагольной номинации.

Образование глагольных номинаций, в состав которых входит вспомогательный глагол звучания/ речи и звукоподражательный компонент наблюдается и в других дагестанских языках, в частности в арчинском [Хайдаков 1975: 33–35], напр.: *аьниша-бос* ‘кашлять’, *хуху-бос* ‘пилить’ и под. В аварском языке, на наш взгляд, в вербализация звукоподражательных компонентов участвуют суффиксы: *axlize* ‘звать’ (ср. лак. *овьтlун*), *glodize* ‘плакать’ (лак. *аьтlун*), *кьурдизе* ‘плясать’ (лак. *кьавтlун*), *угьизе* – *угьдизе* ‘стонать’ (ср. лак. *угь учин* – *угь тlун*), *хъасизе* – *хъасдезе* ‘чесать(ся)’ (ср. *ххяп тlун*) и под. Элементы *-дизе* и *-дезе* сопоставимы с глагольными компонентами в лакском языке. Вопросы, связанные с категорией вида, в аварском языке разрабатываются в Маллаевой З.М. [Маллаева 2012: 126–167].

В лакском языке, в отличие от большинства других дагестанских языков, глаголы *учин/mlун* сохраняют свой статус вспомогательного глагола, хотя в отдельных случаях выполняют и другие функции (клитики, суффикса и др.)

Глагольные номинации с компонентами *учин/mlун* по значению препозитивного компонента могут быть разделены на группы: 1) с компонентом,

обозначающим содержание речевого акта; 2) с звукоподражательным или звукосимволическим компонентом.

К первой группе относятся глаголы, обозначающие призыв, мольбу, хвалу и подобное, выражающие эмоциональные действия и отношения человека – субъекта действия. В глаголах с общим значением призыва, адресатом которого является определённое общество, первым компонентом является существительное или употреблённое в значении существительного слово, обозначающее цель призыва. К ним относятся, например: *овьтlун* ‘звать’, *леххаву тlун* ‘призывать о помощи’, *аквар тlун* ‘призывать на намаз’ и *ах-ттайн учин*, *ахттакьун учин*, *маркlачlан учин* и под., обозначающие время намаза, *патlухlа учин* (объявление о сходе джамаата). Эмоциональное состояние субъекта выражают сочетания *вев тlун* ‘кричать’, *балай тlун* ‘петь’, *зума тlун* ‘причитать, оплакивать’, *мяш тlун* ‘похваляться’, *зай учин* (зай ‘проклятие’), *чlа учин* ‘пожелать’, *лергь тlун* ‘умолять’, *гьуш учин* ‘сделать донос’, *цlа учин* ‘посвятить’ и подобные.

Способность сочетаться с другими словоформами у этих глаголов разная. Одни из них, обозначая события, общие призывы, не требуют обозначения ни субъекта (он является определённым или неопределённым), ни адресата (он обобщённый), напр., *аквар тlий бур* ‘призывают на намаз’. В других случаях глаголы управляют тем или иным падежом в соответствии со значением. Падежная рамка глаголов с компонентом **учин-тlун** может включать прямой объект в форме номинатива и косвенный объект в форме адрессива (показатель –**хь**):

(1) *заннахь* (адр.) *цlими* (ном.) *чlа чин* ‘у бога милость просить’

циняннахь (адр.) *хьус* (ном.) *мяш тlун* ‘всем достаток хвалить’ (т.е. хвалиться достатком) – в этих случаях глаголы функционируют в рамках переходных глаголов.

В других случаях препозитивный компонент – аналог прямого объекта – как бы поглощается глагольным компонентом и значение прямого объекта,

которое в данном случае совмещено и со значением адресата, переходит к другому падежу – целевому падежу серии суперэссива (супераллатив **-йн**):

(2) *чIаххурайн оьвчин* ‘соседей позвать/ пригласить’; *жяматрайн лех-хаву учин* ‘общество вызвать по тревоге’.

Глаголы, обозначающие речевые действия, связанные с выражением эмоций и эмоциональных отношений, управляют элативом серии постэссива (постэлатив **-ха**) со значением адресата и объекта отношения:

(3) *ватандалуха* (пост-элатив) *балай тIун* ‘о родине петь’; *душманнаха* (пост-элатив) *зай тIун* ‘врага проклинять’

Отсутствие прямого объекта (поскольку он вошёл в предикат) в глаголах типа (2) и (3) не препятствует формированию эргативной конструкции, хотя и не стандартной (без прямого объекта в номинативе): *Расуллун* (эрг.) *чIаххурайн* (супер-аллатив) *оьвкунни* ‘Расул соседей пригласил; *Танил* (эрг.) *ттуха* (пост-элатив) *зай увкунни* ‘Она меня прокляла’.

Схемы управления глаголов этого типа могут быть индивидуальными и вариативными. Например: *гьуш учин* ‘донести’ < *цил* (эрг.) ‘кто’, *цийн* (суперлат.) /*цихь* (адрес.) ‘кому’, *ция* (супер-элатив) ‘о ком’ >; *цIа чин* ‘посвятить’ < *цил* (эрг.) ‘кто’, *ци* (ном.), *цин* (датив) ‘кому’ >.

Ко второй группе относятся номинации, в которых первый компонент представлен звукоподражательным или звукосимволическим комплексом. Структурные типы этих комплексов представлены в работах И.Х. Абдуллаева [Абдуллаев 1979] и Р.Г. Эльдаровой [2003]. По своему значению составные глаголы этого типа можно разделить на несколько разрядов. К ним относятся:

1) глаголы, обозначающие речь и особенности речи человека:

гьалгьа тIун ‘говорить’ (*гьалгьа* ‘раговор’), *кьякья тIун* ‘осуждать’, *нIур-нIур тIун* ‘ворчать’, *баъ-баъ тIун* ‘заикаться’;

2) глаголы, имитирующие звуки, характерные для живых существ, (животных, птиц, насекомых): *хIап тIун* ‘лаять’, *мяъ тIун* ‘блеять’, *чIев-чIев тIун* ‘чирикать’, *гьав-гьав тIун* ‘жужжать’ и под.;

3) глаголы, обозначающие неречевые звуки, издаваемые человеком или сопровождающие проявления его физиологического, эмоционального, психологического состояния: *щютl учин* ‘свистнуть’, *хlукъ учин* ‘икнуть’, *оьниш учин* ‘сморкнуться’, *пиш учин* ‘улыбнуться’, *ппай учин* ‘поцеловать’, *щак тlун* ‘подозревать’, *хlучl тlун* ‘робеть’, *ццах учин* ‘испугаться’, *зурзу тlун* ‘дрожать’ и под.;

4) глаголы, обозначающие звуки, сопровождающие природные явления: *къув тlун* ‘греметь (о громе)’, *цlунар тlун* ‘сверкать (о молнии)’, *жюржу тlун* ‘журчать’, *ххурхху тlун* ‘грохотать (о потоке)’, *сив-сив тlун* ‘моросить’, *хъхъев-хъхъев тlун* ‘дуть (о ветре)’ и под.;

5) глаголы, обозначающие разнообразные движения: *аьрчча тlун* ‘хромать’, *ххярк тlун* ‘ползать’, *сукку тlун* ‘шевелиться, двигаться’, *хlуркку тlун* ‘шататься’, *хъюлчу тlун* ‘качаться’, *тlанкла тlун* ‘прыгать’, *гъувгу тlун* ‘колыхаться’ и под.

6) глаголы, обозначающие физические действия и занятия: *гъай тlун* ‘пахать’, *ххуку тlун* ‘пилить’, *ках тlун* ‘гладить’, *хъап учин* ‘схватить’, *хъи-та тlун* ‘рваться, стремиться куда-то’ и под.;

7) глаголы, обозначающие световые явления: *ламп учин* ‘вспыхнуть’, *пар-пар тlун* ‘сверкать’, *цlай-цlай тlун* ‘блестеть’ и под.

Все глаголы с компонентами *учин/тlун* могут быть определены как **сложносоставные**. В орфографии закрепилось раздельное написание их компонентов, исключение составляют лишь *аьтlун* ‘плакать’, *оьвтlун* ‘звать’ и *къавтlун* ‘плясать’.

Синтаксическая особенность данной группы глаголов заключается в том, что часть из них относится к формально переходным глаголам, хотя семантически являются непереходными. Семантически непереходные глаголы типа *хlап учин/тlун* ‘лаять’ образуют квазиэргативную (1) или номинативную конструкции (2) с нулевым прямым объектом:

(1) *Ккаччил хlап увкунни* ‘Собака пролаяла’

(2) *Ккаччи хlап тlий бур* ‘Собака лает’.

В конструкциях с семантически переходными глаголами, обозначающими физические действия активного субъекта, прямой объект кодируется косвенным падежом, чаще всего целевым падежом серии суперэссива с аффиксом (- **йн**): *ччат1луйн кьац1 учин* ‘откусить хлеба’, *чяйлуйн ххув учин* ‘глотнуть чаю’, *канийн птай учин* ‘руку поцеловать’, *бак1райн ххяп учин* ‘почесать голову’ и т.д.

Таким образом, аналитические глагольные номинации с компонентами *учин/т1ун* представляют собой сложносоставные глаголы. Образования с компонентом *т1ун*, обозначающим процесс, тяготеют к непереходным глаголам и образуют номинативную конструкцию. Глаголы с компонентом *учин* в большей степени тяготеют к формально переходным глаголам и образуют квазиэргативную конструкцию (см. примеры (1) и (2) выше).

1.4.2. Семантика и синтаксис глагольных номинаций с компонентом *бик1ан* ‘быть’

Глагол общей семантики *бик1ан* ‘быть’ участвует в образовании лексикализованных аналитических глагольных конструкций от разных основ. В обратном словаре И.Х.Абдуллаева представлено около 40 таких единиц. Выполняя словообразовательную функцию, вспомогательный глагол сочетается, как правило, с нейтральными (аморфными) основами. Большинство из них носят звуко-символический характер, структура таких элементов соответствует модели СГС (согласный + гласный + согласный), иногда осложнённой сонорными /р/ или /н/. Часть таких глаголов обозначает действия, связанное с мимикой, позой личного (одушевлённого) субъекта. Например, особенности взгляда характеризуют глаголы *п1якь бик1ан* ‘вылупиться, уставиться’, *ц1ирх бик1ан* ‘смотреть пронзительно’, *ц1ит1 бик1ан* ‘смотреть пристально’, выражение лица характеризуют *энч1 ик1ан* (при смехе), *эц ик1ан* ‘нахмуриться’, *пунт1 бик1ан* ‘надуться’. Разные позы характеризуют глаголы *кьус бик1ан* ‘наклониться’, *кьарч1 ик1ан* ‘съёжиться’, *кьярш ик1ан* ‘подтянуться, выправиться’ и под. Переход в со-

стояние обозначают такие глаголы, как *меж биклан* ‘завянуть’, *парх биклан* ‘раздуться, распушиться’, *ччех биклан* ‘поскользнуться’.

Часто такие глаголы выступают в форме деепричастий, характеризуя основное действие субъекта: *цлутл ивклун уруглан* ‘пристально смотреть’, *энчл ивклун хъян* ‘смеяться (во всё лицо)’.

С глаголом **биклан** сочетаются и некоторые атрибутивные основы: *хъин биклан* ‘благоволить, быть благосклонным’ (← *хъинсса* ‘добрый’), *оббиклан* ‘озлобиться’ (← *оьсса* ‘злой’), *зунххи биклан* ‘скоситься, уклониться’ (← *зунххисса* ‘косой’).

Компонент *биклан* зафиксирован и в глаголах движения *лабиклан* ‘спрятаться’, *щябиклан* ‘сесть’, *зана биклан* ‘вернуться’, которые, как и все образования с данным компонентом относятся к сложным глаголам.

Аналитические глаголы с компонентом **биклан** относятся к непереходным глаголам, но некоторые из них имеют и коррелятивные пары с вспомогательным переходным глаголом **битан** ‘допустить’: *меж битан* ‘привести в состояние увядания’ (*Клиришииврул уртту меж риртунни* ‘От жары трава увяла’), *парх битан* ‘распушить’, *кьус битан* ‘наклонить’, *щябитан* ‘посадить’, *зана битан* ‘вернуть’, *лабитан* ‘спрятать’ и т.д.

1.4.3. Семантика и синтаксис глагольных номинаций с компонентами **хьун** ‘стать’ и **бан** ‘сделать’

Глаголы **хьун** и **бан** обладают обобщёнными значениями, в силу чего выполняют функцию словообразовательного суффикса, при этом вся словоизменятельная парадигма аналитической конструкции совпадает с парадигмой вспомогательного глагола. Такие конструкции, в которых глаголы являются семантически несамостоятельными, но грамматически самостоятельными, могут быть названы составными глаголами.

1. Глагол **хьун** в роли автономной единицы обозначает событие (то, что случается), и в этом качестве он описан в соответствующей главе данной

работы. Здесь же мы обращаем внимание на его роль в качестве вспомогательного глагола в аналитических глаголах. Глагол **хьун** является непереходным глаголом совершенного (перфектного) вида и имеет абстрактное значение ‘случиться, произойти’, в итеративном виде – **шаван** в корне происходит чередование согласных **хь//ш**, дуративный (несовершенный, процессуальный) вид **хъанан** образуется от другой основы: *Щин гъили хьунни* ‘Вода нагрелась’ – *Гъинттул бярав щин гъили шай* ‘Летом в озере вода нагревается’ – *Щин гъили хъанай дур* ‘Вода нагревается’.

В количественном отношении составных глаголов с компонентом **хьун** в обратном словаре И.Х.Абдуллаева насчитывается 254 единиц [Абдуллаев 2014: 104–109]. Такие глаголы в большинстве своём обозначают переход в качество или в эмоциональное состояние, названное первым компонентом сочетания. Ниже даётся анализ всего корпуса составных глаголов с компонентом **хьун**.

Больше половины всех составных глаголов этой модели (141) сочетается с «**краткими**» **прилагательными**, то есть с основами, которые могут употребляться:

а) в значении прилагательных, обозначающих постоянный признак предмета (*лух1и аьрици* ‘чернозём’, *к1яла ч1ара* ‘седина’ и под.);

б) в сочетании с атрибутивными суффиксами **-сса**, **-мур** / **-ма** / **-ми** определяются как «полные» («оформленные») прилагательные (*лух1исса гьухъа* ‘чёрное платье’;

в) в сочетании с адвербиальным суффиксом **-ну** образуют наречия (*лух1ину ч1алан* ‘казаться чёрным’);

г) с суффиксом **-шиву** образует существительное с абстрактным значением, которое может выполнять и предикативную функцию (*лух1ишиву* ‘чернота’; *Лух1ишиву яруннил!* ‘Какие чёрные глаза!’);

д) эти же основы в сочетании с вспомогательными глаголами являются компонентами составных глаголов (*лух1и хьун* ‘почернеть’).

В редких случаях они выступают и в значении существительных: *лах/и лаххан* ‘одеться в траур’.

Исконные прилагательные, обозначающие качество, цвет, размер, пространственный или временной признак, могут сочетаться и с другими вспомогательными глаголами, при этом происходят изменения и в семантике составного глагола. К таким глаголам относятся глаголы движения *лаган* ‘уйти’ и *буккан* ‘выйти’. Ср.: *лахъи* ‘длинный; долгий’: 1) *лахъи хъун* ‘стать длинным, долгим’ (*Хъхъу лахъи хъуну дур* ‘Ночь стала долгой’); 2) *лахъи лаган* ‘находиться долго’ (*ОърчI къатIув лахъи лавгунни* ‘Мальчик задержался вне дома’); 3) *лахъи буккан* ‘растянуться, вытянуться’ (*Баху лахъи бувккун, исвагысса душ хъуну бия* ‘Баху вытянулась, стала стройной девушкой’).

Значительная часть основ, которые в лакском языке получили статус «кратких» прилагательных, является заимствованиями из восточных языков (арабского, персидского, тюркских) и участвует, как и исконные качественные атрибутивы, в образовании прилагательных, наречий (в том числе и предикативных наречий), абстрактных имён, составных глаголов. Например:

сагъ (тюрк.) → *сагъсса* ‘живой, здоровый’, *сагъну* (*сагъну ур* ‘жив’), *сагъшиву* ‘целость, здоровье’, *сагъ хъун* ‘ожить’, *сагъ лаган* ‘выздороветь’;

аьсив (перс.) → *аьсивсса* ‘трагичный’, *аьсивну* ‘в состоянии отчаяния’, *аьсививу* ‘глубокая печаль’, *аьсив хъун* ‘отчаяться’;

пакъат (араб.) → *пакъатсса* ‘спокойный’, *пакъатну* ‘спокойно’, *пакъатшиву* ‘спокойствие’, *пакъат хъун* ‘успокоиться’.

Среди заимствований отмечены и существительные с характеризующим значением, вступающие в такие же деривационные отношения, как и нейтральные основы. Ср.:

авлия ‘глупец’ → *авлия(сса)* ‘глупый’ (*авлиясса хаварду* ‘глупые разговоры’), *авлияну* ‘глупо’ (*авлияну гъалгъа тIун* ‘глупо говорить’), *авлияшиву* ‘глупость, отсутствие ума’, *авлия хъун* ‘обезуметь’.

Среди основ составных глаголов отмечены образования с аффиксом -**ари**, который И.Х. Абдуллаевым определяется так: «От ряда глагольных и именных основ он образует смысловую часть глагола со значением интенсивного и многократно повторяющегося действия: *гъагъан* ‘разбить’ – *гъагъ-ари (дан)* ‘разбить на несколько частей’, *ххарци* ‘царапина’ – *ххарц-ари (дан)* ‘исцарапать’ и др. Смысловые части сложных глаголов обычно выступают и в значении кратких прилагательных» [Абдуллаев 2010: 135]. Такие основы сочетаются с вспомогательными глаголами **хъун** и **бан**, образуя соответственно непереходные и переходные глаголы, например: *парча* ‘кусок’ → *парчари хъун* ‘разбиться на куски’, *парчари бан* ‘разбить на куски’; *буцан* ‘порвать / порваться’ → *буцари хъун* ‘порваться (в нескольких местах)’, *буцари бан* ‘порвать’. Такие основы могут быть и редуцированными, выражая большую интенсивность и экспрессию: *парча-парчари хъун*, *буца-буцари хъун*.

К атрибутивным основам близки формы генитива имён существительных, которые встречаются в некоторых составных глаголах в качестве вербализуемой основы. К ним относятся: *нигъал хъун* ‘страшиться’ (← *нигъ* ‘страх’), *жиндрал хъун* ‘сбеситься’ (← *жиндри* ‘бесы’), *янил хъун* ‘сглазиться’ (← *я* ‘глаз’), *мукъул хъун* ‘ославиться’ (← *махъ* ‘слово’), *къатлул хъун* ‘стать семейным’ (← *къатта* ‘дом’) и под. Некоторые формы, соотносительные с генитивом, обособились как прилагательные и участвуют в образовании всех деривативов. Ср. *ккашил хъун* ‘проголодаться’ (← *ккаши* ‘голод’), но: *ккашил шин* ‘голодный год’ (крат. прилаг.), *ккашилсса оърчIру* ‘голодные дети’, *ккашилну бикIан* ‘быть голодными’. К этой группе можно отнести и такие глаголы, как *курчIил хъун* ‘облениваться’ (← *карчI* ‘лень’), *дюхлул хъун* ‘прохладиться’ (← *дюхлу* ‘прохлада’). В большинстве основ на -л последний не вычленяется в качестве морфемы, они являются или нейтральными (*ххассал хъун* ‘спастись’), или обрели статус «кратких» прилагательных (*хъювсул хъун* ‘расстроиться’, *хъювсулсса* ‘расстроенный’, *хъювсулну* ‘горестно’, *хъювсулииву* ‘горесть’).

Все описанные выше типы глагольных сочетаний обозначают переход в состояние, образуются стандартно и являются семантически и синтаксически неразложимыми. Со словосочетаниями их объединяет проницаемость, раздельная оформленность и способность глагольного компонента замещать всё сочетание в условиях дискурса. Эти сочетания близки к сложным глаголам.

В качестве первого компонента выступают разные по происхождению *нейтральные основы*. Одни из них являются звукосимволическими, поскольку сочетаются и с глаголами *учин/тлун*. Таковы, например, *гъаз хьун* ‘подняться’ (*гъаз тлун* ‘качаться’, *гъазтлн ламу* ‘висячий мост’), *къатл хьун* ‘высыпаться’ (*къатла тлун* ‘сыпаться, падать’), *ккуччу хьун* ‘быть раздавленным’ (*ккуччу тлун* ‘мять ступнями’), *клунклу хьун* ‘потянуться’ (*клунклу тлун* ‘тянуться’), *сукку хьун* ‘шевелинуться, двинуться’ (*сукку тлун* ‘шевелиться’) и под. Среди нейтральных основ можно отметить и заимствования, которые встречаются только в составе глаголов, например, *куч хьун* ‘переселиться, перекочевать’, *пуч хьун* ‘пропасть’ и др. В определении источника заимствования единого мнения у исследователей нет. Например, основы *куч* и *пуч* Н.С. Джидалаев определяет как тюркизмы (Джидалаев 1990: 222; 226), а Н.Б. Курбайтаева приводит их как иранизмы (Курбайтаева 2002: 41; 62). Один из тюркских языков (азербайджанский или кумыкский) мог быть и языком-посредником.

Составные глагольные номинации модели «*сущ. в номинативе + хьун*» занимают промежуточное положение между фразеологическими сочетаниями и составными глаголами: синтаксически они являются аналогами словосочетаний связанного типа, но семантическая слитность, достаточная продуктивность (около 30 единиц) и стандартность сближает их с составными глаголами. Зависимое существительное в таких номинациях занимает позицию субъекта, образуя номинативную конструкцию. Однако такой формальный субъект семантически инкорпорирован в состав предиката, а падежное оформление реального субъекта зависит от семантики всей номинации. Позицию именного компонента занимают, как правило, имена с абст-

рактными значениями, среди которых многие являются заимствованными. Можно выделить несколько семантических групп таких составных номинаций (аналитических конструкций).

1. Смысловая часть выражена именами, обозначающими **восприятие, морально-эмоциональное состояние лица**:

цIими хьун ‘сочувствовать’ (*цIими* ‘сострадание’), *язугъ хьун* ‘пожалеть’ (*язугъ* ‘жалость’), *къащи хьун* ‘испытать досаду’ (*къащи* ‘досада, зависть’), *нач хьун* ‘испытать стыд’ (*нач* ‘стыд’), *карчI хьун* ‘полениться’ (*карчI* ‘лень’), *хIисав хьун* ‘заметить’ (*хIисав* ‘сообразительность’) и под.

При таких предикатах формируется *дательная конструкция* предложения с субъектом в дативе. Объект может получить разное оформление:

цIими хьун, язугъ хьун < кто: датив; кого: суперэссив >: *Ттун танай цIими хьунни* ‘Мне его стало жалко’

нач хьун < кто: датив; от кого: суперлатив >: *Ттун таная нач хьунни* ‘Мне от него стало стыдно’

хIисав хьун < кто: датив; кого: номинатив >: *Ттун та хIисав хьунни* ‘Я его заметил’

къащи хьун < кто: датив; от чего: суперэлатив >: *Ттун му иширая къащи хьунни* ‘Я от этого (дела) испытал досаду’

карчI хьун < кто: датив; в чём: инфинитив >: *Ттун учIан карчI хьунни* ‘Мне лень было прийти’.

2. Смысловая часть выражена именами, обозначающими **пользу или вред** для субъекта: *кумаг хьун* ‘получить помощь’, *хайр* (*мюнпат, чаран*) *хьун* ‘оказаться полезным’, *зарал хьун* ‘понести убыток, ущерб’ и под.

В номинативной конструкции с такими предикатами источник пользы или вреда оформляется суперэлативом, а адресат (бенефактив или малефактив) получает форму датива:

хайр хьун < от чего / кого: суперэлатив; кому / чему: датив >: *Найрдаё тайннан хьунмасса хайр хьуну бур* ‘От пчёл они получили большую пользу’.

3. Существительные с *оценочным значением* «*быть виноватым*» типа *ай, тахсир* ‘вина’ в сочетании с глаголом *хьун* формируют конструкции, в которых носитель признака выражается суперэссивом, содержание предиката раскрывается в сентенциальных актантах (масдарных или деепричастных конструкциях): *Цурк бувну, танай тахсир хьуну бур* ‘Совершив кражу, он стал виновным (букв. На нём стала вина)’.

Субъект непреднамеренного события в близких по смыслу конструкциях типа *хатла хьун* ‘оплошность, проступок’, *гьалат хьун* ‘свершить ошибку’ оформляется аблативом (исходным падежом) серии посессива: *Оьрчлаца хатла хьуну бур* ‘Мальчик совершил (нечаянно) проступок’.

Номинации модели «сущ. в номинативе + *хьун*» не всегда можно отличить от фразеологизмов. Сложность представляет и определение синтаксических отношений подлежащего и дополнения в таких предложениях.

Сочетания типа *дус хьун* ‘подружиться’ (другом стать), *хаин хьун* ‘изменить (предать)’ тяготеют больше к глагольным сказуемым, чем к именным (см. перевод). Нюансы могут быть и в падежном оформлении актантов: (1) *Та ттуцал* (комитатив) *дус хьунни* ‘Он со мной подружился’ – (2) *Таная* (суперэлатив) *ттул дус хьунни* ‘Он (букв. с него) стал моим другом’ – в (1) сказуемое тяготеет к глагольному (составной глагол), во (2) больше усматриваются эквивалентные, характеризующие отношения («он есть мой друг»).

2. Глагол *бан* ‘сделать’ в качестве автономной лексемы с обобщённым значением действия рассматривается в соответствующем разделе работы. В этом случае мы кратко характеризуем данный глагол в составе аналитических глагольных номинаций.

В обратном словаре отмечено больше 350 глагольных номинаций с компонентом *бан* ‘сделать’. Сочетания с компонентом *хьун* ‘стать’ и *бан* ‘сделать’ часто составляют коррелятивные пары, противопоставленные по признаку «непереходность-переходность». Чаще всего такие пары образуют сочетания с «краткими прилагательными» и нейтральными основами. Ср.:

xlurxla хьун ‘замедлиться’ – *xlurxla бан* ‘замедлить’ (*xlurxla* ‘медленный’ / ‘медленно’- общая для наречий и прилагательных основа);

гъаз хьун ‘подняться’ – *гъаз бан* ‘поднять’ (*гъаз* – нейтральная основа);

мурахас хьун ‘освободиться’ – *мурахас бан* ‘освободить’ (нейтральная заимствованная основа).

В такие отношения не вступают сочетания с вспомогательным глаголом **хьун**, если они обозначают неподконтрольные субъекту (неагентивные) процессы и события, например, *илтла* хьун ‘похудеть’, *курчлил* хьун ‘полениться’ и под. Соотносительных непереходных коррелятов не имеют и сочетания с вспомогательным глаголом **бан**, обозначающие агентивные действия, например, *тапиур бан* ‘поручить’, *ххарт1 бан* ‘соскоблить’ и под.

Глаголы с компонентом **бан** в сочетании с **краткими прилагательными** образуют переходные глаголы со стандартным значением каузации: «сделать так, чтобы объект приобрёл названный первым компонентом признак»: *чяй нацлу дан* ‘сделать чай сладким’ ; *аьрици оьргъа дан* ‘внести удобрения почву’; *оьрч1ру хьуни бан* ‘вырастить детей’, *щаву хьин дан* ‘вылечить рану’ и т.д.

Классный показатель согласуется с классом объекта.

Однако наблюдаются случаи, когда составные глаголы употребляются безобъектно с показателем III или IV класса:

гъели буллан ‘греться’ (← *гъелисса* ‘тёплый’): *баргъ гъели бувну бур* ‘солнце греет’, *гъели бувну бурув?* ‘греетесь (на солнце)?’

хьхъара дан ‘проявить слабость’ (← *хьхъарасса* ‘слабый’): *ина хьхъара дурунни* ‘ты проявил слабость’

кьянкъа дан ‘проявить твёрдость’ (← *кьянкъасса* ‘твёрдый’): *кьянкъа дува* ‘будь мужественным, держись’

т1ааьн бан ‘нежиться, испытывать удовольствие, отдыхать’ (← *т1ааьнсса* ‘приятный’): *ятту т1ааьн бувну бур* ‘овцы отдыхают’

гъарза буллан ‘наглеть, позволять себе лишнее’ (← *гъарзасса* ‘много, в обилии, в изобилии’): *гъарза мабулларда* ‘не наглевай’.

Сочетаясь с существительными, глагол *бан* образует составные наименования разной семантики. Общим для таких составных глаголов данной структуры является то, что они организуют эргативные конструкции особого типа, в которых: а) в роли сказуемого выступает всё сочетание; б) позиция прямого дополнения занята инкорпорированным в глагол именем в номинативе, в связи с чем конструкция становится квазиэргативной; в) косвенное дополнение кодируется разными падежами в зависимости от семантики составного глагола. В модели управления мы обозначаем только падежи косвенных дополнений.

Самую значительную группу глаголов модели «сущ. в номинативе + бан» составляют предикаты, обозначающие **речевые действия**:

гьалгъа бан < с кем: комитатив > ‘поговорить’, < кому: пос-эссив > ‘сообщить’ (*гьалгъа* ‘разговор’);

ихтилат бан < с кем: комитатив > ‘побеседовать’ < кому: пос-эссив > ‘сообщить’ (*ихтилат* ‘беседа’);

икьрал дан ‘договориться’ < с кем: комитатив > (*икьрал* ‘договорённость’);

бяс бан ‘поспорить’ < с кем: комитатив > (*бяс* ‘спор’);

цла дан ‘похвалить’ < кому: пос-эссив; на кого: суперэлатив > (*цла* ‘имя’);

аьрза бан < кому: пос-эссив; на кого: суперэлатив > ‘пожаловаться’ (*аьрза* ‘заявление, жалоба’; аналогично: *шикаят бан* ‘сетовать’, *цлуру-клуру бан* ‘выражать недовольство’);

маз бан ‘донести’ < кому: пос-эссив; на кого: суперэлатив > (*маз* ‘язык’);

хавар бан ‘сообщить’ < кому: супер-латив > (*хавар* ‘весть’);

аьй дан ‘упрекнуть’ < кого: суперэссив > (*аьй* ‘порицание’);

рихшант дан ‘насмехаться’ < над кем: суперлатив > (*рихшант* ‘насмешка’);

нааьна дан ‘проклясть’ < кого: суперлатив > (*нааьна* ‘пролятие’);

ссуг дан ‘ругать’ < кого: суперлатив > (*ссуг* ‘ругательство’);

хьярч бан ‘пошутить’ (*хьярч* ‘шутка’);

хъва бан ‘поклониться’ < чем/кем: суперлатив > (*хъва* ‘клятва’);

дяъви бан ‘отругать’ < кого: суперлатив > (*дяъви* ‘ругань’);

пахру бан ‘похвалиться’ < чем: суперэлатив > (*пахру* ‘гордость’).

К речевым близки по смыслу глаголы, обозначающие разные **неречевые знаки**:

икрам бан ‘поклониться’ < кому: суперлатив > (*икрам* ‘поклон’);

ишан дан ‘сделать знак’ < кому: суперлатив > (*ишан* ‘знак’);

гъим дан ‘намекнуть’ < кому: суперлатив > (*гъим* ‘намёк’);

энчI дан ‘состроить гримасу’ < кому: суперлатив > (*энчI* ‘гримаса’);

кIаниш дан ‘подмигнуть’ < кому: суперлатив > (*кIаниш* ‘подмигивание’).

Разряд **глаголов движения** пополняют сочетания, первый элемент которых является чаще всего или звукоподражательной, или аморфной, или десемантизированной основой: *гъава бан* ‘воспарить’ (*гъава* ‘воздух’); *гайз / сайр бан* ‘погулять’ (*гайз / сайр* ‘прогулка’); *тIуркIу бан* ‘поиграть’ (*тIуркIу* ‘игра’); *ччамар бан* ‘бегать, скакать’ (*ччамар* ‘бег вскачь’ – о животных); *ака бан* ‘удрать’ (*ака* – аморфная основа); *къиссу бан* ‘сплясать киссу’ (*къиссу* ‘лакская пляска’).

Глаголы данной группы, обозначая непереходные действия, образуют квазиэргативные конструкции: *Барзул* (эргатив) *ссавнийх гъава байссар* ‘Орёл парит по небу’.

Глаголы **бан /дан** выполняют роль вербализаторов абстрактных имён, обозначающих эмоциональные или ментальные состояния, признаки, свойства: *тамаша бан* ‘удивиться (зрелищем)’ < чем: суперэссив > (*тамаша* ‘зрелище’); *нач дан* ‘пристыдить’ < кого: датив > (*нач* ‘стыд’); *яхI бан* ‘вытерпеть’ (*яхI* ‘совесть’, ‘стойкость’); *ссавур дан* ‘проявить терпение’ (*ссавур* ‘терпение’); *гъунар бан* ‘совершить подвиг’ (*гъунар* ‘подвиг’); *кайн бан* ‘устроить веселье’ (*кайн* ‘удовольствие’); *пикри бан* ‘подумать’ (*пикри* ‘мысль’).

Абстрактные существительные входят и в состав аналитических глаголов, обозначающих эмоциональные состояния или действия, направленные

на пользу или во вред участника ситуации. Косвенное дополнение кодируется дативом или суперэссивом.

Моделям управления < кто: эргатив; кому: датив> соответствуют: *кумаг бан* ‘помочь’ (*кумаг* ‘помощь’); *цадакья бан* ‘подать милостыню’ (*цадакья* ‘милостыня’); *хайр бан* ‘принести пользу’ (*хайр* ‘польза’); *зарал бан* ‘навредить’ (*зарал* ‘вред’); *бахлу бан* ‘наслать порчу’ (*бахлу* ‘связывание, наговор’); *лурклан дан* ‘устроить засаду’ (*лурклан* ‘засада’); *хлилла дан* ‘применить хитрость’ (*хлилла* ‘хитрость’); *макру бан* ‘применить коварство’ (*макру* ‘коварство’); *таммихл бан* ‘наказать’ (*таммихл* ‘наказание’).

Моделям управления <кто: эргатив; кого: суперэссив> соответствуют: *рахлму бан* ‘оказать милосердие’ (*рахлму* ‘милосердие’); *цлими бан* ‘пожалеть’ (*цлими* ‘жалость’); *кьяя дан* ‘совершить насилие’ (*кьяя* ‘насилие’); *гууж бан* ‘применить силу’ (*гууж* ‘сила’).

Для обозначения социально, нравственно значимых событий используются также сочетания абстрактных существительных с глаголами *бан/дан*, например: *гьужум бан* ‘препринять наступление’ < на кого: суперлатив> (*гьужум* ‘наступление, наезд’); *давла бан* ‘совершить набег за добычей’ (*давла* ‘добыча’); *маша бан* ‘торговать’ (*маша* ‘торговля, торг’); *цурк бан* ‘совершить кражу’ (*цурк* ‘кража’); *зуна бан* ‘совершить прелюбодеяние’ (*зуна* ‘прелюбодеяние’); *бихху бан* ‘совершить убой скота’ (*бихху* ‘убой скота мяса’).

Вспомогательный глагол *бан* может сочетаться с генитивом существительного. Такие сочетания обозначают действие, направленное на приобретение объектом определённых качеств. Например: *чу клиллул бан* ‘оседлать коня’ (*клили* ‘седло’), *арс къатлул ан* ‘женить сына’ (*къатта* ‘дом’), *янил бан* ‘сглазить’ (*я* ‘глаз’).

Формы существительного в генитиве с приращённым суффиксом *-сса* обозначают заботу, хлопоты, связанные с объектом: *оьрчлалсса бан* ‘справиться с детьми’; *къатлулсса бан* ‘справиться с домом’; *ахънилсса бан* ‘справиться с огородом’ и т.д.

Сочетания имён с глаголами общей семантики близки к фразеологическим образованиям. Стандартность семантики и способа образования приближает такие сочетания к словообразованию, вспомогательные глаголы по значению и функциям близки к словообразовательным морфемам.

Как видно из обзора, составные глаголы с компонентом **бан** в большинстве случаев соотносятся с переходными глаголами и образуют стандартную эргативную конструкцию. Но в ряде случаев они не соответствуют стандарту переходности (*кумаг бан* 'помочь', *цла дан* 'похвалить', *сайр бан* 'прогуляться') и образуют нестандартную эргативную или квазиэргативную конструкции.

Выводы по 1-й главе

Глагол является одной из самых сложных частей речи в лакском языке. Лексический состав непроеизводных глаголов незначителен, но он относится к древнейшему пласту языка. В большинстве глаголов широкое развитие получила полисемия, граничащая с омонимией. Формообразование и словообразование глаголов характеризуется наличием аналитических структур. В связи с этим возникает необходимость разграничения синтаксических единиц: словосочетания и предложения от единиц морфологического уровня, аналитических форм сложных и сложносоставных слов, относящихся к уровню словообразования. Эти вопросы находятся в центре внимания в данной части работы.

В главе даётся общая история изучения глагола, характеристика глагола как части речи, описаны категории класса и лица, их роль в выражении предикативных отношений в синтаксисе.

В семантике глагола, формирующей основную коммуникативную единицу языка – предложение, главными являются зоны, обозначающие состояние, событие, процесс и действие. Для обозначения наиболее обобщённых значений в каждом языке присутствуют соответствующие семантические примитивы, к которым в лакском языке относятся глаголы *бур* /*бик1ан* ‘быть’, *хьун* ‘стать’ и *бан* ‘сделать’.

Как показывает анализ, наиболее абстрактным значением обладает глагол существования *бур/ур/дур*, который в классно-личных формах своей морфологической парадигмы употребляется и в роли полнозначного глагола, и в роли связки, и в роли компонента аналитической формы. В качестве глагола существования, бытия он употребляется чаще всего в конструкциях, обозначающих локализацию предмета в пространстве: (1) *Ссавний ттуруллив дур* ‘На небе облака есть’; (2) *Вац1луву цухьри буссар* ‘В лесу медведи есть (обитают)’. В качестве связки он употребляется при наречиях состояния, обозначая непроеизводное состояние, как в (3), и при перфектных деепричастиях,

обозначая производное состояние, как в (4): (3) *Хьхьури гьалакнубия* ‘Море беспокойно было’; (4) *Хьуру ттирхIуну дур* ‘Нивы сжаты’. В роли компонента аналитической формы данный глагол выступает в составе аналитических форм категорий вида, фазовости, эвиденциальности и др. в сочетании с разными неспрягаемыми формами смыслового глаголами (*чичлай ур* ‘пишет’, *чичавай ур* ‘вот-вот напишет’, *чичлай унуккар* ‘кажется, пишет’, *чичлан ивкIнуккар* ‘кажется, начал писать’).

Глагол *хьун* ‘возникнуть, появиться, стать’ в качестве полнозначного глагола может обозначать событие (*Чани хьунни* ‘Наступил рассвет’), в качестве вспомогательного глагола в сочетании с атрибутивными основами он служит для образования составных глаголов (*ОьрчIру хьуни хьунни* ‘Дети выросли’).

Глагол *бан /дан* в роли самостоятельного сказуемого обозначает переходное действие (*Буттал кьатри дурунни* ‘Отец дом сделал (построил)’). В качестве вспомогательного глагола выполняет словообразовательные функции, в том числе участвует в образовании переходных глаголов от непереходных и каузативных глаголов в системе залоговых преобразований.

Из морфологических словоизменительных категорий в работе анализируется категория класса и её роль в глагольном словосочетании и в оформлении других членов предложения. Представлена сложная и неоднозначная картина синтаксических связей в лакском языке, которую создаёт словоизменительная категория класса, кумулятивно выражающая и число. С одной стороны, данная категория проявляет себя в именных словосочетаниях: изменяемые по классам зависимые согласуются со своими вершинами в классе и числе. Все остальные случаи классно-числового согласования, в том числе и классно-числовых форм глагола, относятся к сфере предложения, а не словосочетания, поскольку классные аффиксы ориентированы на ядерные члены предикации – субъект непереходных и прямой объект переходных глаголов, которые кодируются номинативом имени. Этим объясняется и расширение понятия «гла-

гольное словосочетание» (П.А.Сулейманова) и отсутствие раздела о глагольных словосочетаниях (К.И.Казенин) в описаниях синтаксиса лакского языка.

Одной из основных синтаксических категорий лакского глагола является категория лица. В работе показано, что свою основную функцию – указание отношения между участниками ситуации и локуторами – личные показатели совмещают и с другими синтаксическими функциями. Личное окончание, кумулятивно совмещающее значения утверждения и лица, является одним из главных показателей предикативности синтаксической единицы, превращающей пропозицию в предложение.

Обобщены имеющиеся сведения и систематизирована категория фазовости. Отмечены фазовые значения и способы их образования. В ней выделены следующие фазы: 1) *инхоатив* (*чичлан ивчIунни* ‘начал писать’); 2) *прогрессив*, совмещается с дуративным аспектом (*чичлай ур* ‘пишет’); 3) *континуатив*, осложнённый значением «ещё, всё ещё» (*чичлайна ур* ‘продолжает писать’); 4) *перспектив* (*чичавай ур* ‘вот-вот напишет’); 5) *терминатив* (*чивчунни*, совпадает с перфектом); 6) *антитерминатив* (*чичавай ливчIунни* ‘чуть не написал’).

Более подробно описана категория эвиденциальности. В ней отмечены следующие формы, составляющие определённую иерархию по степени достоверности: **очевидные** (прямая информация) > **категорические** (заглазная и категорическая) > **аудитивные** > **эпические** (с инферентивом) > **цитативные**. С учётом подзначений таких форм оказывается около семи. Большинство форм является аналитическими, причём формальная часть может состоять из двух компонентов. В образовании аналитических форм категории эвиденциальности участвуют в качестве вспомогательного глагола спрягаемые формы глагола *бикIан* ‘быть’: *бур* (наст. вр.), *бия* (прош. вр.) и *бикIантIиссар* (буд. вр.). Глагол речи *тIун* ‘говорить’ в роли клитики *тIар* ‘говорят’ образуют формы цитатива.

Залог и залоговость являются сложной грамматической категорией, которая в дагестанских языках ещё недостаточно изучена. Основным способом

её морфологического выражения в лакском языке является аналитический пассив в безагентивной конструкции (*Хъуру ттирх1уну дур* ‘Нивы сжаты’) и аналитические глаголы актантной деривации, в образовании которых участвуют вспомогательные глаголы широкой семантики *бан* ‘сделать’, *битан* ‘позволить’, *бик1ан* (в значении ‘дать случиться с собой чему-нибудь’).

Залог и актантная деривация в лакском языке находятся на стыке морфологии (образование аналитических форм пассива), словообразования (аналитический транзитив и каузатив) и синтаксиса (изменения синтаксических отношений при залоговых преобразованиях).

В словообразовательных аналитических конструкциях особое внимание уделяется конструкциям с вспомогательными глаголами *учин/т1ун* ‘сказать/ говорить’, *бик1ан* ‘быть’, *хъун* ‘стать’ и *бан* ‘сделать’.

Анализ сочетаний наиболее употребительных вспомогательных глаголов с разными основами позволяет сделать некоторые выводы о природе данных сочетаний. Наиболее частотными являются сочетания «кратких прилагательных» с глаголами *хъун* и *бан*. В составе аналитического глагола адъективная основа не является самостоятельным членом предложения (*Марч паракъат хъунни* ‘Ветер стих’). При наречной транспозиции образуется обстоятельство образа действия или предикатив («категория состояния»): *Паракъатну щяик1у* ‘Сядь спокойно’. *Хъхъури паракъатну бур* ‘Море спокойно’).

Сочетание аморфных слов со вспомогательными глаголами также словосочетания не образуют. К аморфным словам относятся: 1) звукоподражательные и звукосимволические слова; 2) основы с затемнённой семантикой; 3) заимствованные основы.

Звукоподражательные и звукосимволические основы сочетаются с глаголами речи *учин* ‘сказать’/ *т1ун* ‘говорить’: *кьолт1 учин* ‘сглотнуть’, *парх учин* ‘вспыхнуть’. Звукосимволические и «тёмные» основы сочетаются и с глаголом существования *бик1ан* ‘быть’: *эц бик1ан* ‘нахмуриться’, *парх бик1ан* ‘распушиться’. Заимствованные основы, не вошедшие в разряд имён,

сочетаются чаще всего с вспомогательными глаголами *хьун* и *бан*: *кьур хьун* ‘завестись’ – *кьур бан* ‘завести’; *бат хьун* ‘исчезнуть’ – *бат бан* ‘истребить’, *мурахас бан* ‘освободить’ и т.д.

Все перечисленные типы сочетаний тяготеют к сложным глаголам, но такие сочетания являются, во-первых, проницаемыми, во-вторых, в дискурсе (особенно в диалоге) глагольный компонент может замещать всё сочетание: *Машина кьур бав?* ‘Завёл машину?’ – *Бав* ‘(да) завёл’.

Всеми признаками словосочетаний обладают сочетания существительных с вспомогательными глаголами, хотя семантическая цельность и целостность синтаксической функции позволяет определять их как аналитические глаголы. При этом часть из них образуется по стандартной схеме, например, *кумаг бан* ‘помочь’ (букв. «помощь сделать»), другие фразеологизированы, как, например, *вичIи дишин* ‘прислушаться’ (букв. «ухо положить») или *дакIнин багьан* ‘вспомнить’ (букв. «на сердце упасть»).

Можно сказать, что лексикализованные аналитические конструкции представляют собой континуум, где нет чёткой границы между: 1) сложными глаголами, 2) аналогами производных слов и 3) составными глаголами – аналогами словосочетаний.

Наиболее близки к сложным глаголам сочетания, вторым компонентом которых являются глаголы *учин* ‘сказать’ / *тIун* ‘говорить’ и *бикIан* ‘быть’ / *битан* ‘позволить быть’. Это обусловлено тем, что первыми компонентами аналитических таких глаголов являются звукоподражательные и звукосимволические элементы, которые, как правило, не выступают в роли автономных единиц номинации. Мы говорим «как правило», поскольку некоторые из таких элементов могут получить статус имени существительного, например, *тIанкI* ‘прыжок’ (см. *тIанкI учин* ‘прыгнуть’, букв. «прыг сказать»), *кьацI* ‘рот’ (см. *кьацI учин* ‘укусить»; ср. в русск.: *куснуть*), *балай учин* ‘спеть’ и под.

Роль глаголов *учин* / *тIун* ‘сказать’/‘говорить’, *бикIан* ‘быть’ / *битан* ‘позволить’, *хьун* ‘стать’ / *бан* ‘сделать’ в образовании сложных и составных

глаголов близка к роли деривативных морфем по своей регулярности и словообразовательному значению. В некоторых из дагестанских языков подобные компоненты в глагольных номинациях рассматриваются как суффиксы, что отражается и в написании таких глаголов, например: *члеглеръизе* (авар.) – *лухли хьун* (лак.) ‘почернеть’; *цлуббарес* (дарг.) – *цлу бан* (лак.) ‘обновить’; *гъайбиклес* (дарг.) – *гъалгъа тлун* ‘разговаривать’.

ГЛАВА 2. СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ

2.1. Лексико-семантические разряды глагола и структурные типы предложений

2.1.1. Лексико-семантические разряды лакских глаголов

В осуществлении языком его главной функции – функции сообщения и общения – центральное место занимает глагол. Предложение как предикативная, коммуникативная единица формируется вокруг глагола, поэтому рассматривать глагольные словосочетания вне предложения оказывается сложной задачей, особенно в лакском языке. В некоторых работах эти две единицы или не разграничиваются [Сулейманова 1989], или как отдельное словосочетание не рассматриваются [Казенин 1997].

В синтаксических исследованиях по дагестанским языкам значительное внимание уделяется лексической семантике глагола. Авторы большинства работ, посвящённых анализу языков эргативной типологии, специфическим свойством таких языков называют распределение глагольной лексики по признаку переходности-непереходности. Однако М.Е. Алексеев в 80-х г. XX в. внёс определённый вклад в изучение данного аспекта исследований дагестанских языков, отметив, что принципы лексико-семантической классификации глагольных лексем на материале нахско-дагестанских языков практически не разработаны. В составе транзитивных глаголов он выделил 5 семантических групп, а в составе интранзитивных глаголов было выделено 9 таких групп. При этом им замечены отклонения в лексикализации глаголов по признаку транзитивности /нетранзитивности, которые группируются следующим образом: а) «квазитранзитивные» глаголы; б) интранзитивные глаголы с транзитивной семантикой; в) транзитивные глаголы с интранзитивной семантикой; г) транзитивные глаголы, имеющие специфическую модель управления [Климов, Алексеев 1980: 180].

Семантическая классификация глагольной лексики и актантная структура глагольных лексем разрабатывалась также Е.А. Кибриком и С.В. Кодзасовым [Кибрик, Кодзасов 1988]. Им представлены 220 глагольных лексических единиц из 20 дагестанских языков и говоров в их базовых значениях, которые входят в 11 семантических разрядов. Хотя в работу не могла быть включена вся глагольная лексика, но она даёт ориентир для детального исследования глагольной семантики в каждом из отдельно взятых дагестанских языков.

Семантические разряды глагольной лексики лакского языка рассматриваются также в работах Р.Г. Эльдаровой [2000] и Ж.Д. Башировой [2011].

Значительный интерес для исследователей лексической семантики представляют работы П.А. Магомедовой по аварскому языку, в частности монография «Семантика и синтаксис аварского глагола (опыт семантической интерпретации синтаксиса)» [Магомедова 2006], в которой глагольная лексика рассматривается в составе девяти семантических разрядов, определяются их семная структура, валентностный словарь базовых глаголов, «семантические портреты» и функционально-синтаксическое поведение основных глаголов, входящих в каждую семантическую группу. В работе уделяется внимание вопросам полисемии и омонимии в глагольной лексике, поскольку данная проблема является важной и недостаточно разработанной в области лексикологии и лексикографии.

В лакском языке базовые производные глаголы чётко противопоставлены производным глаголам, которые в основной массе являются аналитическими. Разные по семантике и происхождению основы «вербализуются» при помощи ограниченного количества глаголов с общим значением, которые одновременно выполняют и словообразовательную (суффиксальную), и словоизменятельную функции, являясь формообразующей частью конструкции. В роли таких формантов выступают глаголы *б-ик1ан* ‘быть’ (в полной форме и в форме связки *б-ур* ‘есть’), *хьун* ‘стать’, *б-ан* ‘сделать’ и *учин/т1ун* ‘сказать/говорить’. Реже в словообразовательной функции могут выступать и

глаголы *лаган* ‘уйти’ (*кIяла логан* ‘побледнеть’), *б-уккан* ‘выйти’ (*утта уккан* ‘воскреснуть’).

Кроме аналитического словообразования, в лакском языке значительное место занимает и семантическая деривация – полисемия, которая связана со способностью глагола сочетаться с новыми актантами, меняя тем самым свои валентностные качества. На наш взгляд, появляются так называемые «диффузные» («лабильные») глаголы типа *ивчIан* ‘умереть’ / ‘убить’. Непереходный вариант лексемы, обозначающий событие (‘что случилось’), является первичным, переходный вариант с добавлением актанта в роли агенса – вторичным, например, *Муса* (ном.) *ивчIунни* ‘Муса умер’ – *Аьлил* (эрг.) *Муса* (ном.) *ивчIунни* ‘Али Мусу убил’. При этом изменение падежа агенса на элатив посессивной серии (-*ща*) влияет на семантику ситуации: действие агенса становится ненамеренным: *Аьлища* (посс-элатив) *Муса* (ном.) *ивчIунни* ‘Али (букв. от Али) Муса умер’. Такой тип деривации мы наблюдаем и в русском разговорном языке (ср.: Он ушёл. – Его ушли).

2.1.2. Системные отношения непроеизводных глаголов

Внутри базовых (первообразных, первичных, непроеизводных) глаголов существуют противопоставления лексем по одной дифференциальной семе, позволяющей использовать глагол для образования аналитических конструкций, противопоставленных по данной семе. Отметим некоторые из таких противопоставлений.

2.1.2.1. Глаголы *нан* ‘идти’ – *занан* ‘ходить’

Оба глагола относятся к одновидовым глаголам дуративного (процессуального) вида, противопоставленным в основном значении семой направленного/ ненаправленного движения. При этом *занан* может иметь и направленное, но хабитуальное значение: *оьрчIру вацIлувун най бур* ‘дети в лес идут’ – *оьрчIру вацIлувух занай бур* ‘дети ходят по лесу’/ ‘дети ходят (все-

гда) *через лес*'. В языке нет других глаголов, противопоставленных по данной семе (ср. в рус.: нести – носить, везти – возить и под.). Глагол *нан* в лакском языке используется для образования дуративных коррелятов мгновенных глаголов, компонентами которых являются перфектные деепричастия смыслового глагола в сочетании со спрягаемым компонентом *нан*, см.:

- 1) *лечин* 'побежать' – *левчуну нан* 'бежать' / *лечлан* 'бегать';
- 2) *лихъан* 'убежать (от преследования)' – *ливхъун нан* 'бежать' (дурат.) / *лихълан* 'убегать' (многокр.);
- 3) *леххан* 'полететь, взлететь' – *левххун нан* 'лететь' / *лехлан* 'летать';
- 4) *лахъан* 'взобраться' – *лавхъун нан* 'взбираться';
- 5) *агъан* 'упасть' – *агъну нан* 'падать' (процесс) / *агълан* 'падать многокр.');
- 6) *ххяххан* 'наброситься' – *ххяххун нан* 'наступать, быть в броске';
- 7) *бигъин* 'устремитесь в полёте' – *бивгъуну нан* (стремительно нестись) и т.д.

Таким же способом образуются глагольные номинации со значениями «нести» и «вести» при отсутствии в языке непроеизводных глаголов с данными значениями, например: 1) *ласун* 'взять' – *ларсун нан* 'нести' (букв. взяв идти); 2) *уцин* 'повести' – *увцууну нан* 'вести' (букв. ведя идти).

Как видим, язык максимально использует значение векторности движения глагола *нан*. Данные сочетания сопоставимы с лексико-грамматической категорией, которая в русской грамматике получила наименование «способ глагольного действия».

2.1.2.2. Глаголы *нан* 'идти' – *гъан (лаган)* 'уйти' – *бучлан* 'прийти'

Между глаголом однонаправленного движения *нан* и мгновенными глаголами удаления *гъан (лаган)* и приближения *бучлан* тоже наблюдаются тесные лексико-словообразовательные связи. Глаголы, обозначающие способ перемещения в сочетании с глаголом *нан*, как показано выше, обозначают

направленное движение как процесс. Те же глаголы в сочетании с глаголами *гъан* и *бучІан* обозначают результативное действие, противопоставленные по семе направленности:

- 1) *лечин* ‘побежать’: *левчуну учІан* ‘прибежать’ – *левчуну гъан* ‘убежать’;
- 2) *ливхъан*: ‘убежать (от преследования)’: *ливхъун учІан* ‘прибежать’ – *ливхъун гъан* ‘убежать’;
- 3) *левххан* ‘полететь, взлететь’: *левххун бучІан* ‘прилететь’ – *левххун гъан* ‘улететь’;
- 4) *уцин* ‘привести’: *увцуну бучІан* ‘привести’, *увцуну гъан* ‘увести’.

Взаимоотношения глаголов движения этой группы могут быть сопоставлены с приставочными глаголами в русском языке, поскольку образуют направленный способ действия перфектных глаголов.

В такой же конструкции в сочетании с глаголами другой семантики глагол *гъан* /*лаган* ‘уйти’ и его каузативный коррелят могут обозначать интенсивность действия:

- 1) *багъан* ‘упасть’ – *багъну гъан* ‘упасть, сорваться с...’ (*оьл муруллийх багъну лавгунни* ‘корова сорвалась с обрыва’);
- 2) *буххан* ‘войти’ – *бувххун гъан* ‘проникнуть, пройти, преодолевая препятствия’ (*ккучундалувух бувххун лавгунни* ‘прошла сквозь толпу’);
- 3) *буккан* ‘выйти’ – *бувккун гъан* ‘решительно уйти’ (*ицихІав вичІи къадирхъуну, бувккун лавгунни* ‘никого не послушав, покинула (помещение)’);
- 4) *ххяххан* ‘броситься’ – *ххяхххун гъан* ‘накинуться’ и др.

Признак интенсивности протекания действия также входит в сферу категории способа глагольного действия, взаимодействующего с категорией вида.

2.1.2.3. Противопоставление непроизводных глаголов по признаку непереходность/ переходность

В лакском языке очень мало базовых глаголов, противопоставленных по признаку непереходность /переходность. К ним относятся следующие па-

ры: 1) *биклан* ‘быть’ – *битан* ‘оставить, допустить’; 2) *хьун* ‘стать’ – *бан* ‘сделать’; 3) *багъан* ‘упасть, выпасть’ – *бутан* ‘бросить, свалить’.

В качестве вспомогательных глаголов, они могут участвовать в образовании производных, сложных и составных глаголов, парных по переходности-непереходности, например, с компонентами *биклан* – *битан*: 1) *лабиклан* ‘спрятаться’ – *лабитан* ‘спрятать’; 2) *щябиклан* ‘сесть’ – *щябитан* ‘посадить’; 3) *къус биклан* ‘наклониться’ – *къус битан* ‘наклонить’; 4) *зана биклан* ‘вернуться’ – *зана битан* ‘вернуть’ и под.

Компоненты *багъан* – *бутан* встречаются в основном в лексикализованных сочетаниях, например: 1) *махъун багъан* ‘отстать от кого-л.’ – *махъун бутан* ‘опередить кого-л.’; 2) *хьириг багъан* ‘погнаться’ – *хьириг бутан* ‘послать в погоню’; 3) *дакIнин багъан* ‘вспомниться’ – *дакIнин бутан* ‘напомнить’ и др.

Глаголы *хьун* и *бан* участвуют в образовании многочисленных сложных и составных глаголов от атрибутивных и аморфных основ, например: 1) *арх хьун* ‘отдалиться’ – *арх бан* ‘отдалить’; 2) *рязи хьун* ‘согласиться’ – *рязи бан* ‘удовлетворить’; 3) *зия хьун* ‘испортиться’ – *зия бан* ‘испортить’; 4) *бакъа хьун* ‘исчезнуть, потеряться’ – *бакъа бан* ‘потерять’; 5) *салкъи хьун* ‘накопиться’ – *салкъи бан* ‘накопить’.

Они участвуют и в образовании лексикализованных глагольно-именных сочетаний («фразеоглаголов»), например: 1) *кумаг хьун* ‘случиться (о помощи)’ – *кумаг бан* ‘помочь’; 2) *аьй хьун* ‘провиниться’ – *аьй дан* ‘упрекнуть’ и т.д.

При этом следует учитывать, что такие образования могут быть как непарными по признаку переходности-непереходности, так и различаться лексическими значениями (*ххира хьун* ‘полюбить’, но: *ххира бан* ‘приласкать’).

Глагол *бан* используется и для образования переходного глагола как от одновалентных событийных глаголов (1), так и от двухвалентных глаголов восприятия (2):

(1) *лекъан* ‘рухнуть’ – *лекъан бан* ‘обрушить’; *аьян* ‘сгнуть’ – *аьян дан* ‘сгноить’;

(2) *лахъхьин* ‘научиться’ – *лахъхьин бан* ‘научить’;

ккаккан ‘увидеть’ – ккаккан бан ‘показать’.

С глаголами типа (1) образуются номинативная (<что: ном.>) и эргативная (<кто: эрг; что: ном.>) конструкции: *Чи́ра левкьунни* ‘Стена обрушилась’ – *Усттарнал чи́ра лекъан бувунни*. С глаголами типа (2) образуются дативная (<кто: дат.; что: ном.>) и эргативная (<кто: эрг; кого: датив; чему: ном.>) конструкции: *Душнин оьрус маз лавхьхьунни* ‘Девочка научилась русскому языку’ – *Ниттил душнин оьрус маз лахьхьин бувунни* ‘Мать научила дочь русскому языку’.

Глагол *бан*, сочетаясь с переходными глаголами, выполняет также функцию каузативации, при этом в состав каузативной конструкции добавляется актант в форме посс-эссива (адрессива) в роли каузатора действия: *Душнил* (эрг.) *чагъар* (ном.) *чивчунни* ‘Дочь написала письмо’ – *Ниттил* (эрг.) *душнихь* (адрессив) *чагъар* (ном.) *чичин бувунни* ‘Мать заставила дочь письмо написала’.

2.1.2.4. Диффузные глаголы

Одной из особенностей дагестанских языков, отмеченной исследователями, является наличие в них диффузных (лабильных) глаголов, способных употребляться и как непереходные, и как переходные. Ядерный компонент (пациенс) в непереходном употреблении кодируется номинативом, в переходном значении глагол становится двухвалентным, а второй ядерный компонент (агенс) кодируется эргативом. В качестве примера лабильного глагола чаще всего приводится лексема *бивчлан* ‘умереть/убить’ (мн. ч. *литлун*): *Азар дирну, чIявусса инсантал* (ном.) *ливтIуссар* ‘Случилась болезнь, и много людей умерло’ – *ЧIивиний Сурхайл* (эргатив) *цала уссу* (ном.) *ивкIуссар* ‘В детстве Сурхай убил своего брата’.

Диффузные глаголы обозначают, как правило, события – «то, что случается» с субъектом. Ситуация меняется при вводе активного действующего лица – агенса, в роли которого выступает имя лица или одушевлённого

предмета. К диффузным глаголам, кроме названного выше глагола *бивчІан*, могут быть отнесены следующие лексемы:

1) *гъагъан* ‘разбиться/разбить’: *бушкъап гъаргъунни* ‘тарелка разбилась’ – *душил бушкъап гъаргъунни* ‘девочка разбила тарелку’;

2) *къутІин* ‘вонзиться/вонзить’: *кІиссурайн ххалаххи къувтІунни* ‘в палец вонзилась иглолка’ – *душил янналийн ххалаххи къувтІунни* ‘девочка вонзила в ткань иглу’;

3) *лакъин* ‘закрыться/заккрыть’: *нуз ларкъунни* ‘дверь закрылась’ – *ниттил нуз ларкъунни* ‘мать закрыла дверь’;

4) *лахъан* ‘загореться/загореть’: *чирахъ лавхъунни* ‘лампочка загорелась’; – *ниттил чирахъ лавхъунни* ‘мать зажгла (включила) лампочку’;

5) *лещан* ‘потухнуть/потушить’: *чирахъ левицунни* ‘лампочка потухла’ – *ниттил чирахъ левицунни* ‘мать потушила лампочку’;

6) *ччуччин* ‘сгореть/сжечь’: *къатри ччурччунни* ‘дом сгорел’ – *танил циняв тІама ччурччунни* ‘она все дрова сожгла’.

К диффузным глаголам могут быть отнесены и другие глаголы, в том числе и многозначные глаголы с одним из значений. Например, глагол *батІин* в значении ‘собраться, сойтись / собрать’ является лабильным (*Халкъ клубравун бавтІунни* ‘Народ собрался в клубе’ – *Шяраваллил хъунаманал халкъ кулубравун бавтІунни* ‘Глава села собрал народ в клуб’), а в значении ‘собрать, снять (урожай, фрукты)’ глагол является переходным: *гъивч батІин* ‘собрать яблоки’.

При диффузных глаголах в роли ядерного актанта может быть и не личный субъект, а название стихийных сил или других событий в эргативном падеже (формант -л), который фактически обозначает причину или орудие действия. При личном эргативе конструкция трансформируется в биноминотивную конструкцию с глаголом в дуративе (1), а при наличии неличного эргатива такой трансформации не происходит (2):

(1) *Ниттил* (эрг.) *нуз* (номин.) *ларкъунни* ‘Мать закрыла дверь’ → (1¹) *Нину* (номин.) *нуз* (номин.) *лакълай дур* ‘Мать закрывает дверь’.

(2) *Мурчал нуз ларкьунни* ‘Ветер (ветром) закрыл (закрыло) дверь’ – (2²)
* *Марч нуз лакьлай бур* ‘Ветер закрывает дверь’

В примере (2) такая трансформация невозможна, так как субъект является неличным (неодушевлённым). Возможность перевода ситуации в примере (2) безличным предложением тоже сигнализирует о значимости семантики субъекта в эргативной конструкции, в связи с чем мы имеем основания называть конструкции типа (2) *эргативоподобными*, но не собственно эргативными. Случаи употребления диффузных глаголов в сочетании с неличным генитивом-эргативом в значении причины или орудия скорее являются номинативными конструкциями: (3) *Та шинал чIявусса халкь* (ном.) *цIаллил* (генитив-эргатив) *ливтIуссар* ‘В тот год много людей умерло от тифа’.

Учитывая, что переходные глаголы в лакском языке образуются от непереходных (*лихъан* ‘убежать’ – *лихъан бан* ‘прогнать’), то переходное значение в паре диффузных глаголов может быть интерпретировано как актантная деривация – введение нового актанта в роли агенса.

2.1.2.5. Полисемия и омонимия в составе непроеизводных глаголов

Сложности в распределении непроеизводных глаголов лакского языка по основным разрядам – транзитивы и интранзитивы – связаны и с тем, что большинство таких глаголов являются многозначными, при этом отсутствуют и чёткие критерии разграничения омонимии от полисемии. Как известно, лексическими омонимами в языкознании считаются слова, «не имеющие общих элементов смысла (сем) и не связанные ассоциативно» [ЛЭС 1990: 345]. Как отмечают лингвисты, появление омонимов в языке детерминировано с такими факторами, как:

1) исторические изменения в звучании слов, которые раньше различались, например, омоформами в инфинитиве стали глаголы *бучIан* ‘прийти’ и *бучIан* ‘спуститься’, которые раньше различались корневыми согласными: **букIан* – *бучIан*. В других формах они различаются: *шаппай бувкIунни* ‘пришли домой’ – *мурхъирая бувчIунни* ‘спустились с дерева’;

2) совпадение в звучании исконного и заимствованного слов. Такие случаи встречаются в основном в именах, например: *чул* ‘бок’ (искон.) и *чул* ‘степь’ (заимств.);

3) разрыв первоначально единой семантики многозначного слова. Этот путь считается наиболее продуктивным в появлении омонимов. Однако сложность данного фактора заключается в том, что разрыв, расхождение значений, то есть утрата ими общих семантических элементов происходит постепенно, поэтому не всегда возможно однозначно разграничить полисемию и омонимию. Развитая многозначность чаще всего наблюдается в глагольной лексике, поэтому данный вопрос имеет непосредственное отношение к разрабатываемой нами теме.

Проблема раграничения полисемии и омонимии, как известно, не нашла до сих пор однозначного решения. В этой связи уместно напомнить мнение некоторых ученых о том, что в число омонимов целесообразно включать только те слова, которые различаются по происхождению [Абаев 1960: 72]. Отметим, что подобный ракурс рассмотрения характерен для исторической лексикологии, в то время как в современной лексикологии актуально разграничение как значений, связанных между собой, так и значений, не имеющих ничего общего, несмотря на идентичность звукового оформления. Исходя из изложенного, можно заключить также и то, что обозначенная проблема находится в поле исследовательских задач не только лингвистической теории, но и лексикографической практики.

Нередки случаи, когда в словарях слово дефинируется по-разному: то как значение одного слова, то как омоним. Например, глагол *лачIун* в «Лакско-русском словаре С.М. Хайдакова [1962] дефинируется как многозначный со значениями: 1) вцепиться; 2) приклеиться; 3) идти, лить (о дожде); 4) загореться. В словаре И.Х. Абдуллаева [2018] эта же лексема представлена как два омонима, первый из которых *лачIун*¹ является многозначным с четырьмя значениями (добавлено значение 3) пришить, привинтить), а омоним *лачIун*² ‘загореться’ является однозначным.

В лакском языке эти вопросы недостаточно изучены. В работе С.М. Хайдакова «Очерки по лексике лакского языка» [Хайдаков 1961] вопрос о полисемии и омонимии был поставлен, но чёткие критерии их разграничения не были определены. Как характерное можно привести следующее рассуждение: «Например, глагол *биян* (*иян*, *диян*) имеет значения ‘добраться’, ‘подраться’ и ‘созреть’. Исходным значением, надо полагать, является ‘добраться’, которое и дало и другие значения. Семантическая связь между этими двумя значениями, несмотря на разрыв между ними, всё же прослеживается: ‘драться’ в контексте означает буквально ‘добраться до’, а ‘созреть’ в свою очередь имеет значение ‘дойти до предела’. В этом смысле данные два значения надо рассматривать как оттенки основного. Но в конкретном смысле они являются самостоятельными значениями» [Хайдаков 1962: 74–79]. В таком же плане автор анализирует значения ещё нескольких глаголов. У глагола *бизан*, *дизан* автор называет значения (1) ‘встать’, (2) ‘переселиться’, (3) ‘отклеиться’, (4) ‘посадить’, (5) ‘накрыть на стол’, (6) ‘воспалиться’, (7) ‘опухнуть’, (8) ‘пришить’ и считает данное слово по количеству значений равноценным восьми отдельным словам. В словаре С.М. Хайдакова [1962] у глагола *бизан* (3 кл.) представлены 6 значений (см. 1, 2, 3, 4, 5), добавлено и значение ‘показаться, представиться’, у того же глагола с другим классным показателем *дизан* (2, 4 кл.) даны 3 значения (1,2,3), а у глагола *изан* (1 кл.) – 2 значения (1 и 2). Классные глаголы создают дополнительную трудность для лексикографии, так как одна и та же лексема представлена несколько раз, хотя классный показатель на семантику глагола не влияет. Кажется целесообразным представить все значения при глаголе 3 кл., а в других случаях ссылаться на основной глагол. Например: *изан* см. *бизан*. Так поступил автор аварско-русского словаря М.Д. Саидов [Саидов 1967]. Подобный принцип пытался выдержать И.Х. Абдуллаев [Абдуллаев 2018], представив большинство значений глагола в статье на букву **Б (БИЗАН)**, однако принцип не выдержан до конца: 1) одни и те же значения даны в статьях **ДИЗАН** и **ИЗАН**;

2) при этом в статье **БИЗАН** в иллюстративных примерах представлены и формы с *дизан* (*мачI дизан* ‘златать’) [Абдуллаев 2018: 214].

Вопросы омонимии и полисемии, типов лексических значений и семантической деривации в работах по лакской лексикологии не рассматриваются. В сравнительно недавно вышедшей коллективной монографии «Очерки по лексике литературных языков Дагестана» [2014] вопросы семантики, полисемии не получили должного освещения. Этих аспектов в какой-то степени касаются М.-С.М. Мусаев [1978] и В.М. Загиров [1981], в остальных очерках в поле зрения авторов оказались в основном омонимы и их разновидности.

Из описательных (нормативных) грамматик дагестанских языков данные вопросы на уровне вузовских учебников рассматриваются Р.И. Гайдаровым, А.Г. Гюльмагомедовым, У.А. Мейлановой, Б.Б. Талибовым [«Современный лезгинский язык», Махачкала, 2009].

Серьёзным вкладом в изучение глагольной семантики является упомянутая выше монография П.А.Магомедовой «Семантика и синтаксис аварского глагола» [Магомедова 2006].

Рассматривая глагол в плоскости синтаксиса, мы не будем акцентировать внимание на вопросах разграничения полисемии и омонимии, так как полагаем, что в данном случае имеется чёткий критерий: глагольные омонимы в лакском языке совпадают лишь в отдельных формах, различаясь не только значениями, но и большинством форм. Например, глаголы *бучIан* ‘прийти’, *бучIан* ‘спуститься’ совпадают, как было указано выше, в форме инфинитива, различаясь в других формах (*бувчIунни* ‘пришли’ – *бувчIунни* ‘спустились’, *бухьхьу* ‘приди’ – *бучIу* ‘спустись’); *бувчIин* ‘понять’ и *бучIан* ‘спуститься’ могут совпасть в форме перфекта *бувчIунни* ‘спустились’/ ‘поняли’, *баллан* ‘развариться’ и *баллан* ‘слышать’, совпадают в инфинитиве, различаясь в других формах: *баллунни* ‘разварились’ – *бавунни* ‘услышали’ и т.д.

Разграничение полисемии и омонимии в исконных непроемных глаголах представляется вопросом не столь актуальным с точки зрения синтаксиса, поскольку в тексте, в контексте слово однозначно, а значение глагола тесно связано с *надежным синтаксисом*. Только в случае грамматической

систематизации глагольной лексики, при распределении глаголов на разряды непереходных и переходных глаголов приходится считаться со значением лексемы, поскольку в одном значении глагол является непереходным, а в другом – переходным. У таких глаголов за исходное мы принимаем непереходное значение, переходное же значение является производным и сопровождается актантной деривацией. Например, глагол *лахъан* ‘подняться’ <кто: ном.> (*зунттуйн лохъан* ‘подняться на гору’) является представителем лексемы, а *лахъан* <кто: эрг.; что: ном.> ‘перейти, преодолеть’ (*нех лохъан* ‘перейти реку’) представляет собой семантический дериват, перенос значения по результату, поддержанный вводом нового актанта – прямого объекта.

В отдельных случаях разграничению полисемии и омонимии может помочь антонимия: *лахъан* ‘подняться’ – *бучлан* ‘спуститься’, но: *лахъан* ‘зажечься/зажечь’ – *лещан* ‘погаснуть/погасить’; или: *буххан* ‘войти’ – *буккан* ‘выйти’, но: *буххан* ‘устать’ – *бигъа лаган* ‘отдохнуть’.

2.2. Лексико-семантические разряды непроеизводных глаголов

Как отмечалось выше, исследователи дагестанских языков значительное внимание уделяют лексико-семантической систематизации глаголов, так как структурные типы предложений связаны в первую очередь с семантикой. Формальное деление глаголов на транзитивные и интранзитивные и определение синтаксических отношений на этой основе натолкнулись на «сопротивление материала». В работах исследователей появились понятия шкалы переходности, канонического и неканонического кодирования ядерных актантов предикатов [Кибрик 2003: 333–337].

В когнитивной типологии, в дальнейшем и в описательных работах по синтаксису отдельных языков уделяют значительное внимание распределению глаголов по семантическим разрядам. Так, внутри интранзитивных глаголов в нахско-дагестанских языках М.Е. Алексеев отметил глаголы состояния, позиции, движения, звучания. Среди транзитивных им выделены 8 семантических разрядов [Климов, Алексеев 1980: 175–178].

Глагольная лексика по 22 дагестанским языкам с синтаксической информацией (моделью управления) представлена в работе А.Е.Кибрика и С.В.Кодзасова (1988), при этом «сопоставление организовано по тезаурусному принципу, при котором словарные значения иерархически организованы на основе родо-видовой классификации» [А.Е.Кибрик, С.В.Кодзасов 1988: 55]. Тезаурус глагольных значений содержит 220 единиц, которые распределены по 11 семантическим зонам.

При этом следует учитывать, что некоторые значения в языках могут быть грамматикализованы. Так, в лакском языке грамматикализована зона, обозначающая состояния и процессы. Глагольными лексемами перфектного вида обозначается переход в состояние: *аьян* 'сгнить', *бассан* 'растаять' и т.д. Процесс при этом обозначается глаголами дуративного (несовершенного) вида, а состояние – аналитической формой, сочетанием перфектного деепричастия с адвербиальным суффиксом **-ну** и глагола-связки **бур** в спрягаемой форме: *гьивч алай бур* 'яблоки гниют' (процесс: дуративное деепричастие + связка), *гьивч аьвну бур* 'яблоки сгнили' (состояние: перфектное деепричастие + бур). Грамматикализована и категория фазисности: инхоатив образуется аналитически, сочетанием инфинитива смыслового глагола с десемантизированным глаголом **биклан** 'быть': *гьивчру аьллан бивкIунни* 'яблоки начали гнить'. Континуатив образуется сочетанием особого дуративного деепричастия с суффиксом **-на/-нма/-нна** с спрягаемым компонентом **бур**: *гьарал лачIлайнна дур* 'дождь продолжает идти'. Значение же законченности (терминатив) содержится в формах перфекта, поэтому глагол *кьуртал хьун* 'закончиться', *кьуртал бан* 'закончить, завершить' употребляется в основном в стилистических целях.

Семантические разряды глаголов в лакском языке отмечены в работах Р.Г. Эльдаровой [2000] и Ж.Д.Башировой [2011].

Глаголы обобщённой семантики, обозначающие существование (*биклан* 'быть'), событие (*хьун* 'случиться') и действие (*бан* 'сделать'), мы рассматривали в первой части нашей работы (см. Раздел I, 1.2).

Обобщая и дополняя существующий по данному вопросу материал, можно отметить следующее.

По валентности глаголов и актантной структуре обозначаемых ими ситуаций различаются следующие семантико-синтаксические разряды глаголов: 1) семантические разряды одноактантных (одноместных) глаголов; 2) семантические разряды (двухместных) глаголов; 3) семантические разряды глаголов с тремя и более актантами.

В работах по лакскому глаголу при классификации глаголов учитывают следующие признаки: 1) синтаксические свойства, то есть количество именных актантов, обязательных для глагола; 2) общую семантику глагола, то есть что обозначает глагол – состояние, процесс, действие или действие-процесс; 3) семантические роли глагольных актантов, определяющие падеж имени в поверхностной структуре предложения.

Все эти признаки взаимосвязаны, поскольку количество актантов и их характер предопределены общей, частной, а иногда и конкретной (представленной одним-двумя лексическими единицами) семантикой глагола [Эльдарава 2000: 5].

2.2.1. Семантика глаголов с одним ядерным актантом

Среди одноактантных глаголов выделяются подгруппы слов, обозначающих состояние, процесс и действие. Общее значение состояния (в том числе и существования) передаётся глаголом *биклан* ‘быть’ (см. Часть I., 1.2.2 данной работы).

Как отмечалось выше, состояние обозначается сочетанием перфектного деепричастия с спрягаемой связкой *бур* ‘есть’. Основная словарная форма глагольной лексики представлена перфектным инфинитивом, обозначающим переход в состояние. Процесс обозначают соотносительные глаголы несовершенного вида (ср. *кьакьан* ‘просохнуть’ – *кьакьлан* ‘просыхать’). Результатом процесса может быть возникновение производного состояния, изменение формы предмета или его положения в пространстве, возникновение или исчезновение предмета.

К одноактантным глаголам состояния относятся следующие глаголы, соответствующие синтаксической модели **<что/кто: ном.>**:

1) корневые глаголы со значение «изменение состояния»: *аьян* ‘сгнуть’, *аьраян* ‘размякнуть’, *бассан* ‘растаять’, *бавцІан* ‘расплавиться’, *бавчІан* ‘устать, утомиться; приостыть’, *баччан* ‘искривиться’, *бякъин* ‘остыть’, (*дуниял*) *даен* ‘проясниться (о погоде)’, *дацан* ‘испортиться (о погоде)’, *къакъан* ‘высохнуть’, *къюкъин* ‘подшелеветь’, *кІуен* ‘разгореться’, *лахІан* ‘согнуться’, *лаян* ‘слежаться, утрамбоваться’, *лигъин* ‘подмерзнуть’, *лиххан* ‘полинять’, *лицІин* ‘стать прозрачным, отстояться’, *сасан* ‘закалиться’, *сисин* ‘осмелеть’, *ссуссин* ‘сноситься, стереться’, *татан* ‘скваситься’, *хъатан* ‘отсыреть’, *хъхъицин* ‘распариться’, *хъхъацин* ‘стать отечным’, *хІуен* ‘раскрошиться’, *хІанахІан* ‘раскиснуть’, *уххан* ‘устать’;

2) некоторые глаголы, обозначающие эмоциональные состояния/процессы могут быть включены в эту группу, например, *хъян* ‘смеяться’, *аьтІун* ‘плакать’;

3) отдельные глаголы несовершенного вида со значением «состояние – процесс», например, *щаран* ‘кипеть’, *цІалан* ‘сочиться’, *шанан* ‘спать’;

4) группа глаголов состояния (перехода в состояние) пополняется композитами, в состав которых входят вспомогательные глаголы *хъун* ‘стать’, *лаган* ‘пойти’, *дуккан* ‘выйти’ в сочетании с основами прилагательных типа *ххира* *хъун* ‘подорожать’, *лахъи* *дуккан* ‘вытянуться’, *някІ* *лаган* ‘посинеть’, *тяхъа* *буккан* ‘повеселеть’ и под. К данной группе относятся также некоторые композиты, состоящие из аморфных слов и вспомогательных глаголов *учин/тІун* ‘сказать/говорить’ и *бикІан/битан* ‘быть/оставить’ типа *цух* *учин* ‘протухнуть’, *гъухъа* *битан* ‘вспотеть’, *меж* *дикІан* ‘увянуть’ и др.

К одноактантным глаголам действия (модели **<кто: ном.>**) относятся в основном глаголы движения, семантико-синтаксический анализ которых мы даём отдельно (см.: Глава 2 этого раздела). Действия, как известно, производятся, совершаются, имеют деятеля, обычно лицо или одушевленное существо, реже в этой роли выступает предмет. Действие предполагает наличие

агенса (субъекта действия) и пациенса (прямого дополнения), поэтому для обозначения действия в основном используются переходные глаголы перфектного вида. Только некоторые непереходные одновидовидовые глаголы дуративного вида, обозначающие занятия, могут быть отнесены к группе глаголов действия. Это глаголы типа *зун* ‘работать’, *хIун* ‘жать’, *чIун* ‘полоть’, *цулун* ‘косить’, *талан* ‘воевать’. Группа пополняется композитами с глаголом *тIун* в сочетании с аморфными словами типа *тIуркIу тIун* ‘играть’, *ххартIа тIун* ‘косить’ (заниматься кошением) и под.

Модель управления таких глаголов может быть осложнена другими зависимыми (неядерными актантами), например, *чIуникрах цулун* ‘косить косой’ (<кто: ном; чем: пост-эссив>), *душманнацал талан* ‘бороться с врагом’ (<кто: ном.; с кем: комитатив>).

Среди глаголов, обозначающих занятия, некоторые лексемы соотносятся с активными переходными глаголами, например: *хIун* ‘жать’ – *ттихIин* ‘сжать’ (*хъу ттихIин* ‘сжать поле’), *чIун* ‘полоть’ – *дурчIин* ‘выполоть’ (*хъу дурчIин* ‘выполоть поле’), *цулун* ‘косить’ – *буцин* ‘скосить’ (*ххулув буцин* ‘сено скосить’) и др.

Одноактантные глаголы являются непереходными и образуют *предложения номинативной структуры*.

2.2.2. Семантика глаголов с двумя актантами

Среди двухактантных, или двухместных, глаголов по семантической роли активного актанта можно выделить две группы: **агентивные** и **экспериенциальные** глаголы.

Агентивные двухактантные глаголы перфектного вида обозначают активное действие субъекта. В роли агенса выступает, как правило, лицо, в роли пациенса – предмет, который производится, добывается, обрабатывается. Зависимое слово может восполнять смысл управляющего глагола. Агентивные глаголы являются предикативными центрами *эргативных конструкций*, в которых роль агенса выражается в лакском языке эргативным падежом, а роль пациенса – номинативом.

По степени «переходности», или, точнее, активности, на первом месте находятся глаголы **созидания**, прежде всего глагол **бан /дан** с широким значением ‘произвести, сделать, сотворить’. В роли пациенса при этом глаголе может быть название любого предмета, являющегося «творением». Способ созидания в глаголе не назван, но имя объекта возбуждает пресуппозиции и включает фоновые знания говорящих о способе действия, восполняя семантическую недостаточность глагола, например, *чIира бан* ‘построить стену’, *жулар дан* ‘связать носок’, *накъ дан* ‘сварить суп’ и т.д. (см. анализ глагола **бан** в Разделе I, 1.2.2).

К непроизводным глаголам созидания модели <кто: эрг; что: ном.> относятся следующие лексемы: *дуруххан* ‘сшить’, *ттисин* ‘скроить’, *щащан* ‘соткать’.

Некоторые из значений полисемантических глаголов приобретают значение созидания, например: *буккан /дуккан* ‘выйти’ – *кIаланг дуккан* ‘вырыть яму’.

К агентивному типу относятся следующие группы глаголов:

а) глаголы, обозначающие **добывание, перемещение, обработку предметов; их употребление**: (*янна, кару*) *июшин* ‘выстирать (бельё), вымыть (руки)’, (*къатта*) *хIулухIин* ‘побелить (комнату)’, (*лажсин, лах*) *лишин* ‘вытереть (лицо), стереть (пыль)’, (*къатта*) *башин* ‘подмести (комнату)’, (*ччар*) *гъуен* ‘свеять (зерно на току)’, (*лажсин*) *цIарцIан* ‘разодрать, расцарапать (лицо)’, (*къама*) *гъаян* ‘смолоть (зерно)’, (*чару*) *цIуцIин* ‘стесать (камень)’, (*иникIма*) *кIучIин* ‘просеять муку’, (*кIисса, къяртта*) *къукъин* ‘порезать (палец), срезать ветку’, (*дикI*) *шашан* ‘сварить (мясо)’, (*ччатI*) *бухъан* ‘порезать, разломать хлеб’, (*оьл/накI*) *ттизин* ‘подоить корову, сдоить молоко’, (*накI*) *дигъин* ‘процедить (молоко)’ (*хъу, къама*) *тттихIин* ‘сжать (ниву, хлеб)’, (*янна*) *вилаган* ‘сполоснуть (бельё)’, (*уртту*) *дурчIин* ‘выполоть сорняк’, (*янна*) *хъхъицIин* ‘выжать (бельё)’, (*ххулув*) *буцин* ‘скосить (сено)’, (*бакI*) *зиххин* ‘причесать (голову)’, (*хIаллу*) *буруцин* ‘сплести (косу)’, (*ппал*) *дюххин* ‘вычесать шерсть’, (*оьрчилу*) *тттириххин* ‘вылущить (початок)’, (*ках-ха*) *дазин* ‘пришить (рукав), приставить’, (*жулар*) *тттиризин* ‘распустить, распороть (носок)’, (*кару*) *дахIин* ‘связать руки’, (*къурхъ*) *тттирихIин* ‘развязать

(узел)', (арцу) ладитан 'спрятать (деньги)', (иник1ма) дяргъин 'размять (тесто)', (гъухъа) лаххан 'надеть платье', (усру) ликкан 'снять обувь', (гъивч) буккан 'съесть яблоко', (дик1) ккух1ин 'сжевать мясо', (дукра) дюкъан 'проглотить (еду)', (щин) х1ач1ан 'выпить воды' и др.

Модель управления глаголов действия может быть расширена актантами с инструментальным значением, которое чаще всего кодируется постэссивом: каних ччат1 бухъан 'разломать хлеб руками', ч1иллух дик1 духъан 'разрезать мясо ножом';

б) глаголы, обозначающие **интеллектуальное действие**: (чагъар) чичин 'написать (письмо)', (лу) буккин 'прочитать (книгу)', (дарс) лахъхъин 'выучить (урок)', ккаккан 'посмотреть'.

Значение ментального воздействия на адресата приобретают некоторые аффективные глаголы в сочетании с каузативным компонентом бан 'сделать': буккин лахъхъин 'научиться читать' – буккин лахъхъин бан 'научить читать', ккаккан 'увидеть' – ккаккан бан 'показать', бувч1ин 'понять' – бувч1ин бан 'объяснить', баян 'услышать' – баян бан 'объявить' и под. При этом дативная конструкция становится эргативной: (1) Ттун (дат) дарс (ном.) дурч1унни 'я понял урок' – (2) Учительнал (эрг.) ттун (дат.) дарс (ном.) дурч1ин дурунни 'Учитель объяснил мне урок'. В (2) синтаксическая структура глагола осложняется, он становится трёхактантным.

Экспериенциальные, или аффективные глаголы традиционно относятся к переходным, однако в дагестанских языках они организуют дативную конструкцию предложения, что существенно отличает их от канонических переходных глаголов. Первый ядерный актант таких глаголов обозначает лицо (или одушевлённый предмет) в роли воспринимающего субъекта (семантическая роль экспериенцера), а второй актант – воспринимаемый субъектом предмет (семантическая роль стимула). Экспериенцер кодируется дативом, стимул – номинативом. Непроизводных глаголов модели <кто: датив; что: номинатив> немного: бувч1ин 'понять', лахъхъин 'научиться', ч1алан 'видеть', ккаккан 'увидеть', баян 'услышать', лякъин 'обнаружить', ххан 'казаться'.

Аффективные, в том числе и ментальные («знать», «понимать») глаголы управляют как именными, так и сентенциальными актантами, выраженными инфинитивными, герундийными и другими оборотами, например: (1) *Оьрчлан* (датель) *занан* (инф.) *лавхъхъунни* ‘Мальчик научился ходить’; (2) *Ина увкIсса* (прич.) *ттун* (датель) *къабавссия* ‘Я не слышал, что ты приехал’; (3) *Ттун* (дат.) *ппу лавгун* (деепр.) *лявкъунни* ‘Я обнаружил, что отец уехал’; (4) *Ттун* ‘датель’ *та ххув хъунсса* (прич.) *ххива* ‘Мне казалось, что он победит’.

В эту семантико синтаксическую группу в лакском языке входят и предикаты **эмоционального отношения**, которые выражаются устойчивыми глагольно-именными сочетаниями (фразеоглаголами) типа *сси бизан* ‘разсердиться’, *цIими хъун* ‘пожалеть’, *дакI къадиян* ‘не решаться, не хотеть’, *дакI дуккан* ‘разочароваться’, *къащи хъун* ‘испытать досаду, зависть’ и другие. Поскольку в состав предиката инкорпорировано имя в номинативе, объект оформляется другим падежом, который зависит от глагольного компонента сочетания, например:

сси бизан ‘разозлиться’ (букв. жёлчь + подняться) <**кто: датель; на кого: супер-латив**>: *ттун танайн сси бивзунни* ‘я на него разозлился’;

цIими хъун ‘пожалеть’ (букв. жалость+ стать) <**кто: датель; кого: суперэссив**>: *ттун танай цIими хъунни* ‘я его пожалел (букв. мне на нём жалость стала)’;

дакI дуккан ‘разочароваться (букв. сердце + выйти)’ <**кто: датель; в ком: ин-элатив**>: *ттун танава дакI дурккунни* ‘я в нём разочаровался (букв. мне из него сердце вышло)’.

К экспериенциальным предикатам относятся и некоторые неглагольные предикаты, которые спрягаются по лицам. Например, со значение «знать» связан корень *кIул*, от которого образуются прилагательные (*кIулсса*, *кIулмур*), наречия (*кIулну*), личные формы глагола (*кIулли* – 3л., *кIулла* – 1–2 л.). Значения «любить, нравиться» связаны с корнем *ххира*: *ххи-расса* (прилаг.), *ххирану* (наречие), *ххирар*, *ххирара* (личные формы глагола). От них образуются и составные глаголы: *кIул хъун* ‘узнать’, *ххира хъун* ‘по-

любить'. Фразовые примеры: *Ттун лакку маз кIулли* 'Я знаю лакский язык'; *Ттун литература ххирар* 'Я люблю литературу'.

В группу экспериенциальных могут быть включены и **модальные глаголы** *ччан* 'желать', *багъан* 'стать необходимым, выпасть', *бур/ багълай бур* 'надо, приходится', а также неглагольные предикаты с основой *аьркин-ни* 'надо', *бучIи-р* 'можно'. Модальные предикаты сочетаются с инфинитивом основного глагола, замещающего имя, с которым глагол согласуется в форме 3 класса: *Ттун Гъумукун гъан багъну бур* 'Мне необходимо поехать в Кумух'. Инфинитив выполняет восполняющую функцию, кроме того и инфинитив, и личная форма имеют одного референта (субъект в дативе), что даёт нам основание считать зависимый инфинитив частью составного сказуемого. Дативная конструкция может иметь два актанта, например, с глаголом *ччан* 'хотеть' (*Ттун гъивч ччай бур* 'Я хочу яблоко'), но с модальными предикатами чаще употребляется инфинитив.

Таким образом, дативная конструкция с модальными предикатами может быть охарактеризована как конструкция с одним ядерным актантом в дативе. В отличие от некоторых других языков, дативная структура предложения формируется перцептивными, ментальными, эмотивными и модальными глаголами с семантикой долженствования.

2.2.3. Семантико-синтаксические особенности переходных глаголов с тремя актантами

Среди многоместных глаголов выделяются следующие семантико-синтаксические группы: 1) глаголы обладания (бенефактивные и малефактивные глаголы); 2) глаголы поверхностного воздействия; 3) глаголы звукопроизводства и речи.

Обычно в общую группу **бенефактивных глаголов** включаются и симметричные им малефактивные глаголы. В лакском языке в эту группу входят следующие глаголы *булун/ дулун* 'дать', *даххан* 'продать', *ласун* 'взять ; купить', *зеххин* 'отнять', *дацин* 'украсть', *цIиккин* 'выманить'.

Участниками ситуации, выраженной бенефактивными глаголами, являются агенс (одушевлённый инициатор действия, контролирующий его), пациенс (предмет, переходящий к новому обладателю) и бенефактив, иногда называемый реципиентом, чьи интересы каким-то образом затронуты в процессе её осуществления, получающий от неё пользу или вред.

Глагол *булун* 'дать' имеет две модели управления:

- 1) <кто: эрг.; что: ном.; кому: датив I >
- 2) <кто: эрг.; что: ном.; кому: дативII (посс-латив)>.

В первой модели предмет переходит в полное обладание реципиента: *зузалтран харж булун* 'дать зарплату работникам'; *оьрчIан ччатI булун*. Этой моделью отмечены устойчивые сочетание неагентивного типа (безличные) со значением «получить свыше»: *Танан гьунар булуну бур* 'Ему дан талант'; *Вин мурад буливой* 'да будет тебе дано счастье' и под.

Во второй модели реципиент получает предмет во временное пользование: *чIаххурахьхун ницру булун* 'дать (предоставить) соседям волов (для пахоты)'. В ней в номинативе выступают абстрактные имена, при этом значение глагола приближается к значению вспомогательного глагола: *хъан-нихьхун ихтияр дулун* 'дать право женщинам'; *собраниелий махъ булун* 'дать слово на собрании'. Возможны и безагентивные устойчивые сочетания: *зухь-хун ссавур дулуннав* 'да будет дано вам терпение'.

Устойчивые сочетания типа *махъ булун* 'дать слово, обещать', *щар булун* 'выдать замуж', в зависимости от смысла, выбирают ту или иную модель управления: *буттахьхун махъ булун* 'дать слово, обещать отцу'; *душ цала тухумраясса оьрчIан щар булун* 'выдать дочку парню из своего рода'.

В структуру ситуации *булун* 'дать' включаются и другие актанты и сирконтакты, обозначающие условия (*буржирай* (суперэссив) *арцу дулун* 'дать деньги взаймы'), цель (*уххан* (инфин.) *ихтияр дулун* 'разрешить войти') и т.д.

Синтаксическая структура глагола *баххан/даххан* 'продать' соответствует первой из указанных выше моделей управления и может включать сирконстант с указанием на цену: <кто: эрг.; что: ном., кому: дат.; по какой це-

не: датив >: *танал кьювкьу багьлун чу цIахъарачуванан бавххунни* ‘он подешёвке (по дешёвой цене) продал лошадь цудахарцу’.

В малефактивных глаголах меняются семантические роли: приобретатель выгоды выступает в роли агенса, в роли «отрицательно затронутого участника» – малефактив в форме посс-элатива (показатель **-ща**). К малефактивным относятся глаголы *ласун* ‘взять, купить’, *зеххин* ‘отнять’, *цIиккин* ‘выманивать’, *дацин* ‘украсть’. Глаголы дифференцируются семьей «способ получения предмета агенсом». Все малефактивные глаголы соответствуют модели < **кто: эрг.; что: ном.; у кого: посс-элатив** >.

Глагол *ласун* является многозначным. Здесь рассматривается значение ‘купить’ (*машан ласун*): *бархъарачунаца кьукьу машан ласав* ‘у балхарца купил кувшинчик’. С данным глаголом чаще указывается место приобретения, а не лицо, у которого предмет приобретён: *базаллува ласун* ‘купить на рынке’, *ттучандалия ласун* ‘купить в магазине’.

Глагол *зеххин* ‘отнять, отобрать’ обозначает ту же ситуацию, но с применением силы со стороны агенса и без компенсации обладателю: *заллукъ-руннаца хьуру зеххин* ‘отобрать землю у собственников’; *ниттил оьрчIаца чIила зерххунни* ‘мать отобрала нож у сына’; *кулактураца ихтиярдун зеххин* ‘отнять права у кулаков’.

Глагол *цIиккин* предполагает отнятие предмета путём уговоров, обмана, хитрости: *БувчIул таница ариу цIрккуну дур* ‘Гадалка выманила у неё деньги’.

Глагол *бацин /дацин* ‘украсть’ предполагает лишение собственности без ведома хозяина и без компенсации. Управление этого глагола отличается от других малефактивных глаголов. В литературном языке сочетание генитив обозначает владельца, а в южных диалектах потерпевший владелец кодируется пост-элативом (**-ха**): *Тайннал жул ятту бавцунни* ‘Они украли наших овец’ – *Тайннал жуха ятту бавцунни* (кул. диал.).

Среди трёхместных глаголов особую группу составляют глаголы, которые мы условно называем **контактными**. М.Е. Алексеев определял их как транзитивные глаголы, имеющие особенности оформления прямого дополне-

ния, указывая, что «именной член, оформляемый в русском языке аккузативом, получает в нахско-дагестанских языках дативное или локативное оформление, в то время как в абсолютиве выступает инструментальное дополнение» [Алексеев 1980: 184]. Такая структура предложения характерна для глаголов, выражающих воздействие на поверхность предмета. В лакском языке к ним относятся глаголы *щун* ‘толкнуть, пнуть’, *рищун* ‘ударить’, *дугъан* ‘смазать’, *дуккан* ‘покрыть (сверху)’. При этих глаголах номинативом кодируется инструмент или средство, а предмет, поверхность которого подвергается воздействию, кодируется одним из локативов. Отметим следующие модели управления:

1) <кто: эрг.; что: супер-транслатив; чем: ном. >: *ттуккуйх ттархъ рищун* ‘ударить осла палкой’; *уссайх мазь дуккан* ‘смазать обувь мазью’; *варакъуйх къалай дуккан* ‘покрыть кувшин полудой’; такой тип управления встречается и в русском языке, например: *намазать масло на хлеб / намазать хлеб маслом*;

2) <кто: эрг.; что: супер-латив; чем: ном. >: *ккаччийн ччан щун* ‘пнуть собаку ногой (букв. на собаку ногу пнуть)’.

Производные контактные глаголы с компонентом *учин/т/ун* по этой модели образуют квазиэргативные конструкции (без имени в номинативе, который инкорпорирован в состав глагола). К ним относятся глаголы *къац/учин* ‘укусить’, *ппай учин* ‘поцеловать’ и подобные. Квазиэргативный вариант данной модели может быть представлен так: <кто: эрг.; кого/что: супер-латив>: *ччат/уйн къац/учин* ‘откусить хлеб’; *оьрч/айн ппай учин* ‘поцеловать мальчика’, *щинайн ххув учин* ‘отпить воды’.

Конструкции с глаголами поверхностного контакта остаются формально эргативными, хотя в роли прямой объект выражен косвенным падежом: он в первом случае выступает как инструмент, непосредственно воздействующий на объект (*ччан щун* ‘пнуть’), или как звукосимволическая именная основа глагольной номинации.

К переходным глаголам с тремя валентностями относятся и глаголы, которые мы условно называем **глаголами речи**.

Особую группу в лакском языке составляют глаголы «говорения, звукопроизводства», которые пересекаются, с одной стороны, с глаголами восприятия, эмоций, а с другой – с глаголами интеллектуальной деятельности (ментальными глаголами).

Г.А. Климов и М.Е. Алексеев в составе переходных глаголов выделяют глаголы, характеризующие «интеллектуальную» деятельность человека, включающие подгруппы глаголов информации и «интеллектуального» воздействия [Климов, Алексеев 1980: 178]. Поскольку «интеллектуальное воздействие», как правило, осуществляется словом, то они могут быть обозначены глаголами речи.

А.Е. Кибрик и С.В. Кодзасов выделили тематическую группу «Говорение. Звукопроизводство», в которую вошли и глаголы, воспроизводящие голоса животных, звучание разнообразных предметов типа «свистеть», «рычать», «грохотать», «журчать», «скрипеть» и под. [Кибрик, Кодзасов 1988: 147–155]. В ряде дагестанских языков глаголы звучания образуются при помощи глагола «сказать». В лакском языке таким глаголом является глагол *учин / тlун* ‘сказать/говорить’: *щютlа тlун* ‘свистеть’, *гъургъу тlун* ‘рычать’, *ххурхху тlун* ‘грохотать’, *жюржу тlун* ‘журчать’, *зертlа тlун* ‘скрипеть’ и т.д. (см. о семантике и синтаксисе глагольных номинаций с компонентом *учин/тlун* в первом разделе I, 3.5.). Как отмечают Г.А. Климов и М.Е. Алексеев, ряд глаголов, относящихся в номинативных языках к разряду непереходных, в нахско-дагестанских языках, оформляясь по модели «именная часть + вспомогательный переходный глагол», получают противоположную с точки зрения корреляции квалификацию по переходности / непереходности [Климов, Алексеев 1980: 180]. В лакском языке большинство глаголов модели «звукоподражательная часть + вспомогательный глагол *учин / тlун* ‘сказать’» являются семантически непереходными, но формально переходными, поскольку образуют конструкцию, подобную эргативной: *Оърчlал* (эрг.) *щютl увкунни* ‘Мальчик свистнул (букв. ‘Мальчик свист сказал’).

Учитывая эту особенность глагольного словообразования, к разряду трёхвалентных глаголов мы относим глаголы «говорения», но не «звучания», то есть те

глаголы, которые обозначают интеллектуальную деятельность человека. Непроизводных глаголов в этой группе немного. Кроме глаголов *учин* ‘сказать’ / *т/ун* ‘говорить’, в эту группу входят глаголы *бусан* ‘рассказать’ и *ц/уххин* ‘спросить’.

В синтаксической структуре всех трёх глаголов наиболее стабильной и показательной является падеж адресата, роль которого выполняет эссив по-сессивной серии с аффиксом **-хь**: *ц/аххуврахь барчаллагь учин* ‘поблагодарить соседей (букв.: соседям «прощайте» сказать)’; *оьрц/ахь магьа бусан* ‘детям сказку рассказать’; *ниттихь ц/уххин* ‘спросить у матери’. Падеж адресата (посс-эссив) в лакской грамматике включён в состав грамматических падежей и получил название «бусаврил падеж» («падеж сказывания»). При этом каждый из глаголов речи имеет свои особенности употребления.

Глагол *учин/т/ун* служит для включения чужой речи (или собственной внутренней речи) в авторское повествование. Таким образом, в общей модели управления глаголов речи <кто: эрг.; что: ном.; кому: посс-эссив> тема, то есть содержание передаваемой информации представляет собой синтаксические конструкции разного типа. Например, прямую речь К.И. Казенин рассматривает как придаточное изъяснительное: *Ккаччи хьинсса буссия, – увку-на Барзулав* ‘Собака была хорошая, – сказал Барзулав’ [Казенин 2013: 198]. Способы передачи чужой речи в лакском языке недостаточно изучены и требуют специального исследования, поэтому мы не останавливаемся на них, но при этом отметим, что позицию темы при глаголах речи чаще всего занимает сентенциальный актанта. Основным глаголом при оформлении цитат является глагол *учин/т/ун* в разных грамматических формах. Он как бы выполняет особую синтаксическую функцию цитации.

В качестве собственно глагола речи (сообщения, формулы речевого этикета) этот глагол употребляется в сочетании с существительными или словами, употреблёнными в значении существительных: *балай учин* ‘спеть песню’, *аквар учин* ‘воззвать на намаз’, *бисмиллагь учин* ‘начать что-либо именем бога’, *барчаллагь учин* ‘попрощаться; поблагодарить’, *бивзрув-бурув учин* ‘здороваться (слова при встрече)’ и пр.

Глагол **бусан** ‘рассказать, сообщить; сказать; передать (на словах)’ является одним из основных глаголов речи. Позицию темы может занимать существительное со значением «сообщаемое»: *магъа бусан* ‘рассказать сказку’, *хавар бусан* ‘рассказать новость; сообщить’, *щялмахъ бусан* ‘сказать ложь; обмануть’, *махъ бусан* ‘сказать что-л., воздействовать на кого-л., предупредить кого-л.’ и под.). Но чаще глагол вводит сетенциальный актант – повествовательное предложение, оформленное герундийной или вариативно причастной конструкцией: *Танал ттухъ бувсунни цува Московлив нанишиву / нанисса* ‘Он сказал мне, что едет в Москву’.

Глагол **ц1уххин** ‘спросить’ с существительными встречается реже (*дарс ц1уххин* ‘спросить урок’), в сочетании с существительными отмечены устойчивые сочетания *зума ц1уххин* ‘учинить допрос’. В соответствии со своей семантикой («получить сведения от собеседника») глагол вводит в авторское повествование прямую речь – вопросительное предложение. Вопросительные предложения с общим и частным вопросом в лакском языке различаются формами сказуемого. При общем вопросе глагол употреблён в вопросительном наклонении: *Вин жул оьл ккавкрив?* ‘Ты видел нашу корову?’ При частном вопросе вопросительное наклонение не употребляется: *Вин жул оьл чув ккаври?* ‘Где ты видел нашу корову?’ Эти особенности сохраняются и при вводе прямой речи в речь автора, конструкции соединяются цитатными словами *куну* ‘сказав’/*т1уй* ‘говоря’, превращающими конструкцию с прямой речью в деепричастный оборот. Ср. (1) *На танахъ ц1уххав, вин жул оьл ккавкрив куну* ‘Я его спросил, видел он нашу корову’ (общевопросительное предложение) – (2) *На танахъ ц1уххав, вин жул оьл чув ккаври куну*. ‘Я спросил его, где он видел нашу корову’ (частно-вопросительное предложение).

При глаголах *бусан* и *ц1уххин* тема сообщения или вопрос может оформляться именем в супер-элативе (аблативе): *цала щяраваллия* (супер-элатив) *бусан* ‘рассказать о своём селе’; *х1алт1ухъаннахъ цала гъанминная ц1уххин* ‘спросить у (приезжего) отходника о своих близких’.

Хотя непроеизводных глаголов речи мало, но эта группа восполняется составными глаголами – глагольно-именными сочетаниями, вторым компонентом которых является вспомогательный глагол *бан* ‘сделать’. В синтаксическую модель таких сочетаний входят имена участников – адресатов речи и объектов речевого воздействия в разных падежах. Отметим некоторые из таких моделей управления речевых предикатов, выраженных сочетаниями абстрактных имён со значением речевого действия с вспомогательным глаголом *бан*. В модель включается только именной актанта, большинство приведённых предикатов могут быть распространены и сетенциальными актантами, выражающими содержание речи (конструкциями с прямой и косвенной речью, инфинитивными конструкциями). Другие вспомогательные глаголы встречаются реже.

1. Модели <кто: эрг.; кому: посс-эссив > соответствуют следующие номинации:

1) *миннат бан* ‘попросить (просьба + сделать)’ – *буттахь миннат бан* ‘попросить отца’;

2) *жижара бан* ‘выразить соболезнование’ – *кулпатрахь жижара бан* ‘выразить соболезнование семье’;

3) *тавакью бан* ‘потребовать’ – *судрахь тавакью бан* ‘потребовать от суда’;

4) *щурцу бан* ‘прошептать (шёпот + сделать)’ – *ниттил ттухь щурцу бувна...* ‘мать мне прошептала...’

2. Модели <кто: эрг.; кому: супер-латив > соответствуют следующие номинации:

1) *амру бан* ‘приказать’ – *саллат Iнайн амру бан* ‘приказать солдату’;

2) *буюр бан* ‘велеть, приказать’ – *лагънайн буюр бан* ‘велеть рабу’;

3) *нааьна дан* ‘проклясть (проклятие+ сделать)’ – *лавмартнайн нааьна дан* ‘проклясть изменника’.

В эту группу входит и сложный глагол *овьчин* ‘позвать; окликнуть; пригласить; призвать’ – *ниттийн (завучнач Iан) овьчин* ‘вызвать мать (к завучу)’

3. Модели <кто:эрг.; кого: суперэссив > соответствуют следующие номинации:

1) *аьй дан* ‘обвинить, упрекнуть (вина + сделать)’ – *арснай аьй дан* ‘упрекнуть сына’;

2) *бювкьу бан* ‘упрекнуть’ – *х1ухчий бювкьу бан* ‘упрекнуть пастуха’.

Эта модель управления соответствует и сочетанию *дюь дишин* ‘предупредить’ (наставление + *дишин* ‘наложить’) – *Ниттил душний дюь дирхьуна, чунч1ав мабуккара куну*. ‘Мать предупредила дочь, чтобы никуда не выходила’.

4. Модели управления <кто:эрг.; кому: посс-эссив/супер-латив; о ком/о чём: супер-элатив > соответствуют номинации:

1) *аьрза бан* ‘пожаловаться’ – *Мусал хьуниминнахь / хьуниминнайн ч1аххураятү* *аьрза бувуна* ‘Муса пожаловался начальству о соседях’;

2) *шикаят бан* ‘пожаловаться, сетовать’ – *Пат1иматлул ттухь лас-ная* *шикаят бувунни, х1ач1лай ур т1ий* ‘Патимат жаловалась на мужа, говоря, что пьёт’;

3) *ц1а дан* ‘похвалить (имя+ сделать)’ – *Собраниелий директорнал вияту ц1а дурунни* ‘На собрании директор похвалил тебя’.

5. Модели <кто: эрг./ном.; кого: пост-элатив > соответствуют глаголы *зайлан* ‘проклинать, произноит злые пожелания’, *зукьлан* ‘благодарить, произносить добрые пожелания’ и соотносительные с ними сочетания *зай учин*, *зукьлу бан* (перф. вид): *Танил ттуха зай увкунни* ‘Она мне зла пожелала’; *Танил ттуха зуькулу бувунни* ‘Она мне добра пожелала’.

6. Модель <кто: эрг./ном.; кого: пост-латив > соответствует глаголу *дяъван* ‘ругать’ и соотносительному сочетанию *дяъви бан* ‘поругать’: *Амул ттухун дяъвай дур* ‘Бабушка меня ругает’ – *Амул ттухун дяъви бувунни* ‘Бабушка поругала меня’.

В зависимости от вида глаголы речи образуют эргативные (в перфекте и итеративе) или биноминативные (в дуративе) конструкции.

Глаголы *гьалгьа т1ун* ‘говорить; разговаривать’, *гьалгьа бан* ‘поговорить’, *ихтилат бан* ‘побеседовать’ могут обозначать взаимные действия. В

таком случае в модели управления падеж адресата посс-эссив заменяется комитативом: < кто: эрг.; с кем: комитатив; о чём: супер-элатив>: *Буттал арснашчал дукаврия ихтилат бувунни* ‘Отец поговорил с сыном об учёбе’.

Глаголы речи также образуют эргативную конструкцию, однако в роли темы выступают чаще сетенциальные актанты.

В этой главе мы представили основные семантико-синтаксические ряды глаголов и, по возможности, – модели их управления. Анализ показал, что формальное деление глаголов на переходные и непереходные не всегда соответствуют семантике, которая играет главную роль в определении синтаксических отношений.

Дагестанские языки названы эргативными по форме падежа субъекта переходных глаголов. Однако эти языки, как считает А.Е.Кибрик, являются семантически ориентированными языками, в них присутствуют и другие конструкции, кроме номинативной и эргативной [Кибрик 2003: 155]. Оформление главного члена зависит не только от семантики предиката, но и от других факторов, например, от вида глагола, от дейксиса главных аргументов и других условий. Так, наличие локуторов в роли агенса формирует биноминативную конструкцию переходных глаголов, при глаголах дуративного вида личный / одушевлённый агенс кодируется, как правило, номинативом, образуя биноминативную конструкцию переходного глагола. Дативная конструкция в лакском языке объединяет глаголы разной семантики – перцептивные, эмоциональные, ментальные, модальные. Анализ значений генитива даёт основание выделить генитивную конструкцию (см. ниже анализ падежных значений). Некоторые предикаты формируют и другие семантико-синтаксические разновидности синтаксических конструкций.

Более подробный семантико-синтаксический анализ глаголов мы представили в следующей главе на примере глаголов движения, которые занимают одно из ведущих мест в лексике, словообразовании, грамматике и синтаксисе лакского языка.

2.3. Семантика и синтаксис глаголов движения

Как известно, термин «глаголы движения» традиционно используется для обозначения группы глаголов с общим значением «физическое перемещение предмета в пространстве». В нашем исследовании он понимается шире, в частности мы, наряду с глаголами собственно перемещения и теми лексемами, которые обозначают моменты вступления в движение и его прекращения (*бачин* ‘отправиться’ – *бацлан* ‘остановиться’), подразумеваем и движение, не связанное с перемещением в пространстве (типа *гванан* ‘крутиться’, *ккурун* ‘кататься, перекатываться’ и под.).

Следует отметить, что в глаголах движения находят воплощение общие для глаголов лакского языка категории: морфолого-синтаксическая категория грамматического класса, категория вида и семантико-синтаксическая категория переходности-непереходности. Рассмотрим эти категории.

В данную группу могут быть включены и другие лексемы, как непродеривированные, так и деривированные. Например, непродеривированные глаголы *бачин* ‘пойти’ и *бацлан* ‘остановиться’, обозначающие начало и конец движения, *личин* ‘выдвинуться’, *хяххан* ‘наброситься’ и подобные. К деривированным относятся как сложные глаголы типа *занабиклан* ‘вернуться’/*занабитан* ‘вернуть’, *клурабаен* ‘повернуться’, *щябиклан* ‘сесть’/*щябитан* ‘посадить’, *уттубишин* ‘лечь’, так и так называемые сложносоставные (аналитические) глаголы типа *mlankl учин* ‘прыгнуть’/*mlankla mlун* ‘прыгать’, *зурчлай mlун* ‘висеть’, *аьрчча mlун* ‘хромать’, *гвава буллан* ‘парить в воздухе’, *сайр бан* ‘прогуляться’, *ссур бан* ‘помчаться’ и подобные.

Основное внимание мы обращаем на непродеривированные глаголы движения. Данная группа обладает и развитой системой производных значений, что отражено в существующих лакско-русских словарях [Хайдаков 1962, Абдуллаев 2018].

2.3.1. Категория грамматического класса в глаголах движения

Синтаксически значимым признаком глаголов в лакском языке является словоизменительная *категория грамматического класса*, представленная особыми префиксами, инфиксами или конфиксами в составе глагольной основы – классными показателями (КП). Эти морфологические показатели фиксируют синтаксическую связь глагольной формы с его ядерными актантами – субъектом непереходного или прямым объектом переходного глагола, которые кодируются одним и тем же падежом – номинативом. Не все глагольные лексемы и глагольные формы имеют в своём составе КП. В работах исследователей лакского языка термин «классные глаголы» употребляется по отношению к тем лексемам, которые в форме инфинитива содержат КП. Из всего фонда непроеизводных глаголов классными являются 73 лексемы (около 36% общего количества глаголов).

Большинство *классных* глаголов относятся к префиксально-классным (65 лексем, то есть 86 %). Отмечено 3 инфиксально-классных и 5 конфиксально-классных глаголов [Хайдаков 1966: 195–200]. В роли префиксальных КП выступают нулевой показатель в формах 1 класса ед. ч. (условно обозначим его как **ъ**, поскольку перед гласным в абсолютном начале слова наблюдается твёрдый приступ), **б-** в формах обоих чисел 3 кл. и в формах мн.ч. 1 и 2 классов, **д-** в форме ед.ч. 2 кл. и в формах обоих чисел 4 кл. Глагол ‘прийти’, например, имеет следующие классные формы инфинитива: **ъ***учлан* (1 кл., ед. ч.), **б***учлан* (3 кл. ед. и мн.ч., 1–2 кл. мн.ч.), **д***учлан* (2 кл. ед.ч. и 4 кл. ед. и мн.ч.). Инфиксальными КП являются **-в-** (в 1 и 3 кл. обоих чисел и в 2 кл. мн. ч.) и **-р-** (в ед. ч. 2 кл. и обоих чисел 4 кл.): **б***акл* (3 кл.) **ц***лавцлан* ‘голову расцарапать’ – **л***ажин* (4 кл.) **ц***ларцлан* ‘исцарапать, разодрать лицо’. Конфиксальные КП представляют собой сочетание префиксальных и инфиксальных КП: **ъ***ивчлан* – **б***ивчлан* – **д***ирчлан* ‘умереть’, ‘убить’: *адимина* ‘мужчина’ (1кл. ед.) *ивчлан*, *душ* ‘девочка’ (3кл.) **б***ивчлан*, *щарсса* ‘женщина’ (2 кл.) **д***ирчлан*.

К *некласным* относятся те глаголы, которые в инфинитиве не имеют в своём составе КП. Их около 64 % от всех непроезводных глаголов. Но при этом следует учитывать то, что в формах причастий и деепричастий перфектного вида и производных от них личных формах они становятся инфиксально-классными, например, *лихъан* ‘сбежать’: *ливхъсса* – *лирхъсса* (прич.); *ливхъун* – *лирхъун* (деепр.). Префиксально-классные глаголы в этих формах становятся конфиксально-классными, например, *бучлан* ‘прийти’: *(ъ)увклсса* – *бувклсса* – *дурклсса*; *(ъ)увклун* – *бувклун* – *дурклун*. Отметим также, что некласные глаголы *хъун* ‘стать’ и *щун* ‘коснуться, толкнуть’ в сочетании с отрицательной частицей *къа*- в перфектных формах становятся классными. На стыке частицы и корня в них появляется КП инфиксального типа: *члун* (4 кл.) *къархъунни* ‘времени не было’ – *барз* (3 кл.) *къавхъунни* ‘месяца не прошло’; *ка* (4 кл.) *къарищунни* ‘рукой не тронул’ – *клсса* (3 кл.) *къавищунни* ‘пальцем не тронул’.

Не имеют форм с КП только одновидовые глаголы дюративного вида (около 19 %), обозначающие процесс, как, например, *нан* ‘идти’, *занан* ‘ходить’ и под.

Как отмечено выше, в классе глагол согласуется с именем в номинативе. У непереходных глаголов этим падежом кодируется субъект действия: *Уссу* (1 кл.) *увклунни* ‘Брат пришёл’ – *Ссу* (3 кл.) *бувклунни* ‘Сестра пришла’ – *Нину* (2 кл.) *дурклунни* ‘Мать пришла’.

У переходных глаголов в номинативе стоит прямой объект: *Ниттил арс* (1 кл.) *цищала увцунни* ‘Мать сына с собой повела’ – *Ниттил душ* (3 кл.) *цищалва бувицунни* ‘Мать дочку с собой повел’ – *Арснал нину* (2 кл.) *цачланна дурцунни* ‘Сын мать к себе привёл (забрал)’.

В семантическую группу глаголов движения входит 31 лексема. Из них классными являются 16 лексем: *багъан* ‘упасть’, *бацлан* ‘остановиться’, *бачин* ‘пойти’, *бигъин* ‘мчаться’, *бизан* ‘встать’, *бичин* ‘посыпать’, *биян* ‘дойти’, *буккан* ‘выйти’, *букъан* ‘отойти’, *бутан* ‘бросить’, *буххан* ‘войти’, *бакъин* ‘загнать’, *буххин* ‘свозить’, *буцин* ‘привести’, *бучлан* (*буклан*) ‘прийти’, *бучлан*

(*бучIлан*) ‘спуститься’. Начальный [л] в синхронно непроемных глаголах также рассматривается как окаменелый КП [Абдуллаев 1974: 148-149]: *лаган* ‘уйти’, *лахъан* ‘подняться’ (см. авар. *бахъизе*), *лихъан* ‘убежать’, *лечин* ‘побежать’ (см. авар. *бекизе*). К неклассным относятся *гъан* ‘уйти’, *гъанан* ‘кружиться’, *гъузун* ‘плавать’, *занан* ‘ходить’, *ккурун* ‘кататься’, *нан* ‘идти’, *ххиен* ‘разбежаться’, *ххилан* ‘возить’, *ххяххан* ‘броситься’, *щурун* ‘крутиться’.

2.3.2. Категория вида в глаголах движения

Одной из основных грамматических категорий лакского глагола является **категория вида**. Каждый глагол представлен в трёх видах: перфектном, итеративном и дюративном [Эльдарава 1995: 81–83].

В *перфектном виде* глаголы обозначают предельное или результативное действие. Большинство глаголов движения является предельными. Предел может быть представлен как вступление в движение (*бачин* ‘пойти, тронуться’, *лечин* ‘побежать’, *лихъан* ‘сбежать’, *бигъин* ‘устремиться’), так и достижение цели, завершение движения (*буккан* ‘выйти’, *биян* ‘дойти’, *лахъан* ‘подняться’ и др.). Глаголов второго типа больше, они фиксируют конец движения и переход в состояние покоя, которое обозначается формой перфектного деепричастия, от которого образуются лично-временные формы синтетического и аналитического типа. Например:

(1) *бучIлан* ‘прийти, прибыть’ – *Ппу увкIунни* ‘Отец пришёл’; *Ппу увкIун ур* (пришёл и находится здесь)’;

(2) *бацIан* ‘остановиться, стать’ – *Машина бавцIунни* ‘Машина остановилась’; *Машина бавцIуну бур* ‘Машина стоит’.

Перфектный вид не имеет специальных средств выражения кроме тематических гласных, следующих за корнем в составе инфинитива. Перфектный инфинитив является словарной формой глагола. В русском языке, как известно, несовершенный вид в большей степени представляет глагол как обобщённую лексическую единицу, через которую толкуется глагол несовершенного вида (*написать*, ... *сов.* к *писать*). С этим связаны и неточности в переводных словарях, где русский глагол несовершенного вида часто пере-

водится глаголом перфектного вида. См.: **пить**, несов. *xlačlan* [Абдуллаев 2010: 115], хотя в лакском языке *xlačlan* ‘выпить’ представляет глагол перфектного (совершенного, результативного) вида.

Показателем *дюративного* вида, обозначающего процесс, является суффикс **-ла-**, но в предельных глаголах видовая семантика меняется, и глагол приобретает значение регулярной многократности, близкой к постоянству. Спрягаемые формы являются аналитическими и состоят из дюративного деепричастия основного глагола и глагола-связки ‘быть’ в соответствующей спрягаемой форме:

(3) *букІлан* ‘приходить’: *Ппу шавай чІалну укІлай ур* ‘Отец домой поздно приходит’.

Часто такие формы употребляются с отрицанием в смысловом компоненте аналитической формы: *Жагьилми, дурккуну махъ, зунттавуи къа-букІлай бур* ‘Молодёжь, получив образование, в горы не приходит (не возвращается)’.

Итеративный вид образуется при помощи суффикса **-ава-**, который в личных формах выступает в редуцированном виде: *учІаван* ‘приходить (иметь такое свойство)’ – *учІа-ра* (1 л.), *учІай* (3 л., образовано от причастия). Пример на употребление итератива:

(4) *бучІаван*: *Инттухунмай хІалтІухъантал Лаккуйи бучІайва* ‘Весной отходники приезжали в Лакию’.

В группе глаголов движения 10 лексем являются одновидовыми дюративами, обозначающими процесс-состояние. Среди них можно выделить две разновидности:

а) глаголы пространственного перемещения *нан* ‘идти’ и *занан* ‘ходить’, являющиеся ядром всех глаголов данной семантики;

б) глаголы, представляющие движение объекта как его состояние, к которым мы относим глаголы *гъанан* ‘кружиться, крутиться’, *ккурун* ‘кататься (по земле)’, *щурун* ‘вертеться, находиться в быстром движении в замкнутом пространстве’, *гъузуи* ‘плавать (находиться на поверхности водного пространства)’ и переходный глагол *ххилан* ‘возить’. Значения двух других видов – перфектного и перфектно-постоянного они приобретают в сочетании с глаголом *бикІан* ‘быть’ в спрягаемой форме, например:

(5) *ОьрчI* (1 кл.) занан ивкIунни ‘Ребёнок начал ходить’.

(6) *Даву* (4 кл.) щурун диркIунни ‘Дело завертелось’.

Сочетание того же вспомогательного глагола в спрягаемой форме итеративного вида *бикIаван* (*бикIай, бикIайссар...*) с инфинитивом основного глагола образует формы с хабитуальным значением, близким к обозначению свойства субъекта:

(7) *Муруллия гилун бурувгукун, бакI гьанан бикIай.* ‘Когда с обрыва смотришь вниз, голова начинает кружиться’.

(8) *Щинаяр куклумур* (4 кл.) гьузун диKайссар ‘Что легче воды, то плавает’.

2.3.3. Лексико-семантическая категория переходности-непереходности в группе глаголов движения

Одним из ведущих принципов при описании синтаксиса языков эргативного строя, к которым относится и лакский язык, является деление глаголов на *переходные и непереходные*. Переходные глаголы обозначают активное действие субъекта, направленное на объект. В языках европейского стандарта объект переходного глагола кодируется аккузативом (винительным падежом), а субъект – номинативом. В языках эргативного строя субъект активного действия (семантическая роль агенса) кодируется эргативным падежом, а прямой объект (роль пациенса) оформляется номинативом, как и субъект непереходного глагола. Актант в номинативе (по другой терминологии – в абсолютиве) для лакского языка является более значимым, независимо от его семантической роли: классно-личное согласование, как правило, ориентировано на актант в номинативе:

(9) *Саид увкIунни* ‘Саид пришёл’ – *Амина бувкIунни* ‘Амина пришла’.

(10) *Ниттил Саид* (1 кл., ном.) *шавай увцунни* ‘Мать привела Саида домой’ – *Ниттил Амина* (3 кл., ном.) *шаппай бувцунни* ‘Мать привела Амину домой’.

Личное согласование переходных глаголов тоже ориентировано на объект за исключением некоторых форм 1 и 2 л. Так специальные окончания для субъекта в 1 л. имеют формы перфектного вида:

(11) *На* (3 кл., 1 л., ном.) *оьрчI* (1 кл., 3 л., ном.) *уцав* (1 л.) ‘Я мальчика привела’ – *На* (1 кл., 1 л.) *душ* (3 кл., 3 л. ном.) *буцав* ‘Я девочку привёл’.

Во всех остальных случаях глагол в лице согласуется только с объектом в номинативе, в том числе и тогда, когда субъект выражен 2-м лицом:

(12) *ОьрчI* (1 кл., объект, ном.) *ина* (2 л., суб., ном.) *увиунни* ‘Мальчика ты привёл’ – *На* (1 кл., 1 л., объект, ном.) *ниттил* (2 кл, суб., эрг.) *увиунна* (1 л., 1 кл.) ‘Меня мать привела’ – *Ина* (1 кл., 2 л., объект, ном.) *ниттил* (суб, 2 кл., эрг.) *увиунна* ‘Тебя мать привела’ – *Та* (1 кл., 3 л., объект) *ниттил* (суб., 2 кл., эрг.) *увиунни* ‘Его мать привела’.

Местоимения 1–2 лица (локуторы) обозначают людей, их референтами являются имена лиц 1–3 классов. В (11) субъект выражен местоимением 1-го лица, личное окончание **-ав** указывает на субъект, а конфикс **ь-в-** (1 кл.) – на объект, то есть классное согласование является обычным, объектным, а личное – субъектным. Когда субъект выражен другими местоимениями (не 1-ым лицом) или существительным, и личное, и классное согласование является только объектным, как в (12): **-на** (1–2 л. ед.ч., **-ну-** 1–2 л. мн. ч.), **-ни** (3 л. для обоих чисел).

Переходные и непереходные глаголы различаются и в императиве: во 2 л. ед.ч. окончание **-и** имеют переходные глаголы, окончания **-у** или **-а** – непереходные глаголы: *лечу* ‘беги’ – (*чару*) *лича* ‘(камень) кинь’. Некоторые глаголы движения образуют формы императива нестандартно: *гьан* ‘уйти’ – *насу*, *бучIан* ‘прийти’ – *бухьхьу*. Лабильные (диффузные) глаголы различаются в императиве: *ивчIа* ‘убей’ (переходный) – *ивкIу* ‘умри’ (непереходный). Представляет интерес и тот факт, что формы императива переходных глаголов дюративного вида имеют тот же формант, что и непереходные глаголы, то есть процессуальность ближе к непереходности, что отражается и на способности форм дюративного вида формировать биноминативную конструкцию. Ср.: (*ххулу*) *буххин* ‘(сено) свезти’ (перфектный вид) – *буххи*; *ххилан* ‘возить’ (дюративный вид) – *ххилахху*; *ОьрчIал* (эрг.) *ххулув* (ном.) *бувххунни* ‘Мальчик свёз сено’ – *ОьрчI* (ном.) *ххулув* (ном.) *ххилай ур* ‘Мальчик возит сено’.

Проблема переходности-непереходности глаголов в дагестанских языках имеет свои особенности, на что обращают внимание исследователи. Она связана и с критериями определения подлежащего, и с наличием биноминативных и квазиэргативных конструкций, и с другими вопросами, требующими теоретического осмысления. В данном случае непереходными мы считаем

одновалентные глаголы, ядерный актант которых выражен номинативом и обозначает субъект действия. К прототипическим переходным глаголам в лакском языке относятся непроеизводные двухвалентные глаголы, один из ядерных актантов которых выражен эргативом, а другой – номинативом.

В некоторых случаях оба ядерных актанта переходного глагола могут быть выражены номинативом. Это наблюдается в следующих случаях:

1) если субъект выражен личными местоимениями 1-2 л., ср.: *На* (1 л., суб., ном.) *тlама* (об., ном.) *гъагъав* ‘Я дрова срубил’; *Ина* (2 л., суб., ном.) *чагъар* (об., ном.) *чивчунни* ‘Ты письмо написал’;

2) если сказуемое выражено формой дюративного вида, то есть обозначает действие-процесс; сказуемое при этом выражено аналитической формой глагола; ср.: *Пну* (суб., ном.) *тlама* (об., ном.) *гъагълай ур* ‘Отец дрова рубит’.

Такие конструкции в работах исследователей названы *биноминативными* конструкциями [Чаплыгина 1994]. Субъектный член конструкции определяется как подлежащее, а объектный – как прямое дополнение.

Другая проблема связана с тем, что в дагестанских языках отмечаются «квазиэргативные» (по терминологии М.Е. Алексеева) глаголы, которые «характеризуются отсутствием прямого дополнения в абсолютном падеже при подлежащем в эргативном падеже; ср. авар. (...) *дида хlанччана борохьица* ‘меня укусила змея’ (*дида* ‘меня’ – лок. пад.); ... лак. *Ва ккаччил ттуйн къацl увкунни* ‘эта собака меня укусила’ (*ттуйн* ‘меня’ суперлатив (букв. на меня))» [Магомедова 2006: 180–181]. В данном примере непроеизводному глаголу аварского языка в лакском соответствует семантически слитное словосочетание: *къацl учин* (лак.) – *хlанчlизе* авар. (ср. в русском тоже в образовании глагола использован звукоизобразительный компонент: *куснуть / укусить*).

В лакском языке значительное место в глагольном словообразовании (в способах номинации в сфере глагольной лексики) занимают такие сочетания, цельные семантически, но не обладающие другими свойствами слова (цельноофомленностью, непроницаемостью и т.д.). Многие из таких образований являются семантически непереходными, но переходными синтаксически. Они и образуют «квазиэргативные» конструкции. Ср.: *тlанкl учин* ‘прыгнуть’:

(13) *Оърчlал* (эргатив) *тlанкl увкунни* ‘Мальчик прыгнул’.

Данный феномен связан с тем, что при десемантизированном переходном глаголе *учин* ‘сказать’ звукоизобразительный компонент «погашает» его валентность на прямой объект, при этом глагол не превращается в аффикс, как это произошло, на наш взгляд, в аварском языке (ср. *mlankl учин* – *klanculize* ‘прыгнуть’). Однако данный компонент сохраняет за собой функцию «как бы» объекта, «квазидополнения», создавая «квазиэргативную» конструкцию. При семантически переходных глаголах такого способа образования прямой объект, место которого при номинации занято звукосимволическим элементом, кодируется не номинативом, а другим падежом, чаще всего одним из локативных падежей: *кьацl учин* ‘укусить’ – *канийн* (суперлатив) *кьацl учин* ‘руку укусить’.

В целом, семантическая группа глаголов движения относится к непереходным глаголам. Исключение составляют только глаголы *бутан* ‘уронить, бросить, свалить’, *бичин* ‘насыпать’, *буцин* ‘повести, привести’, *бакьин* ‘загнать’, *буххин* ‘свозить’, *ххилан* ‘возить’. Ситуации типа ‘нести’, ‘тащить’ в лакском языке отдельной глагольной лексемой не выражаются.

Коррелятивных пар, отличающихся только признаком переходности-непереходности, среди глаголов мало. К ним относятся:

(1) *багьан* ‘упасть’ – *бутан* ‘сбросить’, *бичин* (о множестве): *муруллийх агьан* ‘свалиться с обрыва’ – *муруллийх утан* ‘сбросить с обрыва’. При переходном глаголе часто употребляются деепричастия, указывающие на способ каузации падения: *щуну утан* ‘толкнув свалить’, *ририщуну утан* ‘ударив свалить’, *бивтун утан* ‘застрелить’ и др. На множественность объектов указывает глагол *бичин*, который чаще употребляется при обозначении сыпучих, массовидных веществ: *цlу бичин* ‘насыпать соль’, *цlив аьрици дичин* ‘насыпать землю на (глинобитную) крышу’, *цlияту марххала бичин* ‘сбросить снег с крыши’;

(2) *бучlан* ‘прийти, прибыть’ – *буцин* ‘привести’ (только с одушевлённым объектом). Переходный глагол сопровождается формой комитатива возвратного местоимения ‘с собой’: *На дуи ттуцалва* (комитатив) *буцав* ‘Я повела (взяла) дочку с собой (букв. со мной)’; *Буттал арс цацала* (комитатив) *увцунни* ‘Отец повёл сына с собой’. Для указания направления используются сочетания глаголов движения с деепричастием: *бувицуну увкlунни* ‘привёл / привёз’ – *бувицуну лавгунни* ‘увёл / увёз’ (букв.: поведя привёл – поведя увёл);

(3) *буххан* ‘войти’ – *бакьин* ‘загнать’ (с одушевлённым объектом): *ппалав буххан* ‘войти в хлев’ – *оьл ппалав бакьин* ‘корову в хлев загнать’. По отношению к личности глагол имеет оттенок ‘лишить свободы’, ‘запереть внутри ограниченного пространства’, ‘посадить в тюрьму’.

Не имеют непереходных коррелятов глаголы *буххин* ‘свозить’ и *ххилан* ‘возить’, а также глагол *личин* ‘кинуть’ (с силой бросить в горизонтальном направлении) – ср. *чару личин* ‘кидать, толкать камень’, один из национальных видов состязаний.

От всех непереходных глаголов движения образуются переходные при помощи вспомогательного глагола *бан* (*буван*) ‘сделать’. При этом каузативатор сочетается:

а) с инфинитивом перфектного вида: *бачин* ‘начать идти, двинуться’ – *бачин бан* ‘повести, погнать’; *лихъан* ‘убежать’ – *лихъан бан* ‘погнать, отогнать’; *учлан* ‘спуститься (вниз)’ – *учлан ан* ‘спустить (вниз)’; *уккан* ‘выйти’ – *уккан ан* ‘выгнать’ и т. д.;

б) с кратким причастием дюративного вида: *нани бан* ‘заставить идти, повести’, *занази бан* ‘заставить ходить’, *гъанагъи бан* ‘закружить, заставить кружиться’;

в) с кратким причастием итеративного вида: *бучлай бан* ‘заставить приходить, приучить’.

При образовании каузативов от причастных форм глагол приобретает и дополнительные оттенки интенсивности (*лихълахъи бан* ‘разогнать’), постоянного признака (*буххай бан* ‘приучить входить (посещать)’).

Переходность-непереходность связана и с наличием лабильных (лабильных) глаголов, и семантической деривацией, при которой непереходный глагол может приобрести и переходное значение, и с разграничением многозначности и омонимии. Лабильных глаголов в рассматриваемой группе нет, но у некоторых глаголов широко развита семантическая деривация. Среди лексико-семантических вариантов наблюдаются и переходные значения. При лексикографировании возникает проблема разграничения многозначности и омонимии. Так, например, у глагола **буккан** в «Лакско-русском словаре» С.М. Хайдакова [1962] представлены 4 значения в одной словарной статье,

И.Х. Абдуллаев [2018] даёт три словарные статьи: **буккан**¹ представлен в 12 непереходных значениях, **буккан**² имеет 4 переходных значения и **буккан**³ – 3 переходных значения. На такие же проблемы указывает и П.Р. Магомедова в исследовании по аварскому глаголу [Магомедова 2006: 13–20].

Вопрос лексической деривации, аналитического словообразования (например, *лагма буккан* ‘обойти вокруг’, *ялтту буккан* ‘осмотреть’ и под.) и образования глагольных фразем с участием глаголов движения требует специального изучения.

2.4. Семантические разновидности глаголов движения

Внутри группы глаголов движения можно выделить несколько разновидностей по дифференциальным семам.

Центр всей группы составляют глаголы *нан* ‘идти’ – *занан* ‘ходить’, *бучлан* ‘прийти’ – *гъан* (*лаган*) ‘уйти’, обозначающие перемещение лица или животного по горизонтальной поверхности. Первые два глагола противопоставлены по однонаправленности / неоднаправленности движения, вторая пара противопоставлена по отношению к ориентиру (ОР): *бучлан* обозначает движение к ОР, *гъан* – движение от ОР. К ним примыкает глагол *биян* ‘дойти’, обозначающий достижение промежуточного ОР движущимся субъектом.

Сема «интенсивность движения» является доминирующей в глаголах *лечин* ‘побежать’ и *лихъан* ‘сбежать, уйти от преследования’. В первом случае редуцирована сема направления движения, во втором случае сема «удаления» обозначает не столько направление, сколько причину действия. Направленность может быть указана вне глагола. В эту подгруппу можно включить и глагол *ххиен* ‘разбежаться в разные стороны’, ‘в испуге побежать’ (обычно о животных, о лошади): *Чу ххивунни* ‘лошадь понесла’.

В глаголах *буххан* ‘войти’ и *буккан* ‘выйти’ доминирующей становится сема движения вовнутрь или изнутри ограниченного пространства. Глаголы сочетаются с сирконстантами, выраженными с падежами серии инессива (латив и элатив): *къатлувун уххан* ‘войти в комнату’ – *къатлува(ту) уккан* ‘выйти из комнаты’.

В глаголах *лахъан* ‘подняться’ и *бучлан* ‘спуститься’ доминирует сема «вверх» и «вниз» по поверхности соответственно. В роли сирконстантов активизированы падежи серии суперэссива – латив, элатив, транслатив: *зунттуйн лахъан* ‘подняться на гору’ – *зунттуя(ту) бучлан* ‘спуститься с горы’; *члирайх лахъан* ‘подняться по стене’ – *члирайх бучлан* ‘спуститься по стене’.

Сема «среда перемещения» является дифференциальной в глаголах *леххан* ‘полететь’ – *лехлан* ‘летать’. Предельный глагол *леххан* фиксирует начало движения, дюратив *лехлан* как и *занан* ‘ходить’ обозначает ненаправленное движение: *Ххяллуя барзу левххунни* ‘Со скалы орёл взлетел’; *ЧитIри лагъну лехлай бур* ‘Ласточки низко летают’. Глагол *бигъин* в одном из значений «парить в воздухе», «стремительно пикировать вниз» входит в состав глаголов движения: *Барзу аьнакIуйн бивгъуну лавгунни* ‘Орёл спикировал на курицу’.

Глагол *багъан* ‘упасть, свалиться’ обозначает неконтролируемое движение, событие, случай, субъектом которого может быть как лицо, живое существо, так и предмет. Среда перемещения обычно – воздух, направление – сверху вниз. Глагол сопровождается сирконстантами, указывающими ориентир начала движения (как правило – супер-элатив) или маршрут (транслатив): *Ссавния паранну дагъну дур* ‘С неба упала молния’; *Оьл муруллийх багъунни* ‘Корова упала с обрыва’.

Глагол *бизан* ‘встать, принять вертикальное положение’ обозначает контролируемое движение, обычно человека. Среди глаголов движения лексемы *багъан* и *бизан* занимают несколько периферийное положение.

Таким образом, производные глаголы движения входят в основной словарный фонд лакского языка и представляют собой взаимосвязанную группу. Большинство из них является многозначными. Некоторые из глаголов, подвергаясь процессу десемантизации, служат материалом для появления производных и сложных слов, лексикализованных и грамматикализованных словосочетаний, например: *нан* ‘идти’ – *эьки нан* ‘литься, выливаться’, *ялтту нан* ‘литься через край’, *багъну нан* ‘падать’; *буккан* ‘выйти’ – *арх буккан* ‘удалиться’, *хьхьичIун буккан* ‘опередить кого-л.’, *дакI дуккан* ‘разочароваться в ком-л.’ и т. д.

2.5. Семантическая деривация непроизводных глаголов движения

Глаголам движения в значительной степени свойственна семантическая деривация, при которой актуализируется та или иная сема, и в глагольной конструкции обязательным становится актант, соответствующий актуализируемой семе. Рассмотрим это явление на примере центрального глагола этой группы – лексемы **нан** ‘идти’.

2.5.1. НАН ‘идти’ <кто/что: номинатив>

Данный глагол является ядром группы глаголов движения и обозначает движение как процесс. В словаре [Абдуллаев 2018] представлено 13 значений:

1. Идти, ступать; ехать; отправляться, направляться, двигаться в значении ‘перемещаться в пространстве’. В них сема ‘способ перемещения’ не актуализирована, она задаётся субъектом и может покрывать те значения, которые в русском языке передаются глаголами *идти, ехать, плыть, лететь*:

- (1) *Нину къурув най дур* ‘Мать идёт в поле’;
- (2) *Московлия поезд най бур* ‘Из Москвы идёт поезд’;
- (3) *Хьхьирийх жами най бур* ‘По морю корабль плывёт’;
- (4) *Гьанжлилия самолёт най дур* ‘Из Махачкалы летит самолёт’.

Глагол обозначает однонаправленное векторное движение, что позволяет употреблять с абстрактными именами событий и состояний, осуществляющихся во времени. Это выражено в следующих значениях:

2. Идти, течь, протекать: *Майрава оьтту най бур* ‘Из носа течёт кровь’.

3. Идти, подниматься, распространяться: *Зунттуха ттуруллив най дур* ‘Из-за горы идут облака’.

4. Идти, проходить (о времени): *ЧIун анаварну най дур* ‘Время быстро идёт (проходит)’.

5. Идти, происходить, иметь место (о событиях): *Дяъви най бия* ‘Шла война’ (данное значение связано с предыдущим по семе «протекание во времени»).

6. Быть следствием чего-л., быть следствием чего-л.: *Жяматрал вивсса тарбиялуватур нанисса цинярда оьрчIал тIулдакъашивуртту* ‘Все проступ-

ки детей идут от внутреннего состояния общества’ (актуализирована сема исходного пункта движения: <что: ном.; откуда: ин-элатив>).

7. Идти, приходиться, поступать, получать (о социальных выплатах): *Федерал бюджетрава кулпатрал бюджетравун най дур пенсиярттал, пособиярттал ариу* ‘Из федерального бюджета в семейный бюджет идут денежные средства в виде пенсий и пособий’ (актуализированы начала и конца движения, включённые в семантику глагола: <что: номин.; откуда: ин-элатив; куда: инлатив>).

8. Уходить, расходоваться на что-л.: *Ччучциялук чIярусса ариу най дур* ‘На отопление уходит много денег’ (актуализирована сема конечного пункта движения <что: номин.; за что: субэссив>).

9. Уходить на что-л, быть достаточным для чего-л. *Гьухьун (гьухьа бан) 3 метра янналул най дур* ‘На платье идёт 3 м. ткани’ (актуализирована сема «цель движения» <на что/для чего: датив/инфинитив; что: числ. + генитив>).

10. В сочетании с деепричастиями обозначает однонаправленное движение: *левххун нан* ‘лететь’ (грамматикализация по семе «однонаправленность»).

11. В сочетании с инфинитивом основного глагола обозначает намерение, предположение: *Пенсияртту хьуни бан най бур* ‘Собираются увеличить пенсии’ (цель, обозначение инфинитивом, намерение указано как движение цели, всё сочетание приобретает модальное значение, близкое к будущему времени).

12. В форме 1 лица ед.ч. повелительного наклонения глагол **нану** участвует в образовании формы 1 лица мн. ч. императива (гортатив): *нану гьан-нуча* ‘давай пойдём’.

13. Эта же форма в сочетании с формой 2 лица императива приобретает значение предупредительной частицы: *нану паракьатну икIу* ‘давай води себя нормально’.

Таким образом, данный глагол в последних четырёх значениях (1–13) грамматикализируется.

Тесные семантико-грамматические связи обнаруживаются у глагола **нан** и с глаголами **бучIан** ‘прийти’ и **гьан /лаган** ‘уйти’: в первом случае отдельной лексемой выражено событие (целостное действие), где актуализирована сема направления «сюда», а во втором случае в отдельной лексеме актуализирована сема направления «отсюда». Ср.: *ОьрчI шавай най ур* ‘Маль-

чик идёт домой’ – *ОьрчI шавай увкIунни* ‘Мальчик пришёл домой’ («сюда»);
2) *ОьрчIшавай лавгунни* ‘Мальчик пошёл домой’ / *ОьрчI шавату лавгунни* ‘Мальчик ушёл из дома’ («отсюда»).

Полная соотносительность глаголов *нан* ‘идти’ и *бучIан/гьан* ‘прийти/уйти’ наблюдается в первом значении: *поезд бувкIунни / лавгунни* ‘поезд ушёл/пришёл’ и т. д. В значении ‘течь’ (2) такого соотношения нет, начало и конец события выражается глаголам *бачин* ‘пойти’ и *бацIан* ‘остановиться’: *Майрава оьтту бавчунни* ‘Из носа пошла кровь’ – *Оьтту най бур* ‘Кровь идёт’ – *Оьтту бавцIунни* ‘Кровь остановилась’. В значениях «происходить» (5) для обозначения начала и конца используются глаголы с фазовыми значениями *байбишин* ‘начаться’ и *кьуртал хьун* ‘закончиться’: *Дяьви байбивхьунни* ‘Война началась’ – *Дяьви най бур* ‘Война идёт’ – *Дяьви кьуртал хьунни* ‘Война закончилась’. Вариативность использования глаголов *бачин/бацIан*, *байбишин /кьауртал хьун* наблюдается и при наличии 3 и 4 значений глагола *нан*. В значениях 8, 9 при номинации необходимого ресурса на что-либо актуальной оказывается сема конечного пункта движения, поэтому в соотносительных конструкциях появляется глагол *гьан/лаган* ‘уйти’: *Ччучциялх чIярусса ариу най дур* – *Ччучциялх чIярусса ариу ларгунни* ‘На топливо ушло много денег’; *Гьухьун 3 метра янналул най дур* – *Ва гьухьун 4 метра янналул ларгунни* ‘На это платье ушло 4 м. ткани’.

В разной степени грамматикализованные значения (11–13) теряют связь с другими глаголами группы. Сема однонаправленности порождает значение ‘наступать, надвигаться, собираться’ из «неизвестности» в настоящее, что придаёт глаголу значение неизбежного будущего, на базе которого и появились эти модальные значения.

Следует назвать ещё одну функцию глагола *нан*, не отмеченную в словарной статье. Другие глаголы движения и передвижения, сочетаясь в форме перфектного деепричастия со спрягаемыми формами глагола *нан*, *бучIан*, *гьан/лаган*, обозначает направленное движение (лексико-грамматическая категория способа глагольного действия, как это интерпретируется в русском языкознании). Например, *леххан* ‘полететь, взлететь’ фиксирует вступление в процесс движения. При отсутствии отдельных лексем со значениями ‘лететь’, ‘улететь’ и

‘прилететь’ язык использует сочетание перфектного деепричастия и спрягаемых форм глаголов *нан* ‘идти’, *гъан* ‘уйти’ и *бучIан* ‘прийти’:

(5) *Самолёт лерххун най дур* ‘Самолёт летит’ – *Самолёт лерххун ларгунни* ‘Самолёт улетел’ – *Самолёт лерххун дуркIунни* ‘Самолёт прилетел’.

Примечание: Такие громоздкие формы редко используются, поскольку семы «среда перемещения» и «способ перемещения» задаются субъектом и известны говорящему, поэтому обычным является употребление ‘Самолёт най дур, ... ларгунни, ... дуркIунни’.

Исследователями ранее обращалось внимание и на то, что глагол движения *гъан/лаган* в сочетании с перфектным деепричастием основного глагола может обозначать и интенсивность, эффект действия, его бесповоротность: *агъ-ну лавгунни* ‘упал (и понёсся)’, *увххун лавгунни* ‘прошёл (несмотря ни на что)’, *увккун лавгунни* ‘ушёл (в сердцах)’ и под. [Эльдарава 1995: 86–87].

Глагол *нан* является одновидовым глаголом дюративного вида и в этом качестве соотносится с глаголом неоднаправленного, многократного не-предельного движения *занан* ‘ходить’. В качестве актантов выступают имена людей, живых существ и предметов. В первом из словарных значений глагол *нан* соотносится с глаголом *занан*, например:

(1¹) *Нину къурув занай дур* ‘Мать ходит в поле’;

(2¹) *Московлив поезд занай бур* ‘Поезд ходит в Москву’ и т.п.

Чаще всего *занан* обозначает постоянное занятие, способность:

(9) *ОърчI школалийн занай ур* ‘Мальчик ходит в школу’;

(10) *Душ занан бивкIунни* ‘Девочка начала ходить (научилась)’.

В отличие от своего коррелята *нан* ‘идти’, у глагола *занан* ‘ходить’ производные значения не отмечены.

2.5.2. Глаголы *бучIан* ‘прийти’ и *гъан/лаган* ‘уйти’

Идентичность некоторых значений глагола *нан* ‘идти’ и соотносительных глаголов перфектного вида *бучIан* ‘прийти’ и *гъан/лаган* ‘уйти’ отмечена нами выше. В данном параграфе подробнее остановимся на каждом из них.

В словаре представлены три статьи с глаголом *бучIан*, при этом несомненным омонимом может быть признана лексема *бучIан*² ‘спуститься’, по-

скольку фонема /ч1/ является самостоятельной, а не вариантом /к1/, как в лексеме *буч1ан*¹. Ср., с одной стороны, *шаппай буч1ан* ‘прийти домой’ – *шаппай бувк1унни* ‘пришли домой’ и, с другой – *ц1ияту буч1ан* ‘спуститься с крыши’ и *ц1ияту бувч1унни* ‘спустилась с крыши’. Как омоним (отдельной статьёй) представлен и переходный глагол *буч1ан*³ со значениями ‘сунуть; вдеть; вставить’: *жиплувун ка дуч1ан* ‘сунуть руку в карман’; *банд буч1ан* ‘застегнуть пуговицу’ (букв. вдеть пуговицу); *ххалаххун ххал дуч1ан* ‘вдеть нитку в иголку’, *уссавун ччан (ша) буч1ан* ‘обуться’ (букв. вдеть ногу в обувь) и др. Хотя у этого варианта связь с глаголом движения ещё угадывается (вдвинуть что? во что? / куда?), но актантная рама изменилась: *буч1ан*³ <кто: эрг.; что: номин.>, то есть прибавился актант в роли агенса, инициатор движения, а единственный актант глагола движения получил роль пациенса. Такие преобразования наблюдаются и в случае с диффузными глаголами, поэтому вопрос о том, считать ли такое явление полисемией или омонимией, остаётся открытым. Если и имеется смысловая связь между этими «звуковыми комплексами» (*буч1ан*¹ и *буч1ан*³), то она весьма отдалённая.

Глагол *гъан* ‘уйти’ встречается только в форме инфинитива и его производных, в императиве он имеет варианты *насу* ‘пойди; уходи’, а во всех других формах заменяется вариантом *лаган*, в том числе и в роли вспомогательного глагола в сложных и составных глаголах (*бартлаган* ‘исполниться’, *к1яла лаган* ‘побледнеть’ и под.). Как глагол *гъан*, глагол *лаган* в основном значении соотносится с глаголом *нан* ‘идти’ в его первом значении. Как компонент сложных глаголов он лишён самостоятельного значения, вербализуя компонент сложного глагола.

Глагол движения *буч1ан* (деепр. *бувк1ун*) ‘прийти’ в словаре представлен следующими значениями:

1. Придти, вернуться, явиться куда-л. <кто: ном.; куда: латив>: *хъат1уйн буч1ан* ‘приехать на свадьбу’, *шаппай буч1ан* ‘вернуться домой’; *даврийн буч1ан* ‘явиться на работу’; *шагърулия буч1ан* ‘приехать из города’. Чаще актуализируется сема конечного пункта движения, что вводит в модель управления глагола обязательный аргумент в форме латива одного из серий

местных падежей или наречия с пространственным значением. В роли агенса выступает личное или неличное одушевлённое существительное.

Глагол *бучлан* в анализируемом значении имеет соотносительные переходные корреляты:

- 1) *буцин* ‘привести’ (*оьрчI шавай уцин* ‘привести ребёнка домой’);
- 2) *бучлан бан* ‘вызвать’ (*къашайшалачлан хIакин учлан ан* ‘к больному вызвать врача’).

В первом случае глагол обозначает физическое действие, во втором случае образуется каузативный глагол, где эргатив обозначает каузатора: (11) *Ниттил Ибрагым шавай учлан увуна* ‘Мать вызвала Ибрагима домой (букв. домой вернуться заставила)’.

2. Получить от кого-л. что-л., быть присланным: <что: ном.; от кого/откуда: супер-элатив>: *арсная чагъар бувкIунни* ‘от сына пришло письмо’; *дъвилия хавар бувкIун бур* ‘с войны пришла весть (извещение).

3. Вернуться к прежнему (или нормальному) состоянию: (при этом существуют вариативные модели управления) <кто: ном.; к чему: супер-элатив > / < кто: датив; что: ном.> *оьрчI кIулишийн увкIунни* ‘мальчик пришёл в сознание’ / *танан чани бувкIунни* ‘ему вернулось зрение’.

Таким образом, в данном значении глагол образует номинативную или дативную конструкции предложения.

Кроме отмеченных в словаре значений, у глагола *бучлан* могут быть отмечены и другие значения:

4. Настать, наступить (о времени, о событии): *ссут дуркIунни* ‘наступила осень’; *захIматсса чIун дуркIунни* ‘наступило трудное время’.

5. В форме императива улу ‘поди’ глагол имеет значение частицы: *улу, мугу хъинача* ‘вот и хорошо’.

У глагола *гъан / лаган* ‘уйти’ отмечены следующие значения: **гъан** (деепр. *лавгун*): **уйти, пойти, поехать, оправиться**; *даврийн гъан* ‘пойти на работу’; *Московлив гъан* ‘поехать в Москву’.

Употребление этого глагола, как отмечалось выше, ограничено формами инфинитива. В других формах он замещается глаголом **лаган**, однако в словарях [Хайдаков 1962, Абдуллаев 2018] отмечены только значения: **1. ид-**

ти, ходить (хотя это глагол перфектного вида) и 2. – употребление в роли компонента сложных глаголов типа *лух1и лаган* ‘почернеть’.

Однако, на наш взгляд, значение глагола *гъан/лаган* не ограничиваются указанными в словарях значениями. Он имеет и другие значения, соотносительные с глаголом *нан* ‘идти’. К ним можно отнести:

1) **уйти, скрыться** (о явлениях природы): *баргъ лавгунни* ‘солнце ушло (опустилось за горизонт)’;

2) **уйти, закончиться** (о времени, о временах года, о событиях): *гъи ларгунни* ‘лето прошло’; *мунир махъ ххюра шин ларгунни* ‘после этого прошло 5 лет’; *ттуяту хъуннасса гъиву ларгунни* ‘с меня (с моих плеч) большой груз (нагрузка) ушёл’.

С глагольным компонентом *лаган* образуются производные и сложные глаголы типа *бахълаган* ‘скрыться’, *бухлаган* ‘закончиться’, *экъилаган* ‘пролиться’, *бартлаган* ‘завершиться’, *бигъалаган* ‘отдохнуть’ и под.

Так же, как и глагол *нан*, сочетаясь с перфектными деепричастиями других глаголов движения и перемещения, они образуют комплексы со значением приближения и удаления:

1) *левххун буч1ан* ‘прилететь’ – *левххун гъан* ‘улететь’;

2) *ливхъун буч1ан* ‘прибежать, спасаясь от преследования’ – *ливхъун гъан* ‘убежать от преследования’;

3) *ларсун уч1ан* ‘принести /привезти’ – *ласун гъан* ‘унести/увезти’;

4) *увцуну буч1ан* ‘привести’ – *бувцуну гъан* ‘увести’ и др.

Соотносительные глаголам *буч1ан* ‘прийти’ – *гъан* ‘уйти’ переходные глаголы образуются стандартно, при помощи вспомогательного глагола *бан* ‘сделать’: *буч1ан бан* ‘заставить прийти; вызвать’ – *гъан бан* ‘отправить, послать’.

С глаголом *буч1ан* соотносится и непроеизводный глагол *буцин* ‘привести’, который требует отдельного описания.

2.5.3. Глагол *буцин* ‘привести’ <кто: эргатив, кого/что: номинатив>

В словарях отмечены омонимы *буцин*¹ и *буцин*², первый из которых относится к глаголам движения. Уточняя приведённые в словарях значения лексемы *буцин*¹, отметим наличие у неё следующих значений:

- 1) **повести, привести кого-л.:** *оьрчIру шаппай буцин* ‘привести детей домой’, *класс экскурсиялийн буцин* ‘повести класс на экскурсию’;
- 2) **привести, навести что-л.:** *бакIрайн бала буцин* ‘привести беду на голову’;
- 3) **провести (о различных коммуникациях):** *шыравун газ буцин* ‘в село провести газ’;
- 4) **подтвердить, привести довод:** *мисал буцин* ‘привести пример’.

Глагол участвует в образовании многочисленных фразеологических сочетаний, например: *щарсса дуцин* ‘жениться’, *макьян дуцин* ‘завести песню, мелодию’, *карав уцин* ‘взять (ребёнка) на руки’, *тIулуйн уцин* ‘наказать за провинность’, *хьамалу уцин* ‘привести в гости’ и др.

У омонима глагол *буцин*² ‘взвесить, измерить’ семантическая связь с *буцин*¹ в современном языке не сохранилась, хотя она исторически возможна, поскольку масса измерялась на весах с чашами, где вес измеряемого продукта надо было приводить в соответствие с грузом в другой чаше.

2.5.4. Глагол *биян* ‘дойти’

Глагол *биян* ‘дойти’ является многозначным, имеет значения, которые в той или иной степени сохраняют связь с первым, главным значением:

1. Достигнуть, достичь; прибыть, приехать; доехать; заехать <кто: ном.; куда: один из локативов>. Главной, исходной в этом значении является сема промежуточного результата движения или, в зависимости от контекста, конечной цели движения, например: (1) *Гай ахттакъунмай Щурагъун бивуна* ‘Они к вечеру доехали до Шуры (Буйнакса)’ – (2) *БарцI хьуна къабавкъунм, цIуку хIажлив бивну бур* ‘Коза достигла хаджи, не встретив волка’ (погов.).

2. Подоспеть, успеть <кто: ном.; на что /к чему.: суперлатив>: *поезд-райн биян* ‘подоспеть на поезд’.

В этом значении на первый план выдвигается сиркостант со значением времени, а не пространства, как в первом значении, которое выражается, как правило, событийным именем в форме суперлатив (-йн), например, (3) *Зу хьатIуйн ххуйну бивунну* ‘Вы хорошо успели на свадьбу’. В модели управления в данном случае локатив ограничен серией суперэссива: *поезд-райн* ‘на поезд’,

хъатIуйн ‘на свадьбу’, *даврийн* ‘на работу’ и т.д. В этом значении данный падеж соотносится с предложно-падежными формами «к+ дат.» и «на + винит.».

3. Достаться, получить, например, при дележе: *гъарцаннан ххю-ххюва туман бивунни* ‘каждому досталось по пятьдесят рублей’.

В этом значении происходит существенный семантико-синтаксический сдвиг, что отражается в модели управления глагола < что: номин; кому: датив>. При этом значение датива близко к бенефактивному (выгодоприобретатель), а номинатив выступает в роли пациенса. Здесь мы наблюдаем переход глагола из разряда глаголов движения в разряд глаголов владения: перемещение предмета к новому обладателю.

4. Хватать, хватить: *жун харж ца зуруй къабияй* ‘зарплаты нам не хватает на один месяц’. Предмет характеризуется с точки зрения достаточности для каких-либо целей. Модель управления глагола в характеризующем значении соответствует следующей схеме: <что: ном; кому: датив>, которая может быть расширена сирконстантами, обозначающими назначение, цель, время в формах пост-эссива (4), инфинитива (инфинитивного оборота) (5), конверба со значением времени (6): (4) *Пенсия дукралух биллай бакъар* ‘пенсии на еду не хватает’ (5) *Магъи цIу дан вай шифер биянссар* ‘Чтобы обновить потолок этого шифера хватит’; (6) *(Оьллан лазуни инттуни диянссар* ‘Корма для скота хватит до весны’.

Ближние значения **3** и **4** могут рассматриваться и как оттенки одного значения («достаться» → «быть (не)достаточным»).

5. Созреть, поспеть; достичь зрелого возраста, вырасти <что: ном>: *тIутIи бивну бур* ‘виноград поспел’; *оьрчI ряхра шинавун ивну ур* ‘мальчик достиг шести лет’. В данном значении движение метафорически перенесено на процесс, завершающийся приобретением соответствующего качества.

6. Равняться, дойти до уровня кого-л. < кто: ном.; до кого: адлатив>: *ЩазачIан бивсса балайчи къабувкссар* ‘не было певицы, достигшей уровня Щазы’. В конструкции чаще встречаются отрицательные формы с глаголами *бакъар* ‘нет’ или инфинитив + *бувар* (*биян бувар* ‘ещё не достигла’). Данное значение близко к предыдущему и может быть интерпретировано как его оттенок: признак одного предмета сравнивается с таким же признаком другого

предмета, отмечая наличие или отсутствие близости между ними. Участник, обладающий качеством в большей степени, кодируется адлативом (см.: *Ща-зачІан бивсса* ‘дошедшая до Щазы’).

7. Подойти, настать (об очереди, времени) <что: номин; кому: суперлатив для чего/на что: инф.>: *яржа биян* ‘подойти – об очереди’; *чІун диян* ‘настать (о времени чего-либо)’. Фразовые примеры: (7) *МухІ щун* (инф.) *чІун дирну дур* ‘Настало время жатвы (букв. серп пустить)’; (8) *ХІухчин чан-тай бан* (инф.) *жуїн* (суперлатив) *яржа бивуна* ‘Собрать еду для пастуха очередь до нас дошла’.

8. Заболеть, заразиться инфекционной болезнью <кто: суперлатив; что: ном.>: *азар диян* ‘заболеть’. Фразовые примеры: (9) *Оьккисса азар дирну, шяраву чІявусса инсантал ливтІуну бур* ‘От тяжёлой болезни (букв. плохая болезнь дошла) в селе много людей умерло’; (10) *Ттуйн шяра дирну дур* ‘Я заболел гриппом (букв. на меня дошёл насморк)’.

9. Приходить в какое-л. состояние, почувствовать, испытать позыв к чему-л. <кто: датив/ суперлатив; что: номин.>: *хІал биян* ‘упасть в обморок’; *шану биян* ‘клонить в сон’. Субъект состояния обозначается обычно дативом: (11) *Ттун шану биллай бур* ‘Мне хочется спать (клонит в сон)’; (12) *Танайн хІал бияйссар* ‘Он теряет сознание’ (*хІал* ‘состояние’ употреблено в значении «обморочное состояние», которое требует постановки носителя состояния в суперлативе).

Как омоним к глаголу *биян*¹ ‘дойти’ в словаре представлен *биян*² со значением ‘подраться’.

Варианты падежного управления:

1) <кто: ном.; на кого: суперлатив> представляет одного участника агенсом (номин.), другого пациенсом (претерпевающим, пассивным): *Муса ттуйн иллай ур* ‘Муса со мной дерётся’;

2) <кто: ном.; с кем: комитатив>: *Муса ттуцал иллай ур* ‘Муса со мной дерётся’. Взаимность действий может быть эксплицирована местоимениями *цаннацал ца* ‘друг с другом (букв. с одним один)’ или *куннацал кув* ‘одни с другими’, при этом личный субъект употребляется в форме мн. числа: *ОьрчІру цаннацал ца / куннацал кув бивну бур* ‘Дети подрались друг с

другом'. То же значение сохраняется и без взаимно-возвратных местоимений: *ОьрчIру биллай бур* 'Дети дерутся'.

Хотя данное значение представлено как омонимичное, тем не менее, отдалённая семантическая связь сохраняется – «дойти, достать».

2.5.5. Глагол *букъан* 'отойти'

Глагол представлен в классных формах *укъан* (1 кл.), *букъан* (3 кл.) и *дукъан* (4 кл.), хотя эти формы значениями не отличаются. При этом некоторые значения в одних случаях выступают как полисемичные, а в других – как омонимичные (см. словарные статьи *букъан*¹ и *букъан*² в сопоставлении с *дукъан*). Целесообразно все значения представить в форме инфинитива 3кл. *букъан*.

У основного глагола *букъан* отмечены следующие значения:

1. Отойти, отдалиться, удалиться <кто: ном.; откуда / от кого, чего: ад-элатив/ интер-элатив>: *чIурачIату букъан* 'отойти от стены'; *муруллул зумания букъан* 'отойти от края пропасти'. В сочетании с послелогами-наречиями: *хъхъичIа букъан* 1) 'отойти спереди'; 2) уйти от встречи, избежать встречи. В сочетании с вспомогательным глаголом *бан* образует соотносительный переходный глагол: *букъан бан* 'отвести, развести' <кто: эрг.; кого: ном.>: *ятту хъуничIату букъан бан* 'отвести овец от посевов'; *билла-лисса оьрчIру букъан бан* 'развести дерущихся детей'.

2. Уйти, прекратить деятельность: *къуллугърая укъан* 'уйти с работы'. Переходный коррелят образуется сочетанием инфинитива с вспомогательным глаголом в каузативном значении *бан*: *къуллугърая укъан ан* 'снять с должности'.

3. Убрать, унести; положить что-л. куда-л.; отложить впрок, сберечь <кто: эрг.; что: ном.>: *луттирду шкафравун букъан* 'убрать книги в шкаф'; *вай ариу дукъа* 'убери, спрячь эти деньги'; *нувици гъаннаран букъан* 'отложить картофель на семена'. Ввод активного участника ситуации (агенса) при неодушевлённом объекте передвижения переводит глагол в разряд переходных глаголов.

4. Потерять какое-л. качество, перестать быть в своём обычном состоянии: *чIу букъан* 'потерять голос, охрипнуть, осипнуть'; *оьлихъ накI дукъан* 'не доиться, потерять молоко (о корове)'; *кIункIурдуву щин дуркъун*

дур ‘вода в кастрюле испарилась’; *дукралия укъан* ‘перестать есть, потерять аппетит’. В данном случае глагол остаётся непереходным, а качества и свойства представлены как отклонения от обычных норм.

2.5.6. Глаголы *буххан* ‘войти’ – *буккан* ‘выйти’

Глаголы *буххан* ‘войти’ и *буккан* ‘выйти’ противопоставлены по семе «направление движения вовнутрь или изнутри чего-л.», которая в первом случае актуализируется лативом серии инессива, а во втором случае – элативом той же серии: *къатлувун уххан* ‘войти в комнату’ – *къатлувату уккан* ‘выйти из комнаты’.

Каждый из глаголов имеет систему собственных значений и вступает в омонимические, синонимические и антонимические отношения с другими глаголами. Соотносительные переходные глаголы образуются сочетанием с вспомогательным глаголом *бан* ‘сделать’: *буххан бан* ‘ввести’ – *буккан бан* ‘вывести’.

Глагол *буххан* ‘войти’.

У глагола *буххан* отмечены два значения, эксплицирующие сему движения вовнутрь чего-л.:

1) войти, вступить *во что-л., куда-л.* <кто: ном.; во что/куда: инлатив>: *хъамал къатлувун бувххунни* ‘гости вошли в дом’;

2) поступить *куда-л.* <кто: ном; куда: суперлатив/инлатив> (в учебное заведение, на предприятие, в организацию и т.д.). Здесь мы наблюдаем метонимический перенос «помещение → учреждение → коллектив». В употреблении лативов нет единого правила: *университетравун* (инлатив) *буххан* ‘поступить в университет’; *даврийн* (супелатив) *буххан* ‘поступить на работу’. Наверное, использование падежей «в» и «на» происходит под влиянием русского языка.

Представляется возможным выделение как отдельного значения употребление глагола в примере, данном в словаре к первому значению: *уссувун ччан бухлай бакъар* ‘нога не входит (не влезает) в обувь’. Оно является одним из стандартных для обозначения несоответствия вместилища и вмещаемого, вследствие чего предикаты употребляются в отрицательных формах: *Къатлул хьулувух рояль бухлай бакъая* ‘Через двери комнаты рояль не ходил’. Воз-

можен и транслатив серии инессива, как в последнем примере. В этом значении мы можем отметить в качестве отдельного значения:

3) входить, вмещаться, проходить <что: номин.; во что / через что: инлатив/интранслатив>: *уссувун ччан (къа)буххан* ‘не влезать в ...’; в этом значении актуализирована сема не только цели движения, но и пути, способа проникновения.

Как и другие глаголы движения, **буххан** может иметь и другое значение:

4) вступить (о возрасте): *жагылишиврувун буххан* ‘вступить в пору молодости’, *чIумувун буххан* ‘вступить в пору зрелости (брачного возраста)’.

Наиболее свободными следует считать 1–2 значения, соотносительные с антонимичным по направленности движения глаголом **буккан** ‘выйти’.

В омонимические отношения с глаголом *буххан*¹ ‘войти’ вступает глагол *буххан*² ‘устать’, обозначающий состояние. Если и были между этими глаголами какие-либо семантические связи, то они утеряны. Они вступают в синонимические и/или антонимические отношения с разными глаголами: *уххан*¹ ‘войти’ – *уккан* ‘выйти’; *уххан*² ‘устать’ – *игьалаган* ‘отдохнуть’ (антонимы); *буххан*² – *бавчIан* ‘устать’ (*заназаврил ликри даркIунни* ‘от ходьбы ноги устали’).

Соотносительные с *буххан* ‘войти’ переходные глаголы образуются сочетанием инфинитива с вспомогательным глаголом *бан* ‘сделать’. Составной глагол **буххан бан** выступает в значениях:

1) **ввести, провести, пригласить** <кто: эрг.; кого (личн.): ном.>: *хъа-мал къатлувун буххан бан* ‘провести гостей в дом’;

2) **внести, занести/завести** <кто: эрг; что (неодуш./неличн.): ном.>: *къай ттучандалийн духхан дан* ‘внести товар в магазин’; *ттукку хьювун буххан бан* ‘осла ввести во двор’.

С составным переходным глаголом *буххан бан* соотносится и непроемный переходный глагол **бакьин**¹, у которого отмечены следующие оттенки значений:

1) **ввести**: *аьрал шагьрулувун бакьин* ‘ввести войско в город’;

2) **загнать**: *гъаттара ппалав бакьин* ‘загнать скотину в хлев’;

3) **заклЮчить, поместить кого-л. куда-л.**: *цурку дуснакъравун акьин* ‘заклЮчить вора в тюрьму’.

В модели управления глагола *бакьин*¹ по сравнению с моделью составного глагола *буххан бан* прямой объект, выраженный одушевлёнными именами, выступает в роли пациенса, то есть участника, лишённого собственной инициативы.

К глаголу *бакьин*¹ в словаре отмечены ещё четыре лексических омонима, относящиеся к другим семантическим разрядам.

Глагол *буккан* ‘выйти’.

У глагола *буккан* в словаре представлено 11 значений, в том числе и в значении вспомогательного глагола. Собственно, к глаголам движения относится *буккан*¹, в качестве омонимов представлены также *буккан*² ‘вынуть’ и *буккан*³ ‘провести *чем-л.* по поверхности *чего-л.*’, у которых можно усмотреть отдалённую семантическую связь с семантически исходным глаголом *буккан*¹.

Как глагол движения данная лексема имеет следующие основные значения, предполагающие в качестве участника в роли агенса название личного или одушевлённого участника ситуации:

1. Выйти *откуда-л.*; выйти куда л., появиться где-л.: <кто: ном.; откуда: ин-элатив; / куда: ин-латив (интер-латив); / где: эссив>: *къатлува буккан* ‘выйти из комнаты’; *къатлув буккан* ‘выйти на улицу (вне дома)’.

2. Оставить место работы; выйти из состава коллектива: <кто: ном.; откуда: ин-элатив>: *даврия буккан* ‘уйти с места работы’; *партиялува буккан* ‘выйти из партии’. Наблюдается метонимический перенос по смежности, поскольку место работы и пребывание в коллективе связаны с местом, где осуществляются контакты.

3. Разойтись с мужем, уйти от мужа: *ласначIату буккан* ‘разойтись с мужем’ – данное значение не является свободным и может быть определено как фразеологически связанное: единственным участником в роли агенса может быть замужняя женщина, по инициативе которой может происходить расторжение брака. Оно входит в область лексики и фразеологии, составляющих этнокультурные особенности функционирования языка, наряду с такими выражениями, как *ласная/щарссания личIи хьун* ‘разойтись с мужем/женой’, *щарссанил цIа рутан* ‘расторгнуть брак с женой (по законам шариата, букв. бросить имя жены)’, *щарсса дуккан дан* ‘расторгнуть брак с

женой (букв. жену выгнать, изгнать из дома мужа)’ и под. В связи с этим сочетание может быть переведено в зону фразеологии.

4. Вывихнуть, выйти из сустава <что: ном.>: *ка дуккан* ‘вывихнуть руку’. Данное значение основано на метафорическом переносе по семе «выйти за пределы чего-л.»: в качестве репрезентанта выступает название части тела, включающие кость и сустав (в основном это – рука). Поскольку знания об этих «пределах» относятся к фоновым знаниям носителей языка, то они на поверхностном уровне не эксплицируются.

5. Вырасти (об этапах роста растений) <что: ген.; что: ном.>: *чIали буккан* ‘завязаться – о колосе’ (*Къалмул чIали бувккун бур* ‘У зерна завязался колос’ – генитивная конструкция, обозначающая состояние субъекта).

6. Появиться, начать существовать <что: ном.>: *аьдат дуккан* ‘появиться – о традиции’. В пределах данной конструкции в роли репрезентантов употребляются, как правило, названия явлений природы, названия свойств, явлений, воспринимаемых органами восприятия:

- (1) *Зунттуха баргъ бувккунни* ‘Из-за горы появилось солнце’;
- (2) *ПуркIурал къанкъ дурккунни* ‘Появился запах дыма’;
- (3) *КIюрххицIунмай марч бувккунни* ‘К утру появился ветер’;
- (4) *Аьжаивсса тIарду буклай бур* ‘Странные слухи появляются’.

В значении ‘появиться’ сема начала движения приобрела значение начала существования, выход из «небытия» в «бытие».

В качестве самостоятельного значения, в некотором смысле даже близкого к лексической омонимии, мы определили бы значение, которое в словаре представлено под номером 9. Мы его указываем под номером 7.

7. Сыграть (с существительными, обозначающими игры, соревнования в форме местного надежда) <кто: ном.; во что: суперэссив>: *ттуплий уккан* ‘сыграть в мяч’; *чагъардай буккан* ‘сыграть в карты’. Фразеологически связанным является сочетание *бяслий уккан* ‘выйти на соревнование, на спор с кем-л.’. Глагол *лачIун уккан* ‘выйти на борьбу (спорт, поединок)’ перешёл в разряд составных глаголов.

В сочетании с существительным в суперлативе (актуализирован конечный пункт, цель движения) глагол имеет сравнительное значение:

8. Превратиться *во что-л, в кого-л.* <кто/что: ном.; во что: супер-элатив>: *чарийн буккан* ‘окаменеть’; *тланнуйн буккан* ‘одеревенеть’ (ликри *тланнуйн дурккунни* ‘ноги одеревенели’); *ккаччийн уккан* ‘превратиться в собаку’ (*увччу хьуну ккаччийн увккун ур* ‘напился и стал как собака’).

В словаре отдельно не отмечено следующее значение:

9. Пройти, прогуляться *по какому-л. месту* (часто в формах дуратива): <кто: ном.; где: транслатив>: *кличирттавух буклан* ‘ходить по улицам’ (сравним идиому *шярайх буклан* ‘побираться, нищенствовать’; *кьурух буккан* ‘пройтись по полям’ и под.

В остальных значениях глагол **буккан** выступает в качестве в разной степени десемантизированного компонента лексикализованных и грамматикализованных сочетаний, например, в сочетании с краткими прилагательными.

10. Он в роли вспомогательного в сочетании с краткими прилагательными входит в состав некоторых сложных глаголов и выполняет словообразовательную функцию, близкую к функции суффикса, образуя глаголы со значением «возникновение признака»: *арх буккан* ‘удалиться’, *кляла буккан* ‘истончиться’ и под. В отличие от сочетаний с глаголом *хьун* ‘стать’, такой признак обычно не бывает связан с воздействием, или такие глаголы различаются значениями, ср.: *кляла хьун* ‘побелеть’ – *кляла лаган* ‘побледнеть’.

11. В сочетании с послелогоми-наречиями образует составные глаголы на базе указанного нами выше (№ 9) значения «пройти, прогуляться», при этом в сочетании с послелогоми употребляется в генитиве: *кьурнил ялтту буккан* ‘осмотреть поля’ (*ялтту* ‘сверху’ + пройти), *оьрчлал хьириг буккан* ‘побеспокоиться о месте нахождения ребёнка’ (*хьириг* ‘за’ + пройти), *ялун буккан* ‘застать кого-л. за каким-л. занятием’ (*ялун* ‘наверх’ + выйти) и т.п.

12. Выйти, случиться – так определяем мы модальное значение глагола **буккан** в сочетании с инфинитивом основного глагола (словаре – № 7). У таких сочетаний особая модель управления: <кто: посс-элатив>: (*ттуца мукун*) *учин бувккунни* ‘(я так) сказал (о чём сожалею)’. В роли субъекта обычно выступает 1 лицо. Падеж с показателем **-ща** серии посессива (**-хь, -ща, -хьхьун**) используется с модальными глаголами *бюхъан*, *хьун* ‘мочь’, а также

обозначает субъект ненамеренного действия: *Ттуца бушкѧп гѧргѧунни* ‘У меня нечаянно разбилась тарелка’.

Переходный глагол *буккан/дуккан* в своих основных значениях (1–9) образует соотносительные переходные глаголы при помощи вспомогательного глагола *бан/дан* ‘сделать’, при этом составной глагол может иметь значение как «вывести», так и «выгнать»: *оьллу ппалату буккан бан* ‘вывести коров их хлева’ – *оьллу ахѧувату буккан бан* ‘выгнать коров из огорода’.

В этом же значении употребляется и глагол *бакѧин* ‘загнать, повести, поместить’: *ттукку ппалав бакѧин* ‘загнать осла в хлев’; *дуснакѧравун акѧин* ‘посадить в тюрьму’ и под.

Следует отметить, что значения изменяющегося по классам глагола *буккан/дуккан* оказались в разных местах словаря (с начальной **Б** и с начальной **Д**), что сказывается на системности описания значений. При этом в переходных значениях к глаголу *буккан* даны два омонима, а глагол *дуккан* с аналогичными значениями (см. ниже) омонимов не имеет. Те значения, которые приписаны (см. значения 2, 3, 4, 8 глагола *дуккан*), отнесены к омонимам *буккан*² и *буккан*³. Значение глагола *буккан*³ под номером 2. **запачкать (запачкаться)** в чѧм-л. (*кѧяркѧравух буккан* ‘обваливаться в грязи, запачкаться в грязи’), может быть отмечено в качестве 8-го значения и у глагола *дуккан*: *усру кѧяркѧравух дуккан* ‘запачкать обувь в грязи’, что мы и делаем.

Так, значение «выйти, появиться» не зависит от классного показателя. Поэтому *кѧанкѧ дуккан* (о запахе), *аьдат дуккан* (об обычае) у автора словаря оказались в зоне буквы **Б**, а часть сочетаний с таким же значением глагола в зоне буквы **Д** (см. значение 2 «выйти, появиться»): *дѧухлу дуккан* (о прохладе).

Глагол *буккан/дуккан* имеет и переходные значения. Открытым оставляем вопрос об омонимии или полисемии в этом случае. К переходным относятся следующие значения модели <кто: эрг.; что: ном.; откуда: ин-элатив>:

1) **вынуть, вытащить**: *жиплува карѧци дуккан* ‘вынуть платок из кармана’; *клѧссурава кѧурттусса дуккан* ‘вынуть занозу из руки’; *кларттувату ччат1 буккан* ‘вынуть хлеб из тандыра’; *клунк1урдува дик1 дуккан* ‘вынуть мясо из кастрюли’ и т.д.;

2) добыть, извлечь из земли: *мах дуккан* ‘добыть железо (из недр)’; *навт буккан* ‘добыть нефть’;

3) добыть путём пергонки: *чяхир дуккан* ‘гнать вино’;

4) вырыть, выкопать: *гъав дуккан* ‘выкопать могилу’; *кIаланг дуккан* ‘вырыть яму’; *ккутI дуккан* ‘просверлить дырку’ и под. В этом и в некоторых других значениях при глаголе могут употребляться актанты с инструментальным значением в форме пост-эссива: *билданух хъунтIа дуккан* ‘выкопать ямку лопатой’;

5) провести по поверхности по поверхности чего-л. чем-л. <кто: что:ном.; по чему: супер-транслатив/суб-транслатив>: *луххайх ацци дуккан* ‘стереть пыль тряпкой’; *къатлувух цIуши буккан* ‘провести по комнате веником (подмести комнату)’.

Отметим, что в эргативной конструкции этой модели семантические и синтаксические роли оказываются смещёнными: название инструмента в форме номинатива занимает позицию прямого объекта (*ацци* ‘тряпка’, *цIуши* ‘веник’), а название объекта, подвергающегося действию, употребляется в форме транслатива одной из серий локативов (*лах* ‘пыль’, *къатта* ‘комната’). Близки к этому значению и следующие употребления, представленные как отдельные значения:

6) погладить: *бакIрайх ка дуккан* ‘погладить по голове’, *янналийх уту дуккан* ‘погладить бельё’ и

7) техн., спец. обработать: *дувссилийх къалай дуккан* ‘лудить медь оловом’; *мусил щин дуккан* ‘позолотить (букв. покрыть золотой водой)’;

8) запачкать (запачкаться) в чём-л.: *оьрчI къяркъаравух увккун ур* ‘мальчик вывалился в грязи’.

Значения 5–7 близки по семантике и подчиняются одной и той же модели управления, что позволяет считать их оттенками значения. Необычность данной модели управления в дагестанских языках была отмечена и М.Е. Алексеевым как «транзитивные глаголы, имеющие особую модель управления [Алексеев 1980: 180].

2.5.7. Глаголы *лахъан* ‘подняться’ – *бучIан* ‘спуститься’

Глагол *лахъан* в словаре представлен тремя омонимами: *лахъан*¹ ‘подняться’, *лахъан*² ‘зажечься’ и *лахъан*³ ‘вздуться’, в которых в разной степени представлена сема движения вверх. Рассмотрим семантическую деривацию этих глаголов.

Глагол *лахъан*¹

Отмечено 7 значений этого глагола:

1. Подняться <кто: ном.; куда:супер-латив>: *зунттуьн лохъан* ‘подняться на гору’. В основном, исходном значении сема движения конкретизирована семой направления «вверх».

Значение ‘*пройти, двигаясь через что-л. или двигаясь по поверхности чего-л.*’ в словаре не приведено. При реализации этого значения в модели управления глагола вместо супер-латива появляется супер-транслатив: *чурттуьх цIив лохъан* ‘подняться по стене на крышу’; *ламуйх лохъан* ‘пройти по мосту’.

В перфектном виде глагол обозначает цельное законченное действие, для обозначения процесса используется сочетание с глаголом *нан* ‘идти’: (1) *Туристътал зунттуьх лавхъун най бур* ‘Туристы идут (поднимаются) в гору’.

Формы дуратива обозначают многократность, а формы итератива – хабитуальность: (2) *ОьрчIру мурхьирдайн лохълай бур* ‘Дети поднимаются на деревья’; (3) *Альпинистътал ххяллайх лохъайссар* ‘Альпинисты поднимаются по скалам’.

2. Пройти; перейти; преодолеть <кто: эрг.; что:номин.>: *зунтту лохъан* ‘пройти, преодолеть гору’; *нех лохъан* ‘перейти реку’. В данном значении участок пространства, по которому происходит движение, приобретает значение прямого объекта, который преодолевается лицом. Глагол становится переходным.

3. Выплатить, исполнить (о долге, об обязательствах по отношению к кому-л.): *бурж лохъан* ‘выплатить долг’; *хъамал лохъан* ‘достойно принять гостей’ и др., в том числе и устойчивые сочетания типа: *кьини лохъан* ‘преодолеть трудности (требующих хлопот радостных или печальных событиях)’; *муьцIал лохъан* ‘отметить сороковины’; *чIун лохъан* ‘препроводить время’ и под. Перенос значения произошел по семе «преодоление», при этом имена с пространственным значением заменяются именами событий.

4. Перейти, заразиться (о болезнях) <кто: супер-латив; что: номин.>: *азар лахъан* ‘заразиться болезнью’; (4) *Ттуйн шяра лархъун дур* ‘Я заразился насморком’. Данное значение является непереходным и непосредственно связано с исходным значением, в синтаксической модели которого семантические роли получают другое падежное оформление: субъект состояния, пациент (результат воздействия) оформлен супер-лативом, а агент (причина состояния) принимает форму номинатива, выражая синтаксическое отношение подлежащего.

5. Повесить <кто: эрг; что: ном.; на чём: суперэссив>: *мюрай лахъан* ‘повесит на гвоздь’; *члирай сурат лахъан* ‘повесить картину на стену’. В данном производном значении происходит увеличение актантов, глагол становится переходным: результатом перемещения объекта становится его позиция на вертикальной поверхности или выше земли без опоры на поверхность земли (что в русском языке соответствует значению ‘висеть’).

6. Поднять: *дарваг мукъав лахъан* ‘поднять мешок на загривок’ – это значение, на наш взгляд, не отличается существенно от предыдущего значения, репрезентантом чаще является сложно-составной глагол **лахъан бан** ‘поднять что-л. на что-л.’: *машиналийн буза лахъан бан* ‘поднять вещи на машину’ (<кто: эрг.; что: ном; на что: супер-латив >).

Только сложносоставной глагол **лахъан бан** может иметь значение ‘списать, скопировать’, представленное в словарной статье как 7 значение глагола **лахъан**: *сочинение лахъан дан* ‘списать сочинение’, в котором можно отметить метафорический перенос по семе «переход» – перенос содержания без изменения на другой носитель.

У глагола **лахъан**¹ может быть отмечено и переносное значение ‘выситься’, непосредственно связанное с зафиксированным в словаре прямым (1) значением, например, *хъунишвирийн лахъан* ‘подняться на высокую должность’; *директоршивирийн лахъан* ‘подняться на должность директора’ и под.

Значение **лахъан**³ ‘вздуться, увеличиться в объёме’, представленное примерами *иникIма лахъан* ‘подняться (о тесте)’, *лякъа лахъан* ‘вздуться (о животе)’, может рассматриваться как случай полисемии, а не омонимии (по семе «подняться»).

В значении **лахъан**³ ‘зажечься, зажечь’ связь с **лахъан**¹ более отдалённая, метафорическая (пламя, свет как бы устремляется вверх), при этом для лакского языка не существенно, происходит это событие способом «зажечься, зажечь» или способом «включить»: *газ лахъан* ‘зажечь, включить газ’, *пач лахъан* ‘затопить печку’; *чани лахъан* ‘включить свет’. Наличие «собственного» антонима **лещан** ‘погаснуть, погасить’ является аргументом в пользу интерпретации этих лексем как омонимов.

Глагол **бучлан** (*бувчлун*)

Противоположное глаголу **лахъан**¹ направление движения обозначает глагол **бучлан** ‘спуститься’, которое реализуется в модели <кто: ном.; с чего/откуда: супер-элатив/ супер-транслатив>: *мурхъирая бучлан* ‘спуститься с дерева’; *чурттурдайх бучлан* ‘спуститься по лестнице’. Сочетание **ялтту бучлан** с наречием-последелогом *ялтту* ‘сверху, через’ глагол приобретает значения 1) ‘перелезть’, 2) простить: *чапарданул ялтту учлан* ‘перелезть через забор’; *бунагьирттал ялтту учлан* ‘простить грехи’.

В сочетании с вспомогательным глаголом **бан** образуется составной переходный глагол *бучлан бан* ‘спустить’: *хъарая ттупанг бучлан бан* ‘спустить ружьё с плеча’. В сочетании со словами, обозначающими водные объекты (река, море, пруд и под.), а также с инфинитивом *гьузун* ‘плавать’, глагол имеет значение ‘искупаться’: *неххавун бучлан* ‘искупаться в реке (букв. спуститься в реку)’; *щиनावун бучлан* ‘искупаться, помыться’; *гьузун бучлан* ‘искупаться (поплавать)’ и др.

2.5.8. Глагол **багъан** ‘упасть’

Глагол **багъан** (*агъан, дагъан*) в своём основном значении называет событие, которое не контролируется его участником и результатом которого является соприкосновение свободно падающего предмета с землёй.

1. Упасть; свалиться; сорваться; выпасть, обрушиться <кто/что: ном.; откуда: супер-элатив/ супер-транслатив/латив>: *ччан бахчуну, агъан* ‘споткнувшись, упасть’; *чаяту агъан* ‘упасть с лошади’; *муруллийх агъан* ‘сорваться в пропасть’; *магъи дагъан* ‘обрушиться (о крыше)’.

В сочетании с наречиями-послелогоми *ялун* ‘наверх’, *лув* ‘под’ меняются оттенки значений:

1) быть придавленным: *ххяли ялун дагьну, тта бивк1уну бур* ‘обломком скалы придавило овцу’;

2) выпасть в осадок: *щин лирц1уну, ххюл лув багьну бур* ‘вода отстоялась, песок выпал в осадок’ и др.

2. Появиться, случиться – о некоторых событиях и состояниях: *ккаши багьан* ‘случиться’ – о голоде; *хъац1 багьан* ‘напасть’ – о саранче; *питна багьан* ‘случиться’ – о раздоре; *тамах1 багьан* ‘появиться’ – об аппетите и под.

3. Полагаться, причитаться (*при разделе, при уплате*) <кто: датив; что: ном.; от кого/чего: супер-элатив >: *душинин хъуслия бут1а багьайссар* ‘дочери от имущества полагается доля’; *вин ттуя 10 къуруш дагьлай дур* ‘тебе с меня причитается 10 рублей’.

4. Выпасть; достаться (о необходимости) <кто: датив; что номин.>: *шыравун ххуллу багьунни* ‘выпала необходимость поехать в село’.

5. Быть необходимым (в значении модального глагола) <кто: датив>: *Танан ххуллияту занаик1ан багьну бур* ‘Ему пришлось вернуться с дороги’.

Некоторые значения являются конструктивно обусловленными:

6. Напуститься на кого-л. с упрёками, с обвинениями <кто: ном; на кого: пост-латив >: *аьйгу цайра хьуну, дяъвай ттухун агьунни* ‘сам виноват, а напустился с упрёками на меня’.

7. Заняться чем-л.; увлечься чем-л.; пристраститься к чему-л. <кто: ном., чем: пост-латив>: *дуккаврихун агьан* ‘увлечься учёбой’, *х1анттихун агьан* ‘пристраститься к спиртному’.

В сочетании с послелогоми-наречиями образуются лексикализованные сочетания, близкие к составным глаголам: *хъириг багьан* ‘погнаться’; *хъхъич1ун багьан* ‘заслонить’; *махъун багьан* ‘отстать’ и др. Отмечены многочисленные фразеологические единства и сращения: *бак1райн багьан* (на голову упасть) ‘попасться, встретиться’, *дак1нин багьан* (на сердце упасть) ‘вспомнить’, *канихун багьан* (за руку упасть) ‘оказаться в беспомощном состоянии’, *шанийн багьан* ‘оказаться прикованным к постели’, *ттурч1ардийн багьан* (упасть на кости) ‘истощиться’ и др.

2.5.9. Глаголы *бутан* ‘сбросить’ – *бичин* (мн.ч.)

Глагол *бутан* (*утан*, *дутан*) соотносится с глаголом *багъан*, образуя соотносительную пару по признаку «непереходность/переходность»:

1. Сбросить, бросить; кинуть; свалить; срубить<кто: эрг.; что: ном.>: *муруллийх бутан* ‘сбросить с обрыва’; *мурхъ бутан* ‘свалить, срубить дерево’; *ккарччи рутан* ‘выдернуть зуб’; *ккаччин ттаркI рутан* ‘бросить собаке кость’; *мя рутан* ‘накинуть крючок (на дверь)’.

Приведённые в словаре примеры трудно подвести к одному общему значению. В этой группе употреблений основным, на наш взгляд, следует считать значение «ликвидация объекта», представленное в сочетаниях *муруллийх бутан*, *мурхъ бутан*, *ккарччи дутан* и др. В том числе и те употребления, которые представлены в 3-ем значении (см. ниже).

В зависимости от семантики прямого объекта словосочетания имеют и иные оттенки, сближающие их с другими семантическими разрядами глагола. Например, в сочетании *ккаччин ттаркI рутан* ‘бросить собаке кость’ целью действия является не воздействие на прямой объект, а действие в пользу косвенного объекта в форме дативе (*ккаччин* ‘собаке’ – роль бенефактива), глагол при этом может быть заменён основным глаголом с этим значением *дулун* ‘дать’: *ккаччин ттаркI дулун* ‘дать собаке кость’. Сочетание *мя рутан* (закрывать дверь на крючок) представляет собой несвободное словосочетание: *нузай мя рутан* ‘запереть дверь на крючок’. Ср.: *нузай кьункьула дишин* (букв. замок положить) ‘запереть дверь на замок’. С глаголом *бутан* достаточно несвободных сочетаний, построенных по разным моделям:

1) с зависимым словом в номинативе: *ттиликI рутан* (букв. спину бросить) ‘повернуться спиной’, *ябакI бутан* ‘нахмуриться’ (сращение: *я* ‘глаз’, *бакI* ‘голова’), *нал рутан* ‘погадать (на картах, камушках)’;

2) с зависимым словом в супер-лативе: *бакIрайн бутан* ‘направить, помочь найти’ (букв. на голову кинуть); *никирттайн утан* ‘поставить на колени’;

3) с зависимым наречием-последелогом: *лув утан* ‘свалить под себя (при драке, борьбе’; *махъун утан* ‘позади оставить’ и др.

2. Расположить, накрыть, набросить, перекинуть: *ссупра бутан* ‘постелить скатерть’; *лачак рутан* ‘надеть платок’; *хъарайх ттупанг бутан* ‘пе-

рекинуть ружьё через плечо'; *шану бутан* 'постелить матрац'. В сочетании с наречиями-последлогами *ялун* 'на, наверх' и *лув* 'под, вниз' глагол приобретает значения 'накинуть, накрыться' и 'подстелить' соответственно: *виргъан ялун рутан* 'накрыться одеялом', *лув хъа рутан* 'подстелить палас'.

3. Свалить; убить *каким-л.* способом: *рищуну утан* 'свалить ударом'; *бивтун утан* 'застрелить' – данное значение возникло в результате метонимического переноса (приведение в лежащее положение → лишение жизни).

К глаголу *бутан* приведены и омонимы: **бутан**² (разг.) 'выпить', и **бутан**³ (*дутан*) 'растолочь; мелко нарубить': *лаччи бутан* 'растолочь чеснок', *дик1 дутан* 'нарубить мяса'.

Глагол *бичин* 'насыпать'

Он представляет один из тех редких случаев, когда единственное и множественное числа глагола представлены супплетивно, разными корнями. К ним относятся глаголы *ивч1ан* (ед.) 'умереть /убить' – *лит1ун* (мн.) и *бутан* (ед.) 'бросить' – *бичин* (мн.).

Глагол *бичин* 'ссыпать, насыпать' сочетается и с существительными во мн. числе (*ч1анкъатлувун бартбисуртту бичин* 'постелить на пол ковры'), и с существительными собирательными, обозначающими сыпучие предметы: *дарвагравун къама бичин* 'насыпать зерно в мешок'; *накълийн ц1у бичин* 'насыпать в суп соли (посолить суп)'.

Данный глагол имеет и другие значения, помимо всех значений, которые отмечены у глагола *багъан*. Рассмотрим их.

1. Насыпать, засыпать 'посолить мясо' <кто: эрг.; что: номин.; куда: ин-локатив >: *сувун уник1ма дичин* 'насыпать в ларь муки'. Этой модели соответствуют и сочетания *пара бичин* 'вывезти навоз (в поле)', *марххала бичин* 'сбросить снег с крыши' и под.

2. Посыпать *чем-л.*: <кто: эрг.; что: номин.; куда: супер-локатив >: *дик1уйн ц1у бичин* 'посолить мясо'.

Значения **3** и **4** являются общими с глаголом *бутан* (см. **1** и **2**) – мн. ч.

5. Задать корм (скоту) <кто: эрг.; кому: датив: что: номин.>: *оьлин хху-лув бичин* 'задать корове сена (корове сена насыпать)'. Это же значение мы

отмечаем и в сочетании *ккаччин ттарк1 рутан* (мн. *ттарк1ру дичин*) ‘бросить кость собаке’.

6. Сбрить волосы с лица, с головы (о мужчинах): *ч1ири бичин* ‘сбрить бороду’, *бак1 бичин* ‘сбрить голову’.

7. Покрыться чем-л. (о сыпи), заболеть (обычно кожными заболеваниями) <кто: супер-транслатив; что: номин. >: *танайх ччуччи бивчуну бур* ‘он заболел чесоткой’ – глагольно-именное сочетание образует конструкцию, обозначая состояние субъекта, выраженного местным падежом – супер-транслативом. Однако данная конструкция не нашла определения по субъекту.

Глагол *бичин* в качестве вспомогательного компонента употребляется в составных глаголах: *ят1ул бичин* ‘покраснеть (от стыда, от смущения)’, *к1ири бичин* 1) перегреться; 2) горячиться. Отмечены также фразеологически связанные (лексикализованные) сочетания с ним: *т1ут1айх бичин* ‘покрыться цветами, расцвести’; *пурк1у бичин* ‘напустить дыма; воскурить дым’; *кьянкь дичин* ‘распространить запах’; *къавт1и бичин* ‘разжечь костёр’, *к1ут бичин* ‘поставить зерно на солод’ и под.

2.5.10. Глагол *бизан* ‘подняться, встать’

В группе глаголов движения *бизан* обозначает не перемещение в пространстве, преодоление пространства, а изменение позиции, переход предмета из расположения по горизонтали в позицию по вертикали, при этом происходит сокращение площади опоры. В семантическую группу глаголов позиции – перехода в ту или иную позицию входят одновалентные непереходные агентивные глаголы *бизан* ‘встать’, *щябик1ан* ‘сесть’, *уттубишин* ‘лечь’ и двухвалентные переходные глаголы *бишин* ‘положить’, *лахъан* ‘повесить’ (*мюрай ллахъан* ‘повесить на гвоздь’, *дик1 кьякьян ллахъан* ‘мясо повесить сушить’), *бутан /бичин* ‘кинуть’ (*хъа кьякьян рутан* ‘повесить сушить палас’, *янна кьякьян дичин* ‘повесить сушить бельё’). При этом состояние обозначается аналитической формой – сочетанием перфектного деепричастия со спрягаемой связкой *бур* ‘есть’:

(1) *Къужа ккурч1ав щяивк1ун* ‘Старик сидит на годекане’;

(2) *Оьрч1ру уттубивхъуну бур* ‘Дети лежат’;

(3) *Сурат чIирай лархъун дур* ‘Картина висит на стене (повешено)’. Значение «встать» по отношению к лицу (или животному) передаётся также сочетанием *лавай бизан* ‘вверх встать’, *бацIан* ‘встать’: (4) *Изу лавай!* ‘Вставай!’, (5) *Нузах ца оьрчI авцIуну ур* ‘За дверью стоит (какой-то) мальчик’.

Глагол **бизан**, как и другие глаголы движения, является многозначным. Отмечаются следующие значения:

1. Встать; подняться; устремиться вверх <кто: ном.; откуда: суперэлатив> / <что: ном.>: *шания бизан* ‘подняться с постели’; *лах бивзунни* ‘пыль поднялась’; *зунттуха баргъ бивзунни* ‘из-за горы поднялось солнце’.

2. Переехать, переселиться < кто: ном.; откуда: элатив; куда: латив>: *цамур шагърулийн бизан* ‘переехать в другой город’; *шырава шагърулийн бизан* ‘из села переехать в город’. Вероятно, в этом значении на первый план выходит сема позиции, которой завершается передвижение.

3. Оторваться, отстать, отпасть <что: ном.; откуда: элатив>: *чIирая чагъар бивзунни* ‘бумага отклеилась от стены’; *кьил дирзунни* ‘струп отпал’. В данном случае частичная или полная потеря контакта между предметом и опорной поверхностью лежит в основе метонимического переноса значения.

4. Воспалиться (о пальце, груди при мастите): *ттул клисса бивзун бур* ‘у меня воспалился палец’ – в таких сочетаниях, ограниченных несколькими словами, значение глагола десемантизировано. В этой конструкции обозначено болезненное состояние субъекта, выраженного генитивом.

Данный глагол имеет и переходные значения, соответствующие модели <кто: эрг.; что: ном.>:

5. Поставить что-л. начать какое-л. дело: *клункIур бизан* ‘поставить кастрюлю (на огонь)’; *зини бизан* поставить сусло для браги; *хIаби бизан* ‘посадить тополь’; *гъану бизан* 1) ‘заложить фундамент, основу’; 2) *перен.* ‘быть зачинателем’; *къатIа бизан* 1) ‘поставить, зарядить капкан’; 2) *перен.* ‘устроить провокацию кому-л.’; *банкарду бизан мед.* ‘поставить банки’; *мачI ди-зан* ‘поставить латку, залатать’.

6. Опереться на что-л., надавить на что-л.: *ччан бизан* ‘поставить ногу’; *клисса бизан* ‘надавить пальцем’.

В переходных значениях глагол ограничен сочетающимися с ним именами и выполняет функцию полужнаменательного глагола – «партнёра» выбирает не глагол, а имя и его пространственную позицию.

7. Показаться, представиться воображению – глагол выступает в качестве вспомогательного компонента при образовании сложносоставных глаголов: *ххуй бизан* ‘понравиться’; *чан бизан* ‘показаться малочисленным’.

Глагол **бизан** функционирует и в составе фразеологически связанных сочетаний: *вирин бизан* ‘омолодиться’, *дарс дизан* ‘почудиться’, *сси бизан* ‘разгневаться’; *къавтIун бизан* ‘станцевать’, *аьщун бизан* ‘расстрелять’ (букв. поставить как мишень) и др.

От непереходных значений переходные глаголы образуются стандартно, при помощи каузативной связки **бан** ‘сделать’: *бизан бан* (к 1, 2, 3 значениям): *шания бизан бан* ‘поднять с постели’; *цIусса къатравун бизан бан* ‘переселить в новый дом; *лах бизан бан* ‘поднять пыль’.

2.5.11. Глаголы **бачин** ‘пойти’ – **бацIан** ‘остановиться’

Данные глаголы противопоставлены по признаку начала и конца движения и характеризуются полисемией.

Глагол **бачин** (**ачин**, **дачин**) ‘пойти’ имеет следующие значения:

1. Идти, направляться, отправиться <кто: ном.>: *даврийн бачин* ‘отправиться на работу’. См. фразовые примеры: (1) *ОьрчIру школалийн бавчунни* ‘Дети направились в школу’; (2) *Интту хIалттухъантал шаппай бачайва* ‘Весной отходники направлялись домой’. Глагол сопровождается зависимыми словами, обозначающими направление или цель движения.

2. Течь, литься, идти: (3) *Танал майрава оьтту бавчунни* ‘У него из носу пошла кровь’.

Переходные глаголы образуются при помощи вспомогательного глагола **бан** ‘сделать’: (4) *Интту ятту зунттув бачин бувунни* ‘Весной отары овец повели в горы’; (5) *Танал ририуну, оьрчIал майрава оьтту бачин бувунни* ‘Ударив, он заставил течь кровь из носа мальчика’.

3. Намереваться, начать – данное модально-фазовое значение приобретает глагол в сочетании с инфинитивом или деепричастием смыслового глагола, например, *бусан авчунни* ‘собрался рассказать’; *буслий авчунни* ‘начал рассказывать’.

4. Служит для образования гортатива (1 л. императива) в сочетании с основным глаголом в форме будущего времени с клитикой **-ча**: *бачи, театрданувун гъаннуча* ‘давайте пойдём в театр’; *ачу, шахматирттай букканнуча* ‘давай сыграем в шахматы’.

В последних случаях глагол подвергается частичной или полной грамматикализации.

Глагол *бацлан* (*ацлан*, *дацлан*) ‘остановиться’

Данный глагол обозначает конец движения, который может быть связан с достижением цели или промежуточного результата. От предыдущего глагола **бачин** ‘пойти’ отличается развитой полисемией. В словаре зафиксированы следующие значения.

1. Остановиться, стать, перестать двигаться <кто/что: ном. >: **уний ацлу!** ‘остановись на месте’; *ччаннай ацлан* ‘стать на ноги’; *машина бавцлунни* ‘машина остановилась’.

Соотносительный переходный глагол – **бацлан бан** <кто: эрг.; что: ном. >: *дучри бацлан бан* ‘остановить лошадей’.

2. Перестать работать: *ссят дарцлунни* ‘часы остановились’.

3. Встать, стать в вертикальное положение: *кьюкълуву ацлан* ‘встать в строй’; *ивзун ацлан* ‘встать на ноги’.

4. Остановиться, поселиться, расположиться у кого-л.: *хъамал жунний бавцлунни* ‘гости остановились у нас’.

5. Задержаться на чём-л., рассмотреть, заострить внимание <кто: ном.; на чём: суперэссив >: *райондалийн газ буцаврил масъалалий бацлан* ‘остановиться на проблеме газификации района’.

6. Исполниться (о пожеланиях), лексическая самостоятельность глагола ослаблена, сочетаемость ограничена: *зай бацлан* – исполниться о зложеланиях: *танил зай бацлайссар* ‘её проклятие исполняется’.

7. В сочетании с инфинитивом основного глагола выражает особый залог – **позволить кому-л. совершить по отношению к себе какое-л. недоб-**

рожелательное действие: *аттан ацлан* ‘дать (себя) избить’. В этой позиции *бацлан* конкурирует с глаголом *биклан* в значении ‘допустить’

8. В форме императива выполняет функцию **предупредительной частицы**: *ацлу, буттал банссар вицлухсса* ‘погоди, отец сделает тебе (накажет тебя)’.

Глагол **бацлан** входит в состав и фразеологических сочетаний, например: *вил бавцлуну бур* ‘тебе везёт, удача тебе сопутствует’; *давран бацлан* ‘разбогатеть’; *кьини дацлан* ‘стать богатым и знатным’; *мукъуй ацлан* ‘стоять на (своём) слове’; *ччаннай ацлан* ‘стать на ноги, стать самостоятельным’ и др.

Анализ вопроса многозначности глаголов движения показывает, что в них развита семантическая деривация. В отдельных случаях значения глаголов значительно расходятся, что позволяет считать такие единицы омонимами. В отличие от диффузных глаголов, при семантической деривации и образовании омонимов меняются не только синтаксические отношения (субъект → прямой объект), как в глаголах типа *ивчлан* ‘умереть/ убить’, но и семантика актантов, что изменяет семантику лексемы: *лахъан* ‘подняться’ – *нех лохъан* ‘перейти реку’ (полисемия), *лампа лохъан* ‘зажечь лампу’ (омонимия).

Многие из глаголов движения, десемантизируясь, участвуют в образовании составных глаголов и глагольных фразем, например, *някI лаган* ‘посинеть’, *пикрирдавуи гъан* ‘погрузиться в думы’; *лахъи буккан* ‘удлиниться’, *дакI дуккан* ‘разочароваться’.

Выводы по 2-й главе

Базовые непроеизводные глаголы чётко противопоставлены производным глаголам, которые в основной массе являются аналитическими. Разные по семантике и происхождению основы «вербализуются» при помощи ограниченного количества глаголов с общим значением, которые одновременно выполняют как словообразовательную, так и словоизменительную функции, являясь формообразующей частью конструкции. В роли таких формантов выступают глаголы *б-ик1ан* ‘быть’, *хьун* ‘стать’, *б-ан* ‘сделать’ и *учин/т1ун* ‘сказать/говорить’. Реже в словообразовательной функции могут выступать и глаголы *лаган* ‘уйти’ и *б-уккан* ‘выйти’ (*утта уккан* ‘воскреснуть’).

Наряду с аналитическим словообразованием, в лакском языке значительное место занимает и семантическая деривация – полисемия, которая связана со способностью глагола сочетаться с новыми актантами, меняя тем самым свои валентностные качества.

Внутри базовых (первообразных, первичных, непроеизводных) глаголов существуют противопоставления лексем по одной дифференциальной семе, позволяющей использовать глагол для образования аналитических конструкций, противопоставленных по данной семе. Глагол *нан* в лакском языке используется для образования дуративных коррелятов мгновенных глаголов, компонентами которых являются перфектные деепричастия смыслового глагола в сочетании со спрягаемым компонентом *нан*.

В лакском языке очень мало базовых глаголов, противопоставленных по признаку непереходность /переходность. В качестве вспомогательных глаголов, они могут участвовать в образовании производных, сложных и составных глаголов, парных по непереходности-переходности. Одной из особенностей дагестанских языков, отмеченной исследователями, является наличие в них диффузных (лабильных) глаголов, способных употребляться и как непереходные, и как переходные. Ядерный компонент (пациенс) в непереходном употреблении кодируется номинативом, в переходном значении

глагол становится двухвалентным – второй ядерный компонент (агенс) кодируется эргативом. При диффузных глаголах в роли ядерного актанта может быть и не личный субъект, а название стихийных сил или других событий в эргативном падеже (формант -л), который фактически обозначает причину или орудие действия. При личном эргативе конструкция трансформируется в биноминотивную конструкцию с глаголом в дуративе, а при наличии неличного эргатива такой трансформации не происходит.

По валентности глаголов и актантной структуре обозначаемых ими ситуаций выделены следующие семантико-синтаксические разряды глаголов: 1) семантические разряды одноактантных (одноместных) глаголов; 2) семантические разряды (двухместных) глаголов; 3) семантические разряды глаголов с тремя и более актантами.

Среди одноактантных глаголов выделяются подгруппы слов, обозначающих состояние, процесс и действие. Общее значение состояния (в том числе и существования) передаётся глаголом *биклан* ‘быть’. Одноактантные глаголы являются непереходными и образуют предложения номинативной структуры.

Среди двухактантных, или двухместных, глаголов по семантической роли активного актанта можно выделить две группы: **агентивные** и **экспериенциальные** глаголы. Агентивные двухактантные глаголы перфектного вида обозначают активное действие субъекта. В роли агенса выступает, как правило, лицо, в роли пациенса – предмет, который производится, добывается, обрабатывается.

Среди многоместных глаголов выделяются следующие семантико-синтаксические группы: 1) глаголы обладания (бенефактивные и малефактивные глаголы); 2) глаголы поверхностного воздействия; 3) глаголы звукопроизводства и речи.

В глаголах движения находят воплощение общие для глаголов лакского языка категории: морфолого-синтаксическая категория грамматического класса, категория вида и семантико-синтаксическая категория переходности-

непереходности. Не все глагольные лексемы и глагольные формы имеют в своём составе КП.

В лакском языке значительное место в глагольном словообразовании (в способах номинации в сфере глагольной лексики) занимают такие сочетания, цельные семантически, но не обладающие другими свойствами слова (цельноофомленностью, непроницаемостью и т.д.). Многие из таких образований являются семантически непереходными, но переходными синтаксически. Они и образуют «квазиэргативные» конструкции.

В целом, семантическая группа глаголов движения относится к непереходным глаголам. Коррелятивных пар, отличающихся только признаком переходности-непереходности, среди глаголов мало. От всех непереходных глаголов движения образуются переходные при помощи вспомогательного глагола *бан* (*буван*) ‘сделать’. Переходность-непереходность связана и с наличием диффузных (лабильных) глаголов, и семантической деривацией, при которой непереходный глагол может приобрести и переходное значение, и с разграничением многозначности и омонимии.

Глаголам движения в значительной степени свойственна семантическая деривация, при которой актуализируется та или иная сема и в глагольной конструкции обязательным становится актант, соответствующий актуализируемой семе. Рассмотрим это явление на примере центрального глагола этой группы – лексемы **нан** ‘идти’.

ГЛАВА 3. КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА И КОДИРОВАНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ АКТАНТОВ

3.1. Категория падежа и падежная система в лакском языке: общая характеристика

Обобщая исследования последних десятилетий и определяя синтаксические отношения, Е.А.Кибрик отмечает, что именные группы, обозначающие субъекты наиболее элементарных предложений, соотносятся со значениями различных семантических измерений:

- 1) *ролевым*, отражающим ролевые характеристики участников ситуации;
- 2) *дискурсивным*, отражающим способ оптимальной упаковки передаваемой информации с учётом активированных знаний адресата;
- 3) *онтологическим*, классифицирующим сущностные свойства референтов;
- 4) *дейктическим*, соотносящим участников события со степенью их близости к речевому акту;
- 5) *референтным*, способствующим правильному отождествлению в поле зрения адресата референтов, обозначаемых именными группами.

При этом субъекту и прямому объекту «невозможно однозначно приписать ни одно из конкретных значений в указанных измерениях. В каждом конкретном предложении они реализуют специфическую комбинацию элементарных значений» [Кибрик 2003: 110]. Далее он отмечает, что «синтаксические отношения упорядочивают именные группы в предложении по рангам в соответствии с их суммарной и коммуникативной значимостью в актуальном высказывании» [Там же]. Первый ранг имеет субъект, затем прямой объект, далее не прямой объект и косвенные объекты.

Если согласиться с тем, что падеж является наиболее известной морфологической категорией, специально предназначенной для кодирования синтаксических отношений, то мы сталкиваемся с тем, что одна и та же семантико-синтаксическая составляющая (будь то в традиционных терминах субъект / прямой объект / косвенный объект) или с учётом их ролевой семантики

(агенс, пациенс, экспериенцер и т.д.) кодируется разными падежами, а один и тоже падеж может кодировать актанты с разными семантическим ролями. С этим, вероятно, связаны трудности с определением синтаксических отношений (членов предложения) в дагестанских языках. Убедительным примером в этой области является наличие биноминативной конструкции в лакском языке и другие аномалии падежного кодирования. Например, субъект кодируется и номинативом (*Ппу увкIунни* 'Отец пришёл'), и эргативом (*Буттал къатри ларсунни* 'Отец купил дом'), и генитивом (*Ттул буттал кIива чу буссар* 'У моего есть две лошади') и другими падежами в зависимости от семантики глагола. Прямой объект (пациенс) кодируется не только номинативом (*Ниттил душ ххира бувунни* 'Мать приласкала дочь'), но и местными падежами (*Ниттил душнийн ппай увкунни* 'Мать поцеловала дочь'). Такие отклонения связаны не только с семантикой, но и со структурными особенностями предиката. Хотя и в других языках наблюдаются несоответствия в способах выражения синтаксических отношений, но в определении членов предложения главную роль играет формальный признак, например, в русском языке функцию прямого дополнения выполняет только имя в винительном падеже (с этим связаны и залоговые трансформации).

В связи с тем, что лакский язык, как и другие дагестанские языки, относится к семантически ориентированным языкам, то в определении синтаксических отношений (подлежащего прямого и косвенного дополнения, других именных членов предложения) важную роль играет падежный синтаксис, поэтому в синтаксическом описании важная роль принадлежит категории падежа.

Исследователи издавна обращали внимание на наличие в дагестанских языках множества падежей: в некоторых языках их более сорока форм, определяемых как падежи, а в лакском языке - около 50 производных форм, квалифицируемых в литературе как падежные.

Как известно, П.К. Услар выделял две группы падежей – основные и местные. К основным он отнес 12 падежных форм, обозначающих отвлечённые отношения между предметами, остальные формы, то есть большую их

часть он отнес к местным падежам, служащим «для означения материальных отношений их в пространстве» [Услар 1890: 29]. При этом он подчеркивал, что «и местные падежи служат для обозначения множества отвлечённых отношений, но <...> местная основа их ясно видна» [Услар 1890: 36]. Такое же деление в целом сохранено и у других исследователей, разница в основном касается терминологии и количественного состава форм в этих двух группах (А.Дирр, К.Боуда, Л.И.Жирков, Г.Б.Муркелинский и др.).

На современном этапе значительный вклад в изучение дагестанских языков внесли труды Е.А. Кибрика и представителей школы теоретической и прикладной лингвистики. В типологических исследованиях и в работах, посвящённых описанию отдельных языков, категория падежа находит дальнейшее теоретическое осмысление, представлена её морфосинтаксическая характеристика, уточняется терминология, позволяющая компактно обозначить каждую отдельную форму этой категории. В этом плане представляют интерес и работы В.А.Плунгяна, посвящённые теории грамматики и грамматической типологии, общей морфологии, грамматической и лексической семантике, на которые мы опираемся и используем термины для падежной номенклатуры [Плунгян 2010: 161-188]. Изучению структуры и семантики падежных форм существительных в лакском языке посвящены и работы профессора Чикагского университета В.Фридмана [2011]. Между тем при выборе и уточнении номенклатуры падежей и их терминологического обозначения мы берём за основу исследования Е.А.Кибрика, не игнорируя труды и других авторов.

Как и другие исследователи дагестанских языков, Е.А.Кибрик делит падежи на две группы: грамматические и пространственные. К первой группе относятся ядерные и периферийные.

В группу ядерных падежей входят следующие:

- 1) *эргатив* (или его функциональный эквивалент);
- 2) *номинатив*, кодирующий главные актанты переходного предложения (эргативной конструкции);

3) *дaтив*, кодирующий функции бенефактива (получателя выгоды при глаголах типа ‘давать’) и экспериенцера (субъекта восприятия при глаголах типа ‘видеть’, ‘любить’);

4) *гeнитив* – для имён в атрибутивной конструкции, возглавляемой именем.

В лакском языке четыре ядерных грамматических падежа – *номинатив*, *эргатив/гeнитив* и *дaтив*. Однако Е.А. Кибрик не уточняет, по каким критериям те или иные падежи, определяемые им как грамматические, относятся к ядерным или периферийным падежам [Кибрик 2003].

К периферийным падежам в разных языках относятся *инструменталь* (в бежтинском), *комитатив* (в арчинском), как встречающиеся только в одиночных языках определены *компаратив*, *партитив*, *экватив*, *пермутатив* и некоторые другие падежи. Большинство из них существует в качестве самостоятельных форм и в лакском языке: *арснацал учлан* ‘прийти с сыном’ (*комитатив*), *арснаяр хъунасса* ‘старше сына’ (*компаратив*), *арс-уксса* ‘как сын (такого же возраста)’ (*экватив*), *арснахлу* ‘вместо сына’ (*пермутатив*). Если к ядерным относятся те падежи, которые кодируют роли субъекта или прямого объекта, то в таком качестве в лакском языке, как и в других языках, могут выступать и пространственные падежи, например, пост-эссив – в роли инструменталя (*чIиллук кьукьин* ‘порезать ножом’), суперэссив – в роли субъекта – носителя признака (*душний ай дакъар* ‘девочка не виновата’) и некоторые другие формы.

Отметим, что Е.А. Кибрик все пространственные падежи включает в категорию локализации, связанную с природой пространственной ориентации по отношению к ориентиру (ОР). В дагестанских языках выделены 11 концептов локализации, которые у других исследователей традиционно называются сериями местных падежей. В каждую из локализаций входит некоторое количество пространственных / направительных падежей. В название падежа включается название локализации и падежной формы. Направительные падежи (лативы) образуются агглютинативным способом от падежей покоя (эссивов).

Приведем локализации, отмеченные Е.А. Кибриком в лакском языке:

1) SUPER ‘на/над ОР’ (*чIирай* ‘на стене’);

- 2) SUB ‘под OP’ (*члиралу* ‘под стеной’);
- 3) POST ‘за OP’ (*члирах* ‘за стеной’);
- 4) IN ‘в OP’ (*члираву* ‘в стене’);
- 5) APUD ‘рядом с OP’ (*члирачла* ‘у/около стены’);
- 6) AD ‘вплотную, в полном контакте с OP’ (*члирацл* ‘у стены’);
- 7) POSS ‘под контролем / в обладании у одушевлённого OP’ (*Мусахь члила дур* ‘у Мусы есть нож’ [Кибрик 2003: 189]).

При рассмотрении типов локализации мы используем термины, представленные в работах Е.А. Кибрика, Р.Г. Эльдаровой, а также других лингвистов. Отметим, что в каждую серию приведенной выше классификации локализаций в лакском языке входят эссив, а также его производные – элатив, транслатив, терминатив, и аллатив, то есть 4 направительных падежа.

В падежной терминологии обозначается локализация (серия) и падеж, например, в локализацию SUPER входят: **суперэссив** (*члирай* ‘на стене’), **супер-элатив** (*члирая* ‘со стены’), **супер-транслатив** (*члирайх* ‘по стене’), **супер-терминатив** (*члирайн* ‘на стену’), **супер-аллатив** (*члирайнмай* ‘к стене /в сторону стены’).

Отдельного пояснения требует серия POSS. Она является неполной и не очевидна с точки зрения логической классификации (речь идет о формах пространственных отношений), в этой связи их некоторые исследователи относят к промежуточным падежам [Муркелинский 1971: 90]. Данную серию составляют 1) **посс-эссив** (*канихь* ‘в руке’), 2) **посс-элатив** (*канища* ‘из рук’), 3) **посс-терминатив** (*канихьхьун* ‘в руки, в распоряжение’). Здесь заметим, что в научных источниках встречаются иные номинации падежей, например, посс-эссив, П.К. Услар квалифицировал как «присваивающий» (по функции обладания), Г.Б. Муркелинский – как «притяжательный», хотя в школьной грамматике названию *бусаврил падеж* соответствует *адрессив* по функции адресата.

Кроме того, падеж с показателем –*хьхьун* П.К. Услар номинировал как «сближающий», а в других исследованиях по лакскому языку за ним закрепился термин **дательный II**, падеж с показателем –*ща* (←*-*хьхьа*) как «отделяющий».

И.Х. Абдуллаев называет его *аблативом*, а в школьной грамматике по одной из функций (употребление с модальными глаголами *бюхъан*, *хъун* ‘мочь’) он зафиксирован как *шаврил падеж* (*поссибилатив* у В. Фридмана).

Названия падежей серии POSS нами даны по общей логике обозначения, принятого в работах Е.А. Кибрика. Однако представляется, что падежам этой серии, которые в целом обозначают субъектно-объектные, а не пространственные отношения, больше соответствуют термины **адрессив** (одна из функций – кодирование семантической роли адресата), **аблатив** и **датив II**. К этой же серии примыкает и **комитатив** с формантом **-щал** (*ссайгъатирттащал учIан* ‘приехать с гостинцами’), который по форманту, но не по семантике, связан с падежами этой серии.

Большинство исследователей лакского языка выделяют 6 серий местных падежей (локализаций), а С.М. Хайдаков включает в эту систему и неполную седьмую серию (серию посс-эссива) [Хайдаков 1962: 402]. Но в лакском языке, на наш взгляд, существует ещё одна серия местных падежей, объединяющая существительные, пространственные наречия и послелог, не включенные в систему местных падежей. Эссив этой серии образован от прямой основы непосредственно или с огласовкой при помощи аффикса **-в**, который этимологически возводится к классному показателю 1-го грамматического класса: *бяр* – *бяр-рав* ‘на/в озере’, *ар* – *арив* ‘на равнине’, *къур* – *къурув* ‘в поле’, *хъу* – *хъув* ‘на пашне’. Этот падеж в работах И.Х. Абдуллаева [2010, 61–64] получает название *инессив*, а аффикс **-в** считается сокращённым вариантом **-ву** (в диалектах **-бу**). Формы с **-ву** и **-в** как разные падежи определял и К.Боуд, с которым согласен В. Фридман [Фридман 2011: 44]. Формант **-ву** не может быть возведён к **-в**, хотя иногда конечный гласный может и выпадать. Он может быть возведён к послелог-наречию *вив* ‘внутри’, и прибавляется он не к прямой основе, как **-в**, а к косвенной основе: *къатта* – *къат-лу-ву* ‘в комнате’. Следует согласиться с И.Х.Абдуллаевым в том, что формант эссива **-в** может быть возведён к классному показателю, поскольку классные формы таких слов сохраняются в диалектах: *хъув уккан* 1 кл., *хъуб буккан* 3 кл., *хъур дуккан* 2, 4 кл. ‘выйти в поле’.

Аффикс **-в**, на наш взгляд, является показателем отдельной, адвербиальной серии местных падежей, которая обозначает обычную локализацию ориентира в пространстве и может быть условно названа INTER (интер-эссив и т.д.).

См. сравнительную таблицу серии инессива и интер-эссива существительных *къатта* ‘комната’ серия (инессива) и *къур* ‘поле’ (серия интер-эссива) соответственно (скобках даны варианты, отмеченные в диалектах:

- 1) эссивы: къат-лу-ву (← къатт-лу-бу) – къур-у-**в** (къур-у-**б**, къур-у-**р**;
- 2) элативы: къат-лу-ва (← къатт-лу-б-ату) – къур-ату;
- 3) транслативы: къат-лу-бу-х (← къатт-лу-бу-х) – къур-у-х;
- 4) терминативы: къат-лу-бу-н (← къатт-лу-бу-н) – къуру-**в** (/къур-у-**в**-н);
- 5) директивы: къат-лу-бу-н-ай (← къатт-лу-бу-н-**вай**/-**бай**/-дай) – къур-у-**вай**/-**п**-пай /-**р**-дай (← къур-у-**в**-**вай**/-**б**-бай).

В литературном языке эссив и терминатив серии интер-эссива не различаются, показатель терминатива **-н** выпадает. Эти две серии в современном лакском языке различаются и по характеру образования, как указывалось выше: в субстантивных падежах в роли интерфикса выступает аффикс **-лу-** (в других именах – другие интерфиксы), а падежи серии интер-эссива образуются от прямых основ с огласовкой /у/ или /а/ с целью устранения стечения согласных, как и формы пространственных наречий и послелогов, ср.: *бяр-ни-л ккарк* (генитив) ‘берег озера’, *бярничIа* (адессив) ‘у озера’, *бярних* ‘за озером’ (пост-эссив), но: *бяр-а-в* (интер-эссив / интер-директив) ‘в/на озере; на озеро’. Серия INTER является общей для некоторых существительных с пространственным значением, наречий и послелогов. Так образуются падежные формы и большинства названий топонимов, напр.: *Куми* – *Кумав*, *Кумату*, *Кумах*; *Хьур* – *Хьури*, *Хьурия(ту)*, *Хьурих* и т. д.

Следовательно, можно констатировать наличие в лакском языке и 8-ой серии пространственных падежей, которая объединяет слова разных частей речи (существительных, наречий, послелогов) в одну морфологическую категорию с обобщённым значением локализации и общими формально-грамматическими признаками. Этот вопрос в другом ракурсе поставлен и

в работах Е.А. Кибрика, в частности отметим, что ставится проблема разграничения словообразования и словоизменения [Кибрик 2003: 233]. Полагаем, что важнее не то, к какой части речи относится слово или форма, а каким членом предложения является. Двойная номенклатура частей речи и членов предложения не для всех языков является релевантной, на что в своё время обращал внимание и И.И. Мещанинов [1945], работы которого не потеряли своей актуальности и в современном языкознании.

Ядерные падежи

К ядерным падежам, кодирующим главных участников ситуации, которые традиционно называются субъектом и прямым объектом, относятся *номинатив*, *эргатив*, *датель I* и *генитив*. В число ядерных падежей может быть включён и *посс-элатив* (*аблатив*, *поссибилатив*), который выступает в роли субъекта при модальных глаголах *бюхъан* / *хъун* ‘мочь’.

Номинатив

Номинатив (в другой терминологии – абсолютив) выступает в роли субъекта (подлежащего) в следующих конструкциях:

1. В предложениях с *непереходными глаголами*, обозначающими действия с активным субъектом или события. Примеры:

(1) *Нину дуркIунни* ‘Мать пришла’

(1¹) *Душ багъунни* ‘Девочка упала’.

2. В предложениях с *переходными глаголами*:

а) если субъект выражен личными местоимениями 1-го или 2-го лица;

б) при одушевлённом субъекте, если глагол обозначает процесс (дуративный вид).

При этом образуются биноминативные конструкции, в которых оба ядерных члена выражены номинативом, например:

(2¹) *На дарс лахъхъав* ‘Я урок выучил’; *Ина дарс лархъхъунни* ‘Ты урок выучил’

(2²) *Нину чагъар чичлай дур* ‘Мать пишет письмо’.

В роли прямого объекта (прямого дополнения) номинатив выступает в конструкциях а) посессивной (3); б) пассивной (4), например:

(3) *БуцIил ятту къабикIайссар* ‘У волка овец не бывает’ (посл.)

(4) *Хъуру ларкъуну дур* ‘Поля убраны’.

Пример (4) опровергает положение о том, в дагестанских языках нет пассивных конструкций. Пассивизация проходит по-другому: сокращается субъект переходного глагола, а активная форма глагола заменяется пассивной аналитической формой, состоящей из перфектного причастия и глагола-связки. Ср.: *Хъуру ларкъун* ‘Колхозники убрали поля’ – *Хъуру ларкъуну дур*.

Вариантом посессивной конструкции может быть признана и конструкция, обозначающая состояние субъекта. В таких конструкциях носитель состояния обозначен генитивом, а место сосредоточения ощущений – номинативом, например: (4¹) *Ттул ляхъа цIий дур* ‘У меня живот болит’.

Эргатив

Данным термином обозначается падеж активного субъекта в конструкциях с переходными глаголами. Считается, что в лакском языке эргатив совмещён с генитивом, поскольку у них показателем падежа является один и тот же аффикс -л. Однако можно предположить, что этимологически генитив отличается от эргатива. В генитиве аффикс -л является исконным, что подтверждается и данными родственных языков: *вас* ‘сын’ – *васасул* (авар.), *халкъ* ‘народ’ – *халкъ-ла* (дарг.). В лакском языке фонема <л>, как отмечают исследователи, встречается и как рефлекс звонкой латеральной аффрикаты *длъ*. Е.А Бокарёв [1961: 75] приводит примеры таких соответствий: ‘дать’: *къезе* (авар.), *дулун* (лак.), *лугес* (дарг.), *лъус* (арч.); ‘под’ (показатель местного падежа): *ганчIикъ* ‘под камнем’ (авар.), *чарилу* (лак.). Эти данные позволяют предположить, что в функции эргатива мог использоваться один из падежей, возможно, эссив серии субэссива.

Показатель генитива – исконный <л> совпал с рефлексом одного из латеральных согласных прадагестанского языка в аффиксе -лу, в котором со временем выпал конечный гласный, и два разных падежа стали омонимами. Поэтому есть основания постулировать в лакском языке наличие самостоятельного (не совмещённого) эргатива, омонимичного генитиву.

Субъектное (агентивное) значение данный падеж имеет при переходных глаголах перфектного и итеративного вида, при этом субъект выражается личными или одушевлёнными существительными и неличными местоимениями. С неодушевлёнными существительными в роли субъекта значение эргатива обнаруживает близость к *инструменталю* (*канил дугъан* ‘в руке (букв. рукой) держать’) или *каузалю* (*ккашил ивчІан* ‘умереть от голода’).

Наибольшее внимание в исследованиях по дагестанским языкам уделяется эргативной конструкции предложения, которая послужила главным отличительным признаком языков эргативного строя.

Датив I в качестве ядерного падежа кодирует субъект при предикатах восприятия, мысли, эмоционального отношения (типа ‘видеть’, ‘знать’, ‘любить’), при предикатах с модальными значениями (типа ‘хотеть’, ‘надо’). Такие конструкции получили название дативных конструкций. Эргатив и датив в роли субъект сигнализируют о разных значениях глаголов типа *лякъин* ‘найти’/‘найтись’, *лахъхъин* ‘научиться’ / ‘изучить’:

(5) *ОьрчІан маз лавхъхъунни* ‘Мальчик научился языку (стал говорить)’
– (5¹) *ОьрчІал маз лавхъхъунни* ‘Мальчик выучил (усвоил) язык’.

В других значениях датива кодируются неядерные актанты, выступающие в роли не прямых дополнений чаще всего в роли реципиента при глаголах типа ‘дать’.

Генитив

Генитив претендует на роль подлежащего в посессивной конструкции с глаголами *бур/бакъар* ‘есть/нет’ в значении ‘иметь’:

(6) *ПатІиматлул арс акъар* ‘У Патимат нет сына’.

Посессивная конструкция («предложения обладания») представлена и в работе Казенина [2013: 65-66].

С посессивной конструкцией конкурируют и предложения с эссивами серии POSS (-хь) и APUD (-ч1а), обозначающие временного обладателя объекта:

(7) *Ттуч1а ариу дакъар* ‘У меня денег нет (в данное время)’.

(8) *Ттухь ариу дакъар* ‘У меня нет денег (с собой)’.

Выше отмечена близкая к посессивной конструкция носителя состояния (см. выше 4¹).

Посс-элатив (аблатив)

Аблатив при модальных глаголах *бюхъан*, *хьун* ‘мочь’ обозначает потенциальный субъект действия. Данные глаголы выступают в роли вспомогательной части составного глагольного сказуемого и управляют инфинитивом основного глагола. С глаголом *хьун* образуется только потенциальная конструкция, чаще при этом встречается отрицательная форма:

(9) ***Мусаца*** (абл.) *къавхъунни соревнованиелуву цалчинмур к1ану бугъан* ‘Муса не смог занять первое место в соревновании’.

Глагол *бюхъан* в сочетании с инфинитивом выступает в разных функциях: а) может быть частью составного глагола сказуемого, как и *хьун*:

(9¹) ***Мусаца*** *къабювхъунни соревнованиелуву цалчинмур к1ану бугъан*.

Этот же глагол в формах *бюхъай* (наст. вр.) /*бюхъайва* (прош. вр.) входит в состав аналитического потенциального наклонения (простое сказуемое) и образует как эргативную, так и все другие типы конструкций, названных выше:

(10¹) ***Мусал*** (эрг.) *бюхъай ... цалчинмур к1ану бугъан* ‘Муса, возможно, займёт... первое место’;

(10²) ***Муса*** (ном.) *бюхъай гьунттий уч1ан* ‘Муса, возможно, завтра придет’;

(10³) ***Мусан*** (дат.) *бюхъай Пат1имат ккавккун бик1ан* ‘Муса, возможно, увидел Патимат’ и т.д.

Инфинитив с зависимыми в составе сказуемого К.И.Казенин интерпретирует как изъяснительные конструкции в составе сложноподчинённого предложения, с чем трудно согласиться [2003: 178–180].

Аблатив кодирует и субъект непреднамеренного действия. В таких конструкциях на роль подлежащего могут претендовать как аблатив, так и номинатив:

(11) *Пат1умаца* (абл.) *бушкъап* (ном.) *гъаргъунни* ‘У Патимы разбилась тарелка’.

Таким образом, среди грамматических падежей на роль ядерных падежей в лакском языке, кроме *номинатива* и *эргатива*, претендуют ещё три падежа – *генитив*, *датель* и *аблатив*, кодирующие синтаксическую роль подлежащего (субъекта) в элементарном предложении.

Следует отметить, что падежное словоизменение в лакском языке, как и в других дагестанских языках, свойственно не только именам, но и другим классам слов, в частности послелогам, пространственным наречиям, конвербам с пространственными значениями. Труднее всего отличить имя и наречие, когда они имеют общую прямую основу и выражают одни и те же синтаксические отношения – являются обстоятельствами места. Так, форма *къатлуву* ‘в комнате’ и *ппалав* ‘в хлеву’ выполняют одну синтаксическую функцию. Но первая форма является падежной формой имени, образованной от косвенной основы *къатлу-*, во всех падежах равной самой себе: *къат-лу-л ч1ира* ‘стена комнаты’ (генитив), *къат-лу-х урган* ‘посмотреть за домом’ (постэссив) и т.д. Форма *ппалав*, которую мы определяем как интерэссив, образована не от косвенной основы, как, например, в формах генитива *ппал-ни-л* (*ппалнил ч1ира* ‘стена хлева’) или *ппални-х* (*ппалних урган* ‘посмотреть за хлевом’), а от прямой основы *ппал* с огласовкой перед падежным аффиксом: *ппал-ав* (совмещает значения ‘в хлеву’ и ‘в хлев’), *ппал-ах* ‘через хлев’. То есть грамматические падежи противопоставлены пространственным. В этом случае слово совмещает в себе значения имени и наречия.

Падеж следует различать и от других смежных форм. Например, форму с аффиксом **-яр** Л.И.Жирков отнёс к падежной форме (сравнительный па-

деж), а Г.Б. Муркелинский его падежом не считает. В данном случае, на наш взгляд, прав Л.И.Жирков, поскольку компаратив с аффиксом **-яр** образуется от косвенных основ имён, как и другие падежи: *арс-на-л гьалмахчу* ‘друг сына’, *арс-на-яр душ чливиссар* ‘чем сын дочь моложе’. Однако следует отметить, что в этом значении чаще употребляется клитика **-нияр**, которая может присоединяться не только к любой падежной форме имён, но и к наречиям, отдельным глагольным формам и т.д. К клитикам следует отнести и неавтономные единицы наподобие *кунма* (*укунма*) ‘как’ и *-ксса* (*-уксса*) ‘величиной с’ с эквативным значением, первый из которых изменяется и по классам.

Трудность в определении части речи связана и с тем, что любая падежная форма в препозиции к имени приобретает атрибутивное значение. Такая трансформация сопровождается суффиксами **-сса** и **-мур** (**-ма**, **-ми**): *вацлувух нан* ‘идти через лес’ – *вацлувухсса ххулу* ‘дорога через лес’, *вацлувухмур ххулу* ‘та дорога, что через лес’. Падежная форма приобретает атрибутивное значение в препозиции к имени и без атрибутивных суффиксов: *баклуй мащи* ‘на горе хутор’, *вилаххав душман* ‘враг в очаге’ (т.е. у себя дома). Подобное употребление свойственно постоянным определениям в устойчивых выражениях или составных наименованиях. В таких конструкциях затруднено и определение типа синтаксической связи. Эти вопросы или не ставятся, или находят упрощённое решение, подведённое под нормы русского языка.

Учитывая все названные сложности и проблемы, мы предлагаем свой вариант систематизации падежей и их типовых названий для лакского языка.

Грамматическими мы называем падежи, кодирующие актанты предикатов, как ядерные, так и периферийные.

Главным, основным падежом всей падежной системы лакского языка следует признать *номинатив*: 1) он является основным средством номинации предметных имён; 2) у него нет формального показателя (нулевой падежный аффикс); 3) он является контролёром личного и классного согласования в составе элементарного предложения (клаузы).

Второй по значимости падеж – *эргатив* / *генитив* с аффиксом -л. Мы считаем, что исторически – это разные падежи. Показатель *генитива* -л является исконным, поскольку отмечен в этом же значении и в других дагестанских языках: -л в аварском (*вас* ‘сын’ – *васас-ул*), -ла в даргинском (*халкъ* ‘люди’ – *халкъ-ла*). Аффикс *эргатива* -л может быть рефлексом латерального <кь>, перешедшего в лакском в <л>. В аварском языке данный латеральный согласный является показателем субэссива, который семантически вполне совмещается со значением эргатива – «тот участник, который подчиняет, контролирует ситуацию». Разные по происхождению показатели совпали, и два разных падежа стали восприниматься как один падеж. Значимость эргатива-генитива заключается и в том, что от его основы образуются все остальные падежи.

Третий самостоятельный, не сериальный падеж – *датель*, показатель падежа -н. Данный показатель интересен тем, что он присутствует в лативах (и аллативах) всех серий, он является и показателем инфинитив – целевой формы глагола.

Остальные падежи являются сериальными. Но серия *посессива* (локализация POSS), в отличие от других шести серий, не связана с локализацией и включает только три формы: *посессив*, *посс-элатив* (*аблатив*) и *посс-латив* (*датель II*). Общим показателем серии является аффикс посессива -хь (<хьхь <льль>), аблатив имеет аффикс -ща (<хьхьа <льльа>), аффикс датива II – хьхьун (<льльун>). Основные (первичные) значения падежей могут проиллюстрировать следующие примеры:

- (1) *Душнихь лу бур* ‘У девочки книга есть’ (обладание);
- (2) *Душнища лу ласи* ‘Забери книгу у девочки’ (отчуждение);
- (3) *Душихьхьун лу була* ‘Дай девочке книгу’ (не в собственность).

К этой серии примыкает *комитатив* с показателем -щал, который материально состоит как бы из показателя аблатива и генитива. Эти четыре падежа Г.Б. Муркелинским названы промежуточными, поскольку по значению они являются грамматическими, а по образованию сходны с местными падежами.

Внесистемные падежи. Некоторые падежи по своему образованию не входят в состав ядерных субъектно-объектных падежей, они не входят и в состав сериальных падежей. Они образованы как бы путём сложения аффиксов разных падежей или других частей речи. К таким падежам могут быть отнесены следующие падежи:

1) *комитатив*, аффикс которого **-щал** включает десемантизированные элементы аблатива **-ща** и аффикс генитива **-л** (дуснащал хьунаакьин ‘встретиться с другом’);

2) *пермутатив* с показателем **-хлу** (-х является показателем серии постэссива и транслатива всех серий; **-лу** – сериальный показатель субэссива), но форма не имеет семантической связи с этими показателями (*усттарнахлу зун* ‘работать вместо мастера’);

3) *инструменталь* (орудный падеж по Г.Б. Муркелинскому) с показателем **-йну**, в составе которого **-й** совпадает с показателем суперэссива, а суффикс **-ну** является категориальным суффиксом наречий образа действия и перфектных деепричастий.

4) *компаратив* с показателем **-яр**, если форма образована от косвенной основы имени (*арсна-яр душ чливиссар* ‘дочь моложе сына’).

5) *вокатив* с показателем **-й** образуется только от номинатива имён с гласным исходом (*Пат!имай! Омарий!*)

Таким образом, в лакском языке можно отметить наличие 45 падежных форм. При этом некоторые формы имеют вариативные аффиксы (**-а/-ату; -х / -хчил**), а другие, как вокатив, являются ущербными. Формы с клитиками, как и трансформы падежных форм (атрибутивизация, адвербиализация) требуют особого рассмотрения.

Терминологическая определённости номенклатуры падежного инвентаря позволит непротиворечивому описанию синтаксиса лакского языка, учитывая, что каждая из падежных форм, как правило, имеет несколько значений. А многие из пространственных падежей выражают и субъектно-объектные отношения.

3.2. Номинатив и номинативная конструкция

Центральное место в системе склонения лакского языка занимает номинатив (именительный падеж), на базе которого образуются все остальные падежи. У имён различаются две основы – прямая и косвенная. Прямая основа – это форма именительного падежа. Непосредственно от прямой основы косвенные падежи образуются редко. Такие основы, как правило, оканчиваются на гласный, который в косвенной основе может видоизменяться, например: *чIира* ‘стена’ – *чIира-л*, *бакIу* ‘холм’ – *бакIу-л*, *чару* ‘камень’ – *чари-л*. Но в большинстве имён от прямой основы образуется косвенная основа при помощи интерфикса, которого исследователи лакского языка называют «наращением». Таких интерфиксов много, в одних случаях они фонетически обусловлены и сопровождаются различными исторически обусловленными фонетическими процессами, например: *клункIур* ‘котёл’ – *клункIур-ду-л*, *чIали* ‘колос’ – *чIал-лу-л*, *тIама* ‘древесина’ – *тIан-ну-л* и т.д. В других случаях выявляется семантическая обусловленность того или иного интерфикса, например, *арс* ‘сын’ – *арс-на-л*, *душ* ‘дочь, девочка, девушка’ – *душ-ни-л*. Отметим, что особенности употребления интерфиксов недостаточно изучены, вследствие чего в словарях каждое существительное сопровождается грамматической пометой с указанием форм родительного падежа единственного числа и форм именительного и родительного падежей, например, *шяир* (-нал, -тал, -турал) ‘поэт’.

Номинатив и в синтаксисе занимает центральное место, определяется как ядерный падеж и претендует на роль подлежащего элементарного (простого) предложения. Такое положение обусловлено тем, что именной член в номинативе является контролёром классного согласования всех членов предложения, изменяющихся по классам:

(1) *ОьрчI* (1 кл.) *шава ур* ‘Мальчик дома находится (есть)’ – *Душ* (3 кл.) *шаппа бур* ‘Дочь дома находится (есть)’ – *Къари* (2 кл.) *шарда дур* ‘Старуха дома находится (есть)’ – *Хъус* (4 кл.) *шарда дур* ‘Имущество дома находится (есть)’.

При этом номинатив занимает позицию субъекта при одноместных глаголах, как в (1), и в этом случае определение его синтаксической роли как подлежащего представляется естественным. Он выступает и в роли прямого объекта при переходных, как в (2), может выполнять обе эти функции в одной клаузе с переходным глаголом в дуративе (3) или при личном субъекте в формах 1–2 лица (4):

(2) *Ниттил* (2 кл., эрг.) *арс* (1 кл., ном.) *цичлана* (1 кл.) *увцунни* (1 кл.) ‘Мать сына к себе забрала’ – *Ниттил душ* (3 кл. (ном.) *цичланма* (3 кл.) *бувцунни* – ‘Мать дочь к себе забрала’, *Арснал* (1 кл.) *нину* (2 кл. (ном.) *цачланна дурцунни* (2 кл.) ‘Сын мать к себе забрал’;

(3) *Нину* (ном.) *гьухъа* (ном.) *бурухлай дур* ‘Мать шьёт платье’;

(4) *Ина гьухъа бурувххунни* ‘Ты сшила платье’, то есть в биноминативных конструкциях номинатив выступает в функции субъекта-подлежащего и прямого объекта-дополнения.

Личные окончания глагола согласуются с именем в номинативе:

(5¹) *На* (1 л.) *нину* (2 кл.) *ттучланна дуцав* ‘Я мать к себе забрал’ – (5²) *Ина* (2 л.) *нину* (2 кл., 3 л.) *вичланна* (2 кл.) *дурцунни* (2 кл., 3 л.) ‘Ты мать к себе забрал’ – (5³) *Ина* (2 л.) *ниттил цичлана увцунна* – Тебя мать к себе забрала.

Комментарий: в (5¹) личное местоимение 1 лица выступает в роли субъекта, глагол в форме настоящего перфектного времени в лице согласуется с субъектом (окончание **-ав**), классное согласование остаётся объектным; в (5²) субъектом является 2 лицо, однако личное и классное согласование контролируется объектом. В (5³) представлен случай, когда локуторы (1–2 лица) в позиции прямого объекта контролируют классное и личное согласование глагольных и неглагольных членов предложения.

Именительный падеж в языках эргативного строя, в отличие от того же падежа в языках номинативного строя, противопоставленного аккузативу в конструкциях с переходными глаголами, в трудах исследователей языков эргативного строя получил название абсолютива (М.М. Мещанинов, Г.А. Климов, М.Е. Алексеев, А.Е. Кибрик и др.). Нахско-дагестанские языки А.Е. Кибрик относит к се-

мантически эргативным языкам, в которых «ролевые характеристики актантов непосредственно кодируются морфологическими средствами и являются при конкретном глаголе постоянными. В частности, в таких языках отсутствуют залогии» [Кибрик 1992: 128]. Однако последнее утверждение может быть оспорено, поскольку залоговые преобразования в дагестанских языках возможны, только осуществляются они не перекодированием падежей, а другими средствами.

Проблема подлежащего является одной из широко обсуждаемых проблем описания языков эргативного строя. Как отмечает Е.А. Кибрик, «несмотря на многовековую историю существования этого термина, понимание его общеязыковой сущности до последнего времени было на донаучном уровне» [Кибрик 1992: 119]. Формально-грамматические определения подлежащего, эффективные для конкретных языков, на которых они ориентированы (например, русского), оказались непригодными для других языков, так как «в каждом языке имеется свой непредсказуемый арсенал формальных средств кодирования подлежащего» [там же: 119-129]. С учётом достижений современной лингвистики Е.А. Кибрик обращает внимание на функции именного члена, претендующего на место подлежащего. В иерархии характеристик подлежащего внимание обращается на его *различительную функцию* в сфере именных членов предложения. Подлежащее связано с *ролевыми* характеристиками участников описываемой ситуации: подлежащее в первую очередь кодирует обычно агенс; если такого актанта у предиката нет, то первым кандидатом на позицию подлежащего является пациенс.

На втором месте после ролевой когнитивной сферы находится, как считает А.Е. Кибрик, *коммуникативная (дискурсивная)* сфера. Подлежащее часто сообщает известную информацию и совпадает с темой, а прямое дополнение – новую, совпадающую с ремой.

В-третьих, на выбор подлежащего, по мнению автора, влияет *онтологическая* когнитивная сфера, связанная со свойствами референтов: имена, обозначающие одушевлённых участников ситуации, особенно людей, тяго-

теют к позиции подлежащего, а неодушевлённые – к позиции прямого дополнения. Имена, обозначающие одушевлённых участников ситуации, наиболее тяготеют к позиции подлежащего имени участников речевого акта (концепты *дейктической* когнитивной сферы).

В *реляционной иерархии*, представленной автором, первое место занимает подлежащее, являющееся наиболее обязательным компонентом предложения. На втором месте стоит прямое дополнение. Вместе с подлежащим оно входит в ядро предикатно-аргументной структуры. Третье место в иерархии занимает не прямое дополнение, которое более чем подлежащее и прямое дополнение нагружено ролевой онтологической семантикой и с наибольшей лёгкостью может входить в ядро. Косвенные дополнения (те члены, которые традиционно относят к обстоятельствам) имеют конкретную ролевую семантику (например, *место, время, причина, образ действия*).

В связи с эргативной конструкцией (и не только с эргативной) в языкознании возникает и другой вопрос, отмеченный в работах А.Е.Кибрика: «Какую именную группу следует называть подлежащим в предложениях с двухместным глаголом?». Представляются следующие альтернативы:

1. Агентивная: концепт подлежащего не зависит от падежного оформления ИГ (именной группы), то есть подлежащее является семантической сущностью, универсально представленной во всех языках. Эта концепция актуализирована в описательных грамматиках по дагестанским языкам, её придерживаются составители школьных грамматик, её представил и К.И. Казенин в работе по лакскому синтаксису [Казенин 2013: 55–58].

2. Пациентная: подлежащим переходного глагола является пациенс, который имеет то же оформление, что и единственный актант одноместного глагола. Эта точка зрения появилась ещё на заре изучения эргативных языков. Как теория пассивности этих языков она представлена и в работах П.К. Услара [Услар1988: 10–12; Услар1889: 122–123; Услар 1890: 141].

3. Амбивалентная: возможны оба типа эргативных языков, и окончательный ответ зависит от их синтаксических свойств. В действительности эти языки не образуют гомогенного класса, поскольку синтаксическое поведение данных актантов варьирует. Например, наличие в лакском языке биноминотивной конструкции и некоторые другие случаи падежного кодирования субъекта ситуации не позволяют однозначно решить вопрос о подлежащем в лакском языке.

Этот вопрос актуален для глагольных предложений, формируемых глаголами с двумя и более валентностями.

Семантическая характеристика номинатива в разных синтаксических конструкциях зависит от семантики предиката и семантически согласуется с ним. Семантическая и валентностная характеристика глаголов даётся в работах Р.Г. Эльдаровой [Эльдарова 1995], на которую опирается Ж.Д. Баширова при описании структурно-семантических типов предложения в лакском языке [Баширова 2011]. По мере необходимости их касается и К.И. Казенин при освещении синтаксиса лакского языка [Казенин 2013]. Вопросы семантики занимают значительное место и в работе С.Э. Шамсудиновой [Шамсудинова 2009].

При анализе семантики номинатива в конструкциях с одноместными непереходными глаголами, то есть в **номинативных конструкциях**, мы опираемся на семантическую характеристику глаголов в названных выше работах.

В предложениях с одноместными непереходными глаголами имя (ИГ) в номинативе занимает позицию субъекта и является единственным актантом, претендующим на роль подлежащего. В таких предложениях отражается восприятие и познание человеком предметов в их локализованном существовании, в функциональных характеристиках и состояниях.

В *экзистенциальных предложениях* основным предикатом, обозначающим существование, является бытийный глагол *бик/ан* ‘быть’ в его личных и модально-временных формах (*бур* ‘есть’, *бия* ‘был’ и др.). В большинстве случаев бытийные предложения обозначают локализацию предмета в пространстве. Субъект может быть как личным, так и неличным – названием

живых существ, растений, предметов разной семантики. Непроизводных глаголов со значением ‘жить’, ‘обитать’, ‘расти’ в экзистенциальном значении в лакском языке нет, имя субъекта само предполагает эти значения, они входят в фоновое знание говорящих, например:

(7) *Жул душ цила кулпатрацал шагърулий бур* ‘Наша дочь с семьёй живёт в городе’.

(8) *Зунттаву аврду буссар* ‘В горах туры обитают’.

(9) *Багъраву гъивчул, хъюртул мурхъру бур* ‘В саду яблоневые, грушевые деревья растут’.

(10) *Жул шяравалу зунттул даралуву дур* ‘Наше село в горной долине находится’.

Глаголы позиции типа ‘стоять’, ‘лежать’ и подобные для обозначения локализации неодушевлённого предмета в пространстве в лакском языке не употребляются:

(11) *Столданий самовар дур* ‘На столе есть самовар’

(12) *Чланкъатлуву хъаттирду дия, члирттай барбисуртту бия* ‘На полу были паласы, на стенах были ковры’.

Положение предмета в пространстве, его локализация часто связана с предшествующим действием, в котором лицо или предмет участвовали в качестве субъекта или объекта. Производное состояние субъекта обозначается аналитической формой сказуемого, состоящего из перфектного деепричастия основного глагола и глагола связки ‘быть’ в соответствующей грамматической форме:

щяиклан ‘сесть’ – *Къужа ккурчлав щяивкIун ур* ‘Старик на годекане сидит’ (букв.: сидя есть);

уттуишин ‘лечь’ – *Къашайшала шаний уттуивхъуну ур* ‘Больной лежит’ (букв.: лёжа есть) на постели’;

члирай *лахъан* ‘повесить на стену’ – *Ххаржан члирай лархъун дур* ‘Кинжал на стене висит’ (букв.: повесив есть и т. д.

Отрицание существования выражается глаголом *кѣабикІан* (*бакъар*) ‘не быть, не существовать’:

13) *Щархѣаву школарду кѣабивкІссар* ‘В аулах школ не было’;

14) *Ппу шава акъар* ‘Отца дома нет’.

Существование предмета связано с его возникновением, появлением. Глаголы *ляхъан* ‘появиться, зародиться’, *бан /ан/дан* ‘родиться’, *хъун* ‘появиться, случиться’, *ххяххан* ‘вырасти, появиться (о растениях)’ и под. связаны с возникновением, началом существования:

15) *Лакрал чичру лярхъуссар 300 шинал хъхъичІ* ‘Лакская письменность появилась 300 лет назад’;

16) *Мурхъирай къупру хъуну бур* ‘На дереве почки появились’;

17) *Марщай ццац ххяхххун бур* ‘На краю поля шиповник вырос’ и т.д.

Возникновение чаще связано с созиданием, в котором участвует деятель (роль агенса) и создаваемый объект. Такие глаголы относятся к переходным и рассматриваются ниже (см. п. 3).

К глаголам разрушения относятся такие лексемы, как *гѣагъан* ‘разбиться’ (*Урша гѣавгъунни* ‘Кувшин разбился’), *лекъан* ‘обрушиться, разрушиться’ (*Кѣатри леркъунни* ‘Дом обрушился’), *багъан* (*Чира багъунни* ‘Стена обрушилась’), *лещан* ‘угаснуть, погаснуть’ (*КѣавтІи левицунни* ‘Костёр угас’, *тІатІан* ‘износиться, обветшать’ (*Янна тІартІунни* ‘Одежда изнасилась’, *аъян* ‘сгнить’ (*Нувици аъвунни* ‘Картофель сгнил’); *лиян* ‘распасться, перестать существовать’ (*Щар лирссар* ‘Аул перестал существовать, распался’) и др. Номинатив при таких предикатах обозначает пассивный субъект.

Один и тот же глагол может употребляться и как непереходный, и как переходный, например: *бивчІан* ‘умереть/убить’, *гѣагъан* ‘сломаться / сломать’, *лещан* ‘погаснуть/погасить’ и под. Такие лабильные глаголы могут создавать как номинативную, так и эргативную конструкции предложения. Если лабильный глагол употреблён в эргативной конструкции в переходном значении, то номинатив обозначает прямой объект: *БадрижатІул* (эрг.) *ци-*

хуна ахчилачисса Аслан-ХIусайн (ном.) ивкIуна. ‘Бадрижат убила Аслан – Гусейна, который её компрометировал’.

Способ существования объекта в языке обозначается через его *функционирование*, при этом в роли наиболее обобщённого предиката выступает глагол зун ‘работать’, который обозначает процесс и относится к одновидовым дуративным глаголам. Для обозначения вступления в процесс используется сочетание инфинитива с глаголом *бикIан* в фазовом значении начала действия, конечная фаза выражается глаголом движения *бацIан* ‘остановиться’: *Ссят зун диркIунни* ‘Часы заработали’ – *Ссят зий дур* ‘Часы работают (идут)’ – *Ссят дарцIунни* ‘Часы остановились’.

Для обозначения *природных явлений*, связанных с метеорологией, используются разные глаголы с ослабленной семантикой. Имя в номинативе обозначает само явление, событие, а предикат является носителем, как правило, предикативных значений сказуемого. Деление на субъект и предикат в таких предикациях является формальным, они входят во фразеологический фонд языка, воссоздают картину мира в представлении носителей языка. Приведём некоторые глагольно-именные сочетания такого типа в начальной форме глагола – инфинитиве, при этом субъект сохраняет свою позицию подлежащего, в отличие от русского языка, где именительный падеж с инфинитивом в словосочетании невозможен, а при номинализации он заменяется родительным падежом. Ср.: Весна пришла > приход весны; *Инт дуркIунни* ‘Весна пришла’ > *инт дучIаву* (номинализация, масдарная трансформация), > *инт дучIан* (инфинитивная трансформация).

Для предикатного оформления природных (метеорологических) концептов чаще всего употребляются глаголы движения (*буккан* ‘выйти’, *биян* ‘дойти’, *багъан* ‘упасть’ и др.) и глаголы звучания *тIун /учин* ‘звучать, говорить’, например:

баргъ ‘солнце’: *баргъ буккан* ‘выйти’, *гъаз хъун* ‘подняться’, *бахълаган* ‘скрыться’, *лаган* ‘уйти’ – появление, движение в небе, заход; *баргъ битан* ‘о

распространении света’, *биян* ‘дойти’; *ттуруллул бугъан* ‘быть скрытым (пойманным)’ тучей’; *баргъ бичин* ‘кинуть, засыпать’ – о засухе;

гъарал ‘дождь’: *гъарал лачлун* ‘пойти’ (букв.: пристать, вцепиться);

чявхъа ‘ливень’: *чявхъа бутлун* ‘вылиться’;

мик1 ‘град’: *мик1 бичин* ‘высыпаться’;

хъхъем ‘роса’: *хъхъем ритан* ‘расстелиться’;

къув ‘гром’: *къув тлун* ‘греметь’;

цлупар ‘молния’: *цлупар тлун* ‘сверкать’ (от: *цлу пар тлун* ‘огонь + сверкать’);

марххала: *марххала бан* ‘сделаться’;

сил ‘иней’: *сил ритан* ‘расстелиться’;

нех, мугъали ‘река’, ‘селевой поток’: *нех дуккан* ‘выйти, появиться’;

марч, буран ‘ветер’, ‘буря’: *марч бищун* ‘ударить’;

ссав ‘небо’: *ссав диян* ‘дойти, достать’ – о засухе, неурожае;

хъац1 ‘саранча’: *хъац1 багъан* ‘пасть’;

чани ‘свет, рассвет’: *чани хъун* ‘стать’, *чани хъя-хъя тлун* ‘трескаться, трещину давать’;

цлан ‘тьма, темнота’: *цлан хъун* ‘стать’, *цлан лакъин* ‘закраться’ и др.

Менее разнообразны предикаты, сопровождающие временные концепты. С именами *члун* ‘время’, *барз* ‘месяц’, *шин* ‘год’ употребляются глаголы движения и становления *дучлан* ‘придти’, *гъан* ‘пройти, кончиться’, *хъун* ‘стать’. Лексемы *члун* ‘время’ и *ссят* ‘час’ в значении ‘срок’ употребляются с глаголом *диян* ‘дойти, настать’. Наступление времени намаза (*к1юрххицлун* ‘предрассветный’, *ахттайн* ‘полуденный’, *ахттакъун* ‘предвечерний’, *марк1ачлан* ‘вечерний’, *хъатлан* ‘ночной’) обозначается глаголом *бизан* в значении ‘наступить’, а сами названия времени приобретают значения существительных 3 грамматического класса.

Значительную группу одноместных глаголов, формирующих номинативную конструкцию, составляют глаголы, обозначающие процессы, связан-

ные с изменением состояния, качества, позиции и других признаков предмета. Непроизводных глаголов такой семантики немного. К ним относятся, например, *лахIан* ‘согнуться’, *биян* ‘созреть’, *ссуссин* ‘стереться’, *бассан* ‘растаять’, *бякъин* ‘остыть’, *къакъан* ‘высохнуть’, *хъатан* ‘отсыреть’, *шанан* ‘спать’, *шашан* ‘свариться’, *татан* ‘скваситься’ (о молоке) и подобные. Но основная масса предикатов с такой семантикой являются составными глаголами с компонентами *хъун* ‘стать’, *учин/тIун* ‘говорить’, *бикIан* ‘быть’, *буккан* ‘выйти’, *лаган* ‘пойти’ и некоторые другие, которые сочетаются с «краткими прилагательными», звукоподражательными и звукосимволическими компонентами и неавтономными словами, реже с именами существительными в номинативе и генитиве: *кIяла хъун* ‘побелеть’, *кIяла лаган* ‘побледнеть’, *меж бикIан* ‘увянуть’, *къатI хъун* ‘осыпаться’, *цух учин* ‘протухнуть’, *рахIат буккан* ‘успокоиться’, *жсиндрал хъун* ‘сбеситься’, *бакI буккан* ‘сохраниться, выжить’. Имя в номинативе при таких глаголах обозначает субъект состояния: *ОърчI шанан ивкIунни* ‘Ребёнок уснул’; *Янна къаркъунни* ‘Бельё высохло’; *Ккунукру цух увкуну бур* ‘Яйца протухли’; *ТIутIив меж диркIун дур* ‘Цветы завяли’; *Ккарччи хIуркку тIий дур* ‘Зуб шатается’ и др.

Номинатив при глаголах движения кодирует роль активного субъекта, контролирующего движение. Основными глаголами движениями являются *нан* ‘идти’, *занан* ‘ходить’, *гъан/лаган* ‘уйти’, *учIан* ‘прийти’, *биян* ‘дойти’, *буххан* ‘войти’, *буккан* ‘выйти’. Неконтролируемое движение обозначает глагол *багъан* ‘упасть’. Глаголы движения в соответствии с семантикой распространяются формами слов с пространственными значениями, выполняющими роль обстоятельств. Особенностью лакского языка, как и других дагестанских языков, является отсутствие в них семы способа перемещения («пешком», «верхом», «на транспорте»). При необходимости способ передвижения обозначается вне глагола: *ахътта учIан* ‘прийти пешком’, *бурттий гъан* ‘отправиться верхом’, *поездрай гъан* ‘поехать поездом’. Глаголы движения часто употребляются в составных глаголах и лексикализованных сочетаниях. Наиболее обобщённым значением обладает глагол *нан* ‘идти’,

который используется и с темпоральными именами (*ч1ун най дур* ‘время идёт’, *нех най дур* ‘река течёт’). Глагол *нан* грамматикализируется, обозначая направленное движение при отсутствии в языке специальных лексем для обозначения таких глаголов (ср. в русском: идти – ходить, бежать – бегать, лететь – летать и под.). Сочетание перфектного деепричастия более конкретных глаголов движения со спрягаемой формой глагола *нан* образует данный способ глагольного действия: *лихъан* ‘убежать’ – *ливхъун нан* ‘убегать’, *леххан* ‘полететь’ – *левххун нан* ‘лететь’, *уч1ан* ‘спуститься’ – *увч1ун нан* ‘спускаться’, *лахъан* ‘подняться’ – *лавхъун нан* ‘подниматься’, *агъан* ‘упасть’ – *агъну нан* ‘падать’. Обобщённая функция приближения – удаления свойственна и глаголам *уч1ан* – *гъан* ‘прийти – уйти’ в сочетании с конкретными глаголами, сравнимые с приставочными глаголами в русском языке: *левххун гъан* ‘улететь’ – *левххун буч1ан* ‘прилететь’, *ливхъун гъан* ‘сбежать’ – *ливхъун буч1ан* ‘прибыть, спасаясь от чего-л.’ Однако таких уточнений обычно не требуется, поскольку способ передвижения «подсказывается» самим субъектом или ситуацией: 1) *Чит1улт интту цала кюрттараин буч1ай* ‘Ласточки весной прилетают (прибывают) к своему гнезду’; 2) *Жуч1ан Московлия хъамал бувк1унни* ‘К нам из Москвы приехали гости’.

Движение в более широком смысле представлено и другими глаголами: *бачин* ‘пойти, тронуться’ (*Поезд бавчунни* ‘Поезд тронулся’), *бац1ан* ‘остановиться’ (*Машина ламуй бавц1унни* ‘Машина остановилась на мосту’), *багъан* ‘упасть’ (*Мурхъирая гъивч багъунни* ‘С дерева яблоко упало’). Этот класс предикатов пополняет составными глаголами разной структуры:

1) «краткое прилагательное»+ *хъун* ‘стать’ (*гъан хъун* ‘приблизиться’, *арх хъун* ‘отдалиться’);

2) связанные сочетания глагола *хъун* ‘стать’ с пространственными формами существительных и наречий в лативе (*ххютулунмай хъун* ‘придвинуться в тень’, *шихунай хъун* ‘придвинуться сюда’, *махъунай хъун* ‘отодвинуться назад’ и подобные изменяемые по классам формы);

3) звукоподражательные и звукосимволические основы + *mɬun* ‘говорить’ (*сукку mɬun* ‘шевелиться’, *хлуркку mɬun* ‘шататься’, *аьрчча mɬun* ‘хромать’, *ххярк mɬun* ‘ползать’, *mɬанкɬ mɬun* ‘прыгать’ и др.).

Глаголы движения преимущественно сочетаются с одушевлённым субъектом (агенсом), а также с вовлечённым в движение одушевлённым и неодушевлённым субъектом в номинативе (пациенсом).

Таким образом, *при одновалентных глаголах разной семантики* (глаголы действия, процесса, состояния) единственный актант, будь то агенс или пациенс, находит единый способ кодирования – форму номинатива.

В номинативной конструкции с одноместными (непереходными) глаголами номинатив выступает в семантических ролях агенса или пациенса.

Синтаксически непереходных многоместных глаголов среди непроемных предикатов в лакском языке немного. Мы можем назвать только один такой глагол – *бурган* ‘посмотреть’ < кто: ном.; на кого/что: пост-эссив>: *та ттух урувгунни* ‘он на меня посмотрел’.

В лакском языке значительную часть глагольной лексики представляют сложные и составные глаголы. При этом звукоподражательные глаголы, обозначающие «речь» животных и звучание разных предметов, являются семантически одноместными непереходными, а синтаксически они ведут себя как переходные глаголы. Они участвуют в образовании конструкции разной семантики. По исходной семантике компоненты *учин/mɬun* являются двухвалентными и требуют прямого объекта, выражающего содержание, тему речи или звучания. Звукоизобразительный компонент в них «погашает» позицию прямого объекта. В таких случаях в значении *непереходного глагола* они образуют *номинативную* (а) конструкцию и *квазиэргативную* (б) конструкцию: (а) *Ажари* (ном.) *эоь mɬий бур* ‘Петух кукарекает’ – (б) *Ажарттул* (эрг.) *эоь увкунни* ‘Петух прокукарекал’.

Глаголы с компонентом *учин/ mɬun* могут иметь и переходную семантику, как, например, *кьацɬ учин* ‘укусить’, *пнай учин* ‘поцеловать’. В этом случае в эргативной конструкции реальный прямой объект (объект воздействия, пациенс) кодируется косвенным падежом (позиция прямого объекта занята инкопориро-

ванной в глагол именной частью предиката). Часто в роли падежа реального прямого объекта выступает суперлатив («на что»): *кIиссурайн кьацIа тIун* ‘кусать палец’; *душнийн ппай учин* ‘поцеловать девушку’ и т.д.

Семантически непереходные, но синтаксически переходные предикаты представлены также составными глаголами или фразеоглаголами, в которых глагольный компонент является полнозначным переходным глаголом. Хотя именной компонент семантически входит в состав предиката, такие предикаты формируют эргативную, а не номинативную конструкцию. Ср.: *кумаг бан* ‘помочь (помощь сделать)’: (в) *Жун чIаххурал* (эрг.) *кумаг бувунни* ‘Нам соседи помогли’; *тIанкI учин* ‘прыгнуть (букв. прыг + сказать)’: *Танал* (эрг.) *чIирайх тIанкI увкунни* ‘Он прыгнул со стены’.

В том случае, если такой предикат семантически является переходным, то прямой объект кодируется одним из падежей локативных серий: *вичIи дишин* ‘послушать (букв. ухо положить)’: (г) *Танал* (эрг.) *буттах* (пост-эссив) *вичIи кьадирхьунни* ‘Он не послушался отца’.

Как следует из рассмотренного материала, номинатив занимает центральное место, как в падежной морфологии, так и в синтаксисе лакского языка. Он кодирует роли агенса в непереходных глаголах действия и роли пациенса в непереходных глаголах процесса и процесса-состояния, а также роль пациенса в агентивных (переходных) глаголах действия. Номинатив сохраняет за собой функцию контролёра классного согласования всех «мишеней» такого согласования даже в тех случаях, когда не является автономным членом клаузы, входит в состав составного глагола (см. выше примеры (а) – (г)).

3.3. Эргатив и эргативная конструкция

Эргативная конструкция предложения является наиболее изученной в дагестанских языках. Именно наличие в языке конструкции, в которой единственный актант непереходных глаголов и пациенс переходных глаголов кодируются одним и тем же падежом – номинативом (по другой терминологии

– абсолютивом), а агенс кодируется другим падежом, получившим в языкознании название эргативного, послужило основой для выделения двух основных типов языков – языков номинативного и эргативного строя. Однако эргативная конструкция в каждом из языков имеет свои особенности, на что исследователи обращают внимание. Эти особенности отмечены и в лакском языке. Отметим наиболее существенные из них.

Каноническая эргативная конструкция наблюдается в следующих условиях:

1. При обозначении непроизводным (корневым) глаголом:

а) трудовой и бытовой деятельности, например: (*хъу*) *дугъан* ‘засеять (поле)’, (*кару*) *шюшин* ‘мыть (руки)’ и др.;

б) физического воздействия, например: (*ччатI*) *бухъан* ‘нарезать (хлеб)’, (*къяна*) *бишин* ‘надеть (шапку)’ и др.;

в) действий, связанных с приёмом пищи: (*ччатI*) *букан* ‘съесть (хлеб)’, (*чяй*) *хIачIан* ‘выпить чай’ и др. (см. семантические разряды глаголов в соответствующем параграфе).

2. Если глагол представлен в перфектном или итеративном виде, в дюративном виде эргативная конструкция заменяется биноминативной, ср.: *Ниттил* (эрг.) *оьл* (ном.) *ттивзунни* ‘Мать сдоила корову’, но: *Нину* (ном.) *оьл* (ном.) *ттизлай дур* ‘Мать доит корову’.

3. Если роль агенса, выраженная местоимением 1-2 лица (участники ситуации речи, локуторы), не может кодироваться эргативом и в таком случае порождается биноминативная конструкция, ср.: *Ниттил оьл ттивзунни* ‘Мать доила корову’, но: *На* (ном.) *оьл* (ном.) *ттизав* ‘Я сдоила корову’; *Ина* (ном.) *оьл* (ном.) *ттивзунни* ‘Ты сдоила корову’.

4. Если агенсом канонической эргативной конструкции является лицо или одушевлённый предмет, при неодушевлённом в позиции агенса эргатив приобретает значение причинное или инструментальное значение и не может при обозначении процесса варьировать с биноминативной конструкцией, например: *Бярч* (ном.) *неххал* (эрг.) *лавсунни* ‘Телёнка река унесла (ср. в рус. Телёнка рекой унесло)’ – * *Нех бярч ласлай дур* (или: *лавсун най дур*).

Кроме названных выше структурных особенностей, в лакском языке, как и в некоторых других дагестанских языках, существует проблема нестандартного кодирования участников ситуации в эргативной конструкции. При некоторых переходных глаголах поверхностного воздействия (касания) номинатив кодирует роль инструмента или средства, а роль пациенса – объекта, подвергающегося воздействию, кодируется одним из местных падежей, например: *Танал* (эрг.) *оьрчIайх* (супер-транслатив) *чару* (ном.) *бивцулли* ‘Он бросил камнем в мальчика’. В некоторых случаях имя инструмента может отсутствовать: *Танал* *ттуйх* *рищунли* ‘Он меня ударил’.

Формально эргативная конструкция возникает при составных глаголах и фразеоглаголах, состоящих из имени или звукоподражательного (звуко-символического) комплекса, сочетающегося с вспомогательным глаголом переходной семантики (чаще всего *учин* ‘сказать’ и *бан* ‘сделать’), например: *Нузал* (эрг.) *зертI увкунли* ‘Дверь скрипнула’; подобные конструкции получили в литературе название «квазиэргативных». Составные глаголы переходной семантики типа *кумаг бан* ‘помочь (помощь сделать)’, *аякьа дан* ‘позаботиться (заботу сделать)’ и подобные образуют эргативоподобную конструкцию, в которой имя в номинативе входит в состав глагола, а объект действия оформляется неядерным падежом: *Душил* (эрг.) *ниттиха* (пост-элатив) *аякьа дурулли* ‘Дочь позаботилась о матери’.

Остаются нерешенными такие вопросы, как вопрос о наличии у эргатива других значений, к какому падежу относятся значения инструментала или причины, к значениям эргатива или генитива, например, в сочетаниях типа *канил дугьан* ‘взять в руку’, *ккашил ивчIан* ‘умереть с голоду’, или приведённое выше *неххал ласун* ‘унести рекой’ могут быть интерпретированы как развитие значения эргатива? Однако мы оставляем их открытыми.

Генитив как один из центральных падежей в системе падежей лакского языка требует отдельного рассмотрения.

3.4. Семантика датива и дативная конструкция

Дативная конструкция в лакском языке. В языкознании давно обращали внимание на наличие в кавказских языках глаголов, при которых субъект ставится в дательном падеже [Шифнер 1888, Услар 1890, Шухардт 1950]. Такие конструкции А.М. Дирром были названы «аффективными конструкциями», в которых «логический субъект стоит в дательном или в аффективном падеже: *мне любо есть = я люблю*» [Дирр: 1950: 32].

В дагестановедении чаще используется термин «дативная конструкция», поскольку, во-первых, конструкция с дативом субъекта восприятия представлена во всех дагестанских языках [Абдуллаев 1986: 255], во-вторых, другие синтаксические конструкции номинированы по падежу субъекта, а не по семантике ядерных глаголов ((эргативная, номинативная, локативная и т.д.). Для лакского языка более приемлем термин «дативная конструкция», поскольку основным способом оформления субъекта при предикатах чувства, мысли, восприятия является дательный падеж.

З.Г. Абдуллаев отмечает, что ни один из исследователей дагестанских языков, специально занимавшихся вопросами синтаксиса или касавшихся этих вопросов, не обходил вниманием эту конструкцию [Абдуллаев 1986: 255]. Ее рассматривали И.И. Мещанинов, С.Л. Быховская, Л.И. Жирков, А.А. Бокарев, М.М. Гаджиев, Б.Г.-К. Ханмагомедов и др. С контенсивно-типологических позиций аффективную конструкцию предложения в нахско-дагестанских языках анализирует и М.Е. Алексеев [Алексеев 1980: 255].

Основное внимание авторы исследований уделяют аффективным глаголам, которые представлены лексемами с семантикой «любить», «видеть», «слышать», «знать», «помнить», «забыть», «понимать», «найти» и др. М.Е. Алексеев считает, что в настоящее время этот класс непродуктивен и лишь в немногих из нахско-дагестанских языков насчитывается свыше 20 лексем [Там же: 257]. При этом наиболее дискутируемыми являются не столько терминологические проблемы, сколько вопросы синтаксического статуса актантов, а

именно: какой из двух именных членов конструкции считать подлежащим, а какой – дополнением. Существуют разногласия и в вопросах, касающихся отношения аффективных глаголов к категории переходности-непереходности.

Существование дативной (аффективной) конструкции в лакском языке отмечали А. Дирр, И.И. Мещанинов, Г.Б. Муркелинский, Ф.А. Гайдарова, М.Е. Алексеев и др., хотя она подробному анализу и не подвергалась. Не был выделен весь класс аффективных глаголов, формирующих дативную конструкцию.

Из современных исследований по лакскому синтаксису можно отметить работы К.И. Казенина (2013) и Ж.Д. Башировой (2011). Так, основное внимание первого автора сосредоточено на вопросах классно-личного согласования, сама же конструкция определяется как «конструкция с переходным глаголом, в которой подлежащее выражено дательным падежом, а прямое дополнение – именительным падежом» [Казенин 2013: 84-86]. В работе Ж.Д. Башировой содержатся подробные сведения о дативной конструкции, представлен семантико-синтаксический анализ аффективных глаголов и других предикатов, формирующих данную конструкцию [Баширова 2011: 103–121].

По структурным особенностям класс аффективных предикатов в лакском языке представлен простыми и составными глаголами, а также недифференцированными в частеречном отношении предикатами и фразеоглолами – семантически неразложимыми фразеологическими сочетаниями.

В разряд производных аффективных глаголов входят следующие лексемы: *чІалан* ‘видеть’, *ккаккан* ‘увидеть’, *баян* ‘услышать’, *чІюхлан* ‘слышать’, *ххан* ‘казаться’, *ччан* ‘хотеть, любить’, *бувчІин* ‘понять’, ‘узнать’, *лахь-хьин* ‘научиться’, *лякьин* ‘обнаружить’, *бюххан* ‘произвести впечатление’, *кьутІин* ‘задеть, обидеться’.

Сложные глаголы аффективной семантики образуются от:

а) аморфных основ при помощи вспомогательных глаголов: *ххал_хьун* «увидеть», *хІисав хьун* «заметить», *хавар хьун* «услышать», *щуркІал хьун* «заподозрить», *хьама битан* «забыть», *сан хьун* «быть уважаемым», *итталу хьун* «считаться», «уважать» и др.;

б) основ прилагательных в сочетании с вспомогательными глаголами:

ххуй бизан ‘понравиться’, *тIааьн бизан* ‘показаться приятным’, *оьккан бизан* ‘показаться отвратительным’, *кIу бизан* ‘затруднить’, *нахIу лачIун* ‘пристраститься’, *бусрав хьун* ‘почувствовать признательность’ и под.

В роли аффективных предикатов выступают недифференцированные основы *кIул*, *ххира*, *аьркин*, *бучIи*, которые могут сочетаться с предикативными аффиксами и употребляться в роли сказуемых (*кIул-ли* ‘знаю’, *ххира-р* ‘знаю’, *аьркин-ни* ‘надо’, *бучIи-р* ‘можно’), а также сочетаться с вспомогательным глаголом *хьун* «стать»: *кIул хьун* «узнать», *ххира хьун* «полюбить» и т.д.

В функции предикатов аффективной конструкции выступают устойчивые глагольно-именные сочетания, в составе которых абстрактные существительные психоэмоционального состояния в номинативе сочетаются с вспомогательным глаголом *багьан* ‘упасть’: *гьира багьан* ‘увлечься’, *шавкь дагьан* ‘вдохновиться’, *тамахI багьан* ‘захотеть, почувствовать искушение’, *иштахI багьан* ‘захотеть есть’, *щак багьан* ‘заподозрить’, *яхI багьан* ‘засовеститься’, *пахру багьан* ‘почувствовать гордость’, *буруккин багьан* ‘переживать’.

В таких сочетаниях фиксируется начало состояния. Пребывание в названном состоянии может обозначаться глаголом бытия (*гьира бур*, *тамахI бур*, *пахру бур*, *буруккин бур*).

Существительные эмоционального и ментального состояния сочетаются также с глаголом *хьун* «стать»: *пикри хьун* ‘подуматься’, *нач хьун* ‘испытать стыд’, *ламус хьун* ‘испытать смущение’, *кьащи хьун* ‘испытать зависть’, *язугь хьун* ‘испытать жалость’, *цIими хьун* ‘пожалеть’, *душман хьун* ‘возненавидеть’, *асар хьун* ‘произвести впечатление’, *эшкьи хьун* ‘полюбить’, *кьадру хьун* ‘оценить по достоинству’.

С инфинитивом основного глагола сочетается вспомогательный глагол *бикIан* в следующих предикатах: *кьаччан бикIан* ‘обидеться’, *цIун бикIан* ‘почувствовать боль’.

В роли аффективных предикатов употребляются фразеологические сочетания с опорным словом *дакI* ‘сердце’: *дакI дуккан* ‘охладеть к кому-либо’,

дакІнин багъан ‘вспомнить’, дакІния буккан ‘забыть’, дакІний бикІан ‘помнить’. См. также лексему шану ‘сон’ в составе аффективных предикатов: шану биян ‘захотеть спать’, шану ххиен ‘лишиться сна’.

Восприятие запаха обозначается сочетанием къанкъ рищун (букв.: ‘запах ударить’).

В значении модальных предикатов долженствования, вынужденности употребляются глаголы бикІан ‘быть’ и багъан ‘упасть’, например:

Ттун шавай иян бур ‘Мне надо зайти домой’.

Танин оьл баххан багъунни ‘Ей пришлось продать корову’.

Учитывая, что некоторые аффективные глаголы имеют несколько значений (ччан ‘хотеть’, ‘любить’, кІулли ‘знаю’, ‘умею’), в лакском языке корпус аффективных предикатов, при которых имя субъекта восприятия и состояния употребляется в дательном падеже, насчитывает около 50 единиц.

Среди аффективных предикатов выделяется несколько **семантических групп**.

Предикаты восприятия (перцептивные предикаты) обозначают способ получения информации через органы восприятия (зрение, слух, обоняние): чІалан ‘видеть’, ххал хъун ‘увидеть’, ккаккан ‘увидеть’, хІисав хъун ‘заметить’, щуркІал хъун ‘заприметить, почуять’, ххан ‘казаться’, баян ‘услышать’, чІюхлан «невнятно слышать», къанкъ рищун ‘почуять запах’, къанкъ янхъа тІун (о сильном запахе).

При предикатах восприятия объект может быть выражен (1) именем (именной группой) в номинативе или (2) сентенциальным актантом: (1) *Ибрагьиннун душвараву Баху ххал хъуна* ‘Ибрагим среди девушек увидел Баху’; (2) *Ибрагьиннун Баху* (3 кл.) *щинав най ккакккуна* ‘Ибрагим увидел, что Баху идёт за водой’. Представляет интерес то, что глагол согласуется в классе и лице с именем в номинативе, ср.:

(2¹) *Ибрагьиннун Бахул нину* (2 кл.) *щинав най ккарккуна* ‘Ибрагим увидел, что мать Баху шла за водой’;

(2²) *Ттун ина* (3 кл., 2 лицо) *щинав най ккавккунав* ‘Я увидел, что ты шла заводой’.

Некоторые глаголы этой группы имеют свои особенности. Например, глагол *ххан* ‘казаться’ чаще употребляется не с именным, а с сентенциальным актантом: (3) *Ттун нпу* (1 кл. 3 л.) *шавай учІансса ххива* ‘Мне казалось, что отец вернётся домой’. С именем в номинативе согласуется как сказуемое в главной части (*нпу ... ххива*), так и глагольная форма зависимой части (*нпу... учІансса* (1 кл.)).

Глаголы *чІалан* ‘видеть’, *баллан* ‘слышать’, *кьанкь ришлан* ‘пахнуть’ могут употребляться без имени субъекта в дативе. В этом случае конструкция приобретает значение, близкое к страдательному: (4) *Архну зунттурду чІалай бия* ‘Вдали видны были горы’; (5) *РатІату неххал ххурхху баллай бия* ‘Из ущелья слышался шум реки’.

При глаголах слухового восприятия и обоняния объект восприятия обозначается, как правило, сочетанием общего имени в номинативе («звук», «запах») и конкретизирующего имени в генитиве: (5) *Шярава зурнав-дачІулул чІу баллай бия* ‘Из селения слышались звуки зурны и барабана’; (6) *Ччурччусса дикІул кьанкь ришлай дур* ‘Пахнет горелым мясом’.

Дативная конструкция при аффективных глаголах может трансформироваться и в биноминативную: (7) *Ттун* (датив) *цичІав* (номинатив) *кьабавунни* ‘Я ничего не слышал’ – (7¹) *На* (номинатив) *цичІав* (номинатив) *кьабаллай ура* ‘Я ничего не слышу’.

Ментальные предикаты обозначают ментальные процессы и состояния. К ним относятся следующие единицы: *бувчІин* ‘понять’, *лахьхьин* ‘научиться’, *кІул(-ли)* ‘знать’, *пикри хьун* ‘подумать’, *дакІнин багьан* ‘вспомнить’, *хьама битан* ‘забыть’, *дакІния буккан* ‘запамятовать’, *щак багьан* ‘засомневаться’, *щуркІал хьун* ‘заподозрить’ и под.

При этом следует учитывать, что некоторые из таких предикатов являются многозначными, как, например, *кІулли* (‘знать’, ‘владеть’, ‘уметь’), *бувчІин* (‘понять’, ‘идентифицировать’, ‘выбрать’), *лахьхьин* (‘научиться’,

(‘выучить’). В одних значениях они могут сочетаться с именами в номинативе (8), а в других – с сентенциальными актантами (9) или входить в состав инфинитивных конструкций (10):

(8) *Мусан лакку маз* (номинатив) *къаклулли* ‘Муса не знает (не владеет) лакского языка’ – (9) *Мусан клулссар на увклишуву* (герундийная конструкция) ‘Муса знает, что я приехал’ – (10) *Патиматлун чухъа щациан* (инфинитивная конструкция) *клулссар* ‘Патимат умеет ткать сукно’.

Сентенциальные актанты при ментальных глаголах чаще всего выражаются герундийными оборотами (см. (9)). Инфинитивные обороты мы рассматриваем как компоненты составных сказуемых, поскольку у глагола с модальным оттенком и смыслового глагола субъект является кореферентным (см.(10), где субъектом и глагола «уметь», и глагола «ткать» является одно и то же лицо).

Глагол *лахъхъин*, в зависимости от значения, образует дативную или эргативную конструкции: (11) *Оърчлан* (датив) *занан лавхъхъунни* ‘Ребёнок научился ходить’ – (12) *Оърчлал* (эргатив) *дарс* (номинатив) *лархъхъунни* ‘Мальчик выучил урок’. В (11) роль инфинитива может быть интерпретирована и как дополнение (научился чему?).

К предикатам, обозначающим **эмоциональные и оценочные** отношения, относятся такие единицы, как *ххира хъун* ‘полюбить’, *ччан хъун* ‘полюбить’, *эшкьи хъун* ‘влюбиться’, *къаччан хъун* ‘возненавидеть’, *нач хъун* ‘испытать стыд’, *къащи хъун* ‘испытать зависть’, *цлими хъун* ‘испытать сочувствие’, *къутлин* ‘огорчиться’, *тлааьн бизан* ‘испытать удовольствие’, *нахлу лачлун* ‘пристраститься’, *дакI дуккан* ‘охладеть к кому-нибудь’, *дакI дакъин* ‘прийтись по душе’ *сси бизан* ‘рассердиться’, *къадру хъун* ‘оценить по достоинству’ и под. Большинство из таких предикатов включают в свой состав имена в номинативе. Поскольку имя в номинативе входит в состав самого глагола (фразеоглагола), то объект эмоционального отношения в дативной конструкции оформляется одним из местных падежей, выбор которого может зависеть и от семантики глагольного компонента. Например:

дакI **дуккан** ‘разочароваться’ < кто: датив; в ком: ин-элатив > (*Ттун танав* дакI *дурккунни* ‘Я в нем разочаровался’, букв: Мне из него сердце вышло);

дакI **дакьин** ‘понравиться’ < кому: датив; кто: суперэссив > (*Ттун танай* дакI *даркьунни* ‘Мне он понравился’, букв: Мне на нём сердце согласилось);

сси **бизан** ‘разозлиться’ < кто: датив; на кого: суперлатив > (*Ттун танайн* сси *бивзунни* ‘Он меня разозлил’, букв: Мне на него зло поднялось);

эшкьи **хьун** ‘прлюбить’ < кто: датив; кого: пост-эссив > (*Ттун таных* эшкьи *хьунни* ‘Я в него влюбилась’, букв. Мне за ним любовь сделалась) и т.д.

Эмоционально-оценочные предикаты могут сочетаться и с сентенциальными актантами, чаще всего с масдарными оборотами:

(11) *Камил цаннийна учIаву душинин тIааьн кьабивзуна* ‘Девушке неприятно было от прихода Камиля в дом’.

Дативную конструкцию образуют и предикаты с **модально-волевыми значениями**. К ним относятся глаголы и предикаты (атрибутивно-адвербиальные основы) типа *ччан* ‘хотеть’, *багьан* ‘надо’, *бур* ‘нужно’, *аьркинни* ‘надо’, *бучIир* ‘можно’ и подобные, которые сочетаются с инфинитивами, образуя составное глагольное сказуемое: при наличии кореферентного субъекта рассматривать инфинитивную конструкцию в качестве сентенциального актанта с нулевым подлежащим нам кажется нецелесообразным:

(12) *Ттун Лаккуйн гьан ччай бур* ‘Мне хочется поехать в Лакию’.

Когда субъекты модального и смыслового глагола различаются, место объекта желания занимает сентенциальный актант – деепричастная или масдарная конструкция:

(12¹) *Ттун ина Лаккуйн лавгун* (деепр.) *ччай бакъар* ‘Я не хочу, чтобы ты уехал в Лакию’ – (12²) *Ттун ина Лаккуйн лагаву* (масдар) *ччай бакъар*.

Дативные конструкции этого типа могут иметь номинативные варианты:

(12³) *На* (номинатив) *Лаккуйн гьан ччай ура* ‘Я хочу поехать в Лакию’

В таких конструкциях модальное состояние желания, возможности, необходимости является более категоричным. Ср.:

- (13) *Ттун* (датив) *къатри даххан багъну бур* ‘Мне нужно продать дом’ –
(13¹) *На* (номинатив) *къатри даххан багъну ура* ‘Я вынужден продать дом’.

В дативной конструкции классно-личное согласование связано с инфинитивом, который ведёт себя как имя 3 кл. (*бур*), а в номинативной конструкции спрягаемая часть сказуемого согласуется с субъектом в номинативе (*ура*).

Таким образом, в дативной конструкции главным членом структурной схемы является имя в дативе. Второй ядерный член – имя в номинативе – является переменной величиной, испытывающей на себе влияние и со стороны структуры предиката, и со стороны особенной семантики предиката.

Значения датива в других типах синтаксических конструкций. Датив относится к ядерным падежам и, наряду со значением субъекта восприятия, имеет ряд и других значений:

1) при глаголах со значением «дать» датив кодирует роль бенефактива: *душини бутIа булун* ‘дать долю (наследства) дочери’; *зузалтран харж булун* ‘дать зарплату работникам’ и под. В этом значении датив (датив I) с посллативом (датив II): *щарссанихъхъун ариу дулун* ‘дать жене деньги’;

2) при глаголах созидания, приобретения дативом обозначается лицо, для которого совершается действие, или предмет, который является целью действия: *арснан къатри дан* ‘построить дом для сына’; *хъатIун ниц биххан* ‘зарезать быка на свадьбу’; *хъинишиврун хъуннав!* ‘да будет к добру!’ (благопожелание);

3) при предикатах, обозначающих выгоду или урон, дативом выражается объект действия или события: *нехру ялтту ларгун*, *халкъуннан хъунисса зараллу хъуну буру* ‘от разлива рек людям случился большой вред’; *машая инсаннан мюнпат бур* ‘от торговли человеку есть польза’;

4) при глаголах купли-продажи датив обозначает цену предмета: *ччатIул буханка I6 кIабикIран буссия* ‘буханка хлеба стоила 16 копеек’;

5) датив используется при обозначении возраста и характеризует субъект по его возрасту: *оьрчIан ряхра шин хъуссар* ‘мальчику исполнилось 6 лет’.

Датив встречается также в сочетании с глаголами с конструктивно обусловленными значениями или в качестве зависимых фразеоглаголов, напри-

мер: хъу урттун хъуну дуру ‘поле заросло сорняком’; *та ттун* зилув хъуна бавкъунни ‘она мне встретилась у родника’; танан ххуйсса щарсса бакIрайн дагъунни ‘ему попалась (букв. на голову упала) хорошая жена’ и под.

3.5. Семантика генитива

Генитив относится к ядерным падежам и отмечается многообразием функций. В именных словосочетаниях зависимый генитив выполняет атрибутивную функцию, в предикативных синтаксических конструкциях и их трансформациях генитив приравнивается к эргативу, то есть эргатив считается падежом, совмещённым с генитивом. Основано это утверждение на том, что у генитива и эргатива один и тот же падежный формант **-л**, присоединяемый к прямой или косвенной основе (*бутта* ‘отец’ – *бутта-л*, *арс* ‘сын’ – *арс-на-л*).

Однако сопоставление с родственными языками позволяет предположить, что фонема /л/ этимологически может иметь разное происхождение. Как формант генитива /л/ для лакского языка является исконным, поскольку он присутствует в форме генитива и в родственных языках, ср.: *вас* ‘сын’ – *васас-ул* (авар.), *дудеш* ‘отец’ – *дудеш-ла* (дарг.). В эргативе тот же звук /л/ может быть рефлексом другого, не сохранившегося согласного. Подтверждение этому находим в работе Е.А. Бокарёва [Бокарёв 1961: 75], где отмечено, что в лакском языке рефлексом звонкого латерального аффриката /длъ/ во всех позициях является сонорный /л/. В качестве примеров представлены лексемы *дулун* ‘дать’, *арул* ‘семь’, *лув* ‘внизу’ (и формант серии субэссива **-л**), в которых в аварском языке закономерно представлен рефлекс /кь/ – смычно-гортанный геминированный аффрикат: *къезе* ‘дать’, *анкъ* ‘семь’, *ганчIи-къ* ‘под камнем’ (*чари-лу* в лак.). В других языках тот же согласный дал иные закономерные рефлексy: ‘дать’ *нелIа* (цез.), *лъус* (арч.); ‘семь’ *олI* (цез.), *вилъа*; ‘под’ (формант местного падежа) *-лI* (цез.), *-къ* (арч.). Эти рефлексy отмечены и в других дагестанских языках, что позволяет считать, что в лакском языке генитив и эргатив по проис-

хождению являются разными падежами, форманты которых совпали в одном звуке. Как и в некоторых других языках, эргативное значение получил один из падежей локативной серии, а именно – серии субэссива. Почему именно эта серия, тоже можно логически объяснить: прямой объект переходного глагола (пациенс) находится под воздействием субъекта (агенса).

Таким образом, у нас есть основания для разграничения двух разных падежей: собственно генитива с исконным формантом /л/ и эргатива, формант которого представляет собой рефлекс прадагестанского латерального аффриката /дль/.

Можно отметить функции генитива в разных синтаксических структурах: именных и глагольных группах, в составе послеложных конструкций, а также в роли главных членов в составе предложений генитивной структуры.

3.5.1. Приимённый генитив и его семантика

Приимённый генитив является одним из самых употребительных падежей в лакском языке. Этим падежом выражаются основные значения относительных прилагательных, которые в лакском языке отсутствуют как лексические (словарные) единицы. Приимённый генитив выражает разнообразные атрибутивные отношения между именами. Формант генитива /л/ является общим как для единственного, так и для множественного числа: *бутта-л къатта* ‘отца дом (отцовский дом)’ – *буттахъа-л аьдатру* ‘обычай предков (отцов обычай)’.

В существующей литературе по лаковедению [Жирков 1955: 30–32; Муркелинский 1967: 492–493 и др., Штанчаев 2001: 14–15] отмечены основные слагаемые семантического поля генитива лакского языка. Подробно значения приимённого генитива в сопоставлении с русским языком нами освещены в одной из работ [см. Какваева 2009].

Лакское генитивное словосочетание строится по нормам синтаксических связей, действующих в дагестанских языках, которые считаются правоветвящимися языками (Е.А. Кибрик), то есть в них зависимые слова стоят

перед главными. Синтаксическая связь между главным и зависимым словами может быть определена как слабое управление. Генитив в дискурсе может осложниться определительно-выделительным (эксклюзивным) суффиксом -**мур** /-**ма**/ -**ми**, который согласуется с определяемым именем в числе (мн.ч. для всех классов -**ми**) и в классе (1 класс -**ма**, остальные классы -**мур**) и зачастую в предложении имеет сопоставительное значение: *Ниттилмур аякьа* (4 кл., ед. ч.) *личлсса диклай* ‘А материнская забота особая бывает’; *Ниттилма уссу* (1кл., ед.ч.) *архсса кланай ур* ‘А матери брат находится далеко’; *Лакку мазралми дарсру* (мн.ч.) *чансса дур* ‘А уроков лакского языка мало’.

Одним из основных значений генитива в лакском языке является значение **субъекта обладания**: *ссил чалагъай* ‘платок сестры’, *жалиндалул хъхъичл-хъиригсса* ‘приданое невесты’, *уссил ххаржан* ‘кинжал брата’, *хъа-маличунал ттукку* ‘осёл гостя’ и т.д. Такие сочетания представляют собой номинализации посессивных конструкций с глаголом существования (*Ттул ссил чалагъай дуссар* ‘У моей сестры есть (шёлковый головной) платок’).

Различные оттенки посессивных отношений можно отметить в именных словосочетаниях, в которых зависимый генитив обозначает **целое по отношению к части**, обозначенной определяемым словом: *къатлул магъи* ‘крыша дома’, *зунттул хъачл* ‘склон горы’, *гъухъул ухчлун* ‘подол платья’ и под. К этому значению близки сочетания, обозначающие единичное для несчётных существительных (массовидных, жидких, абстрактных понятий). Обозначение единицы в таких сочетаниях является определяемым, а целое обозначено генитивом: *къал-мул ккукку* ‘зерно пшеницы’, *урттул тлун* ‘былинка травы’, *цинал клунтл* ‘капля воды’, *цларал пиягъ* ‘искра огня’, *чаннал пилцлу* ‘проблеск света’.

К семантике целого и части близки сочетания, выражающие отношения родства и свойства, принадлежности к определённому коллективу: *буттал* *ляхъин* ‘отцовская родня’, *шыраваллил* *агъали* ‘жители села’, *райондалул* *баклчи* ‘глава района’ и под.

К этому же значению близко значение генитива, обозначающего *объект меры*. В качестве единицы измерения используются названия частей тела, названия различных сосудов и тарных предметов, транспортных средств: *иникIмалул хъат* ‘ладонь муки’, *цIвил кьеппи* ‘щепоть соли’, *кьалмул ссахI* ‘сах зерна’, *ахьулссаннул хьурзилу* ‘плетёнка (сапетка) фруктов’, *накьлил кIичIлу* ‘миска супа’, *ххалал ттукку* ‘вьюк сена (для одного осла)’ и т.д. При обозначении количества в общепринятых единицах мер и весов, а также при указании на количество предметов меняется порядок слов: имя в генитиве перемещается на второе место: *ца пут иникIмалул* ‘один пуд муки’, *кIира кило качарданул* ‘два килограмма сахара’, *шанна метра читлил* ‘3 метра ситца’. На первое место перемещается генитив и при обозначении дробных чисел: *ххуллул шанма бутIул ца бутIа* ‘одна из трёх частей дороги’.

Одним из самых частотных значений приимённого генитива является обозначение *материала*, из которого сделан предмет: *мусил кIисса* ‘золотое кольцо’, *читлил гьухъа* ‘ситцевое платье’, *дувссиулул варакьи* ‘медный кувшин’, *чинилулул кIичIлу* ‘фарфоровая миска’, *тIаннул кьуса* ‘деревянная ложка’ и т.д. К этому типу можно отнести и сочетания, обозначающие кулинарные изделия по их *ингредиентам*: *мечIал буркив* ‘чуду из крапивы’, *ккунукрал ххункIру* ‘вареники из яиц’, *кIуттал ккурч* ‘каша из солода’ и под.

Словосочетания с зависимым генитивом становятся составными наименованиями, выполняя номинативную функцию при обозначении предметов и явлений действительности. Составные наименования модели «имя в генитиве + имя» отмечены, например, в следующих терминологических группах:

а) термины родства и свойства: *буттал нину* ‘бабушка (отца мать)’, *уссил арс* ‘племянник (брата сын)’, *ласнал нину* ‘свекровь (мужа мать)’, *ссил лас* ‘сестры муж’, *щарнил нину* ‘тёща (жены мать)’ и под.;

б) терминологические названия растений: *кьягьул гьивч* ‘молодило (галки яблоки)’, *кьяцлул чIури* ‘козлобородка (козла борода)’, *ттуккул нис* ‘гриб (осла сыр)’, *ччиккул тIутIи* ‘примула (кукушки цветок)’, *хIухчил чIанIи* ‘подорожник (пастуха лист)’ и др.; большинство названий пород деревьев и

кустарников образуется путем сращения – образования сложного слова от словосочетания: гъивчул *мурхъ* ‘яблоня (яблоко дерево)’, *бъилилул мурхъ* ‘вишня (дерево)’, гъивхъхъул *мурхъ* ‘орех (дерево)’, щаххуллул *гъивч* ‘облепиха (терновника яблоки)’ и некоторые другие;

в) терминологические названия частей тела: бурхIал *ттаркI* ‘позвонок (хребта кость)’, вичIилул *пардав* ‘барабанная перепонка (уха занавеска)’, вичIилул *уттулу* ‘мочка уха (уха курдюк)’, ххинчулул *чу* ‘челюстная кость (челюсти конь)’, дакIнил *ула* ‘грудина (груди доска)’, кIиссурал *лякъа* ‘кончик пальца (пальца живот)’ и др.;

г) терминологические названия некоторых животных, птиц, насекомых: къурнил *кIулу* ‘мышка-полевка’ (поля мышь), хъхъирил *ккаччи* ‘тюлень (морская собака)’, заннал *оьл* ‘божья коровка’ и под.

По этой же модели образуются и названия детенышей животных. Опорными словами при этом являются *оьрчI* ‘дитя’ *карчI* ‘щенок’: аьнакIул *оьрчI* ‘цыпленок’, ччитул *оьрчI* ‘котенок’, ккаччил *карчI* ‘щенок’ и др.

При обозначении людей по профессии употребляются сложные номинации с опорным словом *усттар* ‘мастер’: уссал *усттар* ‘сапожник’, муххал *усттар* ‘кузнец (железа мастер)’, тIаннул *усттар* ‘столяр, плотник (дерева мастер)’ и др.

Много составных наименований встречается в номинациях предметов быта: майлул *чирахъ* ‘свеча (сала светильник)’, оьрчIал *кIану* ‘колыбель (детское место)’, кIараллил *къатта* ‘наволочка (подушки дом)’, чIавахъулттил *пардав* ‘занавеска (окна завеса)’ и др.

Данная модель является продуктивной и в образовании топонимической лексики: *Ханнал хIалу* ‘Ханский лес’, *Мирзал рахIру* ‘Лощины Мирзы’, *Аьзил Зилу* ‘Родник Ази’, *Къичил ккурчIа* ‘Очар Кичи’ и др.

Приимённый генитив может иметь и **субъектно-определятельное** значение. В этом случае в роли определяемого слова выступают абстрактные имена, называющие действия, процессы, состояния, свойства предметов, форму генитива получают носители названных признаков: усттарнал *даву*

‘работа мастера’, *хъуначунал махъ* ‘слово старшего’, *ниттил ччаву* ‘любовь матери’, *ккарччул къюву* ‘зубная боль’, *неххал ххурхху* ‘грохот реки’ и под.

Приимённое употребление является наиболее характерной чертой генитива в лакском языке. В этой позиции он замещает относительные прилагательные, обозначая различные типы атрибутивных отношений.

3.5.2. Приглагольный генитив

Глаголов, управляющих генитивом, в лакском языке мало. К ним относятся *буцIин* ‘наполнить’, *буччин* ‘насытиться’, *гъулутин* ‘измазаться’: *бадра щинал буцIин* ‘наполнить ведро водой’, *ччатIул буччин* ‘насытиться хлебом’, *усру къаркъарал гъулутин* ‘запачкать обувь грязью (в грязи)’. В данных сочетаниях имя в генитиве восполняет глагол, обозначая средство, необходимое для данного действия. Глаголы являются непереходными:

- (1) *Бадра щинал бувцIунни* ‘Ведро наполнилось водой’;
- (2) *Ятту урттул буччиннав!* ‘Да насытятся овцы травой!’;
- (3) *Кару уникIмалул гъулуртуну дур* ‘Руки измазаны тестом’;

Глагол *буцIин* может быть употреблён и в переходном значении:

- (4) *Душилл* (эрг.) *къарил* (примённый генитив) *варакъи щинал* (приглагольный генитив) *бувцIунни* ‘Девушка наполнила водой кувшин старушки’.

Комментарий к (4): эргатив (*душилл*), формально совпадающий с генитивом, кодирует роль агенса (субъекта действия); существительное в номинативе *варакъи* ‘кувшин’ является прямым дополнением (роль пациенса); приимённый генитив выступает в роли определения (*къарил варакъи*), а приглагольный генитив (*щинал*) является косвенным дополнением.

Соотносительные переходные глаголы, как правило, образуются стандартно — при помощи вспомогательного глагола *бан* ‘сделать’: *буцIин /буцIин бан* ‘наполнить’, *буччин бан* ‘накормить, насытить’, *гъулутин дан* ‘измазать’. В этом случае модель управления глагола выглядит так: <кто: эргатив; кого: номинатив; чем: генитив >:

(5) *ПатIиматлул шярайхукку дукралул уччин увуна* ‘Патимат накормила нищего (букв.: насытила едой)’.

Генитивом управляет и многозначный глагол *бугъан* в следующих значениях:

1. «Быть покрытым, закрытым (обычно – тучами, туманом)»; в словаре (2018) не отмечено. В данном значении глагол является непереходным и образует номинативную конструкцию:

(6) *Баргъ ттуруллул бугъунни* ‘Солнце скрылось за тучей (букв: солнце тучей поймано)’.

2. «Быть во власти чего-л.» – чаще всего о болезни, негативных эмоциях: *цIуцIаврил угъан* 1) тяжело заболеть; 2) испытывать сильную досаду; *дякъил угъан* ‘заболеть ревматизмом’, *къащилул угъан* ‘испытывать зависть’, *сситтул угъан* ‘испытывать злость’. Такие сочетания могут быть интерпретированы как несвободные, фразеологически связанные. Они образуют номинативные конструкции, в которых номинативом обозначен субъект состояния:

(7) *Къужа дякъил увгъуну ур* ‘Старик болен ревматизмом’.

3. «Держать, иметь в руках»: *лу канил бугъан* ‘взять в руки книгу’ – генитив при переходном глаголе употреблён в инструментальном значении, в котором глагол образует эргативную конструкцию с субъектом в эргативе:

(8) *Танал (эрг.) лу (ном.) канил (ген.) къабугъай* ‘Он книгу в руки не берёт’.

Значение, близкое к инструментальному, имеет глагол и в сочетании *къатIул бугъан* ‘попасть в капкан’:

На вичIан учIавияв, увгъунна муххал къатIул ‘Я бы пришёл тебе – попал в железный капкан’ (из песни «Гъухъаллал Къайдар») – в примере представлены два генитива – приимённый в атрибутивной функции (*муххал къатIа* ‘железа капкан’) и приглагольный (*къатIул увгъунна* ‘попал в капкан’).

4. «Посадить, посеять» в словаре И.Х.Абдуллаева [Абдуллаев 2018] даётся как омоним. В данном значении переходный глагол может управлять и генитивом. Он образует модели управления трёх типов:

а) <кто: эрг.; что: ном. > *хъу дугъан* ‘поле посеять’;

б) <кто: эрг.; что: ном.; где: интерессив >: *хъув нувици бугъан* ‘в поле картофель посадить’;

в) <кто: эрг.; что: ном.; чем: генит. > *хъу нувицул дугъан* ‘поле картофелем посадить’.

Каждая из моделей управления имеет своё значение:

а) общее значение о весенней полевой работе (вспахать и посадить выбранную культуру);

б) конкретное значение – что сажается в поле, при этом в роли прямого дополнения выступает название культуры, а место посадки перемещается на периферию;

в) данная конструкция является вариантом конструкции (б), где изменены роли актантов: в роли прямого дополнения выступает место посева/посадки (прямое дополнение), а название культуры получает форму генитива, понижаясь до косвенного дополнения. Пример с генитивом:

(9) *Гъашины тайннал* (эрг.) *хъу* (ном.) *нувицул* (ген.) *дургъунни* ‘В этом году они поле картофелем засеяли’. Более регулярным является употребление варианта (б).

Кроме приведённых выше глаголов и их значений, с генитивом сочетаются и некоторые другие глаголы, обозначающие явления природы или события. Глаголы *ласун* ‘взять’, *ччуччин* ‘сгореть’, *бутан* ‘свалить’, *бюкъан* ‘поглотить’ имеют фразеологически связанные значения: *неххал ласун* ‘быть унесённым рекой’, *цIарал ччуччин* ‘сгореть в огне’, *ккуллалул утан* ‘быть сражённым пулей’, *щяллил бюкъан* ‘быть проглоченным землёй’ (ср. в русск.: земля под ними разверзлась). Такие сочетания образуют конструкции, формально сходные с эргативом. Но название той стихии, которая оформлена генитивом, не может быть интерпретирована как подлежащее, о чём говорит и порядок слов. См.:

(10) *Чи неххал лавсунни* ‘Ягнёнка унесло рекой’;

(11) *Магъи мурчал ларсунни* ‘Крышу сорвало ветром’ и под.

Отличие таких конструкций от эргативных заключается и в том, что они не трансформируются в биноминативные:

(10¹)* *Нех ч/и ласлай дур*. ‘Река уносит ягнёнка’.

Генитив в таких событийных конструкциях может быть интерпретирован как компонент сказуемого, выраженного устойчивым глагольно-именным сочетанием.

Таким образом, некоторые глаголы управляют генитивом, который выступает в синтаксической функции непрямого дополнения. Характерны в этом отношении глаголы *буц/ин* ‘наполнить/наполниться’, *буччин* ‘насытиться’. Многозначный глагол *бугьан* ‘поймать’ управляет генитивом в отдельных значениях, а также входит в состав устойчивых, синтаксически неразложимых словосочетаний, обозначающих различные состояния субъекта или природные явления (события).

3.5.3. Генитивные конструкции предложения

Конструкции, в которых имя в номинативе выполняет функцию субъекта, мы определяем как генитивные конструкции. В некоторых работах такие конструкции называются посессивными (И.И.Мещанинов 1984 и др.), предпочтительнее называть их, как и другие, по падежу субъекта.

В данной работе выделены два типа генитивных конструкций:

- 1) генитивные конструкции с посессивным значением;
- 2) генитивные конструкции с предикатами, обозначающими болезненные состояния субъекта.

Первая генитивная конструкция встречается при глаголах существования.

Глагол существования *бик/ан /бур* ‘быть’ употребляется и как двухместный глагол с посессивным значением ‘иметь’. В посессивной (генетивной) конструкции предмет обладания – имя в номинативе – претендует на синтаксическую роль подлежащего. Вторая валентность заполняется именем субъекта обладания в форме генитива: (1) *Жул колхозрал* (генитив) *ч/явусса ятту*

(номинатив) *буссия* ‘У нашего колхоза было много овец’. Генитив в конструкции обозначает неотчуждаемую принадлежность предмета лицу или группе лиц. В ситуации, когда предмет находится в распоряжении лица, позицию субъекта занимает имя в эссиве (показатель **-хь**): (2) *Колхозрал хъуру* (номинатив) *утти арендаторахь* (эссив) *дур* ‘Колхозные земли теперь находятся у арендаторов’. Наличие предмета у лица и возможность им распоряжаться обозначается адессивом (**-ч1а**): (3) *Мусач1а* (адессив) *арцу* (номинатив) *дуссар* ‘У Мусы есть деньги’.

Можно предположить, что значение посессивности у глагола существования *бик1ан* развилось на базе значения локализованного существования: область локализация → обладатель/распорядитель.

В работе Ж.Д.Башировой «Структурно-семантические типы простого предложения в лакском языке» [Баширова 2011: 51] отмечается и употребление комитатива в функции, близкой к посессивной: *Бак1рал чагъаргу* (номинатив) *ттуцала бур* ‘И паспорт имеется при себе’.

Как особый тип отмечены «предложения обладания» в работе К.И. Казенина «Синтаксис лакского языка» [2013: 65–66]. К.И. Казенин считает, что в отдельных случаях обладатель может быть выражен и дательным падежом: (4) *Мунияту гайннал музыкалунгу* (датив) *бивк1у* (номинатив) *бакъассар* ‘Поэтому и их музыке нет смерти’. Но, на наш взгляд, в данном случае дативом выражено свойство субъекта, его качество.

Посессивные конструкции с родительным принадлежности некоторыми исследователями рассматриваются как особый тип конструкции наряду с номинативными, эргативными, дативными (И.И. Мещанинов 1984), при этом роль субъекта обладания рассматривается как подлежащее. В названных выше работах объект обладания в номинативе рассматривается как подлежащее. В работах И.И.Мещанинова и его последователей мы наблюдаем семантический подход в характеристике синтаксических отношений, а у Ж.Д. Башировой и К.И. Казенина наблюдаем формально-грамматический подход, то

есть подлежащим считается имя в номинативе, от которого зависит форма сказуемого (класс, лицо/число).

Конструкции с глаголом существования, выражающие разные оттенки отношения обладания между субъектом и объектом, могут быть названы по падежу субъекта генитивно-посессивной, посессивной (с эссивом на **-хь** серии посессива) и адессивной (падежный формант **-ч1а**).

Втррой тип генитивной конструкции отмечен при предикатах, обозначающих болезненные состояния субъекта. Подобных предикатов в языке немного, к ним относятся глаголы *ц1ун* ‘болеть, испытывать боль’, *ччун* ‘чесаться’, *гьанан* ‘кружиться (о голове)’, *щаран* ‘кипеть (о крови)’, *гьалак хьун* ‘всколыхнуться (о злобе)’, *х1уркку т1ун* ‘шататься (о зубе)’ и т.д. В таких конструкциях субъект состояния кодируется генитивом, а номинатив оформляет орган или вещественные носители состояния (части тела, кровь, желчь и под.). Глагол-сказуемое при этом согласуется с именем в номинативе, в котором сосредоточены болезненные ощущения лица. Собственно состояние обозначает комплекс «имя в номинативе + глагол», носителем состояния является имя в генитиве. Элементарные предложения данной структуры имеют следующую схему: [имя в генитиве + имя в номинативе + глагол].

Приведём некоторые примеры:

- (1) *Ттул ликри ц1ий дур* ‘У меня болят ноги’;
- (2) *Танил яру бурувххуну бур* ‘У неё глаза опухли’;
- (3) *Вил кару ччуй дуриг?* ‘У тебя руки чешутся?’;
- (4) *Оьлил льякьа лархьун дур* ‘У коровы вздулся живот’;
- (5) *Ттул дак1 оьзлай дур* ‘Меня тошнит (букв. У меня тошнит сердце /грудь)’;
- (6) *Танал оь щаран бивк1уна* ‘У него кровь вскипела’;
- (7) *Танил сси гьалак хьуну бур* ‘У неё желчь взволновалась’;
- (8) *Ттул ккарччи х1уркку т1ий дур* ‘У меня зуб шатается’.

В таких конструкциях при поверхностном взгляде имя в генитиве может быть интерпретировано как определение к имени в номинативе. Но этому препятствует интонационный рисунок, фраза делится на две части: 1) носитель состояния в генитиве, 2) названия состояния – «номинатив + глагол» (*Тул / ликри цлий дур*).

Кроме того, такие конструкции допускают и биноминативную трансформацию: (9¹) *Танал* (генитив) *бакI цлий бур* 'У него болит голова' → (9²) *На* (номинатив) *бакI цлий ура* 'Он в состоянии «голова болит»'. В генитивной конструкции обозначена область, охваченная состоянием, во втором случае сам субъект является носителем состояния. Оно представлено как длительное, стабильное. Есть свои особенности и в согласовании: в генитивной конструкции (9¹) глагол в классе и лице согласуется с объектом (3 кл., 3 л.), в биноминативной (9²) – субъектом (1 кл., 3 л.).

В конструкциях генитивной структуры существует проблема выбора подлежащего. При формальном подходе подлежащим может быть признано имя в номинативе, а имя в генитиве является субъектным дополнением, но не определением (Не: «Моя голова болит»).

3.5.3. Генитив в словообразовании

Генитив участвует и в словообразовании глагола: в сочетании с глаголом *хьун* 'стать' он образует сложносоставные глаголы и может иметь и переходные корреляты с глаголом *бан* 'сделать'. К таким предикатам относятся, например, следующие единицы: *янил хьун / янил бан* 'сглазить' (я 'глаз'), *ккашил хьун* 'проголодаться' / *ккашил бан* (*ккаши* 'голод'), *мукъул хьун* 'быть оклеветанным' (*махъ* 'слово'), *къатлул хьун* 'обрести семью' (*къатта* 'дом'). В некоторых сочетаниях сохранился архаичный масдар, который в современном языке не употребляется, например: *лигъулул хьун* 'подморозиться' (от **лигъу* от *лигъин* 'подморозить'), *ххи-нил хьун* 'разбежаться в испуге' (**ххи..* от *ххиен* 'испугаться, вспугнуть').

Генитив, осложнённый атрибутивным суффиксом **-сса**, выступающим в роли клитики, в сочетании с глаголом *бан/буллан* 'сделать, делать' получает

значение ‘заниматься, справиться с работой, обозначенной именем в генитиве’: *къатлулсса бан* ‘справиться с домашней работой’, *оърчIалсса бан* ‘позаботиться о детях’, *гъаттаралсса бан* ‘справиться со скотиной’ и т.д.

Особого рассмотрения требуют послеложные конструкции, которых в данной работе мы не касаемся.

Таким образом, исконный генитив в лакском языке является одним из самых частотных в употреблении и многофункциональным падежом. Функции же эргатива, которые фонетически совпали с генитивом, ограничены в основном ролью агенса в эргативной конструкции.

3.5.4. Генитив в послеложно-глагольных конструкциях

Послелогии и их место в морфологии. Наличие в лакском языке особых служебных слов было отмечено ещё первым исследователем дагестанских языков П.К. Усларом, в частности он отмечал: «Изобилие местных падежей в лакском языке делает почти излишним употребление *прилогов* (postpositions). Такие употребляются преимущественно для того, чтобы придать выражению более определённости» [Услар 1890: 190]. В дальнейшем эта группа слов под названием «послелогии» входит в описательные грамматики лакского языка.

П.К.Услар включил в состав «прилогов» следующие слова с их «видоизменениями», то есть формами местных падежей: *вив* ‘внутри’, *ялув* ‘наверху’, *лув* ‘внизу’, *махъ* ‘позади’, *чIарав* ‘рядом’, *дянив* ‘среди’, *лагма* ‘вокруг’, *цIаний* ‘для’, *кIаний* ‘вместо’. Почти все «прилоги», кроме *цIаний* и *кIаний* обозначают пространственные отношения и указывают на локализацию объекта и направление движения по отношению к пространственному ориентиру.

Некоторые из «прилогов» П.К.Услар включает и в состав наречий места, например, такие, как *махъ*, *ялув*, *лув*, *вив*. К наречиям отнесены также схожие с ними лексемы *хъхъичI* ‘впереди’ с его «видоизменениями» (*хъхъичIа* ‘спереди’, *хъхъичIун* ‘вперед’, *хъхъичIунай* ‘по направлению вперед’) и *хъирив* ‘за, вслед’ [Там же: 197].

В работах Л.И. Жиркова [1955], Г.Б. Муркелинского [1971], послелого рассматриваются недифференцированно и характеризуются как наречия-послелого. Состав послелогов Л.И. Жирков дополнил лексемой *дянив* ‘между’ с её падежными формами: *дянивун* ‘между, в середину’, *дянивату* ‘из середины’, *дянивух* ‘через середину’, *дянивнай* ‘по направлению между, в середину’. Автор отмечает, что наречия-послелого имеют ограниченную парадигму склонения и образуют лишь те падежные формы, которые являются необходимыми для выражения локальной семантики. Обращается внимание и на то, что в переносном смысле они употребляются и для выражения временных значений [Жирков 1955: 130].

Г.Б. Муркелинский считает, что к наречиям-послелогам могут быть отнесены и «служебные частицы: *-куна (-у), -ксса, -нияр (-яр)*». Примера на употребление *-куна* в работе нет, поэтому неясно включение данного слова в состав послелогов [Муркелинский 1971: 243].

И.Х. Абдуллаев рассматривает послелого как служебные слова, которые «передают временные, причинные, целевые и другие отношения, которые не могут быть выражены падежными формами». Автор описывает данный разряд слов с позиций развития языка. «Послелого первоначально использовались для передачи пространственных значений, из которых в ряде случаев естественно возникают и временные значения, – пишет он. «В процессе развития языка послелого начинают использоваться не только для выражения пространственных (и отчасти временных) значений, но и для передачи субъектно-объектных отношений, более того, развитие языка и необходимость выражения более абстрактных отношений вызывает и возникновение новых послелогов – некоторые лексические единицы, в особенности существительные, имеющие локальное значение, начинают использоваться в функции послелогов и постепенно переходят в разряд последних» [Абдуллаев 2010: 273].

В семантическом отношении И.Х. Абдуллаев делит послелого на *местные* и *неместные*. К местным отнесены в первую очередь «наречия-послелого», обозначающие пространство, как правило, снабжённые формантами тех или иных

серий локативных падежей (*ялув* 'наверху, над', *лув* 'внизу, под', *вив* 'внутри, в', *хьхьичI* 'впереди, перед', *махъ* 'сзади, за', *чулук* 'сбоку', *хьирив* 'позади', *лагма* 'вокруг', *дянив* 'в середине', *чIарав* 'рядом' и др.). Местные послелогии имеют парадигму склонения (исключение составляют *лагма* и *хьирив*) и выступают в формах выражающих покой (эссивы) и движение (лативы).

Неместные послелогии, как отмечает И.Х.Абдуллаев, находят широкое применение при выражении целевых, причинных, сопроводительных, сопоставительных, определительно-ограничительных и других абстрактных значений. «По своим грамматическим особенностям и выполняемым функциям они тяготеют к аффиксальным элементам, нежели к лексическим единицам» [Абдуллаев 2010: 274].

В группе неместных послелогов представлены, по мнению автора, различные именные (обычно в суперэссиве) и глагольные (деепричастия) формы, сохраняющие и свои нарицательные значения. В эту группу входят: *цIаний* 'ради, из-за', *ххулий* 'ради, из-за' (ср. *аллагьнал ххулий* 'ради бога'), *кIанай* (*кIанттай*) 'вместо', *ялу* 'ради, из-за', *хIакъираву* 'относительно, о', *архIал* 'вместе', *лажиндарай* 'на протяжении' (ср. *шинал лажиндарай* 'на протяжении года'), *бурувгун* 'по сравнению', *бувну* 'судя по, согласно', *акъā* (*бакъā*, *дакъā*) 'без', *акъа* (*бакъа*, *дакъа*) 'кроме', *ххишала* 'кроме'), *бакIрай* 'в начале' (*шинал бакIрай* 'в начале года'), *зумуну* 'как, по' (*цала зумуну* 'по-своему'), *сававну* // *сававрай* 'из-за', *хIисаврай* 'в качестве, как', *лавхьхьуну* 'сообразно' и др. [Абдуллаев 2010: 274–275].

К послелогам может быть отнесено, как считает И.Х.Абдуллаев, и «изменяемое по классам слово-суффикс» **куна** (**кунма**, **кунна**) 'как'. Однако данная единица не управляет каким-либо одним падежом имени и может сочетаться с разными синтаксическими единицами, сравнительными конструкциями разного типа. Как и Г.Б. Муркелинский, к этому же типу служебных слов И.Х. Абдуллаев относит и аффиксальные элементы, выражающие сравнительно-сопоставительные отношения **-ксса**, и **-нияр** (**-яр**). На наш взгляд, **-яр** представляет собой формант сравнительного падежа, поскольку присое-

диняется к косвенной основе (*нитти-яр* ‘чем мать’, *арсна-яр* ‘чем сын’, *душ-ни-яр* ‘чем дочь’. Элементы **-ксса** и **-нияр**, как и **кунā**, являются энклитиками, которые могут сопровождать имя в любой падежной форме: *ниттичIа-нияр* ‘чем у матери’, *ниттичIа-уксса* ‘столько, сколько у матери’, *арснанияр* ‘чем сыну’, *душнихь-нияр* ‘чем у дочери’ и т.д.

Исходя из этого принципа, трудно отнести к послелогам и *бакъа* ‘кроме’, сочетаемость которого не ограничена одним падежом, например: *танал дакъа дакъар* ‘кроме него, нет (у других)’, *танахъ бакъа* мабусара ‘кроме него, (никому) не говори’. Конструкции с данной энклитикой требуют отдельного изучения, как и сравнительные конструкции.

Наречия-послелогии и отымённые послелогии управляют, как правило, родительным падежом. Послелог *архIал* ‘вместе с’ употребляется с сопроводительным падежом с формантом *-ицал* (*ниттиицал архIал* ‘вместе с матерью’).

Послелогии, в состав которых входят и «наречия-послелогии», наиболее полно представлены, таким образом, в названной работе И.Х. Абдуллаева [Абдуллаев 2010: 273–277].

Рассматривая соотносительные с послелогамии локативные наречия, автор считает, что, употребляясь с теми или иными глаголами, они приобретают значение приглагольных приставок (превербов). Однако такой путь – от наречия-послелога до глагольной приставки – отмечен только у элемента *ви-* (←*вив*): *вилахъан* ‘вздуться (о животе)’, *вилаган* ‘прополоскать’, *вибуцIин* ‘быть насыщенным изнутри’ и др. [там же: 263–264].

В небольшой главе «Послеложные сочетания» в разделе «Словосочетания» монографии К.И. Казенина «Синтаксис лакского языка» [2013: 49–51] в составе предложений представлены послелогии *чIарав*, *лагма*, *вив*, *ялув*, *лув*, *чулухунай*, *чулийнмай*, *хъхъичI*, *архIал*. Автор дополнил список послелогов словами *къатIув* ‘вне, за пределами’, *овван* ‘назло’.

Таким образом, исследователи лакского языка ограничиваются описанием послеложно-именных сочетаний в морфологии и их синтаксических отношений в пределах простого предложения.

Обобщая материал, представленный в исследованиях по лакскому языку, основное внимание мы уделяем наречиям-послелогам, сочетающимся одновременно с именем и глаголом.

Таблица

Наречия-послелог и их падежные формы

эссив	элатив	транслатив	терминатив	аллатив
вив 'внутри'	вивату	вивх	вив(н)	вивнмай
ялув 'сверху'	яла(ту)	ялтту	ялун	ялунмайлуп-
лув 'внизу'	лувату	лултту	лув	пай
махъ 'позади'	махъа (ту)	махъух	махъун	махъунмай
ч1арав 'около'	ч1арату	ч1арах	ч1арав(н)	ч1аравнмай
ч1арац1 'рядом'	ч1арац1а	ч1арац1ух	ч1арац1ун	ч1арац1унмай
дянив 'среди'	дянива	дяних	дянив (н)	дянивнмай
хъхъич1 'перед'	(ту) хъхъич1а	хъхъич1ух	хъхъич1ун	хъхъич1унмай

Как видно из таблицы, послелог и имеют формы направительных падежей, как и имена. Формы с показателем **-в** соотносятся с серией интерэссива имён и наречий (ср. *арив* 'на равнине', *къатлув* 'вне дома'). В аллативе они употребляются в значении наречий и могут иметь классные формы двух типов – с классными показателями **0/в** (1 кл.), **н/рд** (2 кл.) и **м/пп** (3кл): *ч1аравнай /ч1аравай хъу*; *ч1аравннай /ч1арардай хъу*; *ч1аравнмай /ч1аранпай хъу* 'стань рядом'. Показатель **-хъ** (*махъ* 'позади') и показатель постэссива **-х** этимологически являются рефлексам одной фонемы. В этом ряду неясно происхождение конечного **/ч1/** в послелог *хъхъич1* 'перед', возможно, он является рефлексом показателя контэссива **/ц1/**.

Послелог *хъири* 'вслед, за', *лях* 'между', *ц1аний* 'для, ради', *арх1ал* 'вместе', *х1акъираву* 'по поводу' не имеют других форм. Все послелог, за исключением *арх1ал*, управляют генитивом. Послелог вместе с зависимым именем выполняет функцию дополнения или обстоятельства. Например:

(1) *Къатрал чIарав ттучан бур* ‘Рядом с домом находится магазин’ (обстоятельство места);

(2) *Къатрал цIаний ихтилат багъунни* ‘Из-за дома состоялся разговор’ (обстоятельство причины);

(3) *Душ ниттицал архIал хIуй бур* ‘Дочь вместе с матерью жнёт’ (дополнение).

В послеложно-именных конструкциях носителем синтаксического значения является не падежная форма имени, а семантика послелога.

Здесь мы вплотную подходим к функции наречий-послелогов, на которую исследователи лакского языка до сих пор не обратили внимания. Речь идёт о наречиях-послелогах, которые могут быть названы глагольными проклитиками, выполняющими словообразовательную функцию, являющуюся не менее частотной, чем функция послелога. Например, наречие-послелог *ялув* ‘наверху’, сочетаясь с непроеизводными глаголами разной семантики, образует единицы глагольной номинации словного типа: *ялув бацIан* ‘опекать’, *ялув бухIан* ‘навязать’, *ялув ликкан* ‘назойливо просить, докучать’, *ялув хъян* ‘высмеивать’, *ялув зун* ‘работать над чем-л.’ *ялув хъун* ‘задолжать’, *ялув бан* ‘вменить в долг’ и под.

В подобных сочетаниях компоненты с пространственными значениями выполняют роль приставки, сохраняя и управление генитивом имени: *къурнил ялтту уккан* ‘осмотреть поле’, *бурттигъунал хъириг лаян* ‘догнать всадника’. Сочетания модели «генитив + послелог + глагол» представляют собой устойчивые глагольно-именные сочетания, в которых имя в генитиве выполняет функцию самостоятельного члена предложения. «Наречие-послелог» в них выполняет двойную функцию, являясь для глагола как бы приставкой и сохраняя сильное управление с существительным в генитиве.

В отдельных случаях наречия-послелогои «теряют» управляемое имя и употребляются как составные глаголы, например, *ялтту гъан* ‘сбежать (о молоке)’, *ялтту буккан* ‘проконтролировать’ (букв. ‘сверху пройти’), *ял-*

тту ишин ‘обнаглеть’ (букв. ‘сверху расположиться’), *хьирив агьан* ‘погнаться’ (букв. ‘вслед упасть’) и др.

Некоторые из глаголов с послелогом управляют другим падежом, соответствующим семантике самостоятельного составного глагола, например, *ялув хьун* в значении ‘быть оштрафованным’, который управляет супрессивом: *Танай* (суперэссив) *ачIа* (номинатив) *ялув хьунни* ‘Ему вменён штраф’ (Букв.: ‘На нём штраф сверху стал’).

Сочетания глаголов с «наречиями-послелогом» *махъ* ‘позади’, ‘после’ и *хьхьичI* ‘впереди’, ‘раньше’, а также их формы *махъун* / *махъунай* ‘назад’, *хьхьичIун* / *хьхьичIунай* ‘вперёд’ могут управлять именами в форме компаратива (аффикс **-яр/-нияр**): *уссияр хьхьичIун буккан* ‘опередить брата’, *ссияр махъун агьан* ‘отстать от сестры’.

Однако в данном разделе мы рассматриваем случаи употребления глагольно-послеложных сочетаний, сохраняющих управление генитивом имени. Материал систематизируется по общему значению наречий-послелогов (т.е. послелога имени и предлога глагола).

Глагольные сочетания с компонентом ялув ‘наверху’ и его локативных форм.

В составе сочетаний модели «генитив + послелог + глагол» послелог с общим значением ‘верх’ встречается в формах **ялув** ‘наверху’, ‘на’, ‘над’, **ялун** ‘наверх’, ‘на’, **ялтту** ‘поверху’, ‘над’, **яла (ту)** ‘сверху’, ‘с’.

Сочетания «генитив+ **ялув**» могут иметь разные значения и вступать в разные синтаксические отношения в составе предложения.

В сочетаниях с предикатами позиции данный послелог встречается редко, поскольку с ним конкурирует суперэссив (-й ‘на’), а послелог **ялув** в сочетании с генитивом, как правило, имеет значение «над». Ср.: (1) *ВацIиллуй ттурлу дур* ‘На (горе) Вацилу есть тучи’ – (2) *Барз ВацIиллул ялув бавцIуну бур* ‘Луна стоит над Вацилу.’ В таких конструкциях сочетания генитива с послелогом выступают в роли единого члена предложения – обстоятельства

места, где значение самого ориентира выполняет имя, послелог конкретизирует локацию ориентира.

Сочетание «**генитив+ ялув**» приобрело абстрактное значение, обозначая цель действия: (3) *Хъунил ялув тайннал хъунннасса къалмакъал хъунудур* 'Из-за земельного участка случился большой скандал'.

С некоторыми глаголами наречие-послелог **ялув** образует устойчивые сочетания, сохраняя при этом управление генитивом имени в роли непрямого объекта. При этом генитив выступает как самостоятельная синтаксическая единица – не прямое дополнение, а послелог-наречие входит в состав глагола-сказуемого как его неавтономный компонент (наподобие глагольной приставки). В такие фразеологизированные сочетания с наречием-послелогом **ялув** входят глаголы:

1) *бацлан* 'стать, стоять': *ялув бацлан* 'ухаживать, присматривать, опекать' (*ОърчIру нитти-буттал* (генитив) *ялув бавцIуну бур* 'Дети присматривают за родителями');

2) *бухлан* 'связать': *ялув бухлан* 'навязать' (*Къатрах бургангу ттул / ттуй* (генитив/суперэссив) *ялув бухлунни* 'Присмотреть за домом тоже мне навязали');

3) *ликкан* 'спуститься; стать на стоянку': *ялув ликкан* 'насесть на кого-л. с постоянными претензиям' (*Тай ттул* (генитив) *ялув ливккун бур, къатри даххи тIий* 'Они насели на меня, требуя продать дом').

В предложениях с приведёнными предикатами имена выступают в роли непрямого дополнения, обозначающего объект, подвергающийся действию.

Сочетания «**генитив + ялтту**» в роли самостоятельного члена предложения встречаются при глаголах *рутан* 'накинуть', *ялтту рутIин* 'обдить' *дакъин* 'обить', *дуккан* 'покрыть', *дугъан* 'намазать', конкурируя с супер-транслативом (-йх). Например: *магъуйх шифер бакъин / магъул ялтту шифер бакъин* 'покрыть крышу шифером'. При этом локативный падеж тяготеет к объектной семантике ('покрыть крышу'), в то время как послеложное сочетание ближе к семантике обстоятельственной ('на крыше настелить'). Соче-

тания «генитив+ ялтту» становятся необходимы для выражения значения «над», поскольку падежа с таким значением в языке нет: *Самолёт шагьрулул ялтту* лехлай дур ‘Самолёт летит над городом’.

Устойчивые сочетания с наречием-послелогом **ялтту** образуют глаголы *буккан* ‘пройтись’, *хяххан* ‘броситься’, *бучлан* ‘спуститься’:

1) *ялтту буккан* ‘надзирать’: *къурнил ялтту уккан* ‘обойти поля с проверкой’;

2) *ялтту учлан* ‘простить’ (букв. ‘перешагнуть через...’): *бунагырттал ялтту учлан* ‘простить грехи’;

3) *ялтту хяххан* (перен., букв. ‘перепрыгнуть’) ‘не посчитаться с чьим-либо мнением’: *нитти-буттал ялтту хяхвххун щар хьун* ‘не посчитавшись с родителями, выйти замуж’.

В предложениях с такими предикатами функция генитива близка к функции прямого дополнения (форма входит состав ядерных членов), а непереходные глаголы движения в сочетаниях с послелогом-наречием семантически приближаются к переходным глаголам.

Безгенитивное употребление сочетаний «**ялтту** + глагол» наблюдается в сочетаниях *ялтту нан* ‘бежать – о молоке’, *ялтту ишин* ‘обнаглеть’, *ялтту ликкан* ‘освободиться от бремени, родить ребёнка’ (букв. ‘сойти сверху’) (в благопожелании беременной – *Бигъану ялтту ликканнав!* ‘Да легко родит!’).

Сочетания «**генитив + ялун**» соотносятся с лативом с формантом **-йн** и в локативном значении встречаются с глаголами *бутан* ‘кинуть, бросить’, *бичин* ‘насыпать’, *зурзу бан* ‘посыпать’, *бутлин* ‘налить’, *лакьин* ‘накрыть’ и под.: *диклуйн цлу зурзу бан* / *диклул ялун цлу зурзу бан* ‘посыпать соль на мясо’, *оьрчлайн виргъан рутан* / *оьрчлал ялун виргъан рутан* ‘укрыть ребёнка одеялом’; *клунклурдуйн къалакьи лакьин* / *клунклурдул ялун къалакьи лакьин* ‘накрыть кастрюлю крышкой’.

Глаголы данной группы являются переходными, имя в номинативе является прямым дополнением, генитивно-послеложная конструкция выступает в роли косвенного дополнения, хотя по своей семантике может обозначать

объект, подвергающийся действию (см. ‘укрыть ребёнка’), а имя в номинативе может иметь значение средства или инструмента (*кьалакьи лакьин* ‘накрыть крышкой’, *цлу зурзу бан* ‘посыпать солью’).

Послелог-наречие **ялун** в сочетании с генитивом или без него (в редуцированном виде) часто употребляется с глаголами движения: *ялун нан* ‘надвигаться’, *ялун биян* ‘настичь’, *ялун бигьлан* ‘нападать; угрожать’, *ялун ххяххан* ‘напасть’, *ялун буцин* ‘навести’, *ялун буккан* ‘настичь, застать за чем-либо’, *ялун бакьин* ‘послать, направить на кого-л., наслать’, *ялун бучлан / ялун ликкан* ‘случиться (о неожиданных трудностях)’, *ялун буххан* ‘навестить’. Функция послелога-наречия близки к функции приставки (см. наличие приставки **на-** в русских переводах). Имя в генитиве обозначает косвенный объект, который подвергается воздействию:

(1) *Жува гайннал ялун гьарча, гайгу жула ялун бачинссар* ... ‘Если мы на них пойдем, и они пойдут на нас’ (И-Х.К., 147) .

(2) *Зу жул ялун ва бала бувицунни* ‘Вы навели эту беду на нас’.

В качестве послелога та форма имеет значение ‘сверх того, вдобавок’:

(3) *Вайннул (цала хьуслил) ялун Ттуплислия ...контрабандалул чараваннугу Гьумукун занай бия* ‘Сверх этого (своего товара) в Кумух из Тифлиса шли и караваны контрабанды’ (И-Х.К., 128).

Таким образом, лексема **ялун** в сочетаниях модели «генитив+ялун+глагол» является структурным, ограниченно автономным элементом составной глагольной единицы, а имя в номинативе выполняет самостоятельную функцию непрямого дополнения.

Сочетание «генитив + ялату» с послелогом в форме аблатива встречаются редко, доминирует форма местного падежа серии суперэссива с аффиксом **-я (-йа)** как в локативных, так и абстрактно-грамматических значениях. В составе устойчивых послеложно-глагольных сочетаний употребляется сокращённый вариант послелога наречия **яла** (с долгим закрытым /а/). Этот элемент выполняет функцию проклитики, приближаясь к глагольной приставке (превербу). Таких глаголов в языке сравнительно немного: *яла гьан* ‘уйти с кого-л., избавиться

от кого/чего-л.)', *яла багъан* 'отдалиться от близких', *яла бутан* 'отлучить', *яла ласун* 'избавиться'. Они обозначают непрямой объект и управляют не генитивом, а аблативом зависимого имени: *гъанминная яла багъан* 'отлучиться от родных', *бала яла гъан /ласун* 'быть избавленным от беды'.

Глагольные сочетания с компонентом лув 'внизу' и его локативные формы.

Наречия-клитики группы **лув** 'внизу' (*лув(н)* 'вниз', *лувату* 'снизу', *лултту* 'низом') в сочетании с генитивом в роли послелогов употребляются редко: с ними конкурируют падежи серии субэссива с формантом -лу (-лун, -ла(ту), -лух).

Вопрос о различиях падежных и послеложно-падежных форм специально исследованию не подвергался. В этом смысле уместно привести цитату из работы Л.И. Жиркова по лакскому языку: «Ввиду многочисленности лакских падежей некоторые исследователи лакского языка предпочитают считать ряд падежных форм падежными «послеложными». Однако согласиться с этим нельзя, ибо легко показать, что в лакском языке употребляются как падежные формы с падежными окончаниями, так и параллельные им словосочетания близкого значения, где за падежной формой с падежным окончанием следует действительно послелог, существующий в языке как отдельное слово. В следующем примере мы можем видеть и падежное окончание -лу (мест. пад. IV серии) «по чем-нибудь, и послелог *лув* «под..., внизу», требующий перед собою форму родительного падежа: *цулчIа та мурхьирал лув къатI хьусса чIанIалу лабивклун бур* «лиса под тем деревом под опавшими (букв. «сгрудившимися») листьями спряталась, (*мурхьирал* – форма родительного падежа от *мурхь* «дерево»; *чIанIалу* – форма местного падежа IV серии множественного числа от *чIанли* «лист»)» [Жирков 1955: 38]. При этом автор отмечает, что в том же тексте встретился случай замены падежного окончания соответствующим послелогом (*цулчIа та мурхьирал лув къатI хьусса чIанIал лув лабивклун бур*). Из этого автор делает вывод о том, что «значения послеложных сочетаний и соответ-

вующих падежных форм близки друг к другу и во многих случаях могут заменять друг друга...» [Жирков 1955: 38].

В роли послелога **лув** ‘вниз, внизу’ и его формы встречаются реже, чем формы локативов. В основном **лув** ‘внизу’ отмечено в роли препозитивного компонента устойчивых глагольных сочетаний. Такие сочетания часто эквивалентны приставочным глаголам в русском языке. К ним относятся сочетания с глаголами *багъан* ‘упасть, пасть’, *бутан* ‘бросить’, *бишин* ‘положить’, *лаян* ‘слежаться, уплотниться’, *щун* ‘коснуться’, *бацлан* ‘стать, остановиться’, *бизан* ‘поставить’, *лякъин* ‘найти’, *хьун* ‘стать’:

1) *лув багъан* 1) ‘упасть, лечь под кого-л.’ – *душманнал лув агъан* ‘лечь под врага’; 2) ‘выпасть вниз’ – *аьрици-ххюл лув багъну бур* ‘отходы (при очистке зерна) выпали вниз’;

2) *лув бутан* ‘свалить под себя’ – *Лачлун увкккун, Аьлил Оьмар лув увтунни* ‘В борьбе Али свалил Омара’;

3) *лув бишин* 1) ‘подложить’ – *кларалу лув бишин* ‘подложить подушку’; 2) ‘заложить’ – *хьу лув дирхьуну къатри ласун* ‘заложив землю, купить дом’; 3) ‘припорошить (о снеге)’ – *марххала лув бивхьуну бур* ‘снегом припорошило (землю), букв.: снег подложился’;

4) *лув лаян* ‘накопиться, подкопиться’ – *арцу лув лаллай дакъар* ‘невозможно накопить денег (не накапливаются)’;

5) *лув /лур щун* ‘скопиться’ – *цахъис арцу лур щувкун, ремонт данну* ‘немного скопим (сэкономим) денег и произведём ремонт’;

6) *лув бацлан* 1) ‘поручиться за кого-л.’ – *судрай члаххул танал лув бавцлуну бур* ‘на суде соседи за него поручились’; 2) удержать (о ноге) – *ччан лув къабавцлуну, багъунна* ‘нога не удержалась и (я) упала’;

7) (*ччан*) *лув бизан* ‘ступить (о ноге)’ – *ччан лув бизан къашай* ‘не могу ступить на ногу’;

8) *лув лякъин* ‘застать на месте кого-л.’ – *Кьурван къатлувун увххукун, лув лявкъуна Гьарун ва Саэд* ‘Когда в комнату вошёл Курбан, он застал Гаруна и Саэда’;

9) лув хьун ‘потерпеть поражение, уступить’ – лач1унуккавриву Муса лув хьуна ‘в борьбе Муса уступил’.

Другие формы наречия-последлога **лув** встречаются реже. Форма **луртту** ‘снизу, низом’ отмечена в следующих сочетаниях: *луртту уххан* ‘нырнуть’, *луртту уккан* ‘вынырнуть’, *луртту уруглан* ‘смотреть украдкой, подглядывать’, *луртту дугьан* ‘держат прикрыв, скрытно’, *луртту ритан* ‘пришить подкладку’. Некоторые из таких сочетаний, употребляясь в переносном смысле, могут иметь при себе зависимые имена в форме генитива: *цимурцаннул луртту уххан* ‘всё выявить, выяснить’, *луртту увгьусса ясус* ‘тайный шпион’ и под.

Форма **луvату** ‘из-под’ отмечена с глаголами *личин* ‘выбиться’, *бизан* ‘встать’: *ччанну лувату личин* ‘поскользнуться’, *хьуниминнал лувату бизан* ‘встать (с места), уступая старшим’.

Глагольные сочетания с компонентом **вив** ‘внутри’ и его локативных форм.

Наречия-клитики группы **вив** ‘внутри’, ‘внутри’ сопоставимы с падежными сериями инессива с формантом **-ву** (*къатлуvу* ‘в комнате’) и интерессива с формантом **-в** (*арив* ‘на равнине’). В формах инессива падежный аффикс **-бу** перешёл в **-ву** (ср. диал. *къатлубу*), а в формах интерессива классный показатель **-в** 1 класса в форме эссива «окаменел»: *ппу* (1 кл.) *арив лавгунни* ‘отец отправился на равнину’, *ятту* (3 кл.) *арив лавгунни*, *ттурзан* (4 кл.) *арив ларгунни* ‘отара направилась на равнину’. Но в направительном падеже падежный аффикс сохранил классные формы: *ппу аривай лавгунни*; *ятту ариппай лавгунни*; *ттурзан арирдай ларгунни*.

Падежные формы серии инессива (**-ву, -ва, -вух, -вун**) обозначают нахождение предмета в замкнутом пространстве. Формы интерессива (**-в, -я /-ату, -х, -в /-вн**) указывают на нахождение предмета в пределах названного пространства, которое может быть не ограниченным чёткими границами. Падежные формы наречия-клитикаи соотносятся с формами интерессива: *вив* ‘внутри’, *вивату* ‘изнутри’, *вивх* ‘по внутреннему пространству’, *вив(н)* ‘вовнутрь’.

В значении послелого в сочетании с генитивом лексема **вив** встречается редко: *кулпатрал вив бумур вив бити* 'то, что внутри семьи, оставь внутри'. В словаре И.Х. Абдуллаева приводятся примеры превращения послелога-наречия **вив** в преверб (приставку): *вибагъан* 'осесть, провалиться', *вибуцан* 'надорваться', *вибуцIин* 'накипеть (внутри у кого-л.)' и др. (более десятка образований).

В качестве клитики **вив** 'внутри', 'внутрь' отмечен при глаголах *багъан* 'пасть', *бакъин* 'загнать'; *бугъан* 'держать', *бюкъан* 'утонуть', *буххан* 'войти', *лаган* 'пойти', *ласун* 'взять', *итабакъин* 'пустить' в следующих устойчивых глагольных сочетаниях:

вив багъан 'провалиться, ввалиться' – *магъи вив дагъну дур* 'крыша ввалилась'; генитив + *вив бакъин* 'внушить' – *мукуасса пикри тайннал вив бакъин* 'внушить им такую мысль'; *вив бугъан* 'держат в себе'; *вив бюкъан* 'ввалиться (о глазах)'; генитив + *вив буххан* 'вникнуть' – *цимурцаннул вив бувххун* 'вникнув во всё', *вив лаглан* 'ходить под себя', *вив ласун* 1) 'впитать, вобрать в себя' – *бувсмур вив ласун* 'впитать сказанное', 2) окружить – *душман вив ласун* 'окружить врага'; *вив итабакъин* 'впустить (в голову), понять' – *бувккумур вив итабакъин* 'прочитанное впустить в голову'.

Другие пространственные формы наречия-послелога встречаются реже. Форма *вивату* 'изнутри' употреблена в основном в значении наречия: *вивату хавсса* 'пустой изнутри', *вивату дуккан* 'достать (вынуть) изнутри'; *вивату аьнт дан* 'запереть (дверь) изнутри'; *вивату аьян* 'сгнуть изнутри'.

В устойчивом словосочетании форма использована с глаголом *кьуцIу* *улан* 'терзаться' – *вивату кьуцIу улан* 'терзаться, мучиться'.

Форма транслатива *вийх* в значении послелога 'сквозь, изнутри' употребляется в сочетании с генитивом: *ккулла къатлул вийх бувккунни* 'пуля прошла сквозь комнату'. В сочетании с глаголом *бичин* 'высыпать' наречие-предлог образует фразеологизм *вийх бичин* 'выпотрошить' (при убое скота). Таким образом, падежи серии инессива и интерэссива обслуживают пространственные значения, а наречие в значении послелога и глагольной про-

клитики выполняет в основном функцию вспомогательного компонента при аналитическом словообразовании.

Наречия-последлоги *ч1арав* ‘рядом, вблизи’ и *ч1арац1* ‘у, около’

Параллельно с сериями местных падежей адессива и контэссива употребляются и последлоги *ч1арав* и *ч1арац1*. В роли падежных формантов серии адессива выступают **-ч1а, -ч1ату, -ч1ах, -ч1ан, -ч1анмай**. Форма транслатива с аффиксом *-ч1ах* в литературном языке не употребляется, если заменён сочетанием последлога с генитивом: *къатрач1ах* (диал.) – *къатрал ч1арах* (лит.) ‘мимо дома’. Падежные формы эссива и латива данной серии чаще употребляются в субъектно-объектных значениях, а пространственные значения обслуживаются последложно-падежными формами. Ср.: *оьрч1 буттач1а* ур ‘мальчик находится у отца’ – *къатрал ч1арав багъ бур* ‘рядом с домом находится сад’; *буттач1ату оьрч1 ниттил увцунни* ‘мать отвела мальчика от отца’ – *къаишавайсса буттал ч1арату душ къабувкъунни* ‘дочь не отошла от больного отца’.

Последлог **ч1арав** имеет, наряду с начальной формой (эссивом), формы элатива (*ч1арату*), транслатива (*ч1арах*), терминатива (*ч1арав/ч1аравн*) и вариативные формы аллатива (*ч1арав-ай /ч1арав-н-ай*).

В некоторых случаях последлог *ч1арав* и его формы совмещают и значения глагольной клитики: *ч1арав бац1ан* ‘оказать содействия’ – *гьарца иишраву ч1аххул жул ч1арав бац1ай* ‘во всех случаях соседи нам содействуют (рядом становятся)’; *ч1арав щун* ‘задеть’ – *вил махъру ттул ч1арав щунни* ‘твои слова задели меня’; *ч1арату гьан* ‘покинуть’ – *нину-ппу (жул) ч1арату лавгунни* ‘родители покинули нас’; *ч1арату укьан* ‘отойти, удалиться’ – *укьу ттул ч1арату* ‘уйди от меня’; *ч1араппай хьун* ‘придвинуться’, *ч1араппай бан* ‘придвинуть’; *ч1арах буккан* ‘пройти мимо, пропустить’ – *шин ч1арах дурккунни* ‘прошёл год’.

Серия контэссива с падежными формантами **-ц1, -ц1а (-ту), -ц1ух, -ц1ун, -ц1ун-м-ай** в современном лакском языке теряет пространственную семантику в пользу абстрактно-грамматической, субъектно-объектной семантики. Некоторые

формы эссива перешли в разряд наречий: *бакIрацI* ‘у изголовья’, *ччаннацI* ‘у изножия, у ног’, *дакIницI* ‘у сердца’ (*дакIницI бавцIуну бикIан* ‘быть предметом переживаний’). Направительный падеж (аллатив) всех серий в основном употребляется в наречной функции. В связи с процессом потери пространственной семантики серией контэссива, в необходимых случаях в локативной функции выступает послелог **чIарацI** в сочетании с генитивом: *къатри муруллул чIарацI дур* ‘дом находится у самого обрыва’. Послелог *чIарацI* употребляется редко, поскольку его значение передаётся и послелогом *чIарав*.

Послелог-наречие **махъ** ‘позади, сзади’

Сочетания с послелогомг **махъ** сопоставимы с падежами серии постэссива с сериальными формантами **-х, -ха, -хух, -хун, -хун-м-ай**, но их значения несколько различаются: формы серии постэссива указывают больше на близость к ориентиру и непостоянство этой локации: *нузах ацIан* ‘стоять у двери’, *хьулух щяикIан* ‘сидеть у порога (перед входом в дом, во дворе)’, *хьулухун нан* ‘идти по двору, по пространству около порога’, *хьулухун уккан* ‘выйти во двор’ и т.д. Формы падежей постэссивной серии активно используются как абстрактные грамматические падежи, управляемые глаголами разной семантики, например: *душних урган* ‘посмотреть на девушку’, *гъат-тараха къуллугъ буллан* ‘ухаживать за скотиной’, *даврихун бахчилан* ‘мешать работе’ и т.д. В связи с этим значение ‘позади, сзади’ передаётся сочетанием послелога **махъ** с генитивом. Он имеет соответствующие формы лативов: *махъа* ‘сзади’, *махъух* ‘сзади, через заднюю сторону’, *махъун* ‘назад’, *махъун-м-ай* ‘назад, обратно’. Последний падеж, как и в других сериях, приобрёл наречное значение, а также употребляется в составе аналитических глаголов *махъунай хъун* ‘отодвинуться’, *махъунмай бан* ‘отодвинуть’ и под.

Приведем примеры использования послеложно-падежных форм в пространственном значении: (1) *Та зунттул махъ шяравалу дуссар* ‘За той горой находится село’; (2) *Зунттул махъа ттурлу гъаз хъанай дур* ‘И-за горы поднимается туча’; (3) *Шяраваллил махъух ххулу буссар* ‘За селом проходит до-

рога'; (4) *Къатрал махъун* къун ккуру лавгун бур 'За дом скатился валун'; (5) *Зул махъ* жу буссару. 'Мы находимся за вами (вас поддерживаем)'.

Послелог этой группы употребляются и в составе устойчивых сочетаний, в которых генитив при его наличии выступает в грамматических (субъектно-объектных) значениях. Такие сочетания отмечены с разными формами послелога-клитики. Отметим некоторые из них: *махъ бацлан* 'поддержать (стоять за спиной)', *махъ дишин* 'отложить про запас'; *махъа зун* 'делать что-л. за спиной', *махъа хъян* 'смеяться за спиной'; *махъун багъан* 'отстать', *махъун бутан* 'опередить кого-л.', *махъун щун дан* 'сэкономить'; *махъунмай хъун* 'отступить, воздержаться'.

Таким образом, значения падежей постэссива (нахождение позади ориентира) передают послеложно-именные сочетания серии **махъ**, в роли приглагольной клитики данный послелог выполняет и словообразовательные функции.

Послеложные конструкции, не соотносительные с сериями пространственных падежей

В лакском языке имеется ряд пространственных послелогов, значения которых не грамматикализованы падежными сериями. К ним относятся **хъхъич1** 'впереди', **хъирив** 'после, следом', **дянив** 'среди', **лагма** 'вокруг', **лях** 'между'. В некоторых случаях послеложные функции усматриваются в формах **зуманив** 'на краю', **чулух** 'сбоку', **къат1ув** 'вне (дома)' и подобных лексемах, которые в данном случае нами не рассматриваются.

Сочетания с послелогом хъхъич1 'впереди'. Послелог **хъхъич1** имеет формы, соотносительные с формами серий местных падежей: **хъхъич1а** 'спереди', **хъхъич1ух** 'по пространству впереди', **хъхъич1ун** 'вперёд' и **хъхъич1унмай** 'по направлению вперёд'. В значении послелога они сочетаются с генитивом: *судрал хъхъич1 ацлан* 'стать перед судом', *машиналул хъхъич1а букъан* 'отойти от машины (спереди машины)', *халкъуннал хъхъич1ух занан* 'ходить перед людьми', *хъаммаллурал хъхъич1ун буккан* 'выйти навстречу гостям', *ччат1 ттул хъхъич1унмай бува* 'хлеб придвинь ко мне'.

Послеложные конструкции с генитивом могут иметь как пространственные, так и субъектно-объектные значения. Сочетания с наречиями-послелогом употребляются и в переносных значениях, образуя устойчивые сочетания, например:

1) **хьхьич1** *бац1ан* ‘выстоять, заслонить собой’ (*душманнал хьхьич1 бац1ан* ‘выстоять перед врагом’); **хьхьич1** *ачин*, **хьхьич1** *хьун* ‘идти впереди’ (*кьюкьлул хьхьич1 ачин* ‘идти во главе отряда’), **хьхьич1** *бишин* ‘поднять вопрос’ (*масъала собраниелул хьхьич1 бишин* ‘поставить вопрос перед собранием’), **хьхьич1** *бакьин* ‘погнать перед собою’;

2) **хьхьич1а** *укьан* ‘уйти с глаз, уклониться’, **хьхьич1а** *ласун* ‘умереть (спереди взять)’, **хьхьич1а** *лихъан* ‘уклониться от встречи (убежать спереди)’, **хьхьич1а** *зун* ‘работать на кого-то’;

3) **хьхьич1ун** *багъан* ‘препятствовать’ (*ттул хьхьич1ун магъара* ‘не препятствуй мне’), **хьхьич1ун** *акьин* ‘выставить перед собой’, **хьхьич1ун** *уккан* ‘опередить’, **хьхьич1ун** *бутан* 1) бросить, расстелить впереди (*жалиндалул хьхьич1ун бартбису бутан* ‘расстелить ковёр перед невестой’), 2) упрекнуть, прикрыться (*багъана хьхьич1ун бутан* ‘повод бросить’), **хьхьич1ун** *ласун* ‘выказать уважение, поднять’, **хьхьич1ун** *личин* ‘выдвинуться вперёд’, **хьхьич1ун** *хяхххан* ‘выскочить вперёд’, **хьхьич1ун** *урган* (смотреть вниз перед собой) ‘выказать скромность’;

4) **хьхьич1ух** *занан* ‘ходить перед глазами’, **хьхьич1ух** *ккурун* ‘умолять, валяться в ногах’ и др.

Послелог-наречие **хьхьич1** может употребляться и во временном значении: *шинал хьхьич1* ‘за год до...’.

С формами **хьхьич1**, **хьхьич1ун** может употребляться сравнительный падеж (компаратив): *ч1аххураяр хьхьич1 гъан* ‘уйти раньше соседей’, *уссияр хьхьич1ун уккан* ‘опередить (выйти вперёд) брата’.

Сочетания с послелогом-наречием **дянив** ‘в середине’.

Лексема **дянив** соотносится с существительным **дя** ‘середина’. Обозначая пространственные и субъектно-объектные отношения, данная лексема ведёт себя как наречие-послелог. Как и другие локативные наречия-

послелого, она имеет формы эссива **дянив** ‘в середине’, аблатива **дянива** ‘с середины’, терминатива **дянив(н)** с выпадением конечного /н/, транслатива **дяних** ‘через середину’ и аллатива **дянивнмай** /**дяниппай**. Соотносительной падежной серии с таким значением в склонении существительных нет. Послелог-наречие **дянив** и его падежные формы сочетаются с генитивом. Послеложно-падежные формы могут иметь как пространственные, так и иные значения. Образуются и устойчивые глагольные сочетания с зависимым именем в генитиве: (*тайннал*) **дянив дагъан** ‘поссориться’, **дянив дичин** ‘внести раздор (в середину вбросить)’, **дянив ласун** ‘окружить (в середину взять)’, **дянив уххан** ‘вмешаться (войти в середину)’, **дянив дишин** ‘положить в середину (назначить пари)’, **дянив личлан** ‘не поделить что-л. (остаться с чем-то спорным)’.

Сочетания с другими послелогам

Послелог **хъири** ‘вслед, за’ не имеет других форм, похожих на серийные падежи. Как стандартный послелог сочетается с генитивом и образует устойчивые, семантически цельные сочетания с глаголом, многие из которых могут быть интерпретированы как аналитические глаголы. Приведём некоторые сочетания с разной степенью связанности:

хъири гъан ‘пойти за кем-/чем либо’, *хъири багъан* 1) погнаться; 2) преследовать; *хъири бацлан* ‘следить’, *хъири буккан* ‘искать, проявить беспокойство, тревогу по какому-л. поводу’, *хъири лаян* 1) ‘догнать’; 2) ‘разобраться’, *хъири лахъан* ‘наверстать’, *хъири овъчин* ‘окликнуть’ и др.

Фразовые примеры: (1) *Цахъардал къуманиву жу гайннал хъири лаунав* ‘В Цудахарской теснине мы их догнали’; (2) *Члатлул хъири лякъри лирхъун, шяраваллу клачла хъуну дур* ‘Брюхо побежало за хлебом, и многие сёла у нас опустели’; (3) *Оьлил хъири букки, газулия члал хъанай бур* ‘Выйдите на поиски коровы, задерживается из стада’.

Одиночным является и послелог **лагма** ‘вокруг’, который сочетается с ограниченным кругом глаголов: *батлин* ‘собраться’, *буккан* ‘выйти’, *ругъан* ‘осадить’: *ттугъчинал лагма бацлан* ‘стать вокруг знаменосца’, *къалалул*

лагма ругъан ‘осадить крепость’, *шыраваллил лагма буккан* ‘обойти вокруг села’, *пулаврал лагма буккан* ‘съесть весь плов’.

Послелог **лях, лях-лях** ‘между’ обозначает чередование концептов в пространстве или событий во времени: (1) *ЛачIал хъуруннил лях хъюрурал хъуругу дур* ‘Между полями пшеницы есть и поля гороха’; (2) *КъавтIарил лях-лях балайрдугу учайва* ‘Между танцами пели и песни’.

Послелог в функции компонентов сложных слов встречаются в словообразовании существительных: *хъхъичIмахъ* ‘предисловие’, *хъхъичIухдахIу* ‘передник’, *дянивчу* ‘посредник’, *ляхмарири* ‘незасеянные участки между посевами’ и др.

Изученный материал показывает, что группа слабо автономных лексем, которые в лингвистической традиции называются послелогам, послелогам-наречиями, выступают в сложные взаимоотношения с сериальными локативными падежами. Их синонимическое употребление весьма ограничено. Флексивные формы отражают тенденцию перехода в разряд грамматических падежей (серии суперэссива, постэссива, контэссива). Образуя послеложно-падежные сочетания, послелог, выступая одновременно и как глагольные предлоги (проклитики), близкие по значению к превербам и в отдельных случаях переходящие в превербы (например, *вибуцIин* ‘быть переполненным изнутри’).

Основная группа послелогов симметрична флексиям местных падежей (-й – *ялув*, -лу – *лув*, -ву – *вив*, -чIа – *чIарав*, -х – *махъ*), образуя соответствующие серию, включающую пять падежных форм. Сериальность наблюдается и в тех случаях, когда локация не грамматикализована в системе местных падежей имени, таковы послелог *хъхъичI* ‘впереди’ и *дянив* ‘среди’. Среди послелогов с пространственной семантикой только в одной форме употребляются *хъири* ‘за, вслед’, *лагма* ‘вокруг’ и *лях* ‘между’.

Послелогов с непространственным значением в языке немного. В основном это формы существительных в одном из косвенных падежей: *цIаний* ‘за, ради’ – форма суперэссива существительного *цIа* ‘имя’ (*ватандаул цIаний* ‘за

родину’); *xlakъираву* ‘по, по поводу’ – форма инессива от устаревшего *xlakъи* ‘справедливость’ (*му масъалалул xlakъираву* ‘по этому вопросу’).

Форма генитива в сочетании с послелогоми разной семантики и послелогоми-наречиями (послелогоми-клитиками) в лакском языке вступает в различные синтаксические отношения и выполняет разные синтаксические функции.

Проанализированный материал показывает, что генитив является одним из центральных падежей в лакском языке и отличается полифункциональностью. В препозиции к имени он выполняет атрибутивную функцию и равен относительному прилагательному, что подтверждает и непринятие им атрибутивного суффикса **-сса**, который свободно сочетается со всеми другими падежами, переводя их в разряд атрибутивов: *буттал къатта* ‘отцовский дом’ – *буттацалсса ихтилат* ‘разговор с отцом’, *буттаясса чагъар* ‘письмо от отца’, *буттахсса аякъа* ‘забота об отце’ и т.д.

3.6. Грамматические значения сериальных падежей

Выше мы рассмотрели значения ядерных падежей, к которым относятся номинатив, эрагатив, датив и генитив. Однако обязательные актанты глаголов (предикатов элементарной клаузы) кодируются и в сериальных падежах, которые в дагестанской лингвистической традиции называются местными. Промежуточное положение между местными и грамматическими падежами занимают падежи неполной серии посессива, по своим функциям тяготеющие к грамматическим падежам, а по формообразованию – к сериям местных (локативных) падежей.

Среди серий местных падежей грамматические (субъектно-объектные) значения приобрели падежи суперэссива (формант **-й**), пост-эссива (формант **-х**), конт-эссива (**-ц1**). Падежи конт-эссивной серии (**-ц1**, **-ц1а**, **-ц1ух**, **-ц1ун**) в локативной функции используются редко, некоторые падежные формы получили статус наречий или сохранились в сложных словах, например, *бак1рац1* ‘у изголовья’, *ччаннац1* ‘у ног’, *хъарац1* ‘у плеча’ (*хъарац1ка*

‘предплечье’), *кьунуцIа* ‘от основания’ и под. Наименее вовлечены в процесс грамматикализации падежи серии суб-эссива (-лу) и адессива (-чIа).

Грамматические значения неядерных падежей дальше рассматриваются по сериям. Внесистемные падежи отнесены к тем сериям, показатель которого присутствует в производной падежной форме: комитатив (-щал) примыкает к серии посессива, пермутатив (-хлу) – к серии пост-эссива. Компаратив (-яр) и падеж с формантом -йну (обозначает способ) в оформлении актантов не учатвуют.

3.6.1. Значения падежей посессивной серии

В посессивной серии *пос-эссив* (формант -хь) употребляется в двух основных значениях:

1) с глаголом существования *бикIан/бур* ‘быть’ обозначения субъект, в распоряжении которого находится объект: <у кого: пос-эссив; что: ном>: *танахь арцу дур* ‘у него деньги есть’;

2) при глаголах речи пос-эссивом кодируется семантическая роль адресата, вследствие чего данный падеж в школьном курсе лакского языка включён в состав грамматических падежей и назван *бусаврил падеж* ‘падеж сказания’: <кто: эрг.; кому: пос-эссив; что: ном.> *жагьилтурахь насихIат бусан* ‘молодёжи наставление сообщить (дать)’.

С первым из значений пос-эссива коррелирует значение *пос-латива* (формант -хьхьун), который при глаголах типа *дулун* ‘дать’ кодирует семантическую роль бенефактива: <кто: эрг.; кому: пос-латив; что: ном. >: *буттал ттухьхьун арцу дуллунни* ‘отец передал мне деньги’. Связь между этими двумя значениями соответствует схеме «действие (*дулун* ‘дать’) → результат (*дур* ‘есть’): *Буттал ттухьхьун арцу дуллунни* ‘Отец дал мне деньги’ – *Ттухь арцу дур* ‘у меня есть деньги’.

При глаголах *бириян* ‘попасть; прищемить’, *гьан* ‘оказаться (под властью; оказаться покрытым)’ глагол обозначает предмет, вызвавший состояние: *кьатIухьхьун бириян* ‘попасть в капкан’, *цIинцIахьхьун гьан* ‘быть засоренным’, *канихьхьун гьан* ‘пойти в руки, под чью-либо власть’.

Пос-элатив (формант **-ща** ← ***-хьхьа**) имеет несколько значений.

1. При модальных глаголах *бюхъан*, *хьун* ‘мочь’ в сочетании с инфинитивом основного глагола он кодирует субъект возможного действия: **<кто: пос-элатив: что: инфинитив>**: *танаща занан къашай* ‘он не может ходить’; *вища къабювхъунни цахъис хIаллай яхI бан* ‘ты не смог немного потерпеть’. Инфинитив или инфинитивный оборот в такой конструкции некоторые исследователи определяют как сентенциальный актант [Кибрик 2003]. Падеж в этом значении может быть назван поссибилативом, чаще он встречается в отрицательных предложениях. Поссибилатив под названием *шаврил падеж* ‘падеж возможности’ в курсе школьной грамматики включён в состав грамматических падежей, имя в поссибилативе определяется в качестве подлежащего. В некоторых работах конструкция с субъектом в этом падеже называется локативной конструкцией.

2. Падежом с формантом **-ща** (его называют и аблативом) кодируется и субъект непреднамеренного действия, при этом глагол имеет непереходное значение, модель управления: **<кто: пос-элатив; что: ном >**: *Ттуща бушкъ-ан дагъунни* ‘Я уронила тарелку (букв.:от меня упала тарелка)’; *Танаща ади-мина ивкIуссар* ‘Он (нечаянно) убил человека’ (диффузный глагол употреблён в непереходном значении, букв.: отменя умер мужчина).

3. Одним из значений пос-элатива является значение объекта при глаголах «отнимания»: *ласун* ‘взять’, *зеххин* ‘отнять’, *цIиккин* ‘выманить’ и др. Модель управления **<кто: эрг; у кого: пос-элатив; что: ном >**: ниттил *цIахъардаща хъюрт ларсун дия* ‘Мать купила груш у цудахарцев’. В ней пос-элатив вступает в противоположные отношения с дативом и пос-лативом (вторым дательным падежом): *оьрчIан дулун / орчIахъхьун дулун* ‘дать мальчику’ – *оьрчIаща ласун* ‘взять у мальчика’.

К падежам посессивной серии примыкает комитатив с формантом **-щал**. Имя в комитативе, сочетаясь с именем в номинативе, обозначает:

1) совместное действие субъектов: *дустуращал вацIлувун гъан* ‘пойти в лес вместе с друзьями’;

2) субъект взаимно-возвратного действия: *оьрчIащал илан* ‘драться с мальчиками’;

3) объект, находящийся при субъекте (часто орудие или инструмент): *кулунгирттацал, чIатIрацал ххулийн буккан* ‘выйти с кирками, лопатами на дорогу (ремонт дороги)’.

Совместный падеж («*цачIушиврул падеж*») входит в состав грамматических падежей школьного курса лакского языка.

3.6.2. Грамматические значения местных падежей

Из всех серий местных падежей (локативных падежей) наибольшую склонность к переходу в разряд грамматических падежей обнаруживают падежи серии *пост-эссива*: в субъектно-объектных значениях они сочетаются и с непроизводными, и с производными глаголами. Отметим некоторые значения падежей этой серии.

1. **Пост-эссив** (формант -х) при глаголах *буруглан* ‘смотреть’, *луглан* ‘искать’ обозначают *объект*, находящийся в поле внимания субъекта. Модель управления соответствует схеме <кто: ном.; на что/что: пост-эссив> – *та ттух урувгунни* ‘он на меня посмотрел’; *нину оьлих луглай дур* ‘мать ищет корову’.

Поскольку глагол *буруглан* имеет и переносное значение ‘присматривать, заботиться’, то пост-эссив сочетается и с составными предикатами данной семантики: *къашайшалах буруглан* ‘смотреть за больным’; *ниттих аякъа дан* ‘заботиться о матери (букв. заботу сделать)’. Составные глаголы с компонентом *бан/дан* (*аякъа дан* ‘позаботиться’, *къулагъас дан* ‘оказать внимание’) образуют эргативную конструкцию: *Нитти-буттал* (эрг.) *оьрчIал дуккаврих къулагъас дай* ‘Родители обращают внимание на учёбу детей’.

Одним из значений пост-эссива является *инструментальное* значение: *чIиллух ттархъ цлуцIин* ‘стесать палку ножом’; *кIичIалттух накъ рутIин* ‘разлить суп половником’; *тракторданух хъу гъайчин* ‘вспахать поле трактором’.

2. **Пост-элатив** (формант -ха) обозначает *объект* при глаголах *зун* ‘работать, заниматься’, *лацан* ‘походить, быть похожим’ модели <кто: ном.;

чем/на что: пост-элатив >: *гъаттараха* зун ‘заниматься скотоводством’; *буттаха* лацан ‘походить на отца’. При составных глаголах с компонентом *бан* (*къуллугъ бан* ‘осуществить уход’) пост-эссив присутствует в эргативной конструкции: *Багъманчинал* (эрг.) *багъраха* къуллугъ бай ‘Садовник хорошо осуществляет уход за садом’.

Одним из значений пост-эссива при некоторых глаголах речи является значение *объекта-адресата*, который является и темой речевого действия. К таким предикатам относятся глаголы, глагольные сочетания, например, *зукъ-лан* ‘благо желать’, *зайлан* ‘проклинать’, *балай тIун* ‘воспевать’. Они являются переходными и образуют номинативную или эргативную конструкцию в зависимости от вида глагола: *вирттавраха* балай тIун ‘воспевать героев’, *цуркинтраха* зайлан ‘проклинать воров’ и под.

3. **Пост-латив** (формант **-хун**) обозначает *объект* неблагоприятного воздействия на объект (речевого или физического) со стороны субъекта при предикатах типа *дяъван* ‘ругать’, *бахчилан* ‘мешать, приставать’, *кьючин* ‘теснить, пристать’, и под.: *нину ттухун* *дяъвантIиссар* ‘мать будет ругать меня’; *даврихун* *бахчилан* ‘мешать работе’. Глагол *бахчин* в прямом значении связан с физическим действием (событием) ‘споткнуться’: *ччан чарихун* *бахчунни* ‘нога споткнулась о камень’.

Глагол *бучIан/дучIан* в сочетании с пост-лативом приобретает значение ‘вдеть’: *ххалаххухун* *ххал дучIан* ‘вдеть нитку в иголку’

Некоторые глаголы приобретают конструктивно связанное значение в сочетании с пост-лативом. Ср. *багъан* ‘упасть’: *хIанттихун* *агъан* ‘увлечься выпивкой’; *дяъвай ттухун* *агъунни* ‘ругаясь, накинулся на меня’ *канихун* *агъан* ‘оказаться в беспомощном состоянии’ и др.

Пост-элатив имеет и сопроводительное значение с глаголами *букан* / *канан* ‘съесть/есть’: *нисирахун* *ччатI* *букан* ‘съесть хлеб с сыром’; *ницIахун* *чай хIачIан* ‘выпить чай с мёдом’; *ччергъилттухун* *балай учин* ‘спеть песню в сопровождении с бубном’ и под.

4. **Пост-транслатив** (форман –хух) в грамматическом значении менее употребителен. Глагол *гьан /лаган* ‘уйти’ в сочетании с этим падежом имеет конструктивно обусловленное значение ‘увлечься чем-либо, погрузиться во что-либо’: *музыкалухух лавгун ур* ‘(он) увлечён музыкой’.

К серии пост-эссива примыкает и **пермутатив** (формант -хлу), или заместительный падеж. Он имеет следующие значения:

1) заместительное: *буттахлу яттичлан гьан* ‘пойти к овцам (пасти) вместо отца’;

2) целевое («ради»): *ватандалухлу жан харж лан* ‘отдать жизнь за родину’.

В субъектно-объектных значениях употребляются и падежи серии **суперэссива**.

1. Эссив данной серии, **супер-эссив** (формант -й), обозначает субъект или объект в сочетании с предикатами, выраженными устойчивыми глагольно-именными сочетаниями, в состав которых входят глаголы **хьун** ‘стать’, **бан** ‘сделать’. По семантике это могут быть предикаты становления качества и соотносительные с ними переходные глаголы, аффективные глаголы. Например: *ай хьун* ‘провиниться’ – *оьрчлай ай хьунни* ‘мальчик провинился’ (субъект); *ай дан* ‘обвинить’ – *буттал арснай ай дурунни* ‘отец упрекнул сына’ (значение прямого объекта); *цлими хьун* ‘пожалеть’ – *ттун кьужлуй цлими хьунни* ‘Мне жалко стало старика’ (суперэссив в семантической роли Стимула) и под.

Суперэссив встречается при глаголах, обозначающих действия, связанные с одеванием: *баклай кьяна бишин* ‘надеть шапку на голову’, *ччаннай ус лаххан* ‘надеть обувь на ноги’, *чурххай янна лаххан* ‘надеть одежду на тело’ (непрямой объект).

Суперэссив входит в устойчивые сочетания с разными глаголами в переносных значениях: *даврий итан* ‘дать работу (поставить на работу)’, *ччаннай ацлан* ‘стать на ноги’, *даклний биклан* ‘помнить’ и т.д. В большинстве из них имя в таких конструкциях является частью семантического неразложимого предиката.

Глагол (*ссай-бунугу*) *буккан* с конструктивно-связанным значением ‘играть (во что-л.)’ управляет суперэссивом: *чагъардай буккан* ‘играть в карты’, *лакIрай (лабикIурттай)* *буккан* ‘играть в прятки’ и др.

2. **Супер-элатив** (формант **-я**) при глаголах речи *бусан* ‘сообщить’, *цIуххин* ‘спросить’ обозначает тему: *вирттаврая бусан* ‘рассказать о героях’, *кулпатрая цIуххин* ‘спросить о семье’. С глаголами с ментальным значением супер-элатив обозначает источник информация, знания: *луттирая буккин* ‘прочитать из книги’; *кказитирттая кIул хьун* ‘узнать из газет’.

3. **Супер-транслатив** (формант **-йх**), как отмечалось выше, употребляется при глаголах внешнего воздействия, к которым относятся непроизводные глаголы типа *рищун* ‘ударить’, *дугъан* ‘помазать’, *дуккан* ‘покрыть слоем’, обозначая орудие или средство: *ттуккуйх ттархь рищун* ‘ударить осла палкой’, *мурччайх помада дугъан* ‘смазать губы помадой’, *дувссилийх къалай дуккан* ‘покрыть медь полудой’ и под. В этом ряду могут быть и сложные глаголы и фразеологизированные сочетания, например, *ках учин* ‘погладить’ – *бакIрайх ках учин* ‘погладить по голове’; *шярайх уклан* ‘побираться’, *щийх-унугу уккан* ‘поддаться на провокацию’ (*щарссанил мазрайх увккун, ссийщал рагъну ур* ‘поддавшись языку жены (пойдя по языку жены), поссорился с сестрой’).

4. **Супер-латив** (формант **-йн**) в составных переходных глаголах с компонентом *учин/тIун* замещает «нейтрализованное» глаголом прямой объект (звукоподражательный по происхождению комплекс): *буттайн оввчин* ‘позвать отца’, *щинайн ххув учин* ‘испить воды (ххув ‘глоток’)’; *кIиссурайн къацI учин* ‘укусить палец’; *ччаврайн птай учин* ‘поцеловать в щёку’ и др.под. Конструкции с такими глаголами соответствуют модели <кто: эрг.; что: супер-латив >, то есть эргативная конструкция не соответствует канонической модели: пациенс кодирован не номинативом, а косвенным падежом.

Супер-латив встречается также во фразеологизированных сочетаниях: *чарийн уккан* ‘превратиться в камень’, (*аьркинсса лу*) *бакIрайн багъан* ‘попасться случайно (о нужной книге)’ и под.

Серия конт-эссива (формант **-ц1**) является ущербной, в пространственных значениях падежи этой серии малоупотребительны.

В грамматических значениях употребляются конт-элатив (**-ц1а**), конт-латив (**-ц1ун**) и конт-транслатив (**-ц1ух**).

1) **Конт-элатив** при глаголе *хьун* ‘стать’ / *бан* ‘сделать’ обозначает объект, которого субъект лишается: <кто: ном./ эрг.: чего: конт-элатив>: *къатрац1а хьун* ‘лишиться дома’ – *къатрац1а бан* ‘лишить дома’.

При составном глаголе *къанкъ хьун* ‘приобрести запах’, *къанкъ дик1ан* ‘иметь запах’ конт-элатив обозначает субъект состояния: *дик1уц1а къанкъ хьуну дур* ‘мясо приобрело (плохой) запах’ / *дик1уц1а къанкъ дур* ‘мясо пахнет (не свежее)’.

В сочетании с глаголом существования конт-элатив обозначает родителя: *Пат1иматлул цалчинма ласнац1а арс уссар* ‘У Патимат есть сын от первого мужа’.

2) **Контлатив** при глаголах *лач1ун* ‘уцепиться, вцепиться’, *ххаваххан* ‘зацепиться’ обозначает объект, который контактирует с субъектом: *Айшат арснац1ун ларч1уна*. ‘Айшат вцепилась (крепко обняла) сына’; *Ттул гьухь-уц1ун ццац ххававххунни* ‘К моему платью пристали колючки’.

3) **Конт-транслатив** (формант **-ц1ух**) встречается с предикатами горения, обозначая объект, который подвергается горению: *ц1у лач1ун* ‘загореться’, *ц1у дишин* ‘затопить’ (*ххалабак1уц1ух ц1у ларч1ун дур* ‘стог загорелся’, *бярэц1ух ц1у дишин* ‘затопить кизяком’).

Этот падеж означает также средства, достаточные для какого-либо дела: *пенсиялуц1ух ялапар хъанан* ‘жить на пенсию’.

Выводы по 3-й главе

Многопадежная система лакского языка взаимодействует с семантикой глагола и принимает непосредственное участие в образовании структурно-семантических типов предложения.

Ядерные падежи номинатив, эргатив, датив, генитив в сочетании с непроизводными (базовыми) глаголами составляют ядро соответствующих конструкций, кодируя семантические роли ядерных актантов.

К ядерным падежам, кодирующим главных участников ситуации, которые традиционно называются субъектом и прямым объектом, относятся *номинатив, эргатив, датив I и генитив*. В число ядерных падежей может быть включён и *посс-элатив (аблатив, поссибилатив)*, который выступает в роли субъекта при модальных глаголах *бюхъан / хъун* ‘мочь’.

Среди грамматических падежей на роль ядерных падежей в лакском языке, кроме *номинатива и эргатива*, претендуют ещё три падежа – *генитив, датив и аблатив*, кодирующие синтаксическую роль подлежащего (субъекта) в элементарном предложении.

В лакском языке, на наш взгляд, существует ещё одна серия местных падежей, объединяющая существительные, пространственные наречия и послелогии, не включенные в систему местных падежей. Эссив этой серии образован от прямой основы непосредственно или с огласовкой при помощи аффикса *-в*, который этимологически возводится к классному показателю 1-го грамматического класса: Следовательно, можно констатировать наличие в лакском языке и 8-ой серии пространственных падежей, которая объединяет слова разных частей речи (существительных, наречий, послелогов) в одну морфологическую категорию с обобщённым значением локализации и общими формально-грамматическими признаками.

Следует отметить, что падежное словоизменение в лакском языке, как и в других дагестанских языках, свойственно не только именам, но и другим

классам слов, в частности послелогам, пространственным наречиям, конвербам с пространственными значениями.

Главным, основным падежом всей падежной системы лакского языка следует признать *номинатив*: 1) он является основным средством номинации предметных имён; 2) у него нет формального показателя (нулевой падежный аффикс); 3) он является контролёром личного и классного согласования в составе элементарного предложения (клаузы).

Второй по значимости падеж – *эргатив /генитив* с аффиксом -л. Третий самостоятельный, не сериальный падеж – *датель*, показатель падежа -н. Остальные падежи являются сериальными. Некоторые падежи по своему образованию не входят в состав ядерных субъектно-объектных падежей, они не входят и в состав сериальных падежей. Они образованы как бы путём сложения аффиксов разных падежей или других частей речи. К таким падежам могут быть отнесены следующие падежи: 1) *комитатив*, 2) *пермутатив*, 3) *инструменталь*, 4) *компаратив*, 5) *вокатив*.

Таким образом, в лакском языке можно отметить наличие 45 падежных форм. Центральное место в системе склонения лакского языка занимает номинатив (именительный падеж), на базе которого образуются все остальные падежи.

Номинатив и в синтаксисе занимает центральное место, определяется как ядерный падеж и претендует на роль подлежащего элементарного (простого) предложения. Такое положение обусловлено тем, что именной член в номинативе является контролёром классного согласования всех членов предложения, изменяющихся по классам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая результаты комплексного исследования семантики и синтаксиса лакского глагола, мы констатируем, что глагол, занимая центральное место в системе исследуемого языка, с одной стороны, отражает в своем значении все сферы семантического пространства языка, с другой стороны, формально выражает фрагмент модели поверхностного синтаксиса естественного языка. Синтаксические конструкции лакского глагола рассматриваются во взаимодействии с семантикой, выявлены семантико-синтаксических разряды глагола и представлены модели управления глаголов.

Учитывая, что формообразование и словообразование глаголов характеризуется наличием аналитических структур, одной из задач своего исследования мы считали необходимость разграничения разных типов аналитических структур. Особое внимание мы при этом уделяем таким недостаточно изученным категориям, как категория фазовости, эвиденциальности и залога. Эти категории участвуют во взаимодействии с категориями вида, вида с лексико-грамматической категорией переходности-непереходности

Наличие в языке сложных и составных глаголов, компонентами которых выступают имена и звукоподражательные комплексы в сочетании с переходными глаголами (типа *кумаг бан* «помочь», *mlankl учин* «прыгнуть»), детерминирует противоречия между семантикой и синтаксисом: непереходные по семантике глаголы образуют эргативные конструкции. В связи с такими особенностями в номинативной системе глагола мы обратили особое внимание на составные глаголы и их семантику.

В лакском языке сравнительно немного корневых глаголов конкретной семантики, поэтому значительное место в создании словесной картины мира занимают архилексемы, глаголы с обобщённой семантикой, значение которых конкретизирует контекст и фоновые знания носителей языка, например, *къатри дан* «построить дом», *дукра дан* «приготовить еду», *усру дан* «произвести обувь», *оьрчl бан* «родить ребёнка» и т.д. Учитывая такие особенности языка, в работе подробный семантико-синтаксический анализ таких архилек-

сем («быть», «стать», «сделать»). Также подробно описывается и глагол речи *учин/тIун* «сказать/говорить», который играет значительную роль в глагольном словообразовании не только лакского, но и других дагестанских языков.

Рассматривая лексико-семантические разряды непроеизводных глаголов, в работе внимание обращается на системные отношения внутри глаголов. Противопоставление глаголов *нан* «идти» и *занан* «ходить» по признаку векторности используется при противопоставлении по этому признаку других глаголов движения и перемещения: *лехлан* «летать» – *левххун нан* «лететь». Противопоставление по направленности движения между глаголами *гъан/лаган* «уйти» – *бучIан* «прийти», в условиях отсутствия в языке превербов или приставок, используется для противопоставления по этому признаку и других глаголов движения: *левххун гъан* «улететь» – *левххун бучIан* «прилететь». Также отмечается, что в языке мало глаголов, противопоставленных по признаку переходности – непереходности своими корнями, типа *багъан* «упасть» – *бутан* «уронить». Однако присутствует ряд диффузных переходно-непереходных глаголов, значение которых выявляется в контексте, а также в составе многозначных глаголов в одних значениях глагол может быть переходным, а в других – непереходным (*зунттуйн лахъан* «взобраться на гору» – *зунтту лахъан* «преодолеть гору»). Но в целом переходные глаголы образуются от непереходных путём каузативной деривации при помощи вспомогательного глагола *бан* «сделать»: *гъан* «пойти» – *гъан бан* «послать». А в составных глаголах такое противопоставление осуществляется антонимичными по этому признаку вспомогательными глаголами *хъун* «стать» и *бан* «сделать»: *мацI хъун* «очиститься» – *марцIбан* «очистить».

Развитие полисемии демонстрируется на анализе глаголов движения, наиболее богато представленных в лакском языке.

Описание синтаксических конструкций глагола предваряется анализом падежной системы лакского языка, поскольку семантика глагола и семантика сочетającego с ним падежной формы теснейшим образом взаимосвязаны. Значения падежей рассматриваются вместе с конструкциями, названными по падежу главного ядерного актанта. В зависимости от семантики и синтаксиса таких конст-

рукций, кроме известных во всех дагестанских языках номинативной, эргативной и дативной, мы указываем также на две семантические разновидности генитивной конструкции и POSSIBILITY-аблативную (аблативную) конструкцию.

Можно отметить ограниченность значений эргативного и номинативного падежей. Эргатив замещается номинативом при глаголах *дура* дуративного вида (*Ниттил оьл ттивзунни* «Мать подоила корову» – *Нину оьл ттизлай дур* «Мать доит корову»). Значение эргатива в конструкциях типа *Магьи мурчал ларсунни* «Крышу снесло ветром» или *лу канил бугьан* «взять в руки (рукой)» могут рассматриваться соответственно как орудийное (причинное) и инструментальное.

Датив и генитив имеют и другие значения, которые подробно рассматриваются в работе.

Грамматические значения отмечены не только у падежей серии посессива (адресата, малефактива, комитатива), но и у падежей локативных серий. При этом можно отметить, что падежи серии контэссива почти не употребляются в локативных значениях (*-цла, -цлун, -цлух*), приобретая грамматические значения при глаголах и конструкциях, содержащих сочетающиеся с их значениями семы (*хъуслицла хъун* «остаться без имущества», *гъухъуй банд лачлун* «пришить пуговицу на платье», *тланнуцлух цлу* дишин затопить дровами) и под. Грамматические значения приобрели и падежи серии пост-эссива и суперэссива.

Общим результатом исследования семантики и синтаксиса глагольных конструкций лакского языка является вывод о тесной связи глагольной лексики и падежной семантики. Подтверждается мнение исследователей дагестанских языков о том, что эти языки являются семантически эргативными языками. При этом можно утверждать, что язык не ограничивается только этими конструкциями. Сфера физического действия укладывается в два вида конструкции – номинативный и эргативный виды, но сфера восприятия, ментальных и эмоциональных состояний не ограничена только дативной конструкцией, в ней отмечена и генитивная, и аблативная конструкции, возможно, в зависимости от установки исследователя, могут быть обнаружены и другие типы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаев В.И. Выступление на дискуссии по вопросам омонимии // Лексикогр. сборник. Вып. 4. – М.: Прогресс, 1960. – С. 71–76.
2. Абдуллаев З.Г. Категория грамматических классов и вопросы исторической морфологии лакского языка. – Махачкала, 1974. – 217 с.
3. Абдуллаев З.Г. Очерки по синтаксису даргинского языка. – М.: Наука, 1971. – 479 с.
4. Абдуллаев З.Г. Проблемы эргативности даргинского языка. Аспекты типологического исследования / отв. ред. Б.Г. Ханмагомедов. – М.: Наука, 1986. – 372 с.
5. Абдуллаев З.Г. Эргативная конструкция предложения в горских письменных языках Дагестана // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов: (Исследования и материалы). – Л.: Наука, 1967. – 312 с.
6. Абдуллаев И.Х. Лакско-русский словарь. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2018. – 980 с.
7. Абдуллаев И.Х. Школьный русско-лакский словарь. – Махачкала: Лотос, 2009.
8. Абдуллаев И.Х., Эльдарова Р.Г. Вопросы лексики и словообразования лакского языка. – Махачкала: ДГУ, 2003. – 137 с.
9. Абдуллаев И.Х., Категория грамматических классов и вопросы исторической морфологии лакского языка. – Махачкала, 1974.
10. Абдуллаев И.Х. Лакский язык в историко-сравнительном освещении. Морфология.– Махачкала: ИЯЛИ, 2010. – 368 с.
11. Абдуллаев И.Х. Обратный словообразовательно-морфемный словарь = Лакку мазрал махъа-хъхъичІунмайсса словарь. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2014. – 197 с.
12. Абдуллаев С.Н. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). – Махачкала, 1954 . 215 с.
13. Акуева А.А. Причастие в лакском языке: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.02. – Махачкала, 2006. – 159 с.

14. Алексеев М.Е., Климов Г.А. Типология нахско-дагестанских языков // Типология кавказских языков. – М.: Наука, 1980. – 304 с.
15. Алексеев М.Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. – М.: Наука, 1985. – 158 с.
16. Алексеев М.Е. Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. – М., 1988.
17. Аналитические конструкции в языках различных типов: сборник статей. – М.; Л.: Наука. 1965. – 343 с.
18. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 367 с.
19. Апресян Ю.Д. Синтаксис и семантика в синтаксическом описании // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М.: Наука, 1969. – 330 с.
20. Апресян Ю.Д. Типы коммуникативной информации для толкового словаря // Язык: система и функционирование: Сборник научных трудов. – М.: Наука, 1988. – 270 с.
21. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
22. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип. (Структура и значение). – М.: Русский язык, 1983. – 198 с.
23. Арутюнова Н.Д. Синтаксис // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.
24. Арутюнова Н.Д. Синтаксис. Общее языкознание. Внутренняя структура языка / отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1972. – 564 с.
25. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка, событие, факт. – М.: Наука, 1988. – 338 с.
26. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – 3-е изд. / пер. с фр. Е.В. и Т.В. Вентцель / ред., вступ. статья и примеч. Р.А. Будагова. – М.: Иностранная литература, 1955. – 416 с.
27. Баширова Ж.Д. Структурно-семантические типы простого предложения в лакском языке. – Махачкала: ДГУ, 2011. – 160 с.

28. Белошапкова В.А. Современный русский язык: Синтаксис. – М.: Высшая школа, 1977. – 248 с.
29. Бенвенист Э. Именное предложение // Общая лингвистика / пер. с фр. / под ред., с вступ. статьей и коммент. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс, 1974. – 446 с.
30. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 204 с.
31. Богуславский И.М. Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов / отв. ред. А.П. Ершов. – М.: Наука, 1985. – 175 с.
32. Бокарев А. А. Синтаксис аварского языка. – М.–Л.: 1-я тип. Акад. наук СССР, 1949. – 279 с.
33. Бокарев Е.А. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков: материал к курсу. – Махачкала, 1961. – 99 с.
34. Бокарев Е.А. Выражение субъектно-объектных отношений в дагестанских языках // Известия АН СССР. ОЛЯ. Вып. I. – 1948. – Т. V. – С. 57–68.
35. Булыгина Т.В., Селиверстова О.Н., Ишевская Н.А. и др. К построению типологии семантических предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / отв. ред. О.Н. Селиверстова. – М.: Наука, 1982. – 365 с.
36. Бурчуладзе Г.Т. Вопросы становления личного спряжения в лакском языке // Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Т. VIII. –Тбилиси, 1979. – С. 176 – 246 с.
37. Бурчуладзе Г.Т. Глагольное словообразование в лакском языке. – Тбилиси, 1993 (на груз. яз., резюме на рус. яз.).
38. Бурчуладзе Г.Т. Лакский глагол. – Тбилиси, 1987 (на груз. яз., резюме на рус. яз.).
39. Бурчуладзе Г.Т., Основные вопросы падежного состава и процессов склонения имён существительных в лакском языке. – Тбилиси 1986 (на грузинском языке).
40. Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса (От Ломоносова до Потебни и Фортунатова). – М.: МГУ, 1958. – 400 с.

41. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка) // Исследования по русской грамматике: избранные труды / предисл. Н. Шведовой. – М.: Наука, 1975. – 559 с.
42. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. – М.: МГУ, 2000. – 501 с.
43. Гаджиев М. М. Синтаксис лезгинского языка. – 2 т. Ч. 1: Простое предложение. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1954–1963. – 196 с.
44. Гаджиев М. М. Синтаксис лезгинского языка. – 2 т.; Ч. 2: Сложное предложение. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1954–1963. – 200 с.
45. Гайдаров Р.И., Гюльмагомедов А.Г., Мейланова У.А., Талибов Б.Б. Современный лезгинский язык / отв. ред. М.Е. Алексеев. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2009. – 480 с.
46. Гайдарова Ф.А. Падежи и их функции в лакском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1971. – 21 с.
47. Гайдарова Ф.А. Функции местных падежей в лакском языке // Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков: материалы 4-й региональной научной сессии по ист.-сравнит. изучению иберийско-кавк. яз. – Нальчик, 1977. – 308 с.
48. Гайдарова Ф.А. Эргативная конструкция в лакском языке // Иберийско-кавказское языкознание. Т. XVIII. – Тбилиси, 1973.
49. Гак В.Г. Десемантизация языкового знака в аналитических структурах синтаксиса // Аналитические конструкции в языках различных типов. / отв. ред. В.М. Жирмунский и О.П. Суник. – М.–Л.: Наука, 1965. – С. 129–143.
50. Гак В.Г. К проблеме синтаксической семантики: семантическая интерпретация «глубинных» и «поверхностных» структур // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения: доклады на конференции по теорет. проблемам синтаксиса. – М.: Наука, 1969. – 180 с.
51. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1986. – 219 с.
52. Гасанова С.М. Глагол в даргинском языке. – Махачкала, 1961.

53. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Ч. 2. Синтаксис. – 4-е изд. – М.: Просвещение, 1973. – 350 с.
54. Гигинейшвили Б.К. Падежная система общедагестанского языка в свете общей теории эргативности // Вопросы языкознания. – 1976. – № 1. – С. 38–39.
55. Грамматика современного русского литературного языка / ред. С.Н. Дмитренко и др. / отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1970. – 767 с.
56. Дешериева Т.И. Отношение эргативной конструкции предложения к номинативной, генитивной, дативной конструкциям // Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков: материалы 4-й региональной научной сессии по ист.-сравнит. изучению иберийско-кавк. яз. – Нальчик, 1977. – 308 с.
57. Дешериева Т.И. Схема залоговой дифференциации в языках эргативной типологии // Актуальные проблемы дагестанско-нахского языкознания: Сборник статей / отв. ред. Г.А. Климов. – Махачкала, 1986. – 147 с.
58. Джидалаев Н.С. Тюркизмы в дагестанских языках: Опыт историко-этимологического анализа / отв. ред. Н.З. Гаджиева. – М.: Наука, 1990. – 241 с.
59. Дирр А.М. Глагол в кавказских языках // Эргативная конструкция предложения. – М., – 1950. – 216 с.
60. Дирр А.М. Рутульский язык // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Вып. 42. – Тифлис, 1911.
61. Долинина И.Б. Системный анализ предложения: на материале английского языка. – М.: Высшая школа, 1977. – 174 с.
62. Есперсен О. Философия грамматики / пер. с англ. В.В. Пассека и С.П. Сафроновой / под ред. и с предисл. Б.А. Ильиша. – М.: Иностранная литература, 1958. – 400 с.
63. Жирков Л.И. Лакский язык: Фонетика и морфология // Академия наук СССР. Институт языкознания. – М.: Акад. Наук СССР, 1955. – 160 с.
64. Жирмунский В.М. Об аналитических конструкциях // Аналитические конструкции в языках различных типов: сборник статей / отв. ред. В.М. Жирмунский и О.П. Суник. – М.–Л.: Наука, 1965. – 343 с.
65. Загиров В.М. Лексика табасаранского языка. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1981. – 108 с.

66. Залоговые конструкции в разноструктурных языках / отв. ред. В.С. Храковский. – Л.: Наука, 1981. – 286 с.
67. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. – М.: Изд-во Московского университета, 1976. – 307 с.
68. Звегинцев В.А. Понятийные категории и универсальная грамматика // Иберийско-кавказское языкознание. Т. XVIII. – Тбилиси: Мецниереба, 1973.
69. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
70. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М.: Наука, 1973. – 351 с.
71. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / отв. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1988. – 439 с.
72. Золотова Г.А., Осипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: МГУ, 1998. – 524 с.
73. Казенин К.И. Синтаксис современного лакского языка. – Махачкала: Aleph, 2013. – 327 с.
74. Казенин К.И. Синтаксические ограничения и пути их объяснения: на материале дагестанских языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – М., 1997. – 280 с.
75. Какваева С.Б. Классно-числовое согласование в лакском языке // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – № 7. – С. 128–131.
76. Какваева С.Б. Классно-числовое согласование в лакском языке // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. История, педагогика, филология. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – № 7. – С. 128–132.
77. Какваева С.Б. Особенности личного спряжения глагола в лакском языке // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – № 9. – С. 156–158.
78. Какваева С.Б. Семантика и синтаксис глагольных номинаций с компонентами учин *-mIун* в составе словосочетания и предложения // Проблемы эффективного использования научного потенциала общества: сборник статей

по итогам Международной научно-практической конференции 18 августа 2019 г. – Стерлитамак, 2019. – С. 26–28.

79. Какваева С.Б. Субстантивные словосочетания с приименным генитивом в лакском и русском языках // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – Махачкала, 2009. – № 1 (6). – С. 65–67.

80. Калинина Е.Ю., Бонч-Осмоловская А.А., Добрушина Н.Р., Казенин К.И. и др. Предложения с именным сказуемым // Элементы цахурского языка в типологическом освещении / ред.-сост. А.Е. Кибрик; соредактор Я.Г. Тестелец. – М.: Наследие, 1999. – 943 с.

81. Каллаева Л.Т. Инфинитив в лакском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Каллаева Людмила Тахировна. – Махачкала, 2017. – 26 с.

82. Карцевский С.И. Повторительный курс русского языка. – М.–Л.: Госиздательство, 1928. – С. 29–30.

83. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. – М.: Наука, 1988. – 311 с.

84. Каяев А. Грамматика лакского языка / под ред. Р.Г. Эльдаровой. – Махачкала: ДИНЕМ, 2009. – 402 с.

85. Керимов К.Р. Контрастивная аспектология лезгинского и русского языка. – Махачкала, 2002. – 266 с.

86. Кибрик А.Е. Константы и переменные языка = Constants and variables of language. – СПб.: Алетейя, 2003. – 719 с.

87. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... докт. филол. наук в форме научного доклада: 10.02.19 / А.А. Кибрик. – М., 2003. – 90 с.

88. Кибрик А.Е. Конструкции с сентенциальным актантом в дагестанских языках // Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. – М.: МГУ, 1992. – 336 с.

89. Кибрик А.Е. Материалы к типологии эргативности. 2. Лакский язык. 3. Чирагский язык. Вып. 127. – М., 1979. – 51 с.

90. Кибрик А.Е. Подлежащее и проблема универсальной модели языка // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1979. – Т. 38, № 4. – С. 309–317.

91. Кибрик А.Е. Предикатно-аргументные отношения в семантически эргативных языках // Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. – М.: МГУ, 1992. – 336 с.
92. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 225 с.
93. Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 366 с.
94. Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание / отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1986. – 208 с.
95. Климов Г.А. Очерк общей теории эргативности. – М.: Наука, 1973. – 264 с.
96. Климов Г.А. Принципы контенсивной типологии. – М.: Наука, 1983. – 224 с.
97. Климов Г.А., Алексеев М.Е. Типология кавказских языков. – 2-е изд. / отв. ред. С.М. Хайдаков. – М.: URSS, 2010. – 300 с.
98. Климов Г.А., Алексеев М.Е. Типология кавказских языков. – М., 1980. – 304 с.
99. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 350 с.
100. Ковтунова И.И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. – М.: Просвещение, 1976. – 239 с.
101. Кокорина С.И. О семантическом субъекте и особенностях его выражения в русском языке. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 77 с.
102. Курбайтаева Н.Б., И.И. Эфендиев. Словарь арабских и персидских заимствований в лакском языке. – Махачкала, 2002. – 130 с.
103. Курбанова З.Г. Деепричастие в лакском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. – Махачкала, 2007. – 21 с.
104. Курилович Е. Основные структуры языка: словосочетание и предложение // Очерки по лингвистике: сборник статей / пер. с польского, фр., англ., нем.. – М.: Иностранная литература, 1962. – 456 с.
105. Лайонз Д. Введение в теоретическую лингвистику / пер. с англ. яз. / под ред. и с предисл. В.А. Звегинцева. – М.: Прогресс, 1978. – 543 с.

106. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. – 2-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 1986. – 176 с.
107. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.
108. Ломтев Т.П. Основы синтаксиса современного русского языка. – М.: Учпедгиз, 1958. – 167 с.
109. Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории / вступ. статья Л.А. Новикова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 198 с.
110. Магомедова П.А. Семантика и синтаксис аварского глагола (опыт семантической интерпретации синтаксиса). – М., 2006. – 344 с.
111. Магомедова Э. К. Отглагольные субстантивы в лакском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Магомедова Эмилия Кадировна; – Махачкала, 2009. – 22 с.
112. Магометов А.А. Каузатив в лакско-даргинской группе дагестанских языков // ЕИКЯ. Т. IV. – Тбилиси, 1987.
113. Магометов А.А. Субъектно-объектное согласование глагола в лакском и даргинском языках // Ежегодник иберийско-кавказских языков. Т. III. – Тбилиси, 1976.
114. Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. – М.: Языки славянских культур, 2005. – 478 с.
115. Маллаева З.М. Видо-временная система аварского языка. – Махачкала, 1998. – 154 с.
116. Маллаева З.М. Грамматические категории аварского языка (модальность, залоговость). – Махачкала: Юпитер, 2002. – 192 с.
117. Маллаева З.М. Каузативная диатеза аварского языка // Актуальные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. – Махачкала, 2000.
118. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. – М.: Прогресс, 1967.
119. Махмудова С.М. Морфология рутульского языка. – М.: Советский писатель, 2001. – 256 с.
120. Мельчук И.А. Русский язык в модели «Смысл-Текст». – М.–Вена: Школа «Языки русской культуры»: Венский славистический альманах, 1995. – 715 с.

121. Мещанинов И.И. Глагол. – Л.: Наука, 1982. – 272 с.
122. Мещанинов И.И. Новое учение о языке. Стадиальная типология: Курс лекций / сост. на основе конспекта студента ЛИФЛИ Б. Карповича, с соответ. доп. – Л.: Соцэкгиз, 1936. – 343 с.
123. Мещанинов И.И. Номинативное и эргативное предложения: Типологическое сопоставление структур / отв. ред. В.З. Панфилов. – М.: Наука, 1984. – 294 с.
124. Мещанинов И.И. Структура предложения. – М.–Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 104 с.
125. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1945. – 321 с.
126. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. – Л.: Наука, 1978. – 387 с.
127. Мещанинов И.И. Эргативная конструкция в языках различных типов. – Л.: Наука, 1967. – 248 с.
128. Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка). – М.: Высшая школа, 1974. – 156 с.
129. Муркелинский Г.Б. Глаголы переходные и непереходные в лакском языке (тезисы) // ЕИКЯ. Т. VI. – Тбилиси, 1977.
130. Муркелинский Г.Б. Грамматика лакского языка. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1971.
131. Муркелинский Г.Б. Лакский язык // Языки народов Российской Федерации. – М., 1967. – С. 488–507.
132. Муркелинский Г.Б. Лакский язык: учебник для 8-9-х кл. – 7-е изд. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1995. – 122 с. (на лакском языке).
133. Муркелинский Г.Б. О причастных, деепричастных и масдарных конструкциях в дагестанских языках // УЗИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР.– Махачкала, 1964. – Т. 12. – С. 3–16.
134. Муркелинский Г.Б. О сложноподчиненном предложении в дагестанских языках // Вопросы описательных грамматик языков Северного Кавказа и Дагестана: материалы объедин. науч. сессии Ин-та языкознания АН

СССР и Кабард.-Балкар. науч.-исслед. ин-та. – Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1963. – 171 с.

135. Мусаев М.-С.М. Лексика даргинского языка (сравнительно-исторический анализ). – Махачкала: ДГУ им. В.И. Ленина, 1978. – 129 с.

136. Муталов Р.О. Глагол даргинского языка. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2002. – 216 с.

137. Мухин А.М. Структура предложений и их модели. – Л.: Наука, 1968. – 230 с.

138. Мухин А.М. Функциональный синтаксис. – СПб.: Наука, 1999. – 184 с.

139. Недялков В.П. Результативные конструкции в немецком языке и типология результатов: избранные работы / отв. ред. Э. Генюшене. – СПб.: Нестор-История, 2017. – 326.

140. Очерки по лексике литературных языков Дагестана / отв. ред. М.И. Магомедов, сост. Н.С. Джидалаев. – Махачкала: Aleph: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2014. – 461 с.

141. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: (Референц. аспекты семантики местоимений) / отв. ред. В.А. Успенский. – М.: Наука, 1985. – 271 с.

142. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса: материалы к трансформационной грамматике русского языка. – М.: Наука, 1974. – 184 с.

143. Падучева Е.В. Родительный субъект в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // Вопросы языкознания. 1997. – № 2. – С. 101–116.

144. Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

145. Петерсон М.Н. Очерк синтаксиса русского языка. – М.: Гос. изд-во; Петроград: Гос. изд-во, 1923. – 129 с.

146. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – 7-е изд. – М.: Учпедгиз. Мин. просвещения РСФСР, 1956. – 511 с.

147. Плунгян В.А. Общая морфология: введение в проблематику. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 383 с.

148. Плунгян В.А. Почему языки такие разные? – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. – 272 с.

149. Рахилина Е.В., Тестелец Я.Г. Типология и теория языка. От описания к объяснению. = Typology and linguistic theory. From description to explanation: сборник научных статей к 60-летию Александра Евгеньевича Кибрика. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 639 с.

150. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис / Е.А. Брызгунова, К.В. Габучан, В.А. Цикович и др. / ред. Шведова Н.Ю. – М.: Наука, 1980. – 709 с.

151. Саидов М.Д. Аварско-русский словарь: Около 18000 слов: с прил. краткого граммот. очерка авар. яз. / сост. М.Д. Саидова. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – 806 с.

152. Самедов Д.С. Некоторые вопросы лексики арчинского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1975. – 29 с.

153. Семантика и синтаксис конструкций с предикатными актантами // Типологические методы в синтаксисе разносистемных языков: материалы всесоюзной конференции. – Л., 1981. – 108 с.

154. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи / пер. с англ., прим. и введ. ст. А.М. Сухотина / предисл.: С.Л. Белевицкого. – М.–Л.: Соцэкгиз, 1934. – 223 с.

155. Словосочетания даргинского языка и их изучение в школе: К проблеме структуры и функций глагольных словосочетаний. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1982. – 92 с.

156. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / пер. с фр. яз. / под ред. А.А. Холодовича; вступ. ст. А.А. Холодовича и др. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.

157. Стеблин-Каменский М.И. О предикативности // Вестник Ленингр. ун-та. Серия Истории, языка и литературы Вып. 4. – 1956. – № 20. – С. 129–137.

158. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика. – М.: Наука, 1981. – 361 с.

159. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. – М.: Просвещение, 1975. – 271 с.

160. Степанов Ю.С. Предикация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.

161. Сулейманов Н.Д. Глагольная фразеология агульского языка. – Махачкала: Дагестанский научный центр Российской академии наук, 2002. – 191 с.
162. Сулейманова З.И. Соотношение между глаголами речи в русском и лакском языках // Филологические очерки: сборник статей / отв.ред. Г.Г. Буржунов. – Ростов-на-Дону, 1973. – 131 с.
163. Сулейманова П.А. Глагольные словосочетания пространственного значения с зависимым именем в родительном и винительном падежах и их соответствия в лакском языке: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М.: 1969. – 34 с.
164. Сулейманова П.А. Синтаксис глагольных словосочетаний в лакском литературном языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1992. – 59 с.
165. Сулейманова П.А. Словосочетания в лакском языке и их изучение в школе. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1989. – 102 с.
166. Тарланов З.К. Методы и принципы лингвистического анализа. – Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 1995. – 188 с.
167. Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.
168. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / пер. с франц. И.М. Богуславского и др. / вступ. ст., общ. ред. В.Г. Гака. – М.: Прогресс, 1988. – 653 с.
169. Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникатив. Перспектива высказывания. Определенность/неопределенность / А.В. Бондарко, В.Гладров, И.Б. Долинина и др. / отв. ред. А.В. Бондарко. – СПб.: Наука, 1992. – 303 с.
170. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. – М.: РГГУ, 2001. – 796 с.
171. Типология каузативных конструкций: Морфологический каузатив: коллективная монография / рук. группы А.А. Холодович. – Л.: Наука, 1969. – 311 с.
172. Топуриа В.Т. Синтаксическая конструкция в лакском языке. // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов: тезисы докладов на открытом расширенном заседании Ученого совета Ин-та языкознания АН СССР. – Л., 1964.
173. Топуриа Г.В. Эргатив самостоятельный и эргатив совмещающий, их функции в иберийско-кавказских языках // Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков: материалы 4-й региональной научной

сессии по ист.-сравнит. изучению иберийско-кавказских языков. – Нальчик, 1977. – 308 с.

174. Топуриа Г.В. Эргатив, инструменталис и эргативная конструкция // ЕИКЯ. Т. V. – Тбилиси, 1988.

175. Услар П.К. Этнография Кавказа // Языкознание. В 6-ти т. / вступ. ст. М.Р. Завадского. – Тифлис: Упр. Кавк. учеб. округа, 1887–1896. – Т. 6: 22. Аварский язык. – 1889. – 552 с.

176. Услар П. К. Этнография Кавказа // Языкознание / вступ. ст. М.Р. Завадского. В 6-ти т. – Тифлис: Управление Кавк. учеб. округа, 1887–1896. – Т. 6: 22. Лакский язык: Прил.: 1). Письма П.К. Услара к А.А. Шифнеру и 2) Казикумыкская азбука. – 1890. – 486 с.

177. Услар П.К. Этнография Кавказа // Языкознание / вступ. ст. М.Р. Завадского. В 6-ти т. – Тифлис: Упр. Кавк. учеб. округа, 1887–1896. – Т. 6 т.; Чеченский язык. – Тифлис, 1888. – 429 с.

178. Уфимцева А.А. Лексическая номинация (первичная, нейтральная) // Языковая номинация: виды наименований / отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1977. – 356 с.

179. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика / пер. с англ. / сост., общ. ред. и вступ. ст. В.А. Звегинцева. – М.: Прогресс, 1981. – 568 с.

180. Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая семантика Вып. X. / пер. с англ.; сост., общ. ред. и вступ. ст. В.А. Звегинцева. – М.: Прогресс, 1981. – 568 с.

181. Фортунатов Ф.Ф. Язык в процессе мышления и в процессе речи. Сравнительное языковедение (извлечения) // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. В 2 ч. – 3-е изд., доп. – М.: Просвещение, 1964–1965. – 2 т. Ч. 1. – 1964. – 466 с.

182. Фридман В. Очерки лакского языка. – Махачкала, 2011. – 168 с.

183. Хайдаков С. М. Очерки по лакской диалектологии / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1966. – 244 с.

184. Хайдаков С.М. Лакско-русский словарь: Около 13 000 слов / сост. С.М. Хайдаков / под ред. и с прил. грамматич. таблиц лакского яз. проф. Л.И. Жиркова; Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. – М.: ГИС, 1962. – 422 с.
185. Хайдаков С.М. Логическое ударение и членение предложений // Актуальные проблемы дагестанско-нахского языкознания: сборник статей. / отв. ред. Г.А. Климов. – Махачкала, 1986. – 147 с.
186. Хайдаков С.М. Очерки по лакской диалектологии / АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1966. – 244 с.
187. Хайдаков С.М. Очерки по лексике лакского языка / Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – 199 с.
188. Хайдаков С.М. Своеобразие эргативной конструкции в лакском языке // ИКЯ. Т. XIV. – Тбилиси, 1964, – С. 334-340.
189. Хайдаков С.М. Система глагола в дагестанских языках: на материале авар., арчин. и цахур. яз // АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1975. – 276 с.
190. Ханмагомедов Б.Г.-К. Очерки по синтаксису табасаранского языка. / Дагест. науч.-исслед. ин-т школ им. А. А. Тахо-Годи. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1970. – 220 с.
191. Холодович А.А. Типология пассивных конструкций: Диатезы и залоги / отв. ред. А. А. Холодович. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. – 380 с.
192. Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Вып. II. – М.: Прогресс, 1962. – 686 с.
193. Храковский В.С. (ред.) Залоговые конструкции в разноструктурных языках. – Л.: Наука, 1981. – 286 с.
194. Храковский В.С. Пассивные конструкции // Типология пассивных конструкций: Диатезы и залоги / отв. ред. А.А. Холодович. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. – 380 с.
195. Храковский В.С. Понятие сирконстанта и его статус // Семиотика и информатика: сборник научных статей. Вып. 36. / ред.: В.А. Успенский. – М.: Языки славянской культуры, 1998. – 418 с.
196. Церцвадзе И.И. К вопросу об эргативном падеже в лакском языке // ИКЯ. Т. XVI. – Тбилиси, 1968 (на груз. яз., резюме на рус.).

197. Чаплыгина Т.Е. Биноминативные предложения как коммуникативная разновидность простых и сложных глагольных конструкций: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 1994. – 25 с.
198. Чейф У. Значение и структура языка / пер. с англ. Г.С. Шура; послесл. С.Д. Кацнельсона. – М.: Прогресс, 1975. – 432 с.
199. Чикобава А.С. К вопросу о взаимоотношении мышления и речи в связи с ролью коммуникативной функции // Язык и мышление. – М.: Наука, 1967. – С. 16–30.
200. Чикобава А.С. К вопросу о синтаксисе и некоторых особенностях предикативной синтагмы в иберийско-кавказских языках // Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков: тезисы докладов Кабард.-Балкар. научно-исслед. ин-т истории, яз., литературы и экономики при Совете Министров КБАССР. Четвертая регион. науч. сессия по ист.-сравнит. изучению иберийско-кавказ. яз. – Нальчик, 1971. – 101 с.
201. Чикобава А.С. Несколько замечаний об эргативной конструкции // Эргативная конструкция предложения. – М., 1950. – С. 8–10.
202. Члены предложения в языках различных типов. Мещаниновские чтения: доклады / отв.ред. В.М. Жирмунский. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. – 131 с.
203. Шамсудинова С.Э. Словообразование глаголов в лакском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2009. – 22 с.
204. Шамсудинова С.Э. Словообразование глаголов в лакском языке: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Шамсудинова Сельминаз Эфендиевна. – Махачкала, 2009. – 187 с.
205. Штанчаев Ш. М. Определение и способы его выражения в лакском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02. – Махачкала, 2001. – 18 с.
206. Шухардт Г. О пассивном характере переходного глагола в кавказских языках // Эргативная конструкция предложения. – М., 1950.
207. Шухардт Г. Об активном и пассивном характере переходного глагола // Эргативная конструкция предложения. – М., 1950.
208. Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность:

сборник работ / ред. Л.Р. Зиндер, М.И. Матусевич; АН СССР. Отделение литературы и языка. Комиссия по истории филологических наук. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1974. – 427 с.

209. Элементы цахурского языка в типологическом освещении / ред.–сост. А.Е. Кибрик. – М.: Наследие, 1999. – 943 с.

210. Эльдарова Р.Г. К вопросу о семантической структуре минимального предложения в лакском языке // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии: материалы региональной научной конференции, посвященной 65-летию кафедры дагестанских языков Даггосуниверситета. – Махачкала, 1997. – 252 с.

211. Эльдарова Р.Г. К вопросу о теории предложения в дагестанских языках // Вестник Дагестанского государственного университета = Herald of Daghestan state university. Вып. 3: Гуманитарные науки. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1999. – 223 с.

212. Эльдарова Р.Г. К вопросу о типологии сложных предложений в лакском языке // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии / Отв.ред. Мусаев М. Вып. 3. – Махачкала, 2001. – 344 с.

213. Эльдарова Р.Г. Лакский глагол (Структура и семантика глагольного слова. Категории вида и залога. Вербойды). – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1993. – 50 с.

214. Эльдарова Р.Г. Лакский глагол/система глагольного словоизменения. – Махачкала, 2000. – 75 с.

215. Эльдарова Р.Г. Личные и неличные предложения в лакском языке// Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру: тезисы докладов II Международного конгресса. Симпозиум VII. – Пятигорск, 1998. – 54 с.

216. Эльдарова Р.Г. Структурно-семантические типы вопросительных предложений в лакском языке // Семантика языковых единиц разных уровней. Вып. 4. – Махачкала, 1998. – 50 с.

217. Эльдарова Р.Г. Структурно-семантические типы сказуемых в лакском языке // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии / отв.ред. М. Мусаев. Вып. 2. – Махачкала, 2001. – 254 с.

218. Эльдарова Р.Г. Типы аналитических конструкций в лакском языке // Достижения и современные проблемы развития науки в Дагестане: тезисы

докладов Международной научной конференции, посвященной 275-летию РАН и 50-летию ДНЦ РАН (гуманитарные и общественные науки). – Махачкала, 1999. – 272 с.

219. Эльдарова Р.Г. Формальная структура минимального предложения в лакском языке // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. – Махачкала, 1995.

220. Эргативная конструкция предложения: сборник статей / сост. Е.А. Бокарев; вступ. ст. проф. А.С. Чикобава. – М.: Иностранная литература, 1950. – 219 с.

221. Этнография Кавказа // Языкознание / вступ. ст. М.Р. Завадского. Т. 1–4; 6. – Тифлис: Упр. Кавказского учебного округа, 1887–1896. – Т. 6. Чеченский язык: с прил.: 1) Писем П.К. Услара и статей его: а) Кое-что о словесных произведениях горцев; в) Об исследовании кавказских языков и с); Нечто об азбуках кавказских горцев; 2) Соч. А. Шифнера: Tschetschenzische studien в пер. с нем. языка и 3) Чеченских пословиц и рассказов о Наср-Эддине из Букваря И. Бартоломея. – 1888. – 429 с.

222. Языки народов СССР. Т. 4. Иберийско-кавказские языки / отв. ред. Е.А. Бокарев, К.В. Ломтатидзе. – М.: Наука, 1967. – 713 с.

223. Ярцева В.Н. О синтаксической роли прямого дополнения в языках разных типов // Члены предложения в языках различных типов. Мещаниновские чтения: доклады / отв. ред. В.М. Жирмунский. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1972. – 131 с.

224. Яхонтов С.Е. Классы глаголов и падежное оформление актантов // Проблемы теории грамматического залога / отв. ред. В.С. Храковский. – Л.: Наука, 1978. – С. 102–108.

225. Яхонтов С.Е. Классы глаголов и падежное оформление актантов // Проблемы теории грамматического залога: сборник статей / отв. ред. В.С. Храковский. – Л.: Наука, 1978. – 288 с.

226. Яхонтов С.Е. Формальное определение залога // Типология пассивных конструкций: Диатезы и залогов / отв. ред. А. А. Холодович. – Л.: Наука, 1974. – 80 с.